УРАЛЬСКИЙ

серия

ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД
ТРЕХГОРНЫЙ

Ядерный щит Родины

АРСЕНАЛ

серия

УРАЛЬСКИЙ

ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД

Ядерный щит Родины

ТРЕХГОРНЫЙ

АРСЕНАЛ

Южно-Уральское
книжное
издательство
Челябинск
2000

ББК 31.4
Щ36

Издано по заказу
Приборостроительного завода, г. Трехгорный
Серия "Уральский арсенал"

Ответственный за выпуск, составитель *Л. П. Щедрин*
Редактор-составитель *А. П. Моисеев*
Фотографии *Александра Еремина, Игоря Белостоцкого*

Щ36 Ядерный щит Родины. Приборостроительный завод, г. Трехгорный. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, Юж.-Урал. изд.-торг. дом, 2000. — 304 с.
ISBN 5-7688-0760-8

Урал — опорный край державы, ее добытчик и кузнец. Эта крылатая фраза как нельзя точно передает особое место края в истории России. Ради укрепления оборонной мощи страны была заложена уральская индустрия, и вот уже три века это арсенал Отечества. Во все века в самом передовом — в изобретениях и разработках, технике и технологиях — Урал был первым в российской оборонной индустрии. И закономерно, что у истоков новой эры в истории страны и всего человечества — атомной эры стоит Урал. В этом эпохиальном деле особая роль выпала Челябинской области. Не случайно здесь целых три атомограда — Озерск, Снежинск и Трехгорный. Вчера еще номерные, за семью печатями, челябинские атомограды были мало кому известны. Сегодня пришло время рассказать об этих городах, о людях, построивших их, истинных героях труда во имя Родины, которыми мы должны гордиться. Эта книга — открытие градообразующего предприятия одного из челябинских атомоградов. Знакомьтесь — Приборостроительный завод. Город Трехгорный.

ББК 331.4

ISBN 5-7688-0760-8

© Приборостроительный завод, г. Трехгорный, 2000.
© Л. П. Щедрин,составительство, 2000.
© В. Г. Витлиф, художественное оформление, 2000.
© Южно-Уральское книжное издательство, 2000.
© Южно-Уральский издательско-торговый дом, 2000.

АТОМНАЯ ЭРА. ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИСТОК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вчера еще писать об этом нельзя было и мечтать. Открытость и гласность, пока едва ли не единственные достижения горбачевской перестройки и последующего десятилетия, как и с многого иного, сбросили покров сверхсекретности и с атомной главы отечественной истории. И мы узнали не только об ядерных вождях, но и о каждом поименно из до того безвестных нам "знаменитых без фамилий", внесших особый вклад в Урановую проблему. Так именовалась наша ядерная программа, советский Манхэттенский проект (американский вариант) по созданию атомной бомбы. Узнали, что, где и когда делалось. Узнали о наших сверхсекретных номерных атомоградах. И оказалось, только в нашей области их три — Челябинск-65 и Челябинск-70, Златоуст-36. Впрочем, номера уже стали забываться. Все они обрели "гражданские" имена — Озерск, Снежинск, Трехгорный — и открытую прописку на карте. И оказалось, по числу земляков, славных граждан Отечества, судьбою связанных с Южноуральем, сыгравших приметную роль в становлении страны ядерной державой, по местоположению атомных объектов наша область выделяется особо. Именно у нас один из самых приметных истоков Атомной эры в истории страны, истории человечества.

С чего началось? Об этом уже написаны книги. Мы же предоставим слово автору малоизвестных воспоминаний М. Г. Первухину. Он — в начале начал. Он — самый близкий земляк трехгорненцев. Родился в Юрюзанском заводе, так раньше называли город Юрюзань. По сути, его слово было первым в Урановой проблеме. Имя другого земляка трехгорненцев И. В. Курчатова общеизвестно. Западный угол Челябинской области называют родиной Курчатова.

Он родился в Симском заводе (ныне г. Сим). С местным приборостроительным заводом у трехгорненцев деловые связи со времен "Хозяйства Володина".

ВОСПОМИНАНИЯ М. Г. ПЕРВУХИНА

"Мне посчастливилось принимать участие в организации работ по решению атомной проблемы с самых первых дней. Помню хорошо, как в тяжелые дни войны, весной 1942 года, меня вызвал В. М. Молотов и поручил ознакомиться с солидным докладом иностранных ученых на тему об атомной энергии, который он мне лично передал. В этом докладе освещались вопросы возможности получения цепной ядерной реакции в уран-графитовом реакторе и методы выделения урана-235 диффузионным и электромагнитным способами.

Ознакомившись с докладом, я через несколько дней зашел к В. М. Молотову и рассказал ему о содержании доклада. "По моему мнению, — сказал я, — речь идет об очень крупном открытии в области физики атомного ядра". Далее добавил, что считаю необходимым поручить группе ученых-физиков ознакомиться с докладом иностранных ученых и дать свое заключение.

В. М. Молотов со мной согласился и поручил подобрать такую группу ученых. Из физических институтов я больше всего знал Ленинградский физико-технический институт Академии наук и был лично знаком с директором института академиком А. Ф. Иоффе, а также с рядом ученых этого института. Посоветовавшись с товарищами, знавшими состав научных работников-физиков, я остановил свой выбор на И. В. Курчатове, А. И. Алиханове и И. К. Кикоине. Получив согласие В. М. Молотова, я пригласил к себе в Кремль этих, тогда еще совсем молодых ученых, и попросил их ознакомиться с указанным выше докладом и дать письменное заключение о том, насколько правильны сведения, изложенные в нем.

Изучив доклад, И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, И. К. Кикоин написали заключение, в котором дали положительную оценку достоверности сведений, приведенных в докладе. Они высказались за то, чтобы немедленно организовать в наших физических институтах широкие научно-исследовательские работы по ядерной физике, по созданию уран-графитового реактора и установок по разделению естественного урана диффузионным и электромагнитным способами. Вопросы возможности получения цепной ядерной реакции ис-

следовались у нас и ранее, в частности, в физико-техническом институте, но были прерваны из-за войны. Заключение ученых я передал В. М. Молотову, который доложил о нем Политбюро ЦК ВКП(б).

В начале 1943 года вышло решение Правительства СССР об организации Лаборатории № 2, начальником которой был назначен И. В. Курчатов. Подыскивая необходимые помещения, мы с Игорем Васильевичем осмотрели недостроенные здания Института экспериментальной медицины в Покровском-Стрешневе. В одном из корпусов, подведенных под крышу, было решено организовать основную лабораторию по ядерной физике. В течение примерно года этот корпус был закончен и оборудован необходимой аппаратурой. Вся территория бывшего Института экспериментальной медицины была закреплена за лабораторией И. В. Курчатова...

В мае 1944 года мы с Игорем Васильевичем написали в Политбюро ЦК (И. В. Сталину) записку, в которой коротко осветили положение с работами по атомной проблеме и высказали тревогу относительно медленного разворота работ. (...) Мы предложили создать в правительстве специальный комитет под руководством одного из членов Политбюро — заместителя Председателя СНК СССР. В связи с большими задачами, стоящими перед химической промышленностью по восстановлению разрушенных предприятий, я не мог оказывать помощь лаборатории И. В. Курчатова в решении текущих оперативных вопросов. Наше предложение было принято, был создан Специальный комитет, в который вошли И. В. Курчатов, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин и П. Л. Капица (он пробыл в составе комитета небольшое время). Секретарем комитета был утвержден В. А. Махнев. Руководство комитетом возложено на двух членов Политбюро ЦК, заместителей Председателя СНК СССР.

Кроме того, было организовано 1-е Главное управление (по вопросам атомной промышленности). Начальником Главка утвержден Б. Л. Ванников (в то время нарком промышленности боеприпасов), на первое время — без освобождения от этих обязанностей. Заместителем начальника Главка назначен А. П. Завенягин, позднее, в 1947 году, я тоже был назначен заместителем начальника Главка по совместительству с работой в качестве министра химической промышленности. В системе Наркомата внутренних дел СССР создан специальный Главк по строительству атомных предприятий

и научно-исследовательских организаций. Начальником этого Главного управления много лет был А. Н. Комаровский.

Вначале при Специальном комитете были созданы: Научный совет под председательством Б. Л. Ванникова и технический совет под моим руководством. Вскоре оба совета были объединены под председательством Б. Л. Ванникова. Заместителями председателя Научно-технического совета утверждены И. В. Курчатов, М. Г. Первухин, В. А. Малышев и А. П. Завенягин. В состав Научно-технического совета вошли А. И. Алиханов, И. К. Кикоин, П. Л. Капица, В. С. Емельянов, С. Л. Соболев. Позднее — А. П. Александров, М. Г. Мещеряков, В. Г. Хлопин, И. Ф. Тевосян. Ученым секретарем был Б. С. Поздняков. В составе Научно-технического совета было создано четыре секции: 1) по атомным реакторам (председатель — М. Г. Первухин); 2) по диффузионному способу разделения урана (председатель — В. А. Малышев); 3) по электромагнитному способу разделения урана (председатели — И. Г. Кабанов, Д. В. Ефремов); 4) по вопросам металлургии и химии (председатель — В. С. Емельянов)... Все они, за малым исключением, в разное время работали в Челябинске и области.

Специальный комитет, Первое Главное управление, Научно-технический совет, подотчетные только Политбюро и самому Сталину, вели Урановую проблему вплоть до получения промышленного плутония. Лишь после образования Министерства среднего машиностроения, в начале пятидесятых, куда были отнесены все ядерные дела, атомный штаб был упразднен. Не случайно, во главе Минсредмаша были поставлены его руководители Б. Л. Ванников, В. А. Малышев и А. П. Завенягин".

Закончилась великая, кровавая война с фашизмом. Вздохнуть бы спокойно под мирным небом и спокойно залечивать раны. Великая Победа не принесла покоя. Союзники вскоре стали врагами, разгорелась холодная война. Новый противник США уже опробовал в деле атомную бомбу. Страшное, дьявольское оружие!

Было известно, что Америка готовилась к атомной войне с СССР. В октябре 1945 года комитет начальников штабов США рекомендовал ускорить атомные исследования и производство атомных бомб и определил, как известно из опубликованных материалов, желательность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу. Было намечено 20 советских городов для атомной бомбардировки.

В сентябре-ноябре 1945 года США приняли на вооружение докт-

рину "первого удара" против СССР. В директиве СНБ 20/4, утвержденной президентом США 23 ноября 1947 года, определены цели атомной войны. В течение 30 дней должно было быть сброшено 133 атомных бомбы на 70 городов СССР, в том числе на Москву — 8, с разрушением 40 квадратных миль, и на Ленинград — 7, с разрушением 35 квадратных миль. В последующие два года должно было быть сброшено еще 200 атомных бомб.

11 мая 1949 года специальный комитет из высших чинов армии США уточнил, что первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2,7 млн. человек и в зависимости от эффективности обороны еще 4 млн. Жизнь остальных 28 млн. обитателей городов будет крайне осложнена. При этом не учитывались потери от последующих болезней, вызванных радиационным поражением.

США спешно нарабатывали атомные заряды и зорко следили за тем, чтобы СССР не догнал их в создании атомного оружия.

Взрывы бомб в Хиросиме и Нагасаки создавали психологический прессинг высокого накала, при котором ошибки и потери времени были совершенно недопустимы.

Американцы старательно убеждали через мировую прессу и радио, что решение сложнейших задач овладения атомной энергией под силу только Америке, сосредоточившей в своих институтах и лабораториях цвет мировой науки; Америке, обладающей самой квалифицированной армией инженеров и рабочих.

Той же цели была посвящена переведенная в СССР книга с предисловием Гровса, руководителя Манхэттенского проекта. Все написанное в книге было известно ранее, но в своих акцентах ее автор подчеркивал, какие огромные инженерные и технические задачи предстоит решить тем, кто попытается создать атомное оружие, каких колоссальных капитальных и человеческих ресурсов это потребует. Они убедили в этом и самих себя. Гровс заявил в 1945 году конгрессу США, что Советскому Союзу для овладения атомным оружием понадобится 15—20 лет. Немногим (10 лет) отличались и оценки ученых-атомщиков, таких как Э. Ферми, Р. Оппенгейера и других. Приходится удивляться, каким образом генералы не заметили, что во Второй мировой войне Советским Союзом были созданы лучшие в мире танки, ракетное оружие, радарная техника, новейшие истребители и бомбардировщики. Что касается упомянутых ученых, то они "не заметили", несмотря на мировые конференции с их участием, наличие в СССР сложившихся направлений в ядер-

ной физикс, из которых вытекала программа получения цепной реакции.

Блок НАТО в два раза превосходил потенциал людских мобилизационных ресурсов, соответствующий СССР. Атомная бомбардировка должна была уничтожить восемьдесят пять процентов промышленности СССР, остальное должны были доделать союзники, сухопутные войска НАТО, насчитывающие 6 млн. человек (250 дивизий).

Вот что могло ожидать Совстский Союз, не будь предприняты гигантские усилия по созданию собственного ядерного щита! Только очень быстрое и успешное развитие атомной промышленности, рост обороноспособности, сделавшие СССР обладателем атомного оружия и совершенными видами его носителей, остановили осуществление агрессивных планов США и обеспечили мир советским людям.

Таким образом, создание "атомного щита" было делом безопасности и престижа государства. Пришлось форсировать создание ядерного оружия.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. Г. ПЕРВУХИНА

"В системе 1-го Главного управления были организованы специальные конструкторские и проектные институты для разработки конструкций атомных реакторов, диффузионных машин, технологических процессов и конструкции атомной бомбы. Проектные институты в короткий срок разработали проекты первых атомных предприятий. Созданные для специальных целей, мощные строительные организации развернули строительство атомных заводов, которые росли не по дням, а по часам. В результате громадных усилий инженеров, конструкторов, работавших под непосредственным руководством И. В. Курчатова, на территории Лаборатории № 2 был сооружен первый физический атомный реактор. Под непосредственным руководством А. П. Завенягина, Е. П. Славского созданы предприятия по добыче урана, организовано изготовление металлургических урановых блочков, необходимых для атомного реактора.

В течение нескольких месяцев шла напряженная работа по сборке реактора. Был собран первый в Советском Союзе уран-графитовый реактор. Наконец наступил решающий момент 25 декабря 1946 года — реактор был пущен. В этот день впервые в нашей стране воспроизведена управляемая цепная ядерная реакция. Это был не-

забываемый момент. И. В. Курчатов как ученый, как советский человек торжествовал. Мы все с ним с большой радостью встретили этот первый решающий успех наших ученых в решении атомной проблемы...

С 1946 года началось строительство первого атомного завода с установкой уран-графитовых реакторов. Среди гор и озер в глухом красивом месте выбрана площадка для этого комбината. В течение полутора-двух лет были построены основные сооружения. Сам реактор — в подземном здании высотою в пять этажей. Управление реактором расположено в отдельном наземном здании. Этот комплекс сооружений условно получил название завода А. Комплекс подземного хозяйства с наземным зданием для химического выделения чистого плутония заводом Б. Для хранения радиоактивных отходов были сооружены подземные металлические хранилища. Отдельно построен комплекс для получения изделий из металлического плутония".

"Среди гор и озер в глухом красивом месте выбрана площадка..." Это каслинские озера — берега озер Иртяш и Наноги, Кызылташ, Карачай и т. д.

На выбор места атомного объекта сыграли: относительная малонаселенность каслинских мест, близость железной и автомобильной дорог, обилие воды и, конечно, оружейный опыт и индустриальная мощь края. Урал к тому времени уже два с половиной века был арсеналом страны, значительно развитым в войну с фашизмом. Проверенных, имеющих опыт работы в "оборонке" людей можно набрать на месте. Обеспечивать секретность здесь было проще, чем где-либо: с войны все посторонние здесь на примете.

Думается, на место выбора атомограда сыграло и то, что челябинский Урал был хорошо знаком всем членам Атомного штаба. Первухин и Курчатов отсюда родом. Здесь работали и много раз бывали Малышев, Ванников, Завенягин, Емельянов, Комаровский. Из уральских "оборонщиков" были Славский, Музруков, Сапрыкин, Царевский, Васильев и многие другие из тех, кто руководил строительством атомограда, а затем комбинатом.

В 1945 году правительственная комиссия утвердила Иртяшскую площадку. Осенью того же года были произведены инженерные изыскания под первые объекты, в конце начаты работы. Весной 1946 года начался нулевой цикл на важнейших стройплощадках: промышленного ядерного котла (реактором стали именовать позднее) и

радиохимического завода. Одновременно на значительном удалении началось строительство жилого поселка. Весной 1947 года под здание реактора стали укладывать бетон, и уже к концу года корпус был возведен, начинается "закрытие" здания с одновременной "начинкой" оборудованием.

Затем идет установка "сердца" корпуса — ядерного котла. Проект его был разработан группой Н. А. Доллежаля за четыре месяца. Главный конструктор при монтаже реактора находился на месте, как и большинство разработчиков отдельных узлов, линий и оборудования. Доллежаль первой из двух Золотых Звезд был награжден за этот реактор. Он несколько десятилетий возглавлял исследовательско-конструкторские институты, был главным конструктором ядерных реакторов Обнинской, Сибирской, Белоярской и других АЭС.

На стройке тогда было занято почти 50 тысяч. На ядерных объектах работали военные строители и специалисты по спецнабору, зэки возводили жилье и второстепенные объекты. Руководили стройкой М. М. Царевский и В. А. Сапрыкин.

В 1948 году главным стал пуск атомного реактора, проект которого уточнялся в ходе строительства. Поэтому на промышленном котле были собраны лучшие научные силы. Сам Курчатов занимался реактором и жил на стройке почти безвыездно более года. Ранней весной 1948 года по атомному котлу предстояли последние монтажные и наладочные работы, Игорь Васильевич не отходил от него. В здании атомного реактора он оборудовал свой кабинет. Здесь образовался "мозговой центр", и можно было увидеть цвет советской науки. В предпусковые дни подолгу находились на площадке главный конструктор "котла" Н. А. Доллежаль и представители завода-изготовителя.

К концу мая был закончен монтаж реактора. Началось опробирование механизмов и систем, наладка приборов. В начале июня началась суточная загрузка урановых блочков и технологические каналы. Эту сложную, ответственную работу взялись лично проводить И. В. Курчатов, Б. Л. Ванников, руководители завода. Они составили первую бригаду, проводившую загрузку урана. Курчатов установил строгий контроль за развитием ядерного процесса в реакторе с самого начала загрузки.

И вот торжественный и ответственный момент: пуск! Первый в СССР и Европе атомный промышленный реактор заработал. У пульта управления в качестве главного оператора И. В. Курчатов. Ведется

наращивание мощности аппарата: 10 киловатт, 500, 1000 киловатт... В последующие дни мощности возрастают. С июля 1948 года началась планомерная работа Уральского промышленного атомного реактора.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. Г. ПЕРВУХИНА

"Пуск реактора не означал пуск всего комбината, ибо необходимо было завершить строительные и монтажные работы комплекса химических производств по выделению плутония из облученного урана.

Через несколько месяцев после пуска реактора также успешно был запущен химический завод, выделен плутоний, а из него в следующем отделении начали изготавливать отдельные детали (атомного боезаряда бомбы).

По решению Специального комитета весной 1949 года я был направлен на комбинат в качестве уполномоченного по пуску комбината. Мне пришлось провести на площадке строительства один или полтора месяца.

В связи с тяжелым заболеванием Б. Л. Ванникова меня в 1947 году по совместительству с работой в Министерстве химической промышленности назначили первым заместителем начальника Первого Главного управления. До января 1950 года я был одновременно министром химической промышленности и первым заместителем начальника Главка. Многие заводы и институты химической промышленности выполняли работы, связанные с решением атомной проблемы. Большую работу провели химики по получению химически чистых реактивов высокого качества, сверхвысокой чистоты, без миллионных долей посторонних примесей.

Мне хорошо запомнился день, когда мы докладывали на Политбюро о результатах по получению плутония, обогащенного урана и тяжелой воды, а также о конструкции первой атомной бомбы.

И. В. Сталин очень внимательно выслушал каждого. Первое сообщение сделал И. В. Курчатов, потом главный конструктор атомной бомбы, затем Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин..."

Десятилетия "отцом" атомной бомбы называли И. В. Курчатова. В какой-то степени да, среди всех забот Урановой проблемы бомба была у него прежде многих. Как-никак, ради нее вся каша варилась. Когда рассекретили Арзамас-16, как место рождения первой ядерной бомбы, "отцом" назвали академика Ю. Б. Харитона.

Он был научным руководителем проекта. Сам он называет таковым своего заместителя по конструированию генерала Н. А. Духова. Кстати, его можно назвать челябинцем. В войну он был главным конструктором Танкограда.

Но началось до Духова. Уже в 1945 году сработала группа разработчиков атомной бомбы, возглавляемая "русским генералом Гровсом" — генералом П. М. Зерновым. Научным руководителем группы был Ю. Б. Харитон, его заместителем К. И. Щелкин, оба авторитетные специалисты с довоенным стажем по горению и взрывам, а также ядерным вопросам.

Наши атомные бомбы именовались РДС. Крещение якобы принадлежит Щелкину. Во время одного из "рассмотров" хода дел по работе над "изделием" Сталин поинтересовался, как его назовут. Берия доложил, что его уже зовут по предложению Щелкина РДС — "Россия делает сама".

Конструирование бомбы было доверено В. А. Турбинеру. В то время ему было 35 лет. Он прошел путь от токаря до дипломированного инженера-конструктора (закончил МВТУ им. Баумана) на одном из заводов Днепропетровска. После продолжительной загранстажировки конструирует сложное спецоборудование для авиазаводов. В войну — начальник КБ спецоборудования для авиазаводов. Лицо, приметное руководителям "оборонки", составившим Атомный штаб. Так что выбор вполне закономерный.

Курчатов попросил его представить предложение по организации работ для создания изделия с использованием радиоактивных материалов. Харитон, как непосредственный руководитель, уточнил, что это будет компактный ядерный реактор, вероятно, сферической формы, удобный к перевозке на самолете.

Далее слово В. А. Турбинеру:

"Я понял, что речь идет об атомной бомбе, хотя об этом не говорилось и слово "бомба" не произносилось. Как и многим советским специалистам, мне на глаза попадался журнал "Америка", предназначенный для чтения в СССР. Там, среди красочных фотографий, было и фото черно-белого ядерного гриба, ставшего символом ядерного оружия"...

В начале 1946 года я сделал модель изделия в масштабе 1:10. Практически это был первый проект советской атомной бомбы...

Нами было сделано несколько натурных макетов, которые мы подвешивали под самолетом, отрабатывая конструкцию и ее обслу-

живание в эксплуатации, баллистику траектории. В ЦАГИ под руководством академика С. А. Христиановича были сделаны необходимые аэродинамические продувки. Получены картина полета конструкции и необходимые данные, подтверждавшие расчетные технические завязки. Обсуждение и оценка полученных результатов проводились мной лично или мод моим руководством, что предопределяло естественно результат и ответственность за его получение. Лишь необходимые административные мероприятия оставались за П. М. Зерновым, с чем он всегда великолепно справлялся...

К ноябрю 1948 года практически все было готово. Были найдены и проверены расчетно- и экспериментально-конструкторские и технологические решения, опробованы способы изготовления, подобрано оборудование и изготовлено необходимое оснащение. Появились кадры и приобретен новый опыт. Вышли первые опытные реальные образцы узлов и деталей бомбы. Сделано главное. Уже ничто не могло бы остановить процесс создания первой советской атомной бомбы. Практически мы уже были готовы выйти на полигон. В один из назначенных дней 1948 года в Кремле И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, П. М. Зернов докладывали о готовности атомной бомбы к испытанию. Получили разрешение на испытание. Дело было лишь за готовностью полигона".

Увы, Турбинеру не дали довести свое детище до полигонных испытаний. По личному распоряжению Сталина главным конструктором ядерного оружия стал Н. Л. Духов.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. Г. ПЕРВУХИНА

"К середине 1949 года было накоплено достаточное количество плутония и урана-235, чтобы провести первые испытания атомного взрыва. Атомные комбинаты работали хорошо, увеличивая выпуск продукции. Для проведения испытания атомного взрыва в течение 1948—1949 годов в одном из отдаленных районов страны был создан полигон, на котором сооружены лаборатории, жилье для персонала, а также объекты для испытания воздействия атомного взрыва (жилые дома, мастерская, железнодорожный мост, окопы и т. п.).

В августе 1949 года я был командирован на полигон для проверки готовности его к проведению испытания. В течение примерно месяца я пробыл на полигоне до завершения всех работ. Для установки атомной бомбы была сооружена металлическая башня высо-

той примерно 50 метров с грузовым лифтом для подъема основного объекта. Рядом с башней расположилось небольшое здание, где происходила сборка заряда. Для управления взрывом на расстоянии 5—6 километров от башни построен командный пункт, укрытый грунтом со стороны башни. Кабели управления проложены в траншее.

В сентябре для проведения испытательного взрыва на полигон прибыла комиссия, в которую входили И. В. Курчатов, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин, П. М. Зернов, В. А. Махнев и главный конструктор атомной бомбы (Н. Л. Духов. — *авт.*). По состоянию здоровья не мог участвовать в комиссии Б. Л. Ванников. Комиссия в течение двух дней провела проверку готовности всех сооружений для взрыва. Наконец наступил день испытания... В ночь мы все лично проверили готовность испытания. Окончательная сборка бомбы и ядерной головки проводилась в мастерской у башни при непосредственном участии главного конструктора и его сотрудников. В нашем присутствии бомба была собрана, поднята на лифте на башню и укреплена. После этого все отправились на командный пункт.

На рассвете, примерно часа в четыре-пять утра, с командного пункта, где мы все находились, был включен сигнал замыкания, и произошел взрыв первой советской атомной бомбы. Взрывная волна потрясла здание командного пункта, выбила стекла, расположенные с противоположной от башни стороны. Мы выскочили наружу и увидели яркое пламенное облако, вслед за ним поднимался черный столб земляной пыли, превращаясь в гигантский гриб. Взрыв удался, мы бросились поздравлять друг друга, обниматься и целоваться.

Колоссальный труд наших ученых, инженеров и рабочих увенчался грандиозным успехом. Советский Союз создал атомную бомбу и тем самым лишил США монопольного положения. Надо понять радостное, приподнятое настроение всех, кто работал над созданием атомной промышленности, ибо на нас лежала колоссальная ответственность за успешное решение атомной проблемы перед советским народом и нашей партией. Мы все понимали, что в случае неудачи нам бы пришлось понести суровое наказание за неуспех. К счастью для нашей страны и всех нас, все теоретические и практические вопросы были решены правильно, и атомным взрывом это было доказано".

Страна получила атомную бомбу — весомый противовес заокеанским угрозам. Страшное оружие разрушения и умиротворитель-

ное средство — "оружие сдерживания". Узнав об успешных испытаниях советской атомной бомбы и далеко не сразу в это поверив, горячие головы Пентагона стали трезветь. Одно дело бомбить безнаказанно, другое дело — получить ответный ядерный удар. Но..., говорят в народе, первая ласточка весны не делает. Одна бомба еще не ядерный щит Отечества. Надо создавать атомную отрасль оборонной индустрии, надо создавать защиту от ядерного удара и его последствий. И в укромных отдаленных уголках, зачастую на пустом месте появляются "хозяйства" — номерные объекты, почтовые отделения, "склады" и в считанные годы вырастают "голубые города — атомограды".

В озерном крае, неподалеку от Челябинска-40, в межозерье, встает еще один номерной Челябинск — современный Снежинск. А в самом сердце Уральских гор на таежной речке Юрюзани появляется "Хозяйство Володина", завтрашний Трехгорный.

В августе 1993 года за одного из отцов атомной бомбы — академика Ю. Б. Харитона взялся "Огонек". Он поместил его на фоне ядерного гриба с рукой на водородной бомбе (монтаж) под аншлагом: "Академик Харитон и его бомба, которая спасла коммунизм". Ну, коммунизм не спасла, потому что им просто и не пахло, а вот наш народ от ядерной войны бесспорно. США это планировали. Им помешал скованный героями Атомной проблемы ядерный щит Родины.

Академик поясняет, почему наша область и Урал стали столь ядерно-ракетными: "Раньше заводы были разбросаны, и нам пришлось проводить некоторую перекомпоновку производства, чтобы наши заряды в собранном виде перевозились минимально". Нужны стали дублеры Арзамасу-16, вот и появились еще один номерной Челябинск и Златоуст.

Интересна информация о появлении Берии в Урановой проблеме: "Известно, что вначале общее руководство осуществлял Молотов. Стиль его руководства не удовлетворял Курчатова. И он этого не скрывал. С переходом атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась... В течение восьми лет, до 53-го года (получается, до ареста), он отвечал за всю работу, придал необходимый размах и динамизм... Бесспорно, если бы во главе стоял Молотов, то трудно было бы рассчитывать на успех". Оказывается, и у палачей свои заслуги. А может, зря в Озерске переименовали проспект Берии (был такой)?

Мнение академика о роли ядерного оружия: "...Оно необходимо, чтобы сохранить мир на планете. Я убежден: без ядерного сдерживания ход истории был бы иным, наверное, более агрессивным. По моему убеждению, ядерное оружие необходимо для стабилизации, оно способно предупредить большую войну, потому что в нынешнее время решиться на нее может только безумец". Здесь же мнение академика А. Д. Сахарова: "Я тоже прилагал огромные усилия, потому что считал: это нужно для мирного равновесия... таким путем можно предупредить третью мировую войну".

Как не гордиться нашими земляками! Как бы ни было нам трудно, все надо делать, чтобы сохранить столь элитные интеллектуальные и инженерные центры, как наши атомные и ракетные фирмы. Они еще скажут свое слово и уже говорят не только в "оборонке". Здесь начинается завтрашний день нашего края в ноосфере, в эре разума.

А. МОИСЕЕВ

КУЗНИЦА ЯДЕРНЫХ БОЕПРИПАСОВ. ИСТОРИЯ ЗАВОДА

ОРДЕНОНОСНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Приборостроительный завод, в прошлом он назывался поразному — п/я 4146, п/я 17, склад № 933 Главгорстроя СССР, "Хозяйство Володина", был построен для производства военной техники — ядерных боеприпасов и узлов автоматики к ним.

Проектирование и строительство оборонного предприятия началось с постановления Совета Министров СССР, принятого 24 января 1952 года. Первым директором завода был Константин Арсеньевич Володин. Он вправе называться его основателем. Первоначально предполагалось в "Хозяйстве Володина" построить только сборочный завод и небольшой рабочий поселок при нем, но жизнь внесла свои поправки, и сборка оборонных изделий стала лишь цехом огромного завода, где используются прогрессивные технологии и новые средства механизации и автоматизации. Без преувеличения можно сказать, таких современных предприятий в стране немного.

А рабочий поселок превратился в красивый город. Долгие годы он был номерным, назывался и Златоуст-20, и Златоуст-36 и лишь в последнее десятилетие получил "гражданское" название Трехгорный. Чистые, аккуратные улицы, кварталы новостроек примыкают прямо к лесу, сосны растут под окнами во дворах. Сейчас трехгорненцев более 30 тысяч. Их дети учатся в школах, а самые маленькие посещают 17 детских дошкольных учреждений. Для получения специальности здесь находится филиал Московского инженерно-физического института, техникум и ПТУ, есть музыкальная школа, Дворец культуры "Икар" и библиотеки, для занятий спортом плавательный бассейн, три стадиона и три спортивных детско-юно-

шеских школы, для отдыха — парк Победы. Оздоровлению и лечению трехгорненцев служат медико-санитарная часть, санаторий-профилакторий на 100 мест, база отдыха на озере Увильды, детский санаторий "Рябинка" в Крыму.

Своим рождением город обязан Приборостроительному заводу — это градообразующее предприятие. А начинался он так. 9 апреля 1952 года в совсем необжитый лес на берегу Юрюзани прибыл батальон воинов-строителей, два трактора, 10 автомашин и 10 лошадей. Через месяц, 7 мая, директор будущего завода Константин Арсеньевич Володин подписал приказ № 1: "С сего числа приступил к исполнению своих обязанностей на месте".

Город и завод расположены между трех Уральских гор — Шуйда, Завьялиха и Бархотина. Отсюда и появилось название города — Трехгорный. При выборе строительной площадки для него была необходимость как можно глубже в лесах Уральских гор спрятать важный государственный объект, подальше от крупных городов и оживленных дорог. Потому и заложили город на голом месте, в диком лесу. Раньше ягоды и грибы собирали у проходной и под окнами. Вокруг первозданный край, нетронутая тайга.

Строительство сверхсекретного объекта осуществляло стройуправление № 247 Главпромстроя МВД СССР, расположенное в секретном городе Челябинск-40, а в народе просто "Сороковке". Первое наименование строительства п/я 202. В 1953 году строителей усилили монтажно-техническим управлением МК-18. Город и завод быстро росли. Уже в конце 1952 года была полностью застроена первая улица, названная в честь первостроителей — ул. Строителей. Здесь, как на всех новостройках, в бараках проживали первые строители и разместились котельная, школа, баня, магазин, детский сад, милиция, столовая, политотдел. 7 ноября 1952 года здесь появился и первый клуб им. "35 лет Октября". По проекту завод должен был иметь механическое, сборочное и вспомогательное производства. На строительство объекта было выделено 319,7 млн. рублей, кстати, без представления смет и проектов. Время не ждало — холодная война набирала силу. Необходимо было как можно быстрее прикрыть страну ядерным щитом.

В 1952 году в штате завода состоял всего лишь 31 работник. Кроме директора Володина — Виктор Иванович Никитин, помощник директора по кадрам; Федор Иванович Рубцов, главный бухгалтер; Вера Васильевна Кузнецова, секретарь-машинистка; Клав-

дия Федоровна Кутумова, инженер-экономист; Василий Григорьевич Фомин, старший инспектор первого отдела; Арсентий Владимирович Гусев, заведующий хозяйством; Казанцев Петр Игнатьевич, агент по снабжению; Иван Семенович Разин, начальник отдела оборудования; Владимир Николаевич Ляс, начальник электроцеха; Виктор Михайлович Копылов, мастер литейного цеха; Александр Васильевич Тарасов, главный технолог завода, Анатолий Геннадьевич Коган и Юрий Иванович Арефьев, кураторы УКСа, и другие.

До 1 января 1953 года заводоуправление размещалось в бараке на станции Красная Горка. В Новый год оно переехало в барак рядом с управлением строительства, но уже 6 марта разместилось в первом деревянном доме города (ул. Островского, 35). На первом этаже находилось заводоуправление, а на втором жили первые молодые специалисты-холостяки, прибывшие работать на завод, который еще только строился. Семейные поначалу жили на частных квартирах в близлежащих поселках.

Володин был среди первых сотрудников завода самым старшим по возрасту. Называли его меж собой хозяином, так как рождавшийся завод именовали "Хозяйством Володина". В войну называли воинские части и оборонные предприятия по имени командиров и директоров.

Комплектовать кадрами завод обязаны были областные и министерские организации. 12 мая 1952 года Володин и Никитин по этому вопросу были на приеме у первого секретаря Челябинского обкома парии. Тогда же в Челябинске было принято решение, чтобы Г. И. Климко, работавший тогда в Южноуральской конторе Главгорстроя СССР, направлял работников и в "Хозяйство Володина".

Постепенно стал прибывать народ. В августе 1953 года из Днепродзержинска приехали 28 электромонтеров и слесарей-сантехников. По окончании учебных заведений в августе-сентябре прибыли инженеры и техники Е. К. Андрияшин, В. С. Комаров, Г. В. Мурдасов, В. Н. Проскурин, В. И. Грачев, Ю. К. Санников, А. П. Ворожейкин, В. В. Кузнецов, Н. П. Добрынин, В. С. Усов, Д. Д. Калябин. Несколько ранее на завод поступили В. Т. Малыхин, В. И. Лапина и В. П. Чернов. За 1953 год численность работников завода увеличилась на 95 человек — до 126. Сразу же по прибытии молодые специалисты направлялись на стажировку на передовые предприятия Челябинска, Москвы, Ленинграда и других городов.

В 1954 году на завод было принято 982 человека. В том числе Александр Георгиевич Потапов — главным инженером завода, Борис Валентинович Горобец и Анатолий Дмитриевич Пятибратов — начальниками цехов, Леонид Георгиевич Созинов — главным энергетиком завода, Владимир Федорович Соболев — заместителем начальника цеха, Иван Сергеевич Кондаков — старшим мастером инструментального цеха, Николай Петрович Вяткин — кочегаром, Петр Васильевич Шекунов — мастером деревообрабатывающего цеха и другие.

Прибывали на завод, в основном, молодые специалисты после окончания институтов и техникумов, а также молодые рабочие после окончания ремесленных училищ. Так, в сентябре 1954 года после окончания РУ № 30 в Каменск-Уральске приехали Виктор Белозеров, Геннадий Добрыгин, Владимир Коротких, Евгений Коротких, Виктор Сафонов, Радик Суворков, Леонид Мелкозеров, Владислав Шамшурин. Жили они поначалу в пионерском лагере Юрюзанского завода на берегу реки. Здесь же проживала большая часть инженерно-технических работников. А каких только специалистов здесь не было! Были металлурги и взрывники, химики и физики, механики и товароведы, снабженцы и агрономы, даже был зачем-то один ихтиолог, а чуть позже появился животновод.

Первым стал формироваться отдел главного технолога завода. Перед ним сразу же была поставлена задача технологической подготовки будущего производства. Не хватало рабочего дня и недели и приходилось работать вечерами и в воскресенье. Отдел главного технолога поначалу насчитывал 30 специалистов. Пуск завода предусматривалось осуществить на оснастке, спроектированной в ядерном центре Арзамасе-16 и изготовленной на заводах союзной промышленности. Заказы на изготовление оснастки размещались на 29 заводах: в Москве, Ленинграде, Сестрорецке, Витебске, Харькове, Киеве, Свердловске, Челябинске, Куйбышеве и других — по всей стране. В то время действовала по выполнению подобных заказов жесткая исполнительная дисциплина. Это был особый заказ № 100 Главгорстроя (с красной полосой). Все заводы в положенный срок выполнили наши заказы на оснастку с высоким качеством.

В 1954 году на заводе было создано свое инструментальное хозяйство во главе с В. В. Кузнецовым, а в заводоуправлении образован планово-экономический отдел. В автохозяйстве числилось 53

автомобиля, им руководили И. Г. Мякотин, В. М. Полтавский и В. И. Грачев. Появился и железнодорожный цех во главе с В. И. Лапиной и В. И. Блиновым. На 1 января 1955 года численность работников завода составила 1108 человек.

В 1955 году продолжалось комплектование завода необходимыми кадрами. Многие молодые специалисты проходили стажировку в Арзамасс-16, знакомились с оборонной продукцией, которую предстояло выпускать.

В этом году начали работать: отдел КИП, участок пластмасс, гальванический участок, лакокрасочный участок, термическое отделение в инструментальном цехе, участок холодной штамповки в механическом, литейный участок в ремонтном цехе. Получил просторное помещение электромонтажный цех. Создаются отдел труда и заработной платы, БРИз, служба военного представительства под началом Г. В. Патрушева. К 1 августа 1955 года заводские службы, цеха и участки были в основном готовы для выполнения первого государственного заказа. И он поступил.

В августе 1955 года были изготовлены две авиационные ядерные бомбы — "изделия" с ласковым неофициальным названием "Татьяна". Эту дату можно считать пуском завода.

К 1 августа завезли узлы "изделия", подготовили технологическую оснастку. Контейнеры поступили для вскрытия к контролерам БТК и представителям заказчика. Они проверили сопроводительную документацию, сверили оттиски пломб с паспортами и только тогда подняли крышку контейнера. В цехе в этот момент находились главный инженер Главка А. А. Томилин, директор завода К. А. Володин, главный инженер А. Г. Потапов, руководители технологических, конструкторских, производственных служб завода. Все волновались, ведь завод начинал работать на оборону страны.

Требования конструкторской документации и заказчика были очень жесткими. Окончательная сборка "Татьяны" поначалу на заводе не проводилась. Месячная программа засчитывалась после принятия ее межведомственной комиссией.

Заводские службы КИПиА, ЦИЛ, ЦЗЛ, цеховые лаборатории и КПП уже тогда представляли из себя систему обеспечения контроля качества продукции на основных стадиях ее изготовления, а в ряд технологий уже входило регулирующее воздействие «киповской» автоматики. Здесь следует отметить огромный вклад в работу таких специалистов, как К. С. Морозов, М. А. Малахов, А. С. Дорофеев,

Л. С. Сафронова, Г. Л. Варганова, В. Ф. Астапенков, Е. В. Кочетков и другие.

Праздничным было 31 августа 1955 года, когда был завершен тяжело доставшийся всем первый месяц выполнения государственного плана. Первый праздник в трудовой жизни завода.

С начала 1956 года завод перешел на изготовление модернизированного варианта "Татьяны", а затем и других различного назначения оборонных изделий. Указом Президиума Верховного Совета от 11 сентября 1956 года 22 работника завода впервые были награждены орденами и медалями СССР. Орденом Трудового Красного Знамени были награждены К. А. Володин, А. Г. Потапов и слесарь М. П. Васильев. Орден "Знак Почета" получили пятеро: Г. А. Бойко, токарь цеха 105; В. И. Никитин, помощник директора по кадрам; А. Г. Ошкурков, начальник участка 107; А. Д. Пятибратов, начальник цеха 103; Г. М. Хужахметов, электромонтер цеха 415; медалью "За трудовую доблесть" были награждены пять человек и медалью "За трудовое отличие" — девять.

С первых дней отдел главного технолога, который возглавлял А. В. Тарасов, играл на заводе значительную роль. Тогда даже при отсутствии специального оборудования были осуществлены бесцентровая шлифовка, накатка наружных резьб, создана универсально-переналаживающая оснастка, пресс-формы для точного литья по выплавляемым моделям. В заготовительном, механическом, прессовом, гальваническом и других производствах были внедрены уже в первые годы уникальные по точности и эффективности технологии: горячая штамповка — вытяжка корпусных заготовок на выкатных штампах, холодная прокатка мелкопрофильных деталей и горячая прокатка крупнопрофильных заготовок, нарезка прямоугольных резьб метчиками, размерное гальваническое свинцевание внутренних сложнопрофильных поверхностей кожухов, расточка внутренней сферической поверхности на значительной глубине корпуса, комплексная технология получения дифлоновых заготовок и деталей из поликарбоната, монтаж миниатюрных составных частей в корпусах уменьшенных габаритов, светлая изотермическая закалка деталей и т. д.

Специалисты завода успешно решили целый ряд проблем повышения точности и снижения трудоемкости контроля размеров, физических и других параметров деталей, отдельных сборок и составных частей изделий. Были разработаны эффективные приспособления для контроля толщины тонкостенных деталей, внутренних ка-

навок и выступов, глубины гладких отверстий и диаметров конусных, размеров фасок, приспособления для свинчивания с большим моментом, ключи-динамометры для контроля момента затяжки с минимальной погрешностью. Были внедрены пульты-полуавтоматы и автоматы для проверки сопротивления и прочности изоляции приборов электроавтоматики, жгутов, переходных коробок с использованием так называемого квадратичного метода.

Требования техпроцессов с первых лет на заводе соблюдаются очень строго. Отклонения рассматриваются, как криминал. Для обеспечения высочайшей надежности выпускаемой техники создана четкая производственная система, основанная на трудовой, производственной, технологической дисциплине и постоянном контроле за всеми сферами производственной деятельности предприятия работниками ОТК, военного представительства и межведомственных комиссий.

До середины 1958 года завод выпускал ядерные боеприпасы, в основном, по так называемой ведомственной комплектации "ВК-1": каждое отдельное изделие сдавалось комплектно, но "россыпью" — каждая его составная часть в отдельной таре. В сборочном цехе большая работа по этому процессу была проведена начальником ОТК В. Н. Силаевым и начальником лаборатории Б. Д. Гладковым, который изумлял всех своими фундаментальными знаниями в области электро-, радиоимпульсной техники, теоретической механики, превосходным владением прикладной математикой.

В 1958 году на заводе появляется новое подразделение — военно-сборочная бригада. В ее задачи входило оказание помощи заводу в освоении выпускаемой военной продукции, ее обслуживание на полигоне при проведении контрольно-летных испытаний.

В ноябре 1959 года произошло большое событие. Завод посетил министр среднего машиностроения Е. П. Славский. А в канун нового года он подписал приказ о создании на заводе серийно-конструкторского бюро (СКБ). Первым начальником бюро и главным конструктором завода был назначен П. Н. Меснянкин.

В 1960 году создали еще одно подразделение — цех по выпуску контейнеров и транспортных тележек, который возглавил Г. С. Щеголев. Его сменяли А. Д. Пятибратов, Г. И. Тихонов, А. М. Гончаров. Большую работу по проектированию, изготовлению и испытанию транспортных тележек выполнили конструкторы отдела СКБ во главе с В. П. Осиповым.

В СКБ работали и сейчас работают специалисты высокого класса, очень ответственные работники, иного здесь не должно быть. П. Н. Меснянкин был награжден орденом Ленина. Заметный след в истории бюро оставили заместитель главного конструктора завода В. Н. Морозов, начальники отделов А. А. Павлов, А. М. Тихомиров и другие. Долгое время СКБ возглавлял Е. В. Кононов.

СКБ успешно справляется со своими задачами. Это анализ и отработка конструкторской документации до освоения, при освоении и в ходе серийного выпуска и эксплуатации "изделий", взаимодействие с их разработчиками и заказчиком, проведение периодических и типовых испытаний продукции, методическое руководство комплексом работ по опытному хранению, повышение надежности, переаттестации, унификации и стандартизации, внедрение в сборочное производство и эксплуатацию автоматизированных стендов и программ комплексной проверки изделий и т. д.

В 1961 году произошли изменения и в руководстве военного представительства на заводе. Районным инженером военного представительства (начальником спецприемки) был назначен полковник В. Д. Войтенко, после него эту должность занимали В. И. Карпов, Л. Г. Николяй, Ю. П. Мылтасов и К. А. Морозов.

В январе 1963 года К. А. Володина сменяет Леонид Андреевич Петухов, который до этого работал заместителем начальника Главка Минсредмаша. Присмотревшись к укоренившемуся на заводе стилю работы, он ввел немало изменений. К примеру, сверхурочные работы сократились до минимума. На дом разрешалось звонить только главному диспетчеру. Стиль нового директора на первых порах показался бюрократическим. Но позднее все убедились, что это разумная организация управленческой работы. Количество оперативок сократилось, завод стал работать ритмично, занимать призовые места в соревновании по Главку и министерству. Были организованы курсы мастеров. Чаще стали повторяться слова: "культура производства, ритмичность, качество". Время второго директора характеризовалось совершенствованием системы освоения новых изделий, средств технологического оснащения, унификацией и стандартизацией технологической оснастки, широким применением токарных автоматов при механической обработке.

В сборочном производстве появились новые производственные помещения. Изготавливались в то время части ракетного комплекса "Луна". Стенды для его сборки были поставлены на колеса для пере-

мещения по рельсовому пути. Технологическая оснастка и оборудование были расставлены вдоль него. Технологический процесс был разбит на отдельные операции. За каждой из них были закреплены слесари-сборщики. Это повышало их ответственность за выполняемые работы, лучшее освоение операции. Реорганизация позволила сократить время сборки и увеличить выпуск изделий на тех же площадях.

В этом же цехе был смонтирован механический конвейер, конструкция которого предусматривала все необходимое для его безопасной эксплуатации. Одно рабочее место было оснащено специальной кабиной для проведения контрольного цикла работоспособности узлов автоматики изделия. Пусковая цепь контейнера блокировалась с дверями кабины. Очень удобным было то, что по обеим сторонам сборочного зала имелись пристройки, в которых хранились узлы и оборудование, проводилась подготовка узлов автоматики и поузловая сборка, комплектовался ЗИП, оформлялись документы и проводились другие необходимые работы. Пол в сборочных залах был покрыт белым мрамором. Когда в 70-е годы сборочный цех посетил заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, бывший в свое время первым секретарем Челябинского обкома партии, он сказал, что цех выглядит, как танцевальный зал на Кубе. На конвейере собирались спецбоеприпасы самого различного назначения для всех родов войск.

Подобные изделия могли выпустить только подготовленные, высококвалифицированные рабочие и инженерно-технические работники, освоившие первоклассную технику. Такими работниками были Е. М. Востроknутов, Ю. Т. Сайгин, Ю. Д. Иванов, Б. В. Павлов, А. Ф. Виноградова, А. А. Чеснокова, И. А. Горобец, Р. И. Шишкин, А. М. Петухов, И. С. Кузьмин и другие.

В связи с назначением Л. А. Петухова начальником Главка, 3 мая 1964 года директором завода становится Александр Георгиевич Потапов, а главным инженером Борис Валентинович Горобец.

За первое десятилетие работы завода было подготовлено и освоено несколько "изделий" разных типов. В процессе их освоения часто возникали серьезные пробяемы, которые приводили к большой нервной нагрузке, при решении сложных технических задач — бессонным ночам. Но все проблемы решались успешно. 21 декабря 1970 года за успешное выполнение пятилетнего задания и организацию производства новой техники Приборостроительный завод был награжден высшей наградой страны — орденом Ленина.

А. Г. Потапов 23 года работал директором завода. Много сил и энергии отдавал он наряду с заводскими делами развитию жилищного строительства, созданию детских и спортивных комплексов, строительству Дворца культуры "Икар", базам отдыха.

Существенную помощь ему оказывал главный инженер завода Б. В. Горобец, который занимался решением всех текущих производственных вопросов. Он особое внимание уделял внедрению передовых технологий, АСУП, механизации и автоматизации производства. В 1978 году он был переведен в аппарат Главного управления Минсредмаша, где занимал посты заместителя и начальника управления. В феврале 1995 года Б. В. Горобец становится советником министра, а начальником Главка назначается Е. К. Дудочкин, также работник завода. После Горобца пост главного инженера занимал Е. К. Андрияшин, в настоящее время — А. Д. Попов.

В начале 70-х годов коллективу завода было поручено освоение новых видов специальных боеприпасов. По конструкции эти изделия коренным образом отличались от освоенных. При освоении этого заказа наряду с решением многочисленных производственных и технологических проблем необходимо было обеспечить специальную безопасность.

К этому времени на заводе уже сложилась определенная система обеспечения безопасности. Была создана единая дозиметрическая служба — "Лаборатория радиационной безопасности и дозиметрии" во главе с В. М. Брыкаловым. Все вопросы по специальной безопасности замыкались на главном физике А. В. Егорове.

Большая нагрузка по отработке конструкторской документации легла на серийное конструкторское бюро (СКБ), на главного конструктора Е. В. Кононова, начальников отделов А. М. Тихомирова, А. П. Смирнова, их подчиненных Ю. Д. Лунецкого, А. Н. Смирнова и других. Помощь заводу оказывали разработчики В. А. Гуд, В. Д. Кирюшкин, Л. Б. Порецкий. К этой работе подключался главный конструктор разработчиков Б. В. Литвинов.

Высококвалифицированный труд работников отдела главного технолога позволил в установленные сроки разработать технологические процессы сборки новых изделий, спроектировать оснастку и уникальное оборудование для производства. Изобретательность и опыт конструкторов А. К. Дерюшева, А. А. Чернышева, В. Т. Цимбалова, В. А. Шамшурина, П. В. Курьянова и других позволили обеспечить качественную сборку изделий.

Основная работа по производству специзделий осуществлялась в цехах, которые возглавляли Г. И. Тихонов, Ю. М. Пыренков и С. В. Фокин. Много труда и смекалки при освоении и серийном выпуске сложных специзделий потребовалось от слесаря-сборщика В. П. Дулесова — Героя Социалистического Труда; фрезеровщика И. А. Пушкарева; шлифовщика А. Д. Сотникова — Героя Социалистического Труда; токарей В. Е. Ярославцева, В. И. Ухарцева, В. Г. Коротких; электромонажников В. М. Мирошникова, В. Л. Долгополова, М. Ф. Брыкаловой, А. С. Борисовой; бригадиров слесарей М. И. Глухмана, А. Е. Рыбникова; слесаря П. И. Сурина и многих других.

Окончательная сборка специзделий происходила в цехах, которыми руководили Г. Г. Ошкуков, А. А. Супонев, В. С. Комаров и В. В. Беломытцев.

Непосредственно участвовали в освоении выпуска специзделий начальники отдела А. Д. Лебедев и С. Н. Медин.

Всего же за свою историю завод освоил выпуск десятков новых изделий, сотни их составных частей и видов эксплуатационного оборудования. Вся продукция завода успешно прошла специальные испытания, в том числе контрольно-летные на полигонах министерства обороны.

Особая сложность в работе завода заключалась в том, что оборонные изделия постоянно обновлялись. Расширялись их тактико-технические характеристики, значительно уменьшались габариты и масса, стала применяться микроэлектроника и вычислительная техника. Теперь это история, о ней наглядно свидетельствуют действующие макеты всех видов выпускаемых изделий, которые хранятся на заводе, где можно проследить пути развития военной техники и уровень совершенства заводского производства.

Большой вклад в выполнение оборонных заказов и совершенствование производства внесли работники службы главного энергетика: Л. Г. Созинов, Г. В. Мурдасов, Н. В. Ларионов, А. А. Молчанов, А. П. Потапов, А. Г. Коган, Р. Ф. Коробов, В. А. Телегин, А. И. Кузнецов, В. Г. Шибанов, В. И. Сурвилло, Н. И. Слюсарев, В. Ф. Балакин, Г. И. Суслов, Д. С. Шатихин, Л. Ф. Фролов, а также службы главного механика: В. П. Тарасов, В. С. Удачин, Н. Н. Калугин, П. Н. Козолупенко, Ю. В. Минаев, И. Д. Полуэктов, Ф. Х. Харисов, А. П. Якимов, Е. П. Уманец, Н. И. Лукьяненко, В. М. Герасимов, Б. И. Евстигнеев, Г. К. Федоркин, А. П. Щербаков и многие другие.

Коллективу Приборостроительного завода были присвоены почетные в свое время звания "Предприятие высокой культуры", диплом второй степени Главного комитета ВДНХ СССР, которые наглядно свидетельствуют о высокой организации производства, добросовестном и высококвалифицированном труде заводского коллектива.

В последнее время, в связи с изменившейся военной доктриной, приходится особое внимание уделять вопросам разборки и утилизации ранее выпущенной техники, что приводит к реконструкции производственных участков для обеспечения повышенных требований по безопасности проводимых работ.

В середине 80-х годов завод приступил к конверсии — переходу на выпуск мирной продукции. Наметились приоритетные направления: производство товаров народного потребления; приборов по контролю радиационной и ядерной безопасности для атомных электростанций; оборудования для агропромышленного комплекса и медицинской техники; внедрение новых технологических процессов по нанесению покрытий на изделия и предметы; производство работ для нефтяной промышленности и т. д.

Как и вся страна, Приборостроительный завод работает сейчас в сложной обстановке. Самое главное в условиях экономической нестабильности — сохранить заводской коллектив, который может выполнить любое ответственное и сложнейшее правительственное задание. Мы всегда помним о нашем гражданском долге — ответственности за надежность ядерного щита Родины.

А. ДОЛИНИН,
генеральный директор Приборостроительного завода

"С ЧЕГО ЕСТЬ И ПОШЕЛ" ЗАВОД

В середине августа 1952 года утром мы с женой прибыли на станцию Вязовая. Куда и когда ехать, каким поездом, нам сказали за день-два до отъезда, строго-настрого предупредив не говорить никому, куда едем.

Вышли на маленькую пристанционную площадку, осмотрелись. Утро было туманное, народу мало, на площадке стоят два "козлика". Так называли автомашины ГАЗ-67 — дверки без стекол, бре-

зентовая крыша. Через несколько минут из вокзала вышли два человека — один высокий, средних лет, а другой кряжистый, постарше. Высокий подошел к нам, и мы узнали в нем человека, который нас принимал на работу. Он показал нам на "козлика": "Садитесь, вас отвезут куда надо".

Тронулись. Мы с любопытством оглядывались — куда везут? По полудеревенской улице на подъем, спуск к переезду, под железнодорожный мост, справа река... Лес. Показались дома, трубы электростанции. Здесь, что ли? Но нет, проехали дальше. Городская улица, мощенная камнем, спуск к реке, деревянный мост, направо забор, налево железная дорога, переезд, деревенская улица. Снова лес.

Свернули с лежневки на грунтовую дорогу, выехали на поляну. На ней несколько бараков. Подъехали к крайнему. Возле крыльца несколько человек. Удивительно, но один из них мне знаком. Вместе учились в школе, потом разъехались в разные институты. Тесен мир! Но даже перебросится словцом не успели, нас окликнули...

В небольшой комнатке двое. Высокий представился — Никитин Виктор Иванович, зам. директора по кадрам, а это — директор, Володин Константин Арсеньевич. Оказалось, это тот самый кряжистый мужчина, что ехал с ним на втором "козлике". Оказывается, он ехал тем же поездом, что и мы, но в другом вагоне. Один из первых вопросов: "Кого это вы встретили и откуда знаете?" Объяснил. "Твой бывший соученик работает в "Хозяйстве Садовника", а вы будете работать в "Хозяйстве Володина". Вы не должны знать, чем он занимается, так же, как он не должен знать о вашей работе. Вообще, язык не распускайте, не проявляйте излишнего любопытства к работе других сотрудников..."

Такой была первая беседа с нами — короткая, но содержательная. Позднее мы узнали, что это режимные требования. Можно понять наше настроение. Куда ж это нас занесло?

Затем пошел разговор о деле: "Вы назначаетесь инженерами в отдел оборудования. Будете заниматься подготовкой к монтажу оборудования строящегося объекта". Слово "завод" так и ни разу не было произнесено, а ведь мы ехали с уверенностью, что будем работать на заводе. Мы же заводские инженеры. Кстати, нам обещали квартиру, детсад для ребенка и прочие блага. Здесь же никакого завода в помине еще нет. И вообще ни кола, ни двора. "Подробнее о работе вам расскажет ваш начальник Разин Иван Семенович. Он приедет через 1—2 дня. А сейчас Вера Васильевна (секретарь) отпе-

чатает приказ о приеме на работу. Оклад 1100 рублей". "Сколько?" — невольно переспросил я, на прежнем месте мы получали намного меньше. Володин внимательно посмотрел на меня и подтвердил: "Да, 1100 рублей в месяц и еще 20 процентов уральских. А сейчас на обед, после обеда свободны. Вас отвезут в Юрюзань и там подыскивайте себе квартиру. Оплата за счет строящегося объекта. Плюс дрова для отопления".

Какую же работу от нас потребуют, если я, рядовой инженер, получать буду больше, чем начальник цеха, в котором до этого работал? Как известно, зазря деньги не платят. Справимся ли?

У жены возник вопрос — какой адрес сообщить родным? Строго разъяснили, что юрюзанского адреса у нас нет. Письма отдавать Гусеву, а он будет посылать их через Кропачево. Наш адрес: п/я 15. Вот почему тогда говорили: "Работает в почтовом ящике".

Снова погрузились в безотказные "козлики". Нас доставили в столовую Юрюзанского лесозавода. Очень маленькая, но блюда вкусные, хотя и простые.

В тот же день пошли искать квартиру, но нашли то ли на второй, то ли на третий вечер. Переехали. Дом холодноватый, но нам, молодым, нипочем. У нас отдельная комната, хозяйка не мешает. В дальнейшем мы с ней подружились — она по вечерам готовила ужин на всех.

Приехал Разин и выдал сразу задание — составлять заказные спецификации на оборудование и материалы для ЛЭП-35, запчасти для "козликов", работа с прейскурантами и много еще что. Дел у отдела много, а работников... Мы да он.

Начались будни. Что только не приходилось делать. Например, получать от железной дороги грузы, организовывать разгрузку и складирование (и это при отсутствии настоящих складов), быть кладовщиками, перевозить грузы к месту монтажа...

Через пару недель первый переезд из половины барака, где размещались два "хозяйства" (Садовника — теперешний Дальний) и Володина — в свой барак. В конце ноября новый переезд. Вообще, все первое десятилетие все куда-то переезжали.

Стройка кипела и постоянно что-то вступало в строй. Заключенные рыли котлованы, солдаты их охраняли. И те, и другие вместе грелись у костров, которыми оттаивали землю. Здесь же грелись и представители заказчика, и работники завода, под который рылся котлован.

Стройка двигалась. Вот уже столовая и магазины на первой улице Строителей открыли двери. Отпала необходимость ездить в столовую лесозавода.

К концу 1952 года — первого в истории завода — состав "Хозяйства Володина" — около 30 человек, из них примерно половина — инженерно-технические работники.

Новости, пополнение, приобретения почти каждый день. Большая радость — получили "полуторку" для перевозки людей. Получили грузовик с тремя ведущими мостами — новая радость. Местные-то дороги — одно название. Одна из задач этой машины — поездки в село Дуван в Башкирию за продуктами. Всего лишь семь лет после войны, большие трудности со снабжением, а в Дуване — ярмарки, продукты можно купить и дешевле, чем в Юрюзани.

Вдруг получили "скорую помощь", а врачей среди нас еще не было. Попытались использовать как автобус. Даже попытались на ней съездить в знаменитые Серпиевские пещеры — не вышло. Местные дороги не для "скорой помощи". Она для городских улиц...

После работы доставка домой. От нынешней улицы Строителей, где контора, по лежневке до Василовки. На полпути будочка, в ней солдатский пост. Обязательная остановка — проверка простеньких пропусков, даже без фотографий. Пустая формальность. Если нет пропуска или забыл взять, всегда можно обойти пост стороной — за 5—10 метров.

С марта 1953 года стали сдаваться брусчатые жилые дома по улицам Островского и Карла Маркса. Поселили здесь и нас. Отпали ежедневные поездки в Юрюзань, распрощались с гостеприимной хозяйкой квартиры. Потом мы ее не забывали, навещали уже как гости.

Работать приходилось много, заниматься совсем не только своими прямыми обязанностями, но самые трудные дни... выходные, особенно для бессемейных. Некуда деть себя. Собираются компаниями и идут в гости к семейным, даже без приглашения. Там общими усилиями готовится обед, как правило, с пельменями, с небольшими рюмками. Кому нужно большую, тот идет в чайную, там много выпивки и мало еды.

Компании определились по интересам и возрасту. Руководящий состав — Никитин, Рубцов, Разин, Тарасов. Итээровцы — Волковы, Яровенко, Толстовы, плюс холостяки. Остальные — твердых границ нет. В компаниях интересно. Народ с разных мест, разных специальностей и опыта.

Тесное общение с местными не рекомендуется. Постепенно формируется своя общественность — комсомольская группа, местком профсоюза, парторганизация. Затеплилась культ- и спортработа.

Когда в начале 1953 года мне поручили подготовить какой-то приказ, я, недолго думая, начал "Приказ по заводу"... Понес к начальству и, наверное, целый час оправдывался, что никто мне не говорил, что строится завод, сам так подумал. Даже между собой мы не должны были говорить о заводе. Мы назывались в разных местах по-разному, конечно же, чтобы запутать шпионов. "Хозяйство Володина", заказчик — на стройке, п/я 15 — в Кропачево, п/я 17 — в Юрюзани, "склад 933" Главгорстроя — в договорах на поставку оборудования. Договоры подписывались двумя лицами. Отсылаемый экземпляр подписывала зам. начальника склада М. Г. Петрова, свой экземпляр — К. А. Володин. Все грузы поступали для нас в Кропачево и Бердяуш, затем переадресовывались в Юрюзань или на Красную Горку. Словом, секрет на секрете. Это затрудняло, но отнюдь не тормозило нашу работу.

С. ЯРОВЕНКО

В БУДНЯХ ВЕЛИКИХ СТРОЕК

Цех 401 был построен первым на заводе. Его курировал В. Я. Волков. Потом начальником цеха назначили меня. Волкова назначили главным инженером ОКСа. После его отъезда в Новосибирск на его место Володин снова назначил меня, где я работал до перевода в управление строительства.

В строительстве Володин тоже сделал эксперимент, подобного которому в Минсредмаше не было. Чтобы обуздать строителей, он добился в министерстве их подчинения директору завода. Наш опыт перенял и Свердловск-45.

Так начальником строительства в 1960 году стал начальник ОКСа завода Е. А. Рудаков. Я же с аппаратом ОКСа влился в управление строительства. После Рудакова начальником управления стал А. Г. Дмитриенко, а главным инженером назначили меня. Структура управления стройкой, с подчинением директору завода, просуществовала до 1971 года.

Надо сказать, мне здорово помогал Володин. Его идеи, реализованные мною, присваивались мне и это не заслуженно.

Постановление правительства совпало с постановлением о сокращении Вооруженных Сил страны и, прежде всего, за счет военно-строительных частей.

Военным, подлежащим сокращению, было предложено перевестись в другие военные части или демобилизоваться и остаться на той же должности. Директору отдельные должности предоставлялось право сократить или упразднить. Володин делегировал эти права мне, чем поднял мой авторитет в глазах работников аппарата управления строительства, а он состоял, как сейчас помню, из 369 человек. Значительная часть офицеров перевелась на другие предприятия и в другие города.

Часть офицерского состава пожелала демобилизоваться и остаться на тех же должностях. Некоторым офицерам осталось дослужить 3—6 месяцев, и нелегко было настаивать на их демобилизации. Естественно, в правительственные органы было немедленно послано ходатайство на таких офицеров с просьбой дать им возможность дослужить эти месяцы. Но вскоре пришел отказ. Мы повторили ходатайство. К сожалению, отдельные офицеры не вынесли такого удара судьбы. Капитан-прораб Молотков повесился, не дождавшись ответа из Москвы. На подполковника начальника штаба воинской части, встерана Великой Отечественной войны Миронова вновь пришел отказ в продлении службы. Мы вновь написали, третье по счету, ходатайство. Но он его, как и Молотков, не дождался.

На должностях с офицерскими званиями были оставлены начальники участков и главные инженеры. В управлении строительства, кроме начальника строительства, главного инженера и его заместителей, больше офицерских должностей не оставили.

Первые месяцы в должности главного инженера у меня больше всего проблем было на бетонном заводе. Много ночей мне не давали спать из-за поломок оборудования и отсутствия запчастей. Володин однажды выслушал меня с моими проблемами и посоветовал создать три склада запчастей: один — у меня, другой — у начальника бетонного завода, третий — у механика. Он помог нам в изготовлении необходимых запчастей. И дело сдвинулось. Ночи я стал проводить дома и спать спокойно.

Я многие принципы работы с людьми перенял у Володина. К Андрею Гавриловичу Дмитриенко, творческому работнику, но очень

шумливому по характеру человеку и вместе с тем очень мягкому, работники стройки привыкли и мало обращали внимания на исполнение его требований. Он придет на объект, нашумит и через полчаса все забудет. Школа Володина, реализуемая мной в части наведения порядка, не всем понравилась, но скоро к ней привыкли.

В. В. Холомай возглавлял участок промстроительства, у него дела шли отлично, всегда выполнялся план строительных работ и ввода в эксплуатацию промзданий. На жилом секторе участок возглавлял В. Т. Кичин, дела здесь шли гораздо хуже. Все время сдача объектов соцкульбыта и жилья производилась со срывом сроков. Я принял решение переставить местами Холомая и Кичина. Дела со строительством жилья резко улучшились. Но это случилось не только в связи с перестановкой руководителей. Удалось провести целый ряд мероприятий с доставкой вовремя на стройку раствора, бетона, железобетона, поднять на должный уровень систему монтажа башенных кранов, обеспечить технологичность заделов нулевых циклов и т. д.

Хорошим моим наставником был М. Д. Зорин. Беспредельно скромный, умный, тактичный человек, он меня наставлял не бояться командовать на стройке, пообещал, что через год я научусь ругаться матом и пить, как все строители. Ругаться матом и пить, к большому сожалению работников, я так и не научился, но требовать с подчиненных и активно заниматься организацией труда научился. Сделал ряд перестановок, организовал участок нулевого цикла во главе с Чеплашкиным, усилил отдел главного механика, усилил внимание линейному диспетчерскому персоналу, что позволило оперативно производить маневрирование транспортом. Мы получили громадный экономический эффект и ритмичную подготовку производства.

С помощью заместителя министра по кадрам воинского контингента генерала Перышкина мы получили разрешение в уставное время проводить учебу солдат непосредственно в казармах. Это было крайне необходимо для приобретения ими практических навыков. Казармы постепенно превратились в классы. Каждый преподаватель из наших итээровцев вез с собой наглядные пособия. Из древесины изготовили кирпичи и показывали методы кладки. Сантехнику и инструмент показывали в натуре. В результате мы среди воинских частей по министерству впервые добились того, что солдаты первого года призыва давали выработку, равную тем, кто заканчивал служить.

Командир полка подполковник А. Т. Мельничук был подчинен мне. Первое время общение с командиром полка мне было непривычно, но постепенно я привык. Все мои указания выполнялись беспрекословно.

Мельничук был молодец. Создал свое подсобное хозяйство, имел образцовый свинарник, конюшню. По Уставу все это было запрещено. Воинскую часть постоянно посещали ревизоры и записывали в акт, чтобы ликвидировали подсобное хозяйство. Но он — хозяйственный человек и понимал, что подсобное хозяйство дает дополнительное питание. Повышенное внимание к солдатам дало свои плоды. В воинской части прекратились самоволки, побеги, не было случаев гибели солдат. Наша воинская часть была на первых—вторых местах по министерству, как образцовая. В часть часто приезжали за опытом из других частей. По нашему ходатайству Мельничуку было присвоено звание полковника.

* * *

Мы были не женаты, и поэтому нас постоянно тянуло в общество сверстников в Юрюзани. Но нам было все запрещено: в столовую ходить запрещено, в кино, в клуб — запрещено, а уж на танцы и думать вслух было опасно. И вот с приездом директора объекта "Дальнего" Н. А. Садовника кое-что стало меняться. Он легко вписался в молодежный коллектив. Полковник КГБ, ходил он в форме, а вечером переодевался в цивильное и возглавлял своих подчиненных на "подвиги". Ходил с ними в кино, в столовую и даже на танцы. Причем на танцы ходили оригинально. Брали с собой полведра семечек в мешочке и садились в тени от света на скамейки так, чтобы всех было видно, а их нет, и обсуждали каждого танцора, особенно девушек. Он был большой балагур, заводила компании, каждому своему молодцу советовал танцующую девушку, сопровождая все это советами и шутками. Он был прекрасный рассказчик анекдотов. Перед самым окончанием танцев давал команду: "Разбежаться!" И так три раза в неделю.

Мы с Юрием Арефьевым, придя как-то с работы, захотели поесть культурно и, в нарушение инструкции, пошли в пельменную. Взяли по две порции пельменей, оглянулись — никого в пельменной нет, ну и заказали по "100 грамм" к пельменям и "врезали". Оба не пьющие, и этой дозы нам было достаточно, чтобы потянуло на "подвиги".

Вышли из пельменной, верх блаженства, сыты и под хмельком, решили сходить в кино. Не помню, что мы смотрели, но помню, на нас смотрели, как на пришельцев с другой планеты. Там все друг друга знали.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день утром нас вызвал к себе Володин и во всех подробностях рассказал нам, где мы вчера были и сколько выпили. Конечно, нам влетело, получили очередное "последнее предупреждение".

Мы долго ломали голову, кто настучал, но так и не поняли, все осталось тайной. Лишь много позже Рубцов, наиболее близкий человек к директору, в приватной беседе поведал нам, как была организована агентура в Юрюзани по слежке за нами.

Оказывается, в столовой работала хозяйка дома, где жил кадровик Никитин, билетерша в клубе была хозяйкой дома, где жил Володин. Им были розданы наши фотографии, и информация стекалась к директору.

Вскоре мы "обнаглели" и стали ходить с Садовником на танцы и в кино. Он был для нас кумиром, предводителем компании, лузгали вместе семечки, танцевали. В конце 1952 года на завод был принят Володя Ляс, житель Юрюзани. Мы быстро с ним подружились, и он нам расширил круг знакомств с местными молодыми людьми. Помню, мы уже переехали в дома по ул. Островского, но к его друзьям, живущим на ЮГРЭСе, ходили пешком и возвращались домой поздно, легко ориентируясь в лесу.

Володину обо всем докладывали, он нас ругал, ругался с Садовником и, в конце концов, отступил. Но наметил программу, как заставить "мальчиков" не бегать, не искать приключений на стороне. Наука не сложная, но мудрая. Он в нашем присутствии дал указание Никитину навербовать сотрудниц женского пола, да посмазливее. Так в штат были приняты девушки. Но это было после того, как были сданы в эксплуатацию первые восьмиквартирные брусчатые дома по ул. Островского, а затем по ул. Кирова. Девичьи фамилии я вспомнить не могу, но они вскоре после приезда стали женами Юры Иродова, Виктора Копылова и Виктора Малыхина (Рая, Оля, Вера). У Садовника в штате тоже появились девушки.

* * *

А. Д. Рязанцева мы считали представителем Совета Министров. Он первым приобрел радиоприемник "Мир", первый приемник пер-

вого класса, выпущенный в послевоенное время. Однажды он звонит мне и приглашает прийти к нему домой к 18 часам и посмотреть сломавшийся приемник. Я ответил, что у меня невелик навык, что я разбираюсь в простых приемниках. Он сказал, что пригласил еще Бабкина, начальника узла связи и Горских: "Вот вы вместе и разберетесь".

Встретила нас добродушная хозяйка, моложавая блондинка, очень красивая женщина, и две громадные охотничьи собаки. Последние решили с нами сразу познакомиться, встали на задние лапы, и свободно положив передние нам на плечи, облизали нас в знак знакомства. В этой семье не было детей, и внимание к собакам было повышенное. Хозяйка сказала, чтобы мы их не боялись, что они очень мирные. Затем она увела их во вторую половину коттеджа.

Мы осмотрели эту часть коттеджа. Хозяйка пояснила, что вот это ванная для собак, вот здесь они спят, а это помещение, где хранится амуниция охотника, т. е. мужа. Помню, ковер висел на всю стену и на нем несколько видов охотничьих ружей, сабли, кинжал и что-то еще.

Занявшись ремонтом радиоприемника, мы без особого труда нашли причину неисправности, хотя у нас не было ни тестера, ни других приборов. Был только пробник и куски проводов. Но к нашему счастью, поломка была в соединении спая на видном месте. Исправив приемник в боковой, гостиной комнате, мы не знали, что нас ожидало дальше и чувствовали себя несколько скованно.

Хозяин дома тут же стал слушать приемник. Он поймал какую-то заграничную станцию, немного послушал ее, а затем и говорит: "Вот мы тут на объекте обеспечиваем секретность, а я недавно собственными ушами слышал "Голос Америки", где они четко на всю планету сказали, что в районе Челябинска строится особо секретный завод атомного производства, где директором является Володин, а сотрудники завод называют "Хозяйство Володина". Это в то время, когда мы, работники завода, не имели права на выезд из города без разрешения, в отпуск из соображений конспирации.

Между тем в соседней комнате жена Рязанцева накрыла стол и, выйдя оттуда, пригласила всех к столу, предварительно показав, где можно помыть руки. Нам в то время нечасто приходилось бывать в гостях, тем более в таком обществе. Мы оробели, сев за стол, растерялись из-за обилия тарелочек, рюмок разных размеров, ложечек на подставках, обилием спиртного с красивыми этикетками, от ко-

торых в глазах зарябило. Мы окончательно смутились, что брать, в какую руку, с чего начинать. На помощь нам пришла добродушная хозяйка и ласковым тоном сказала: "Мальчики! Что будете пить? Вино или коньяк? Ради бога, не стесняйтесь, здесь все свои". Этим обращением "мальчики", она расположила нас к себе. Вскоре наша скованность растаяла.

* * *

Инициативная группа в составе Юрия Кузьмича Горских, Андрея Ивановича Бабкина и меня, при помощи начальника цеха 47 В. И. Сысуева в 1956 — 1957 годах по заданию Володина, при участии Л. Г. Созинова, поставила металлическую вышку около клуба "35 лет Октября". Проект составлялся проектной группой ОКСа. На эту вышку был поднят на веревках единственный в городе телевизор "КВН" с черно-белым изображением.

Наша задача была по очереди дежурить на вышке (на площадке 500 на 600 мм) и ловить сигналы Уфы, Челябинска. Сигналы были очень слабые, изображение неустойчивое, все под пеленой мерцаний, снежинок. Но Уфу раньше других станций поймали и зафиксировали. Больше всего наверху был Горских, он просто был одержимый, и кончилось тем, что получил воспаление легких и слег.

По заданию Володина мы выезжали на завод № 38 к директору Кожевникову в Юрюзань. Мы их просили на паях принять участие в строительстве телевышки на горе Медвежья. Поднимали на гору звенья вышки тракторами. Это было тогда, когда я работал в должности заместителя главного инженера по монтажу. Володин лично контролировал строительство вышки и одноэтажного дома из кирпича, потом подстанции. Нами руководила одержимость и желание, как можно скорее получить качественное изображение на экранах телевизоров.

* * *

В феврале 1953 года на объект приехал сам Берия, курировавший от правительства все объекты и стройки атомного направления. Впрочем, сам ли он?

Берия приехал в феврале 1953 года. Приехал с большой свитой, три вагона были поставлены в Василовке, на перевалочной базе, под особой охраной.

Из любопытства мы ходили смотреть вагоны на расстоянии, близко не подпускали. Со слов очевидцев: один вагон был для работы (офис), один для еды (ресторан) и один спальный.

Я лично окружение Берии, трех генералов, видел, даже рядом с ними стоял возле управления строительства. У них была униформа. Белые, приталенные полушубки, папахи, на ногах белые фетровые бурки. Все холеные, высокомерные. В сводках, при расстреле Берии один из генералов, тоже расстрелянный, Мешик, был в числе трех. Берия не показывался в поле нашего зрения. По нашим сведениям, он занемог и сведения об обстановке на объекте получал через донесения.

Кроме Ванникова и Берии, в разное время на заводе были и другие руководители высокого ранга. А. Н. Комаровский — зам. министра внутренних дел по строительству, А. М. Петросьянц — председатель Комитета по атомэнергии, Г. К. Георгиевский — зам. министра по строительству после Комаровского, А. П. Завенягин — начальник Первого Главка, В. И. Алферов — начальник Шестого Главка, Зернов, Чурин, Семенов — заместители министра Среднемаша; директора родственных заводов — Мальский, Соловьев, Солдатенко; А. А. Томилин — главный инженер Шестого Главка, и много других, всех невозможно перечислить.

С приездом руководства на предприятие, на месте, как правило, решались многие вопросы в части дополнительного финансирования какого-либо промышленного, энергетического комплекса. Отдельные заместители министра были наделены правами подписывать проектные задания со сметно-финансовыми расчетами. В конце концов кончилось это тем, что министр Е. П. Славский запретил подписывать финансовые документы на местах, оставив в силе законный порядок прохождения проектной документации. Но до этого подписано было довольно много документов на месте Зерновым, Чуриным, Семеновым, Алферовым и другими лицами.

Однажды приехал главный инженер нашего Главка Томилин, он был ответственным за состояние техники безопасности на объектах. И вот, после случаев падения автомашин с откоса при спуске к заводу перед мостом, ему дали подписать проектное задание и сметно-финансовый расчет на бетонную стенку вдоль всего спуска. Он колебался, но все-таки подписал. Стенка была выполнена и до сих пор стоит. Но Томилин получил выговор по министерству за превышение полномочий. Стенку с того дня прозвали Томилинской.

Сам же Томилин для поднятия имиджа, постоянно напоминал по приезде в город о своем смелом решении.

С высокими гостями были и казусы. Где-то в 1960 году, весной, приехали заместитель министра Чурин и начальник Главка Алферов в адмиральской форме. В мои функции входило подготовить все наглядные пособия и титульные листы проектных заданий для получения подписи начальства, затем присутствовать при этом и дополнять, при необходимости, справочными материалами, отвечать на разного рода вопросы. Встреча была назначена на 10 часов в кабинете Володина. Время 10.00, никого нет... И вот в 10 часов 30 минут в кабинет влетают, в полном смысле, Чурин, Алферов и Володин. Володин дал мне знак, обозначающий испариться. Уходя, слышу крики Чурина: "Тоже мне, показуху устроили, накрасили, мог бы и предупредить". А Алферов в тон Чурину кричал: "Володин, жулики у тебя здесь собраны". Дале все забегали со скоростью молнии. Вызвали Потапова. Он забежал в кабинет Володина, также быстро вышел, сел в приемной к телефону и стал куда-то звонить.

Оказалось, злоключения начались с утра. Чурина и Алферова завели позавтракать в столовую. Они разделись, позавтракали, а когда стали одеваться, то у Алферова не оказалось шелкового кашне, атрибута адмиральской формы. Их провели в цех к Пятибратову, а тот накануне покрасил сиденья вращающихся табуреток. Тогда модно было внедрять элементы культуры производства. Чурин сел на один свежеокрашенный табурет и прилип к сиденью. Найти на месте растворитель и очистить штаны не удалось, да и неудобно это делать в цехе. И вот Потапов вызвал кого-то со спиртом и тампонами в кабинет Володина. Всем за это попало. Ну а кашне Алферова оказалось в гостинице, он его забыл, видимо, не привык к адмиральской форме. Перед самым приездом он стал адмиралом.

В 1959 году многие начальники цехов купили "Волги". Пятибратов изготовил в цехе хромированные украшения на личную автомашину. Володин узнал об этом и дал указание подсчитать стоимость работ и удержал с него всю сумму. Удержание повторилось. Он отлил в литейке бронзового бычка, похромировал его и в день рождения вручил Володину, а тот удержал с него стоимость изготовления подарка. Вот так Володин боролся со всякого рода расхищениями и подхалимами. В этих вопросах он был щепетилен.

Володин не был гурманом, много поесть — да. Единственно, к чему был неравнодушен — к перцу. Столько потреблял — в жизни

больше не приходилось видеть. Володин брал со стола перечницу, просил принести еще с соседнего стола, открывал бумажные затычки перечниц и высыпал в свою тарелку... Пищи на столе всегда было столько, что можно было бы свободно накормить еще пару или тройку человек. Мы же, съев обед по своей комплекции, сидели уже без дела. Володин спрашивал обычно: "Ну, что не едите?". Получив ответ, что уже наелся, добавлял: "Ну ладно, пострадаю за народ", — и съедал все оставшееся.

Вспоминаю такой случай. Приехали директора заводов, руководители Главка, министерства на совещание. Прервались на обед. Обедать всем вместе уже стало традицией. Мне досталось место рядом с председателем ЦК профсоюза отрасли А. Н. Каллистовым, очень разговорчивым человеком, большим юмористом. Володина не было, он где-то задерживался. И вдруг Каллистов почти фальцетом закричал: "Братва! Убирайте перечницы, Володин идет!". Мы были мальчишками, а перед нами сидели мудрые руководители, вынесшие на своих плечах организационные периоды строительства и пуска в эксплуатацию целого ряда атомных предприятий, хорошо знающие друг друга люди, сохранившие в себе не только взаимное уважение, но и детский юмор. После крика все грохнули смехом, все знали про железный желудок Володина и его повадки.

Осенью 1959 года наш объект посетил министр Средмаша Ефим Павлович Славский.

Я был в то время в должности и. о. главного инженера ОКСа, и с нами, со строителями, был отдельный разговор. Мы были информированы о причудах министра. Нам описана была его внешность и сказано, что у нас на стройке есть его двойник — геодезист Федяев. Мол, не попадите впросак. И все-таки кое-кто попал.

Каждому из нас на стройке было отведено место, где мы должны дежурить и не пропускать никого из посторонних. Мне отведена была роль дежурного в проеме левых ворот, в первом пролете здания № 141. По соседству в проеме ворот второго пролета дежурил Михаил Данилович Зорин.

Длина пролета здания до 100 метров. Поэтому с нашего наблюдательного пункта нам было видно, как со стороны бытовых помещений вошла большая группа. На расстоянии были видны каракулевые "хрущевки". Кто из них министр, кто зам. министра, не разобрать. И вдруг до меня донеслась брань с отборным пятиэтажным матом: "Куда ты лезешь... Я тебе говорю... Вер-

нись... Мы ждем министра, уйди с глаз...". По второму пролету, со стороны ворот, охраняемых Зориным, шел невысокого роста, полный человек, одетый в телогрейку, шапку-ушанку и резиновые сапоги. Так обычно одевали рабочих-зеков. На лицо — Федяев, Михаил Данилович шел за ним по пятам и ругал отборными словами.

Но вот группа лиц окружения министра двинулась навстречу этому человеку. Генерал из окружения вышел вперед и попытался отдать рапорт. Странный человек снял ушанку и, махнув рукой в сторону Зорина, сказал: "Тут уже один из местных отдал мне рапорт".

Бедный Михаил Данилович понял, кого он крыл матом. Бедный, он то бледнел, то краснел, все время поправлял фуражку и плащ-палатку. Что удивительно, человек интеллигентный, никогда от него никто не слышал грубого слова. А тут отборным матом покрыл самого министра.

Генерал опять попытался по форме доложить, но Славский резко оборвал его и сказал, что он все осмотрел лично. Ефим Павлович сработал "под работягу", чтобы выведать все в сжатые сроки и не с фасадной стороны.

Повторно встретился я с Ефимом Павловичем в 1970 году, в его министерском кабинете. После моих вводных слов, с чем я прибыл, он говорит: "А ведь я вас где-то видел". Я ему рассказал, что работал у Володина и напомнил ему историю с Зориным. Он расхохотался и говорит: "Помню, помню, как меня ругал ваш офицер. На его месте я бы точно так же поступил бы". И, видно, был очень доволен, что так провел всех.

* * *

В 1958 году меня избрали членом парткома завода. Наша группа рассматривала персональные дела.

Кто мог подумать, что первое персональное дело, которое нам пришлось разбирать, будет дело главного инженера завода Потапова. Он очень любил быструю езду и часто давал указание водителю ехать быстрее. И вот однажды, на повороте грязью с ног до головы окатил работника 7-го отдела Севидова, который был в белом полушубке. Дело могло закончиться просто принесением извинений со стороны шофера (фамилию не могу вспомнить) и Потапова. Потапов извиниться отказался, мотивируя неприятный случай совпаде-

нием. Севидов написал заявление в партком. Таким образом заявление попало к нам на комиссию. Побеседовав со всеми, приняли решение объявить Потапову замечание и обязать принести извинения Севидову.

В 1959 году вновь пришлось разбираться с персональным делом Потапова. Его срочно вызвали в Москву. Был он на заводе на своей машине, сам за рулем. И вот на улице Кирова он превысил скорость, да еще совершил обгон в запрещенном месте. Работник ГАИ догнал его уже на лестничной площадке. Потапов поднимался в квартиру, чтобы собрать вещи. Работник ГАИ преградил ему дорогу и стал говорить о нарушениях. Потапов молча взял за грудки милиционера, переставил и продолжил движение вверх по лестнице. Милиционер вновь забежал вперед, повторяя о допущенных нарушениях. Потапов, не слушая, оборвал его: "Не мешай, я спешу на поезд". На второй день в партком поступило заявление от начальника ГАИ. И вот вновь мы разбирали дело Потапова. Предложили объявить ему выговор с занесением в учетную карточку. Партком наше решение поддержал.

Так, дважды мне пришлось делать неприятности Потапову. Но это не помешало нам с ним быть в очень хороших отношениях. Звал он меня не Геннадьевичем, а Анатольевичем. Почему-то шиворот-навыворот.

* * *

Неожиданно для себя я стал теплотехником. Началось с того, что Володин предложил курировать котельную и теплосети, а затем назначил начальником цеха 401. К этому моменту в цехе заканчивался монтаж первого котла и были смонтированы основные конструкции второго котла. Цех строили заключенные. Спецработы вели вольнонаемные "Главспецмонтажа" Главка Георгиевского. Возглавлял работы по спецмонтажу котлов очень горластый начальник участка Н. Д. Воинов. Крик с применением пятиэтажного мата магически действовал на его рабочих, да и заключенных тоже. Высота котельной до 18 метров, но если он находился в здании, его слышно было в любом углу.

Сроки ввода котельной были жесткие, к началу отопительного сезона — пуск первого котла. Все сознавали, что работать на одном котле, без резерва, зимой опасно и поэтому форсировали работы по второму.

Мы готовились к пуску котельной. В 1954 году впервые разрешили набирать рабочих из местного населения.

В цехе работал зольщиком Беляев, который доставлял хлопоты тем, что забирался на металлическую дымовую трубу высотой 60 метров по наружным скобам. Вставал на кромку трубы и кричал все, что ему вздумается. Его ругали, наказывали, а он все равно лез, выполняя этот цирковой номер.

Однажды приходит он ко мне в кабинет и говорит, что дымовая труба прохудилась и падает. Спустя несколько дней неугомонный зольщик принес в мой кабинет скобу от лестницы из верхней части трубы и сообщил, что они там уже не держатся, а в трубе имеются просветы. Верхняя часть трубы, 20 метров, качается от ветра. Я доложил Володину об этом.

Вскоре после этого подул сильный ветер. Мне доложили, что верхняя часть трубы под угрозой падения. Падение возможно в сторону зоны заключенных, где работало 40 человек. Я распорядился немедленно вывести из зоны заключенных и дал телефонограмму о немедленном прибытии представителей в связи с аварийной обстановкой. Прибыло человек 15, в том числе из КГБ, а также заместитель начальника Главка Г. П. Андреев. Показали шатающуюся трубу. Они постояли, посмотрели, сказали мне, чтобы я не паниковал, и пошли к автобусу. Разошлись. Вдруг бежит кто-то из рабочих и кричит, что труба падает. Все вновь пошли смотреть на трубу. Она несколько раз качнулась и упала на территорию зоны заключенных. Все прошли ко мне в кабинет и составили акт о падении трубы и износе металла. Таким образом был засвидетельствован факт падения трубы не по вине обслуживающего персонала. Не будь циркач Беляев так бдителен, а я предусмотрителен, мог бы попасть под суд.

Была весна, остаток отопительного сезона доработали с остатком трубы высотой 40 метров. К следующему отопительному сезону была выполнена надежная труба, которая стоит и до сих пор. С разрешения директора завода из упавшей части трубы были изготовлены металлические гаражи. Они, по-видимому, стоят и сейчас.

История с падением трубы в министерстве и за его пределами превратилась в байку. Как, мол, один начальник цеха вычислил время падения дымовой трубы и собрал комиссию к этому часу. Я ее слышал в Главке не один раз, но уже без фамилии и места, где это случилось.

В завершение другой истории была необходимость вызова спецорганов, отдела техники безопасности и даже саперов-взрывников. Уголь мы получали из Коркино. Запас его штабелевали на улице. Основы науки складирования угля мы знали, но случилось непредвиденное, что послужило уроком для всех последующих лет.

Осень была дождливая, уголь, пропитанный влагой, замерз. Слой мороженого угля доходил до 1 метра. Бульдозеры не могли его рыхлить и подавать на топливоподачу. Температура понизилась, а у нас с топливом критическая ситуация. И вот тогда возникла мысль вызвать взрывников. Это был большой риск. Все оценили солдатами, сделали шесть шурфов, заложили тол и взорвали. Взорвался один шурф, второй, третий... Шестого взрыва не прозвучало. Дело было во второй половине дня. Пытаемся найти шестой флажок и не можем, взрывной волной соседних шурфов он был завален. А время не ждет, котлы вот-вот остановятся из-за отсутствия топлива. Большинством мнений сошлись на том, что пятый и шестой взрывы были сдвоены. И тогда решили пустить бульдозеры. Вместе с талым углем бульдозеры подавали и глыбы мороженого угля. Я доложил обстановку директору завода и попросил в помощь людей с ломами из других цехов.

Это был большой риск, а вдруг "шестой" не взорвался. Взрывчатка тогда попадет в топку котла, и он полетит в воздух. Нам этот случай помог приобрести опыт заблаговременного создания запасов угля в сухую погоду.

Однажды ночью дежурный по энергослужбе сообщил мне, что в котельной разорвало один из питающих водоводов диаметром 200 мм. Это грозило остановкой котельной. За мной и Л. Г. Созиновым приехала дежурная машина. Снежная пурга слепила глаза. Нас встретил В. С. Науменко. Он был в ту ночь дежурным. Зашли в цех. Слева вдоль котлов уже поднимался уровень воды. Решили найти колодец перед котельной и закрыть входную задвижку на водоводе. Вооружившись ломиками, стали по стуку определять, где крышка колодца.

Снегу было много. Ходили, ходили, как дятлы, стучали ломами. Вдруг Созинов спрашивает меня: "А где Науменко?". Я оглянулся, только что я видел его и вдруг испарился. Минута растерянности. Совершенно неожиданно между мной и Созиновым появляется голова в шапке-ушанке. Науменко. Колодец оказался открытым, и он ухнул вниз. Радость неописуемая. Созинов говорит: "Чего же вы

вылезли, спускайтесь и крутите штурвал задвижки". Науменко спустился в колодец уже по скобам и закрыл задвижку.

Прошло какое-то время, и снова авария. Вышел из строя дымосос. Заместитель начальника цеха Рассказов принял неграмотное решение: пустить газы через дымосос второго котла, минуя хвостовую часть дымохода, рассчитанную на охлаждение газов после выхода из котла. Чем и вывел из строя дымосос второго котла. Котел был остановлен. Нашли нас с Созиновым. Обстановка была в городе очень серьезная, тепло нужно было подать немедленно. Нами было принято решение: пустить газы через дымосос четвертого котла. Нашли правильное решение.

* * *

А вот случай уже из, так сказать, судебной практики.

В 1957 году самому В. М. Молотову поступило письмо от заключенного Самодурова из нашего лагеря.

Он доносил, что имеет на руках неопровержимые доказательства, что на строительстве искажается отчетность и допускаются факты приписок в крупных суммах и организованных пьянок руководства стройки. Речь шла о распитии канистры спирта в рабочее время.

В город прибыла комиссия из МВД для проверки фактов на месте. С кем и как удалось Самодурову направить письмо Молотову, и почему ему именно — это осталось тайной даже после отъезда комиссии. Комиссия состояла из трех офицеров, в том числе следователей из управления лагерями. Члены комиссии вышли на Самодурова. Но тот усомнился в их благих намерениях и сказал, что подлинники документов ни за что им не отдаст, а покажет для снятия копий только лицу, которому он может доверить. Комиссия вынуждена была согласиться на его условия. Когда его спросили, кому он может довериться, он почему-то назвал меня.

В это время я уже работал начальником цеха 401 и никакого отношения к лагерю заключенных не имел. Меня вызвали в КГБ, где объяснили ситуацию и просьбу комиссии посетить в лагере Самодурова для ознакомления с его документами и дать свои соображения по их достоверности. Меня предупредили, что меня будут сопровождать только до ворот лагеря, никаких охранников, никакого оружия мне не дадут. Поскольку речь шла о финансовых делах

строительной организации в те годы, когда я работал в ОКСе, мне самому было интересно, что бы это могло быть, и я дал согласие на встречу с Самодуровым.

В лагере проиграли сценарий со всякими подстраховками и дублирующими вариантами, в том числе и для сохранения мне жизни. В клубе лагеря организовали показ кинофильма, что-то очень интересное. Все заключенные под контролем лагерного надзора и "бугров" покинули бараки, остался один Самодуров. Меня довезли до ворот лагеря, дали последнее напутствие, пропуск, и я пошел искать Самодурова.

Воспоминания лезли в голову самые разные. В 1953 году в лагере была забастовка заключенных. Лагерное руководство было взято в заложники. Начальник лагеря Журавлев содержался в карцере на тех же условиях, что и он содержал там провинившихся заключенных. Заключенные удерживали свою власть в лагере 17 дней. Порядок поддерживали самостоятельно. Из Москвы приезжала специальная правительственная комиссия для расследования. Была стрельба с обеих сторон, но для устрашения. На определенных условиях заключенные сдались военным. После этого случая лагерное руководство было заменено, а часть заключенных пошла по этапу с добавлением сроков...

Самодуров меня ждал у открытой двери комнаты на шесть коек. Он был краток, сказал, что у него имеется 20 листов формы № 2, изобличающих руководство стройки. В то время обязанности начальника стройки исполнял Кудрявцев, приписки в документах были на 3 млн. рублей. Он также сказал, что доверяет мне, как принципиальному человеку, сведущему в делах строительства.

Дальше следует рассказать, кто же такой Самодуров и как его деятельность переплелась с моей судьбой. На строительстве жилья работал старшим прорабом капитан Черкасов, человек в возрасте и нулевым образованием. Звание офицера он получил на фронте. Был очень оригинальным человеком, о нем ходили анекдоты. Вместе с тем он всеми силами и средствами доказывал свое право работать на руководящей должности и, надо сказать, справлялся успешно. Был изворотлив и оперативен, принимал довольно смелые решения, находил правильный выход из сложных ситуаций. И вот этот Черкасов в нарушение действующих законов неофициально использовал заключенного Самодурова на инженерно-технической должности по учету сдачи выполненных работ.

Что делал Самодуров. Записывал все объемы по проектам и фактически оплаченные. Затем, с переходом капитана Черкасова из промзоны в жилзону, подготавливал форму № 2 на как бы недооплаченные заказчиком объемы работ строительству. Самодуров своими действиями осчастливил свое вольнонаемное руководство и был в большом почете у него, как знающий человек. Начальству такая "недооплата" была очень выгодна.

Со временем пришла очередная правительственная депеша по проверке использования труда заключенных и категорическому запрещению использования их на "блатных", легких работах. Самодурова перевели на физические работы. Он посчитал, что это сделал начальник строительства, вот он и решил отомстить ему и своему бывшему начальнику Черкасову и написал письмо Молотову.

Самодуров все рассчитал до мелочи. Спросил меня, могу ли я помочь ему. Я сказал, что дал согласие комиссии и раз пришел сюда, то помогу. Он отошел к окну, из-под обналички вытащил нож, нырнул под кровать, извлек оттуда деревянный самодельный чемодан. Ножом провел по контуру дна, вытащил дно из фанеры, на втором дне лежали листы подлинников формы № 2, подписанные подрядчиком и заказчиком (вторые экземпляры). Он дал их мне в руки, сказав: "Возьмите, изучите". Я сел к столу и начал читать. Прошло 4—5 лет, как я ушел из ОКСа, мне надо было сосредоточиться. Прочитав, я задал ему ряд вопросов, он ответил, я все понял, но перед ним не раскрылся, сказал, что мне нужно время на изучение и на заключение. Попросил под расписку дать материалы, хотя бы до утра. Он согласился с условием, что утром я ему их верну лично. Нужно было уходить из лагеря, время поджимало, кино вот-вот закончится. Мы расстались с ним "друзьями".

В машине меня ждали работники КГБ и члены комиссии. Я мог бы считать свою миссию выполненной, передать документы — и все. Но я попросил вызвать из дома машинисток. За ночь сняли копии всех документов. Я всю ночь просидел, сверял формы с официально прошедшими через финансирование и хранившимися в архиве. Помогал мне начальник сметного отдела управления строительства.

Утром я отвез формы № 2-подлинники в лагерь. Самодурова в этот раз привели в кабинет начальника лагеря, и я ему вручил пакет. Он его надорвал, пересчитал количество листов, отдельные листы посмотрел и сказал, что ждет ответа и результатов.

Мы распрощались навсегда. Я еще тогда вечером понял, что передо мной ловкий махинатор. Он же играл с судьбой. Его обвинений, не докопавшись до сути документов, было достаточно, чтобы по тем временам посадить в тюрьму все руководство строительства. Но он просчитался. Формы № 2 с искажением объемов готовил именно он, ловко играя на неосведомленности новых руководителей. Распитие спирта Кудрявцев признал, но это было по тем временам не великим грехом, оказывается, его выпили на каком-то строительном празднике, и за это он получил взыскание по Главку.

После моего экспертного подробного заключения по существу письма Самодурова комиссия признала во всем виновным его самого, и его пустили по этапу — перевели в другой лагерь с добавлением срока. И это было справедливо.

* * *

В 1955 году я был послан в командировку — это была одна из первых, потому запомнилась на всю жизнь. Поручение Володина было сложным. Нужно было в министерстве зайти к Л. А. Петухову и с его помощью отгрузить шесть барометров, получив их на заводе-изготовителе. Прихожу к Петухову и получаю от него инструктаж. Сама форма инструктажа, способ исполнения вызвали у меня в то время одновременно и изумление, и восхищение, и гордость.

Петухов вызвал легковую машину. Это был "ЗИМ" самого министра Славского со шторами на боковых стеклах. Затем он вызвал отделение солдат из охранного взвода, отобрал из них двоих самых солидных, крепких. Солдаты прибежали в боевой экипировке с винтовками. Петухов дал указание заменить винтовки на карабины со штыками. Солдаты сели на заднее сиденье, шторки отодвинули, карабины поставили на пол машины, чтобы их было видно через окно. Напоследок Петухов напутствовал: "Перед зданием заводоуправления наберите скорость и резко затормозите, да так, чтобы тормоза завыли. После чего идите к директору".

Мы все так и сделали. И все прошло без каких-либо проволочек. Под окнами заводоуправления затормозили так, что взвыли тормоза. В окнах показались лица. "ЗИМ" со штыками в окнах произвел должное впечатление. Прошли в кабинет, директор нас выслушал, что нам нужно и кто мы. Прочитал письмо. Сам лично проводил нас на склад. Убедившись, что нужные нам приборы имеются, но

4 Заказ 2236

еще в цехе, проводил нас в цех. Там нам быстренько выдали приборы. Не спектакль бы по сценарию Петухова, все было бы не так просто.

* * *

Первые дороги строили и гравийные, и с бетонным покрытием. Общий километраж сдаваемых в эксплуатацию дорог в год доходил до 100—120 км. Руководил строительством дорог начальник специального дорожного участка майор Н. Н. Фокин, по прозвищу Академик. Он окончил военную академию и часто об этом любил напоминать.

Фокин был необыкновенно виртуозным человеком, очень рискованным и, несмотря на промахи, всегда выходил сухим из воды. Можно было у него многому и поучиться.

У Фокина было до десятка специализированных, хорошо оснащенных техникой бригад.

Однажды приехал ко мне майор Виноградов (КГБ) и сообщил, что по их каналам поступило сообщение, что в деревне Медвежьей произведен взрыв, в результате которого пострадали 15 домов. В домах выбиты стекла и развалены печи. Необходимо срочно разобраться на месте. Как главный инженер управления строительства я отвечал за выдачу взрывчатки дорожникам и взрывные работы.

Случай, серьезней не придумаешь. Выехали мы с тремя представителями Челябинского КГБ. Поехали в сторону Бакала, виляя по лесным дорогам. И так ползли более четырех часов, от одной базовой стоянки до другой.

Сам Фокин нас на дороге не встретил. Изрядно уставшие, мы подъехали к Медвежьей. Каждый ожидал увидеть массовые разрушения.

Подъехали к первому дому. С крыльца сошел небольшого роста, лысенький, с седой стриженой бородкой дед, в руках на рушнике каравай хлеба. Теплый, почти торжественный прием.

Старший кэгебист спросил нас, туда ли мы приехали. Что-то не похоже, чтобы здесь что-либо было разрушено. Наш проводник подтвердил, что это деревня Медвежья. Тогда старший предложил ехать дальше, здесь, наверное, свадьба. Поехали к следующему дому, та же картина. Такой же дед стоит с хлебом на рушнике. Выйдя из машины, мы, не сговариваясь, обернулись к первому дому, подумав, как быстро дедушка перебежал от первого дома ко второму. Но убедились, что у первого дома дед стоит на том же месте. Реши-

ли ехать дальше. У третьего дома все вышли из машин. Здесь нас встречала с хлебом на рушнике симпатичная бабуля. Это нас заставило поверить, что мы не в сказке. Подходим к дому, старший из КГБ говорит: "Что, здесь вся деревня в свадьбах?" Навстречу, кланяясь и крестясь, семенит бабуля с хлебом и причитает: "Дорогие наши гости, милости просим, отведайте нашего хлебца, проходите в хату, будете нашими гостями, заждались мы вас, вторые сутки ждем". Такие вот пироги!

Тут вот и объявляется Фокин. Улыбается, со всеми поздоровался за руку. Затем отозвал в сторону начальника управления А. Г. Дмитриенко и что-то ему сказал. "Кэгэбешники" между тем в дом заходить не спешат, а все осматриваются по сторонам. Где же разрушения? Сели в машину и на медленном ходу с открытой дверцей поехали по улице и осмотрели все дома, прежде всего стекла. А они во всех домах были целыми и невредимыми. Возвратились к нам. Хозяйка дома снова запричитала: "Заходите в дом, дорогие гости, угощайтесь".

Старший из КГБ задал бабуле вопрос: "У вас в деревне ничего не случилось?" Бабуля ответила: "Нет, ничего, вот вас поджидаем, сказали, к нам едут большие гости, встречайте, вот мы и встречаем". Ей опять вопросы наводящие: может, у вас дома были разрушены? "Нет, у нас в деревне все дома целые". Ей вопрос напрямую, слышала ли о взрыве поблизости. "Нет, ничего не слышала". И опять стала нараспев приглашать в дом.

Внешний вид домов был необыкновенно праздничным и какой-то неестественный. Часть домов обшита тесом и покрашена в синий цвет, поручни, полы на крыльце свежевыкрашены в желто-оранжевый цвет. На других домах красочно раскрашена обналичка, фронтоны. Все это говорило либо о высокой культуре содержания домов и материальном достатке жителей деревни, либо о строгом и хорошем хозяине, в чьем ведении находится этот лесной кордон смолокуров.

Войдя в дом, мы оказались в довольно просторной комнате, посредине которой стоял стол, накрытый скатертью. А на столе чего только не было — медвежатина, лосятина, рыба жареная, рыба отварная, грибочки и ягодки. На середине стола стояла посудина, которую наше поколение еще помнило от родителей, называемая "четверть", с жидкостью. Нетрудно догадаться какой.

Нас настиг запах свежей масляной краски, который держится в

только что отремонтированной квартире. Бабуля снова запела: "Дорогие гости, откушайте с дороги, примите, сколько требует душа первачка". Тут же и Академик почти как хозяин стал приглашать остограммиться и поесть. В искусстве уговаривать ему не было равных. Гости наотрез отказались пить. Старший, самый полный и солидный, за всех сказал спасибо, мы при исполнении обязанностей. "Кэгэбешники" опять вышли и пошли по домам выведывать и расспрашивать. Фокин неотступно их сопровождал. О чем и как он с ними говорил, мы не знали, но когда они вернулись, то все сели за стол.

Голодные, уставшие, все ели с аппетитом. Академик подливал в граненые стаканы жидкость из четверти, затем брагу. Через два часа все были сыты и во хмелю. Старший даже занемог. Гостеприимные хозяева перенесли его в машину, положили на заднее сиденье. И вскоре все мы тронулись в обратный путь.

Прижатый к стене неопровержимыми доказательствами, Фокин все нам рассказал, а его рабочие много месяцев спустя дорассказали все детали случившегося. Оказывается, мы приехали на дорогу на девятый день после случившегося.

Бригада встретила на трассе дороги валун диаметром около 5 метров, и Фокин принял решение взорвать его. Рабочие предупредили, что камень относится к особо крепким породам. На его дробление потребуется много взрывчатки, а это опасно для деревни Медвежьей. И, вообще, нужно особое разрешение областных организаций.

Но Фокин не был бы Фокиным, если бы согласился с этими предупреждениями. Он пробурил несколько шпуров, заложил весь имеющийся у него в запасе тол и рванул. В результате во всех домах Медвежьей были выбиты стекла, полетели печные трубы и еще кое-что.

Фокин поначалу струхнул, но быстро пришел в себя. Он осмотрел содеянное, понял, чем это ему грозит, и пришел к выводу, что нужно все восстановить за счет дорожного участка. От нас все скрыть. Но кто-то по линии лесничества доложил куда надо. Дальше, как в испорченном телефоне, все стало обрастать слухами аж до Челябинска. И оттуда приехали представители КГБ разбираться и наказывать.

Но Фокин успел замести следы содеянного. По аварийной тревоге собрал сюда рабочих со всех участков, объяснил им о случив-

шемся и приступил к восстановительным работам. Сколотил бригады печников, плотников, стекольщиков, маляров, снабженцев. И начался аврал.

Надо отдать должное, доставить кирпич, раствор, краски, инструменты, людей за сотни километров от деревни и за девять дней произвести ремонт 15 домов — это своего рода подвиг, и Фокин его совершил. Теперь судите сами, что мы должны были с ним сделать. Человеческих жертв не было, дома отремонтированы, жители деревни ему благодарны и в знак благодарности его не подвели перед комиссией. Фокин, конечно, получил взыскание и с него высчитали материальные затраты на ремонт домов, но и только. Другой бы на его месте, конечно же, загремел бы по этапу по статье. У КГБ на этот счет строго.

А. КОГАН

СОРОК ТРУДНЫХ И РАДОСТНЫХ ЛЕТ

После института я работал на Миасском напилочном заводе. Был активным общественником, со мной беседовал первый секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ Петр Решетов. Он предложил мне возглавить комсомольскую организацию в Златоусте. Я дал согласие. 17 апреля 1953 года меня вызвал директор завода Вахминцев и подал телеграмму с текстом: "По решению обкома КПСС Малыхина Виктора Тихоновича рассчитать в 24 часа и направить в распоряжение Златоустовского горкома КПСС. Секретарь обкома КПСС Лаптев Н. В.".

Я срочно уволился и 19 апреля прибыл в Златоуст в надежде, что буду здесь работать на комсомольской работе. Когда зашел к секретарю горкома партии и показал ему телеграмму, он сказал, что это не к нему, а нужно пройти в соседнюю комнату. Там меня принял, как я потом узнал, помощник Володина по кадрам В. И. Никитин. "Вы заполняли анкету?" — спросил он. "Да, заполнял",— ответил я. "Тогда поехали". "Куда?" — спросил я. "Потом узнаете", — ответил он. Приехали мы на железнодорожный вокзал, сели в поезд. Я снова спросил: "Куда мы едем?". "Куда приедем, туда и приедем", — ответил он, не желая вступать в разговор. Ночью приехали на ст. Вязовая. "Здесь нам сходить", —

сказал Никитин. Сошли на перрон. Нас ждал ГАЗ-67. Ночь, темень непроглядная, дождь, слякоть и очень плохая дорога. "Куда мы едем?"— снова спросил я. "Приедем, узнаешь", — ответил Никитин. Еле-елс добрались до какого-то населенного пункта, как впоследствии я узнал — Юрюзань, поехали дальше. Доехали до шлагбаума, никакой колючки не было, деревянная будка и три строительных солдата.

Проехали несколько темных бараков и подъехали к единственному брусчатому двухэтажному дому. Поднялись на второй этаж. В комнате стояли четыре койки.

— Вот эта койка твоя, — сказал Никитин, а эта — главного бухгалтера Рубцова. Здесь будешь жить. И не расстраивайся, работа будет по специальности и на очень хорошем заводе.

Мне эта таинственность даже понравилась. Было мне 24 года, я полон сил, еще не женат, ничто меня не связывало с прежней работой.

Утром Никитин повел меня, как он сказал, к "Хозяину". "Хозяин" принял меня в форме полковника. Он побеседовал со мной и предложил должность заместителя начальника цеха 106. Я дал согласие. Но поскольку на месте были забиты только первые колышки, Володин вызвал меня 21 апреля и сказал:

— Вот тебе первое задание — завтра в 12.00 по московскому времени позвони мне сюда из Ленинграда, получишь дополнительные инструкции.

Я был ошарашен, как за сутки можно было попасть в Ленинград? Но делать было нечего, нужно выполнять задание "Хозяина".

Я очень здорово намыкался, но все-таки добрался до Ленинграда и позвонил с Главпочтамта около 15 часов по Москве, с опозданием на три часа. Володин отчитал меня за опоздание со звонком и дал задание найти в гостинице "Европейская" главного технолога Тарасова и выполнять его задания.

Без особого труда я нашел Тарасова. Он мне сказал, что назначаюсь старшим по Ленинграду и должен встречать и устраивать молодых специалистов на квартиры. Они будут стажироваться в Ленгипрострое по проектированию технологических планировок цехов.

Примерно к 27 апреля мы закончили планировки и 1 мая возвратились на объект.

Мне было поручено организовать комсомольскую организацию.

Собрание состоялось 3 мая. День был очень хороший, теплый и солнечный. Вынесли на поляну стол и стул. Комсомольцы расположились на пеньках. Комсомольцев было всего 11 — Анна и Сергей Яровенко, Рая и Юра Иродовы, Виктор Копылов, Вера Рыбина, Володя Ляс, Юра Антонович, Юра Арефьев, Анатолий Коган и я. Меня избрали секретарем комсомольской организации завода. Приняли первое решение из трех пунктов: всем комсомольцам на своих местах принимать активное участие в пуске завода, провести шахматный турнир, построить волейбольную площадку. На месте теперешнего пожарного депо мы построили первую волейбольную площадку. Для этого нам пришлось выкорчевать несколько пеньков.

На завод стали прибывать новые кадры, высококвалифицированные рабочие и окончившие ФЗО, инженеры и техники. Володин направлял всех на практику и стажировку в Москву на завод Солдатенко. Меня опять послал старшим, и я должен был устраивать их на завод, искать им жилье и вести табель.

Помню, летом 1954 года неожиданно вызывает меня Володин. Когда я вошел в кабинет, он хохотал и стучал ладонями о кресло. "Посмотри, что вытворяют твои комсомольцы", — сказал Володин и протянул мне телеграмму. Читаю: "Сижу на станции, вещи и деньги украли, жду дальнейших указаний. Ворожейкин". Володин, конечно, помог Ворожейкину вернуться на наш объект.

Мы понимали, что попали работать на какой-то важный государственный объект, немного кое о чем догадывались, но о том, что конкретно мы будем выпускать на этом заводе, никто не знал и не догадывался. Пока в августе 1954 года на объект не приехал первый заместитель министра среднего машиностроения Б. Л. Ванников. Нас, заводчан, связанных с изготовлением продукции, на тот момент было немного, человек 10—12. Собрались мы в кабинете Володина на первом этаже брусчатого дома. Ванников впервые нам открыто сказал: "Партия и правительство поручило вам изготавливать атомные и водородные бомбы. В 1955 году вы должны пустить завод и изготовить первые бомбы". Честно говоря, мы были ошеломлены этим известием. Чего-чего, но этого мы никак не ожидали. На следующий день нас всех вызвал к себе, как мы его считали, представитель Совета Министров на объекте по режиму, полковник А. Д. Рязанцев и сказал: "Заместитель министра может себе позволить сказать что угодно, но если вы кому-либо расскажете о том, что он сказал, то получите по 25 лет тюрьмы".

27 апреля 1954 года Володин назначил меня начальником цеха 115, в первом построенном здании 109. В основном с молодыми ремесленниками мы за месяц установили и подключили все станки, и в мае цех начал работать. Володин был доволен нашей работой, объявил благодарность и выдал всем ИТР денежную премию в размере месячного оклада. Из всех ИТР цеха я один имел маломальский опыт работы в механическом цехе, остальные только что окончили институты или техникумы.

Примерно в июне 1954 года мы перешли в новое здание 101 и стали цехом 101. Все началось вновь — установка оборудования, подключение станков и т. д.

Мы еще не представляли все сложности технологии, допускали значительные отклонения от документации, считая их не влияющими на качество изделий. А оказалось, это совсем не так. На заводе появилась служба заказчика и было забраковано все, что мы сделали за последнее время. Нужно было срочно менять отношение к соблюдению строжайшей технологической дисциплины. Мы работали каждый день до 2—3 часов ночи, иногда ночевали в цехе, занимаясь переделкой.

Конечно, с пуском завода не закончились наши производственные трудности. Они перешли в новое, так сказать, русло, постоянно давлели над нами сроки, необходимо было повышать качество, укреплять трудовую дисциплину и много-много других вопросов и проблем приходилось решать на посту начальника цеха, а затем и в составе руководства завода. Трудная сорокалетняя работа на заводе. Но было и немало забавного.

Когда еще не было деревянной лестницы по оврагу, мы ходили на завод по тропинке. Зимой по снегу было очень трудно подняться в гору от моста. Наверху росла сосна и, чтобы забраться наверх, к ней была привязана толстая проволока. Как-то раз зимой программу закрывали в 4 часа утра и домой пошли пешком — Володин, Потапов, Киселев, Рязанцев, Васин, Аверьянов, я, всего человек двадцать. Подошли к проволоке и пошли вверх, держась за нее. Аверьянов шел первым. Когда он взобрался наверх к сосне, то взял и отвязал проволоку, и мы все кубарем покатились вниз. Больше всех хохотал Володин, а сердился и ругался только один Рязанцев.

Питались мы тогда в столовой, единственной до 1955 года. Както раз сидим за столом — Володин, Разин, я и директор объекта "Дальний" Садовник — высокий, стройный полковник с пышной

шевелюрой. Подошла официантка, взяла его за чуб, слегка потрепала и говорит: "Это ты, озорник, вчера ушел и не заплатил за обед?". Володин хохотал до слез и долго еще вспоминал этот случай.

В начальный период работы цены на технологическое оборудование составлял каждый цех самостоятельно. Мы с нормировщиком определяли на глаз трудоемкость, а экономист составляла калькуляцию. Однажды пришли новые заказы. Смотрим чертеж на отвертку, на масшаб не посмотрели, а он был 50:1 и определили стоимость отвертки в 25 тысяч рублей. После ревизии пришел на завод приказ начальника Главного Управления, где Володину, Киселеву, Балашову за завышение калькуляции был объявлен выговор. Упоминалась в приказе и отвертка. Володин позвонил мне: "Ты можешь принести отвертку, которая стоит 25 тысяч рублей?". Мне было стыдно, и я послал к нему своего заместителя Бачурина. Эта отвертка весила всего 15 граммов и стоила рубли, а не тысячи.

Уже когда я работал заместителем директора по общим вопросам, нужно было сдавать в эксплуатацию высоковольтную линию, но не было изоляторов. Я поехал в командировку, в Москву. Володин сказал мне, чтобы я проследил за отгрузкой этих изоляторов. Я прошел в Главснаб, где мне сказали, что изоляторы уже отгружены. Я поверил им на слово, не проверив отгрузочные реквизиты. Приезжаю домой, доложил Володину, и каждый день слежу за почтой. Наконец-то пришла накладная на поступивший груз "изоляторы". Беру ее и несу показать Володину. Довольный, подаю ему накладную: "Пришли изоляторы". Володин посмотрел накладную, затем на меня и говорит: "Сделай себе из них бусы и повесь на шею". Смотрю снова внимательно на накладную, а там написано: "Изоляторы комнатные — 20 тысяч штук".

Володин очень любил хорошие дороги, ему пришлось много поездить по плохим. Со своим личным шофером он объездил всю окрестность на "Победе" и часто по бездорожью. Этот случай произошел в 1962 году. Он вызывает меня и говорит: "У нас нет выхода на Уфу, нужно сделать хорошую дорогу до Мурсалимкино". Я ему отвечаю, что в титуле нет этой работы. А он говорит: "Может быть, ревизор не заметит, нужно сделать". Мы проложили дорогу, истратили на нее 650 тысяч рублей. Ревизор обнаружил это. В приказе министра по итогам ревизии Володину и мне был объявлен строгий выговор и лишение премии за квартал. Володин меня

вызвал, показал приказ и говорит: "Пусть строгий выговор, пусть лишение премии, но дорогу мы построили".

За 40 лет, как говорят, много утекло воды, много произошло событий, много было срочных и тревожных дней и ночей. Много было приказов о наказании, но мы не обижались на свою судьбу, мы просто работали, выполняли каждодневную требуемую от нас работу. Радовались успехам, получали награды и приказы о поощрении.

* * *

Я очень люблю рыбалку. Когда приехал сюда, мне показалось, что в такой реке, как Юрюзань быть не может рыбы: быстрое течение, небольшая глубина. Но вот что произошло.

Весной 1954 года мы со Степаном Толстовым пошли на обед. Питались мы в единственной по тому времени столовой на ул. Строителей, а работали на первой площадке на другом берегу Юрюзани. Было сильное половодье. Подходим, а тут солдаты и заключенные тросами и бульдозерами удерживают мост, чтобы его не унесло водой. Охрана нас не пустила на мост. Я говорю Толстову: "Плакал сегодня наш обед". Расстроенные, сели на бережок и закурили. Окурок я бросил в воду. И каково же было мое удивление, когда из-под опоры моста выскочила щука и схватила мой окурок, приняв его за маленькую рыбку. "Степан, — говорю я, — вечером придем рыбачить". Снасти у меня были, всегда вожу с собой. После работы срезали удилища и пошли рыбачить. Под камнями насобирали червей, наловили банкой пескарей и синявок. И в первый же вечер поймали 12 хороших щук — от 1,5 до 3 кг весом. Как говорится — щука с руку. Хорошая поначалу была рыбалка.

Помню, уже летом 1954 года, мы компанией отдыхали на берегу у строящегося бетонного моста в воскресенье. День был жаркий, сплошное солнце. Мы купались и загорали. "Ребята, — говорю я,— поймайте мне бабочку, и я вам сейчас поймаю рыбу". Все засмеялись. Видали, мол, такого трепача. С нами был представитель Совмина (была такая должность на строящемся объекте) по фамилии Зуев. Он смеется и говорит: "Виктор, разве здесь есть рыба?" Поймали мне бабочку, я сделал удочку, зашел ниже переката и тут же поймал голавля примерно на 2 кг. После этого все бросились ловить бабочек. Много я наловил голавлей в тот день. Наши жены весь день жарили рыбу. Рыбалка и в нашем городе стала главным отдыхом для меня и моей семьи.

* * *

На одном из первых комсомольских собраний мы приняли решение устроить концерт на Октябрьскую. Концерт получился таким. Клара Волкова исполнила романс. Виктор Копылов читал стихи Маяковского. Юра Арефьев играл на аккордеоне. Иван Семенович Разин рассказывал из Зощенко. Девчонки Ложкина, Купмарева, Неизвестных и другие исполнили несколько танцев. Я же спел песню о восстании на броненосце "Потемкин". Концерт был небольшой, около часа, но прошел он с большим успехом. Хлопали нам, вызывали на "бис". Володин тоже. Однако позже он все же выговорил мне: "Не дело начальнику цеха, ведущего цеха, петь на сцене. Ты что, клоун, что ли?". С тех пор я в самодеятельности не участвовал. Как комсорг завода, организовывал концерты и вечера отдыха молодежи, но сам уже не выступал.

Для Володина работа была ВСЕ, и ничего другого он не признавал. Однажды он мне заявил: "Чтобы в рабочее время никакой самодеятельности, спорта и культмероприятий не было. Головой отвечаешь".

* * *

Работать приходилось в тяжелейших условиях.

В 1958 году нужно было изготовить 30 стендов для сборки изделий. Загрузка цеха и без этих стендов составляла примерно 150%, казалось, их изготовить невозможно. Мы собрались, посоветовались и решили создать комсомольско-молодежную бригаду, работать сверхурочно и в выходные дни. Свою невыполнимую задачу цех выполнил.

Примерно в 16.00 31 декабря стенды были представлены представителю заказчика полковнику Плахову. В 22 часа в цех пришло все руководство завода: Володин, Потапов, Патрушев, Зайцев, Киселев, Игнатьев и другие. В 22.00 Плахов разрешил упаковку изделий. Все засучили рукава, в том числе и Володин. Успели до Нового года.

Однажды на завод приехал заместитель министра П. М. Зернов, зашел к нам в цех 101. Полы у нас были асфальтовые, мы их покрасили грунтовкой коричнево-красного цвета. Зернову это глянулось, и он даже посоветовал: "Надо бы, для опыта, покрасить несколько станков под слоновую кость и выдать спецовку белого цвета станочникам. Надо привыкать к высокой культуре". Мы так

и сделали, покрасили четыре станка. Но масло и стружка сделали свое дело, станки стали грязно-желтыми. Вместо "культуры" — грязный вид.

Вскоре приехал главный инженер Главка А. А. Томилин. Увидел наши "экспериментальные станки" и говорит мне: "И какой же дурак посоветовал тебе покрасить станки в белый цвет. Разве можно это делать в механическом цехе?" Я ему ответил: "Это посоветовал Зернов". Он посмотрел на меня и сказал: "Все равно дурак". И приказал перекрасить в обычный темно-салатный цвет.

Начальником цеха я работал восемь лет и горжусь, что за это время нами было освоено столько новой продукции, сколько на другом заводе потребовалось бы сто лет.

* * *

С приходом к власти Н.С. Хрущева началась борьба с привилегиями. Нашему объекту был установлен лимит на легковые машины — всего 5 штук. Лишние машины разрешалось продать. На заводе освободилось два ГАЗ-67 — высокопроходимые машины. Одну купил механик гаража Смирнов, потом он продал ее мне. На любимом "козлике" я был в таких местах, где, как говорят, черт ногу сломит.

Однажды услыхал, что где-то в горах за селом Тюлюк есть озеро, в котором очень много рыбы. О нем знает старик Афанасий, живущий в Тюлюке. В августе 1957 года я, Копытов и Соснин взяли в воинской части десантную лодку и поехали искать озеро. Мы были в отпуске. Приехали в Тюлюк, нашли старика. Ему было в то время за 80 лет, но он согласился, не задаром, конечно, нас провести к озеру. Дороги не было никакой. Дед вел нас по памяти. У этой сосны повернуть налево, а у этой — направо и т. д. Примерно через два часа приехали к сплошной россыпи камней, по-местному курумник. Дальше ехать нельзя. Дед сказал, что назад сегодня мы не вернемся, берите еду. Плыть до озера по протоке не менее 6—8 часов.

Мы оставили деду бутылку водки, еды и, надув лодку, пошли к протоке. Протока оказалась небольшой речушкой шириной до пяти метров и глубиной до двух, с очень холодной, прямо-таки родниковой водой. Мы поплыли с Сосниным в лодке, а Копытов пошел берегом с ружьем. Было много уток, иногда Копытов одним выстрелом, как барон Мюнхаузен, убивал до трех птиц. Через шесть с

небольшим часов мы добрались до озера. Оно было шириной около 300 метров и длиной до 1,5 км. Темнело, и мы пристали к берегу, разожгли костер, сварили уток, обглодали их и легли спать на мох. Никогда и нигде не встречал больше такого высокого и мягкого мха. Когда мы ложились, мох закрывал нас как одеялом.

Утром поставили сеть, и я попробовал дно веслом. Оно все ушло в ил. Озеро было заилено до предела. В сеть попалось несколько карасей — и вся добыча. Когда мы вернулись к машине и рассказали деду, он сказал, что он был на этом озере лет 40—50 назад и тогда в нем было много рыбы. За столько лет озеро заилилось, и рыба пропала. Так мы и уехали ни с чем, остались только приятные воспоминания о том, как мы туда добирались, и удовлетворение, что мы там были. Таких потаенных мест, увы, теперь в нашей округе не найдешь.

* * *

В октябре 1961 года Володин назначил меня своим заместителем по общим вопросам.

Володин поражал нечеловеческой работоспособностью. Приходилось приноравливаться. Обычно в 22 часа мы втроем, Володин, Потапов и я, обсуждали итоги дня и определяли задачи на следующий день. После такого обсуждения Володин отправлял Потапова домой, а мы шли еще в цеха и смотрели, как идет работа. Домой возвращались в 2, а то и в 4 часа утра.

Я никогда не мог смириться с его нежеланием не замечать ничего, кроме работы. Если бы смотрел пошире, город не лишился бы прекрасного водохранилища. По проекту Ленгипростроя наш город должен был пить воду из огромного водохранилища, где близко сходятся Завьялиха со Змеевой горой. Плотина должна быть высотой 21 метр, длина водохранилища — 10—12 км вверх по Юрюзани до Екатериновки. Но в 1958 году главный энергетик Созинов попробовал пробурить несколько скважин и обнаружил, что наш объект находится на большом подземном озере с прекрасной водой. Володин тут же отменил строительство плотины. По-своему, он был прав. Экономия государственных средств не в копейки.

Позднее, обсуждая этот вопрос с Л. А. Петуховым, мы посчитали, что это было большой ошибкой. Большой ущерб для организации отдыха горожан. Нужно было бы построить плотину, а параллельно бурить и скважины. Город лишился водохранилища.

Петухов был назначен в 1963 году директором завода. Я оставался его заместителем. Кончилась эра мелкой опеки. Петухов любил работу, но любил и отдыхать. С удовольствием ездил на рыбалку.

В 1964 году Л. А. Петухова назначают начальником Главка, а Потапова директором нашего завода. Пока он еще не уехал, я пошел к нему и попросил назначить меня начальником производственного отдела. Он посмотрел на меня и сказал: "Да, видимо, производственник должен заниматься производством, а не тряпками", — и дал свое согласие.

Потапов, неприметный под постоянной опекой Володина, неожиданно проявил себя современным, очень интересным руководителем крупного завода. Он обладал редким даром эстетики, культуры, дизайна. Ни один дом не строился без его участия. Взять хотя бы Дворец культуры "Икар". Потапов А. Г. вложил в него всю свою душу. Мне кажется, и во сне он строил "Икар". Наши цеха, похожие на большие сараи, при Потапове превратились в производственные дворцы с применением мрамора, гранита, стекла и метлахской плитки, польских шкафчиков, зеркал и т. д.

В 1965 году, на 10-летие завода, приехал Володин. Вечером мы (Меснянкин, Прахов, Андрияшин и я) пошли к нему. Константин Арсеньевич остановился у сына Виктора, который после института стал работать у нас.

Володин очень хорошо нас встретил, посидели, вспомнили старое, поговорили о настоящем. Я поинтересовался: "Как вы находите наши цеха, завод сейчас?" Володин, верный себе, сказал: "Вы излишествуете, если бы это было при Сталине, вас бы расстреляли".

Надо сказать, Потапову достался хороший, настоящий главный инженер, каким оказался Б. В. Горобец. Я считаю, что он был самый сильный главный инженер за все существование завода. Потапов и Горобец дополняли друг друга. Завод достиг больших успехов. Первому в министерстве заводу присвоено звание "Предприятие высокой культуры".

* * *

В конце апреля 1954 года на завод прибыла большая группа ремесленников из Подольска и Ижевска. Жить им было негде, да и работать тоже. Поселили их в деревнях Орловке и Тюбеляс.

С помощником директора завода по кадрам Никитиным мы дважды в месяц объезжали эти деревни, интересовались их работой и бытом, возили зарплату и продукты.

Дороги в то время до Орловки не было. Ездили через Вязовую, Усть-Катав по лесным дорогам, дважды переезжая Юрюзань вброд.

После Первомая 1954 года поехали мы с Никитиным в Орловку. Вода в реке уже спала, но была еще большой. На переезде реки вброд мы сняли вентиляторный ремень, чтобы не захлестнуло свечи водой, и благополучно переправились на другой берег.

Переезжая второй брод, решили ремень не снимать, не хотелось возиться — рассчитывали переправиться и так. На авось. Доехали до середины реки, свечи забрызгало водой, и двигатель заглох. Попытки завести не увенчались успехом. Делать нечего, решили подождать, может, пойдет какая-либо грузовая машина и вытащит нас из реки. Просидели так три часа — никого. Тогда Никитин и говорит: "Вы, молодые, раздевайтесь и идите за помощью на станцию Минка. Там найдете какой-нибудь транспорт".

Мы с Новиковым разделись, вода была ледяная, и пошли к берегу. Вышли на берег, ноги ломит от холода, зуб на зуб не попадает. Оделись и пошли в Минку. До нее было два километра. Пришли, транспорта никакого. Пошли по улицам, видим, едет телега, запряженная двумя быками. Мы подошли, поговорили с хозяином. Он согласился вытащить машину за 50 рублей. Хорошо, что деньги при нас были.

Медленно, но добрались мы на быках до переезда. Никитину надоело торчать в машине, он был на берегу. Дрожал от холода. Первое, что он спросил: "Водку привезли?" Когда мы ответили, что нет, он совсем расстроился: "Какие же вы недогадливые, так можно и заболеть".

Быки вытащили нашу машину. Подождали мы еще часа полтора, пока подсохнут свечи, и благополучно добрались до Орловки. Урок поучительный — не надейся на авось.

В целях соблюдения секретности открытый наш адрес был Златоуст-20, предприятия п/я 17, а закрытый адрес — Склад-33. А грузы, которые шли с запада, адресовались: станция Кропачево, Склад-33, а грузы с востока шли на станцию Златоуст, Склад 34. Там были наши представители, которые делали переадресовку грузов на станции Вязовая и Красная Горка. Здесь уже заводской паровоз забирал груз и вез до нашей секретной Четвертой площадки.

Та же секретность с деньгами. Наш счет был в Госбанке Усть-Катава. Главный бухгалтер Рубцов ежемесячно ездил сюда за деньгами, сопровождал его офицер из воинской части с оружием.

Как-то Володину нужно было поехать в банк и обновить образец подписи. Такая операция в банке выполняется один раз в год. Володин вызвал меня и сказал: "Завтра я еду в Усть-Катав. Попутно давай заедем к ремесленникам в Орловку. Я посмотрю, как они там работают и живут".

Поехали. Водителем был Новиков. Доехали до Вязовой, переехали благополучно через Юрюзань, поднялись в гору. Выезжаем на поляну и видим, сидит на пеньке здоровенный глухарь и вертит башкой из стороны в сторону. Остановились, глухарь сидит, Володин и говорит мне: "Стреляй!". Я откинул дверцу, выстрелил одиночным выстрелом из автомата и промазал. И тут мгновенно поднялась целая стая глухарей. Они, оказывается, кормились ягодами, и мы их не видели в траве. Трудно в это поверить, но так было.

Побывав в Орловке и подписав документы в банке Усть-Катава, решили пообедать. Володин говорит шоферу: "Ты можешь отдохнуть, мы пообедаем, но через два часа, чтобы был здесь. Понял?".

Пообедали, выходим — машины нет. Ждем час — нет, второй — нет. Володин говорит: "Делать нечего, пошли пешком до Вязовой, напрямик здесь 5—6 километров". Пошли, Володин на чем свет стоит ругает Новикова: "Доберемся домой, выгоню. Какой же это шофер, если бросил самого директора. Ну ладно бы вас бросил, а то самого директора". Идем опушкой леса и вдруг наткнулись на море рыжиков, да таких красивых. Не выдержали, начали собирать. А куда? С нами же ничего. Сняли плащи. Каждый набрал более ведра рыжиков. Трудно поверить, но так было. К вечеру, уже темнело, добрались мы до Вязовой. Никитин позвонил на объект, через два часа приехала за нами машина.

Оказалось, Новиков выехал за Усть-Катав, тоже пообедал, выпил водки, прилег отдохнуть и уснул, оставив нас и "самого директора" на произвол судьбы. Это стоило ему отстранения от должности "личного шофера директора".

В. МАЛЫХИН

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

3 мая 1953 года меня перевели на работу в отдел кадров завода, и через меня, как говорится, прошли многие первые работники.

Созданию коллектива завода директор предприятия Володин придавал особое значение. По его инициативе был взят курс на комплектование кадрами, в основном, за счет молодых специалистов и молодых рабочих. Такой курс оправдал себя полностью.

Многие молодые специалисты выросли до руководителей подразделений, а молодые рабочие — до высококвалифицированных мастеров своего дела и составили костяк коллектива завода.

В комплектовании кадрами завода была оказана помощь со стороны Управления кадрами министерства, Главка, отдельных предприятий нашего министерства, Челябинского, Куйбышевского и Башкирского обкомов КПСС.

Работники отдела кадров часто выезжали в разные города и на месте подбирали людей. Так, в 1953 году я выезжал в Днепродзержинск и оформил приезд 28 электромонтеров и слесарей-сантехников. Некоторые работники, прибывшие с Украины, стали ветеранами завода. Например, Евгений Петрович Уманец — слесарь 6-го разряда. Окончил в нашем городе техникум, работал мастером, заместителем начальника цеха, инженером-механиком. Александр Иванович Зубенко — электромонтер, работал инженером-диспетчером, энергетиком цеха.

С августа 1953 года завод начинает пополняться молодыми специалистами. На должность техника был принят Евгений Константинович Андрияшин. Он без отрыва от производства у нас окончил институт и выдвинулся по службе до главного технолога, затем работал главным инженером завода. На должность начальника мастерской был принят Владимир Семенович Комаров, который затем работал начальником цеха. Виктор Николаевич Проскурин был принят на завод на должность технолога, затем работал начальником цеха, заместителем главного технолога завода. На должность мастера был принят Борис Федорович Касьян, затем он работал заместителем начальника отдела. В это время приехали на завод техники Вадим Иванович Грачев, Тамара Васильевна Клюшина, Валентина Григорьевна Зинченко; мастера Иван Клементьевич Санников и Алек-

5 Заказ 2236

сандр Павлович Ворожейкин, Евгений Васильевич Старостин, технолог Василий Серафимович Усов.

В этом же году были приняты на завод: Виктор Тихонович Малыхин — заместителем начальника цеха, Виктор Петрович Чернов — начальником ЖКО, Виктор Григорьевич Рогожников — начальником базы, Иван Михайлович Кислов — начальником лесного отдела.

В предпусковой 1954 год завод продолжал пополняться кадрами. В этом году прибыли: Александр Георгиевич Потапов — главный инженер завода, Борис Валентинович Горобец — начальник цеха, Владимир Николасвич Силаев — техник, Анатолий Дмитриевич Пятибратов — начальник цеха, Леонид Георгиевич Созинов — главный энергетик завода, Прокопий Иванович Погорелов — руководитель группы, Владимир Федорович Соболев — заместитель начальника цеха, Виктор Александрович Телегин — инженер, Валентин Алексеевич Баженов — старший мастер, Александр Максимович Густомясов — мастер, Нина Григорьевна Аверьянова — старший мастер, Геннадий Андреевич Панькин — комендант, Владимир Яковлевич Шарандо — мастер, Иван Сергеевич Кондаков — старший мастер, Борис Алексеевич Антоновский — мастер, Григорий Игнатьевич Юдин — механик цеха, Николай Петрович Вяткин — кочегар 6-го разряда, Петр Васильевич Шскунов — мастер, Юрий Дмитриевич Орлов — инженер, Виктор Алексеевич Беломытцев — начальник конструкторского бюро завода, Юлия Васильевна Гладких — инженер, Федор Николаевич Александров — мастер, Анатолий Дмитриевич Лебедев — мастер, Лев Михайлович Иванов — мастер, Владимир Акимович Куколев — мастер, Георгий Сергеевич Булаев — технолог, Татьяна Анисимовна Петухова — инженер.

В 1954 году по распоряжению Главка к нам прибыли 90 человек квалифицированных рабочих из Свердловска-45. Была принята большая группа молодых рабочих в количестве 300 человек после окончания ремесленных училищ. Среди них: токарь Владислав Андреевич Шамшурин; слесари — Леонид Андреевич Зорин, Виктор Иванович Кузин, Адольф Ильич Сакерин; электрослесари — Григорий Михайлович Максименко, Александр Иванович Клышев, Николай Иванович Лукьяненко; токари — Виктор Серафимович Маслаков, Лидия Васильевна Кленова; фрезеровщик Александр Алексеевич Неваев, контролер Тамара Яковлевна Лебедева.

В апреле 1955 года бюро Челябинского обкома КПСС приняло

закрытое постановление о направлении на наш завод ста высококвалифицированных рабочих. Одновременно обком обратился в Куйбышевский и Башкирский обкомы с просьбой оказать нашему заводу помощь в кадрах. С предприятий Уфы и Куйбышева к нам прибыло 300 человек квалифицированных рабочих и инженеров.

В 1955 году была проделана самая большая работа по комплектованию кадрами за всю историю завода. В числе прибывших в 1955 году были: Константин Сергеевич Морозов — начальник отдела, Николай Николаевич Калугин — механик, Борис Дмитриевич Гладков — заместитель начальника цеха, Александр Павлович Потапов — инженер-электрик, Геннадий Иванович Дорогов — начальник отдела, Адольф Иванович Афанасьев — техник, Галина Брониславовна Баландина — комплектовщица, Михаил Павлович Васильев — слесарь, Анатолий Дмитриевич Сотников — слесарь-лекальщик, Матрена Афанасьевна Романенко — нормировщик, Василий Александрович Илларионов — руководитель группы, Юрий Иванович Гаврилов — токарь, Мария Константиновна Щедрина — счетовод, Владимир Степанович Долгих — слесарь, Руф Федорович Коробов — инженер, Вадим Сергеевич Науменко — инженер, Вячеслав Дмитриевич Богатырев — начальник цеха, и многие другие.

За короткий срок в три с лишним года вырос в тайге город и первая очередь завода. Был, в основном, скомплектован коллектив в будущем орденоносного предприятия.

Г. КЛИМКО

НА ГОЛОМ МЕСТЕ

В 1952 году мне было неполных 14 лет. Как и все мальчишки, ребята моего поколения были любознательны. И от нас не ускользнул тот факт, что в апреле на железнодорожной станции Красная Горка стал под разгрузку большой состав железнодорожных вагонов. Рядом со станцией был наш местный стадион, где мы летом всегда играли в футбол. И вдруг наш стадион заняли! С вагонов стали разгружать автомобили, лошадей, телеги, фураж, сено, полевые кухни и солдат. Слух по поселку разнесся сразу: "Будут что-то строить".

Примерно через неделю солдаты-строители стали валить лес в

сторону будущего города и строить дорогу. Бетона, асфальта тогда не было, и дорогу стали строить из сосновых бревен. Расположенный в поселке лесозавод стал работать на эту стройку. Мы, мальчишки, почти каждый день наблюдали за ходом строительства дороги.

Прибыла сюда и геодезическая бригада из Ленинграда. И вот летом 1952 года, на время каникул, устроили меня работать к геодезистам. Ростом я был высокий, и стал таскать геодезическую планку. Приходилось и топором работать, когда в лесу прорубали просеку, чтобы провести трассировку, устанавливали колышки. Я участвовал в разбивке местности и на будущих 1-й и 4-й площадках.

На территории, где сейчас стоит здание 141, была большая поляна. Там мы косили сено для своей скотины. А осенью 1952 года там начались строительные работы, и сенокоса мы лишились.

Проработал с геодезистами я и лето 1953 года. Нам, малолеткам, не разрешали пока что оформлять анкеты для работы на заводе. И только осенью 1954 года, когда мне уже было 16 лет, я, Николай Лактионов и Володя Колесников заполнили заветные анкеты.

Прошло шесть месяцев после заполнения анкет, но никто нас пока что не звал работать. И мы сами пришли на секретный объект к Г. И. Климко. Он очень удивился и спросил: "А вы как сюда попали?". Мы объяснили, что знаем здесь все дорожки и тропинки и часто здесь бываем, так как в Юрюзани учимся вместе с детьми здешних строителей. Климко вызвал милиционера, нас арестовали, препроводили в отдел милиции, побеседовали и отпустили. Но все же в июне 1955 года пригласили в отдел кадров и стали оформлять на завод.

Вначале Климко уговорил меня пойти разнорабочим в деревообрабатывающий цех. Затем перешел в ученики и стал столяром.

Катав-Ивановский райвоенкомат прислал мне повестку. Я показал ее начальнику цеха, он взял ее и порвал, сказав: "Никуда ты не пойдешь — ни в военкомат, ни в армию!". Затем я получил вторую повестку. Ее ожидала та же участь... Прислали третью. Показываю начальнику, а в это время в цехе появляется директор завода Володин. Начальник цеха показывает ему мою повестку. Тот берет ее и рвет со словами: "Пусть работает".

И все же я принял самостоятельное решение — отслужить в армии. И когда получил очередную повестку, поехал в военкомат, прошел медкомиссию и через 10 дней уволился с завода, ушел служить в армию.

Демобилизовался я из армии в 1960 году, снова вернулся на завод, в цех 20. Он как раз создавался, и здесь нужны были рабочие. Я устроился учеником фрезеровщика, через месяц сдал на разряд и стал работать фрезеровщиком. Затем работал фрезеровщиком в инструментальной службе цеха. После окончания Юрюзанского вечернего техникума перешел работать технологом-конструктором в цехе, где и работаю до сих пор. В 1978 году окончил вечернее отделение Челябинского политехнического института в нашем городе.

И. ШЛЫКОВ

МЫ ЖИЛИ МЕЧТОЙ

Июнь 1952 года. Я работал в управлении КГБ Омской области в должности старшего уполномоченного КГБ одного из отделов управления. Однажды утром начальник отдела предупредил, что меня вызывает начальник управления КГБ. Этот официальный вызов встревожил меня. На душе стало неспокойно. В голове понеслись разные мысли... Что, где и когда я мог не выполнить? Порядок в управлении был строгий, требования — тоже. Всегда должны быть опрятными, подтянутыми, в отглаженном костюме и обязательно при галстуке. Военную форму не носили по служебным соображениям.

В положенное время меня пригласили в кабинет начальника. Поджилки, конечно, не тряслись — прошел всю войну и был во всяких переделках. В кабинете, кроме начальника, находился красавец-полковник атлетического сложения.

Беседа началась спокойно. Спрашивали о семейном положении, о родителях, родственниках, жилплощади. Я немного успокоился. Значит, вызвали по вопросу, пока мне неизвестному. Полковник, который вел беседу, был не из нашего управления. Задаваемые вопросы касались разных сфер: спрашивали о положении в стране, о международной обстановке, интересовались, где воевал, в каких частях, имеются ли награды и за что и т. д. Я знал, где работаю и какой принят порядок беседы. Что обо мне здесь знают до каждой косточки и корешков волос. К чему эти вводные слова? Но, наконец, разговор принял определенное русло: хочу ли я сменить место работы?

Мне было предложено два варианта: Глазов, где режимное предприятие уже работало, и точка, где еще не было ни кола, ни двора. Хотя кол уже был "забит", но только на генплане.

Мне предложили обдумать эти предложения, посоветоваться с родными и на следующий день дать ответ. Мое решение было однозначным: ехать туда, где ничего нет. Отказываться было бесполезно, в те времена это не было принято. Раз надо Родине — значит, надо. Мне объяснили, куда хотят направить на службу и что здесь будет коваться щит Родины. Мне дали неделю на сборы, чтобы выехать в Москву на учебу и инструктаж по моей будущей работе.

В первой декаде июля я выехал в Москву в Министерство КГБ. Сотрудник министерства водил меня из кабинета в кабинет для прохождения инструктажа два дня. Затем мне было выписано направление в фотографию, которая находилась в подвале этого же здания. На следующий день я уже оформлял пропуск.

Когда взяли с меня подписку о неразглашении государственной тайны, направился я в Первое Главное управление — ПГУ. Сразу понял до чего все серьезно.

Меня познакомили с директором предприятия К. А. Володиным. Он коротко охарактеризовал организацию, в какую я попал — "Склад 33".

Изучал инструкции почти два месяца и практически отрабатывал их относительно к будущему предприятию. Я был назначен исполняющим обязанности начальника 1 отдела и режимного отдела, хотя зоны в то время еще не существовало. Она была исполнена только в "синьках".

В начале сентября Володин откомандировал меня на место работы. Меня проинструктировали, как доехать до "Склада 33": сначала до станции Кропачево, там найти контору курорта "Янгантау", откуда А. В. Гусев доставит меня на место.

На месте не было ничего, кроме деревянного барака.

Среди первых работников предприятия был, кстати, П. И. Казанцев — завхоз и он же шофер. Он участвовал в штурме рейхстага, воевал в роте Неустроева, бойцы которой водружали Знамя Победы над рейхстагом.

Все жили в Юрюзани, где снимали комнаты. Очень плохо обстояло с едой. Кормились в столовой, если так можно было назвать приспособленное помещение. Запомнилась соленая-соленая треска. Юрюзань только начала обживаться, когда стали появляться наши строители и заводчане.

На место работы добирались с большим трудом, так как не было дорог, объезжали каждую сосну. Сами заготавливали дрова для печей. Пока топишь — тепло. Утром, когда приезжали на работу, в помещении стояла холодина.

Весна 1953 года была ранней и теплой. Молодежь оборудовала волейбольную площадку в том месте, где сейчас стоит пожарное депо. В свободное время многие приходили сюда поиграть в волейбол. Вскоре на ул. Островского открыли столовую. Жить стало легче, многие ходили туда питаться.

Это были первые годы строительства завода и будущего города. Сейчас те, кто приехал сюда в числе первых строителей, с улыбкой вспоминают далекие годы, когда были молоды, энергичны, когда жили мечтой и осуществили ее.

В. ФОМИН

КАКОЕ ИНТЕРЕСНОЕ БЫЛО ВРЕМЯ!

Прибыли мы с мужем в "Хозяйство Володина" в августе 1954 года, после окончания Челябинского политехнического института. С нами были такие же молодожены Людмила и Николай Токаревы, Татьяна и Аманд Петуховы, а также Николай Кутузов, Геннадий Тихонов, Евгений Осокин — все из одной группы. Дружная была группа, староста Таня Петухова — лучшая староста курса. Вначале нас поселили в Юрюзани, но в первом же построенном доме всем семейным дали жилье. Инженерами, конечно, мы были еще слабыми, поэтому учились и росли вместе с заводом.

Многого я не знала и, не стесняясь признаваться в своей беспомощности, советовалась с рабочими, у которых был большой опыт. Плохих рабочих к нам не брали. Хорошо помню фрезеровщика Виктора Мамаева. Он мне во многом помог, не подозревая об этом. Знакомство с ним началось с неординарной ситуации. Мамаев обрабатывал деталь из оргстекла. Деталь сложная, но оргстекло не металл, обрабатывается легко, и он справился с ней быстро. Расценили работу как по металлу — в три раз больше. Вот где проявились порядочность Мамаева, попросил уменьшить норму. Больше я в своей практике таких рабочих не встречала. Тогда расчетных норм не было, были опытно-статистические. Именно после этого случая

я стала присматриваться к его работе. С Мамаева я начала накапливать свой производственный и профессиональный багаж.

Начальником техбюро цеха 11 был Виктор Васильевич Кузнецов. О нем у меня самые теплые воспоминания. Он был требовательным начальником. Не повышал голоса, когда мы возмущались, что он заставлял делать не "нашу" работу. По его заданию мы не только разрабатывали технологические процессы, но и занимались конструкторской работой — проектировали кондуктора, приспособления, рассчитывали годовые заявки на инструмент. Конечно же, такая "лишняя" работа была нам только на пользу.

Как-то начальник дал задание для меня трудноватое. Я сказала: "Виктор Васильевич, это не для меня, может, сделаете сами?" Он настоял разобраться самой, почитать литературу. "Когда сделаешь,— заверил он, — самой будет приятно, что одолела сама". И я читала, лезла из кожи, чтобы разобраться. Позднее приходилось принимать участие в проектировании штампов-автоматов сложнейших пресс-форм, и ничего, справлялась. Кузнецов убедил самой разбираться во всех технических сложностях.

Мы с мужем Володей всегда были активными участниками всех спортивных мероприятий. Проводились соревнования по легкой атлетике. У меня уже был пятилетний сын Вова. Дали старт, мы побежали, а Вова, увидев меня, выбежал на беговую дорожку и с криком "мама" побежал следом. Реакция болельщиков была потрясающая!

Какое интересное было время! Какая дружная, веселая была у нас компания.

Т. КУКОЛЕВА

ГЛАВНОЕ — ЗАВОД

На предприятие п/я 17 ("Хозяйство Володина") я попала после Сталинградского химико-технологического техникума и года работы в "Хозяйстве Васильева" (Свердловск-45). Электрохимиков там оказалось предостаточно, и мне предложили работу мастером гальванического участка "в краю, похожем на Швейцарию". Было это в сентябре 1954 года.

Все было, как обещано. Красивая природа, несколько деревян-

ных домов и три кирпичных по улице Карла Маркса. Из них два общежития. Почти все общежития полны молодежи из многих больших и малых городов.

Гальванического участка еще не было, и мне поручили работу в комитете комсомола. Секретарем комитета тогда был В. Т. Малыхин, но в связи с большой производственной загрузкой ему было не до комсомольской работы. В комитете со мной работали: В. Коротких, Г. Добрыгин, В. Зефирова (Падалинская), Н. Барков, Н. Добрынин, А. Дерюшев, Р. Потапова (Якимова), Е. Кононов и многие другие.

В свободное время люди объединялись по интересам. Кто-то занимался спортом, создавали команды. В подвале общежития по ул. Карла Маркса открылась библиотека. Здесь, в зале, вымытом нашими руками и украшенном еловыми ветками, мы встречали Новый, 1955, год.

Большую ответственность почувствовала, когда начала работать мастером гальванического участка в цехе 11. Здесь уж стало буквально не до отдыха. Часто и в воскресенье, единственный тогда выходной, приходилось работать по две смены. Отработаешь одну смену — придет начальник Горобец, попросит поработать еще — иначе возникнет задержка в производстве. Разве откажешься? Действовал на нас и личный пример директора Константина Арсеньевича. С молодости в нас вошло сознание — работать, не жалея сил. Мы брали пример со старших по возрасту и званию, знали — главное для нас — завод.

Д. ТЕЛЕГИНА

КОНСТРУКТОРЫ ОТ ТЕХНОЛОГИИ

Свердловск, 1954 год, окончен Уральский политехнический институт. При распределении получаем аванс 1000 рублей, справку о назначении в организацию «Москва, п/я 590» и уведомление быть в первых числах августа. Получили мы и устную установку (боже упаси какие записи), пришлось зазубрить: "Выйти на Казанском вокзале в сторону Комсомольской площади, повернуть налево за углом, миновать булочную, еще раз повернуть налево, зайти в подъезд перед дощатым забором и там, войдя в телефонную будку,

снять трубку и доложить о прибытии, назвав свою фамилию, имя и отчество". От такого распределения "по спецназначению" веяло такой таинственностью, что моя мама в письме родственникам в Москве просила написать, в какую сторону повезет меня поезд к месту работы.

В Москве нас поселили на Шаболовке, предложили отдыхать пока, подкинув нам денег. Многое тогда успели посмотреть в столице. Помню, как полдня простояли у стадиона "Динамо" в километровой очереди, охраняемой конной милицией, за билетами на матч "Торпедо" — "Спартак". Приз лучшего игрока в том матче получил Эдуард Стрельцов.

Через некоторое время нас стали поочередно приглашать в управление на Спартаковской улице. Поехали мы туда вдвоем с Мишей Чернышевым. В управлении нам предложили: "Южный Урал, окрестности Златоуста, горы, сосны..." Мы согласились. Затем дали установку, которую разрешили записать почему-то только мне: "Купить билеты до Челябинска, но сойти на станции Кропачево, найти второй железнодорожный дом и обратиться к Голубевой".

На поезд я чуть не опоздал. Разразилась сильнейшая гроза, и трамваи встали. Добрался до Комсомольской площади за 6 минут до отхода поезда. А тут еще переходы, толпы народа. Забрасываю рюкзак на голову и с криком: "Товарищи! Поезд отходит!" стрелой в камеру хранения. Минута до отправления! Кладовщику моя спешка показалась подозрительной, и он с еще большей тщательностью стал проверять документы. Наконец-то! Хватаю багаж, с новыми криками, разгоняя очереди, ринулся на перрон. Поезд уже отходит. Собрав последние силы, все-таки догоняю. Бросаю вещи в тамбур последнего вагона и, мокрый от пота, цепляюсь за поручень.

Между тем Михаил Чернышев едет полон тревог. Он же не знает явки, которую доверили только мне. Он уже решил следовать до Челябинска, а там обратиться в КГБ. Там должны знать все. А заодно сообщить о моем исчезновении. А вдруг меня захватила вражеская разведка. Хотя, что из меня можно выудить. Никакие секреты нам еще неизвестны. Только к Раменскому я добрался до своего вагона, нашел и успокоил Михаила.

В Кропачево нас была уже толпа молодых специалистов. Уже вместе, получив новые указания, мы сели на поезд "дотягивать" до места своего назначения.

На Вязовой в пятом часу утра вместо обещанных гор я увидел

сравнительно равнинную местность. Разочарованный увиденным, я развалился на груде узлов и заснул. Проснувшись через час, я никак не мог понять, откуда вдруг появились горы. Оказалось, просто поднялся туман.

Первым из работников завода, встретившим нас у большой сосны (там, где сейчас ГАИ), был начальник ЖКО Виктор Петрович Чернов. С автобуса он пересадил нас в "козлик" и отвез на жительство в деревянные строения у реки (за нынешней базой отдыха). В "городе" единственным законченным каменным зданием была школа да несколько брусчатых домов и бараков. Кругом, куда ни глянь, просеки, караульные вышки и колючая проволока. Прямо-таки какой-то лагерь заключенных. Как оказалось, их и в самом деле здесь было немало.

На следующий день мы явились к начальнику отдела кадров В. И. Никитину, а затем к директору К. А. Володину. Узнав, что до института во время учебы в вечернем техникуме я работал в ОТК, Володин предложил мне взяться за формирование отдела технического контроля, а поначалу поехать на стажировку. Но я попросился на конструкторскую работу и вместе с Н. Е. Барковым, Г. А. Смирновым, В. Д. Кочетковым и М. Н. Чернышевым был назначен инженером-конструктором отдела 9 (отдела главного технолога). Наши институтские товарищи Р. И. Шишкин, М. В. Шляхтина, Б. Ф. Пьянков попали в технологические группы.

Главным технологом был А. В. Тарасов, его замом В. Д. Бешанов, старшим инженером отдела Н. Д. Полтавский. В 1954 году в штат отдела были зачислены: В. И. Жукова, В. В. Кузнецов, Л. С. Бобков, Ю. А. Астафьев, И. Г. Живова, А. П. Ворожейкин, Г. П. Зазябова, Р. С. Распрудина, В. К. Сахаров, А. М. Мельников, А. И. Клюшин, Е. К. Андрияшин, В. С. Усов, И. Г. Ярославцев, Н. Ф. Ярославцева, Г. С. Булаев, Т. А. Петухова, А. М. Петухов, А. В. Кудрин и другие.

Большое число молодых специалистов посылали на стажировку на разные заводы в разных городах. Готовились к пуску завода и освоению первой продукции. На заводе учить молодых специалистов было некому.

Отдел 9 был занят очень важной и ответственной работой — технологической подготовкой будущего производства. Работали без выходных. В одно из таких "воскресений" солдат с черными погонами, охранявший заводоуправление, отказался пропустить нас на

работу. Вскоре появился моложавый мужчина в кожаной куртке и распорядился, чтобы мы шли на свои места. Солдат не пропускал. Не помогло и то, что мужчина в куртке назвал себя главным инженером Потаповым. Солдат упорно твердил, что знает одного начальника — Василия Григорьевича Фомина (начальника спецотдела). Потеряли много времени, пока его искали. Таковы вот издержки режимной жизни, которая поначалу очень тяготила. Например, забудь о знакомых, дружбе с ребятами из Болгарии, Румынии. Мало ли, что это страны народной демократии.

Я благодарен судьбе, что поначалу мне довелось поработать под руководством тоже начинающего, но исключительно грамотного, изобретательного и находчивого инженера Юрия Анатольевича Астафьева.

В группе конструкторов до нас было пятеро. Кроме Астафьева, И. Г. Живова (Епифанова), А. П. Ворожейкин, Г. П. Зазябова, Р. С. Распрудина (Лебедь). С приходом выпускников Уральского политеха группа увеличилась до 10 человек. Работой группы технологов руководил очень скромный и добросовестный выпускник Челябинского политеха Л. С. Бобков. Бойким местом был архив отдела, которым заведовала "архи-Клариус" — Клара Ильинична Волкова. Документацию по "изделиям" получали у "архи-Валиуса" — Валентины Алексеевны Зефировой (Падалинской).

Поскольку пуск завода предусматривалось осуществить с помощью оснастки, спроектированной в "Центре-300" и изготовленной на стороне, первыми производственными заданиями конструкторов и технологов были сортировка присланных чертежей оснастки, техпроцессов и их раскладка по узлам изделия "Т" ("Татьяны"). Проектирование оснастки собственными силами было начато уже в сентябре 1954 года с разработки приспособлений для виброиспытаний.

На улице Кирова (вернее — просеке) солдаты укладывали бетонку. Окна комнат отдела обычно были распахнуты настежь, и из них разносились удалые песни. Так продолжалось до тех пор, пока нам очень тактично не сделал замечание Володин.

Вскоре из деревянных палаток пионерлагеря нас переселили в выгороженные из строительной зоны общежития № 33 и 35, а затем и в угловой квартирный дом на улице Кирова. Выдали пропуска для работы в зоне заключенных на Первой стройплощадке. Организовали переезд отдела вначале в бытовки цехов 106 и 125, а

затем в здание заводоуправления. Позднее отдел главного технолога длительное время, до окончания строительства здания 112а, находился на третьем этаже бытовки цеха 14.

Главный технолог А. В. Тарасов и его заместитель В. Д. Бешанов были опытными специалистами. Бешанов больше занимался технологией, а Тарасов внимательно следил за конструкторскими разработками, давал ценные указания, часто заставляя переделывать начатые работы. У меня остались впечатления о Тарасове и Бешанове как о требовательных, но и исключительно отзывчивых руководителях. Александр Васильевич не раз вставал горой за нас, вызывая огонь грозного директора на себя.

Первоначально Тарасовым была сделана попытка закрепления всех конструкторов и технологов за определенными узлами изделия. Помню, я должен был отвечать за технологическое оснащение всеми видами оснастки "трехсотых" узлов изделия "Т". Ошибочность этого решения выявилась очень быстро, и взамен такой организации труда Тарасов ввел специализацию работ. Альбомы оснастки были переформированы по видам оснастки. Мне стали поручать работы по приспособлениям, мерительному и режущему инструменту, Кочеткову — по пресс-формам для резин, пластмасс и точного литья, Смирнову и Кононову — по штампам. Аналогичное распределение происходило и у технологов. В. А. Беломытцев возглавил группу технологов по II производству, Е. К. Андрияшин — по электромонтажным работам цеха 13, М. Г. Рыбаков и Б. А. Лебедев проектировали участок точного литья, Ю. П. Матвеев занимался технологией переработки пластмасс и резин, Г. С. Булаев и А. В. Кудрин — холодной и горячей штамповкой, Б. Ф. Пьянков — термообработкой деталей и т. д. В постоянных разъездах, проталкивая размещение заказов по изготовлению оснастки в союзной промышленности и контролируя их исполнение, находился В. В. Кузнецов.

В начальный период в качестве прототипов конструкций при проектировании использовались присланные чертежи оснастки. Но по мере накопления опыта конструкторской работы, изучения технической литературы и опыта работы других предприятий стали предприниматься попытки создания своей прогрессивной технологии и оснастки. Так, в течение 1955 года конструктором А. Ф. Криулиным был разработан большой комплекс нестандартного оборудования для участка точного литья в цехе 106. В том же году Н. Е. Бар-

ков спроектировал приспособление для накатки резьб на токарном станке. Приспособления для бесцентровой шлифовки на круглошлифовальном станке для фрезерования шлицев у винтов разработал А. П. Ворожейкин.

С 1956 года работа конструкторской группы стала направляться на разработку универсальной и универсально-переналаживаемой оснастки. А. Ф. Криулиным и А. К. Дерюшевым были спроектированы пневмостол для фрезерных работ и универсальный скальчатый кондуктор для сверления отверстий в цилиндрических деталях. Кондуктор находил широкое применение и повторно изготавливался 22 раза с комплектом более 300 сменных втулок.

В 1958 году по заданию нового главного технолога К. Е. Игнатьева после поездки П. А. Кузнецова, А. К. Дерюшева и Б. С. Калабихина в Копейск на конференцию по групповым методам обработки в отделе началась большая работа по группированию деталей, разработке групповых техпроцессов и универсально-переналаживаемых приспособлений. Из технологов этой работой занимались Л. С. Бобков, В. С. Усов, Б. С. Калабихин, из конструкторов — П. В. Курьянов, А. П. Ворожейкин, И. Г. Живова, В. К. Сугатов, Н. Н. Сущев, В. Т. Цимбалов. В результате комплекс групповой оснастки был изготовлен и успешно внедрен в производство. Групповая технология обеспечивала колоссальную экономию материальных и трудовых затрат при подготовке производства новых изделий.

После поездки в 1956—1957 годах Игнатьева, Астафьева и Дерюшева в Москву на трехмесячные курсы и изучения ими опыта передовых московских предприятий были изготовлены и начали внедряться комплекты универсально-переналаживаемых приспособлений и универсальные, так называемые богдановские штампы для поэлементной штамповки деталей.

Руководитель группы конструкторов Астафьев упорно занимался изучением возможных методов безкопировочного выпуска чертежей. Ему удалось заимствовать опыт работы одного из московских КБ, и с 1956 года стал применяться безкопировочный метод выполнения чертежей карандашом на кальке с использованием спиртоканифольной меловой эмульсии. Этот метод позволил нашему КБ первому в отрасли отказаться от копировщиц, резко повысить оперативность выпуска документации, сократить число ошибок из-за перекопировки и существенно повысить требования к качеству офор-

мления чертежей. Это впоследствии оказалось очень важным при микрофильмировании.

К концу 50-х годов в отделе произошли значительные перемены. Уехал в Новосибирск Тарасов. Главным технологом стал К. Е. Игнатьев, заместителями — Г. С. Булаев и П. А. Кузнецов, отвечавший за инструментальное обеспечение завода. С октября 1957 года проектирование режущего и мерительного инструмента было поручено А. В. Шилову. С мая 1958 года, в связи с уходом Г. А. Смирнова, проектированием штампов стал руководить Е. В. Кононов, а после его избрания в партком — Н. Е. Барков. Таким образом, к началу 60-х реально сформировались четыре специализированных конструкторских группы численностью 33 человека: приспособлений (11 чел.), пресс-форм (8 чел.), штампов (10 чел.), мерительного и режущего инструмента (3 чел.) во главе со старшими инженерами Дерюшевым, Митрошиным, Барковым и инженером-конструктором Шиловым. В. А. Беломытцева в группе общей сборки заменил Р. И. Шишкин. Отличный учет средств технологического оснащения организовала экономист Н. П. Морозова.

Еще более существенные перемены произошли в начале 60-х годов, когда большая группа наших специалистов была переведена в Миасс-20 (Г. С. Булаев, супруги Токаревы, Ю. А. Астафьев, Л. С. Бобков, А. А. Павлов, Г. В. Широбакин). Заместителями главного технолога были назначены Андрияшин и Соболев, начальником техбюро по технической обработке — Смирнов, начальником конструкторского бюро — Дерюшев, руководителем группы приспособлений — П. В. Курьянов, руководителем электромонтажной группы технологов — Ю. Е. Денисов. Пожалуй, наиболее сложным и хлопотным делом для конструкторов и технологов со дня пуска завода было освоение производства "корзин" со сложными координатными поверхностями, пятигранными элементами. Эта работа была поручена самым сильным технологам: по механической обработке — Е. М. Дроздову и Ю. В. Камкину; по пайке — М. А. Забродину.

Ряд серьезных проблем пришлось решать при разработке системы калибров и их изготовлению. Группе конструкторов по пресс-формам во главе с Митрошиным удалось разработать и внедрить пресс-форму для изготовления пластмассовых обечаек вместо стальных. Отработка технологических вопросов по "корзинам" находилась под постоянным контролем Володина. Много сил и труда

пришлось приложить руководителям технологической и конструкторской групп штамповки А. В. Кудрину и Н. Е. Баркову при освоении изготовления тонкостенных герметизирующих оболочек и колпачков реакционных контактов с большим коэффициентом вытяжки.

Для сокращения и ускорения работ по подготовке производства в отделе постоянно продолжалась разработка универсальных и переналаживаемых средств технологического оснащения. В начале 60-х годов был разработан комплект деталей для сборки универсально-наладочных приспособлений для сварки.

В 1963—1965 годах был выполнен ряд работ по механизации операций изготовления "чемоданов", замены сверления отверстий в алюминиевых листах проволокой. Для этой цели В. Т. Цимбаловым и Я. Ф. Клевцом были спроектированы пневматические прессы для пробивки отверстий и клепки. По рацпредложению А. К. Дерюшева и В. А. Фейерштейна был спроектирован универсально-переналаживаемый блок для одновременной пробивки до 16 отверстий в корпусах и перегородках "чемоданов".

За первое десятилетие отдел обеспечил подготовку и освоение производства 15 изделий разных типов.

В 1964—1965 годах произошло в буквальном смысле революционное изменение конструкций основных узлов изделий, отпала необходимость в изготовлении "корзин". Это привело к необходимости решения нового круга технических и организационных проблем.

Надо сказать, в первые годы отдел комплектовался выпускниками не только институтов, но и техникумов, причем они преобладали. Большинство техников учились заочно и становились инженерами. В их числе Е. К. Дудочкин, Е. К. Андрияшин, В. А. Шамшурин, А. П. Ворожейкин, Г. П. Сухнев, А. В. Шилов, Ю. Д. Орлов, В. П. Шабалов, А. Г. Копытов, В. А. Сазонов и многие другие. В конструкторском бюро число студентов-заочников в отдельные годы доходило до 14 человек, а всего к 1980 году заочно получили высшее образование 53 человека.

Первое десятилетие — период крайне высокого физического и творческого напряжения и наших руководителей, и всего отдела, особенно в период пуска завода, освоения производства первых изделий, создания организационных и технических основ деятельности предприятия. Были моменты, когда бригады конструкторов и технологов вызывались в отдел для работы в ночные часы, чтобы

выполнить задание директора и к утру выдать документацию в цеха.

В середине 60-х годов, не выдержав огромного напряжения в работе и ответственности, по состоянию здоровья вынужден был оставить должность главного технолога и перейти на другую работу К. Е. Игнатьев. Константин Ефимович был опытным производственником, хорошим администратором и инженером. Нам импонировало то, что ему, как и А. В. Тарасову, были близки и понятны наши конструкторские проблемы. С большинством других руководителей, вышедших из рядов технологов, работать было труднее. В Игнатьеве совмещалось грубоватая ворчливость и застенчивость, строгая требовательность и душевность. Он так и не избавился от способности смущаться и краснеть. Это была не единственная его человеческая слабость. В разговоре и выступлениях Игнатьев часто коверкал слова: "экспониметр", "космоноват" и т. д. Среди ветеранов до сих пор ходит байка о том, как Игнатьев в воспитательных целях выставил одного из нас за бестактное поведение: "Выйди в колидор, наберись культуры!". Константин Ефимович, занимаясь нашим воспитанием, не давал спуску и себе. На его столе постоянно находилась памятка с крупной надписью красным карандашом: "Не материться!". Именно Игнатьеву удалось сплотить сотрудников отдела в крепкий и дружный коллектив, способный решать большие задачи.

Годы первого десятилетия стоили большого напряжения и нервов и нам, рядовым исполнителям, и руководителям. Ах эта постоянная, непрерывная подготовка производства новых изделий! Неумолимые, жесткие графики! То и дело новые, неизвестные ранее технические проблемы, которые предстояло надежно решить в жесткие сроки. Технологи, порой не представляя решения технологической проблемы, всеми мерами стремились утвердить заявку на проектирование средств технологического оснащения. А далее и ответственность, и техническое решение проблемы, выбор способа изготовления в сроки графика автоматически перекладывались на нас, конструкторов. Отсюда и многие бессонные ночи. Какие только технические проблемы мы не решали, и порой даже очень успешно и оригинально, настолько, что за опытом приезжали к нам. Например, разве не делает чести разработка приспособлений для свинчивания частей изделий на сборочных операциях с моментом до 200 килограммометров В. Т. Цимбаловым и В. А. Фейерштейном.

Сил и упорства придавало чувство ответственности работы на

6 Заказ 2236

оборонном предприятии особой государственной важности. Не растрачены еще были и тот пыл, и настрой, которыми мы были заряжены в годы учебы. Годы первого дсятилетия останутся для меня самыми дорогими и памятными. Едиными целями и помыслами в те годы жили и весь завод, и весь город.

А. ДЕРЮШЕВ

ОТ ЯДЕРНОЙ БОМБЫ ДО БОЕГОЛОВОК МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ РАКЕТ

После получения путевки-назначения в Москве, 20 августа 1953 года я прибыл в "Хозяйство Володина". "Знакомые все лица!". Однокурсники из политехнического института, которые уже прибыли прямо из Челябинска. Ю. Астафьев, Г. Кузнецов, А. Бобков, В. Усов, В. Проскурин, А. Кремлев, И. Ярославцев, Н. Ярославцева, И. Живова, В. Жукова (Воронкова), Г. Мякотин, И. Иголкин. И зам. директора по кадрам В. И. Никитин. Он уже беседовал с нами в институте, когда "сватал" в "хозяйство". На мой вопрос, куда нас оформляют, Никитин ответил: в резерв министра культуры.

Мне и Е. Старостину, который прибыл в тот же день, было сказано, что завтра утром нужно явиться на встречу с директором. Утром так утром, и пришли мы к 10.00. Директор был на месте, но нас не принял. Свою ошибку поняли сразу. Назавтра явились к 8.00. После обстоятельной беседы получил назначение — начальник кузнечной мастерской цеха 106. Когда вступит в строй. А пока помогать Виктору Тихоновичу Малыхину в курировании строительства цеха. Мы — заказчики. У нашего здания 106 одни стены, впрочем, у других и того нет. На стройплощадку без сапог не сунешься. Болотистый лес. Все перерыто.

Следующее задание, которое я получил от Константина Арсеньевича — выехать к 1 сентября 1953 г. в Свердловск за выпускниками Уральского политехнического института, получившими направление к нам. Это были В. В. Кузнецов, Н. П. Добрынин, супруги Мурдасовы, Т. В. Клюшина, В. Н. Кожевников, В. Г. Аверьянов, В. К. Бажутин. Перед отправкой выдали мне справку, что являюсь работником "Склада 33" Главгорстроя СССР. Оказалось, эта маленькая справка имела большую силу. Невозможно было в кассе

купить билеты ни в Свердловск, ни из Свердловска. Начальники станции по магической справке выдавали бронь на билеты для всех без лишних слов.

По прибытии из Свердловска получил от Володина новое задание — выдать строителям чертежи фундаментов под крупное оборудование и дать их привязку к строительным чертежам в соответствии с технологическими планировками. Планировки находились в отделе 1, где я с ними и работал. Работниками отдела тогда были В. Г. Фомин и В. П. Васин. Директор иногда по нескольку раз в день вызывал к себе для отчета и очень торопил. Нельзя было давать повод строителям ссылаться на задержки по нашей вине. И я сидел за чертежами до позднего вечера. В это время, после рабочего дня, на втором этаже раздавались песни наших молодых специалистов под самодеятельный оркестр. Б. Касьян играл на аккордеоне, Г. Мякотин стучал в медные тарелки, которые неизвестно как здесь оказались. Кто-то играл на гитаре, а остальные играли кто во что горазд. Управление и общежитие были в одном здании.

31 сентября меня и Аверьянова вызвал Володин и показал приказ № 164. По нему я становился и. о. начальника ремонтно-механического цеха (ц. 109), а Аверьянов — зам. начальника этого цеха. В начале октября мы вместе с другими молодыми специалистами выехали стажироваться на заводы Челябинска. Моя стажировка прошла на заводе имени Колющенко в автогрейдерном цехе, где несколько месяцев проработал мастером механического участка. Моих сотоварищей отправили еще стажироваться на родственные заводы в Ленинград. Я уехал из Челябинска последним прямиком в ставшее родным "хозяйство".

Стажировка была полезна, но и с производством в отличие от других я был уже неплохо знаком. Знал опытный завод № 100, многие цехи ЧТЗ, где работал с начала войны до ухода на учебу в 1948 году. Работал я инструментальщиком, а это хорошая рабочая школа.

В июне 1954 года наш цех 109 получил временное "свое" задание. Здесь мы смонтировали станки и по заявкам строителей и разных служб стали изготавливать различные металлоизделия.

В августе приехал зам. министра Минсредмаша Б. Л. Ванников познакомиться с ходом строительства завода. С ним приехали директор завода в Свердловске-45 А. Я. Мальский и назначенный главным инженером завода А. Г. Потапов. Ванников пожелал встре-

титься с руководителями будущих цехов. В тот момент нас оказалось трое — В. Н. Проскурин, И. Ф. Ярославцев и я. Володин представил нас Ванникову, с улыбкой отметив, что это "самые кадровые работники завода". Беседа протекала очень живо. Ванников поинтересовался, где учились и работали раньше, как идут дела. В заключение пожелал, чтобы в цехах мы сразу обращали внимание на высокую культуру производства. Вроде бы далеко не самое важное, а ведь это не так. Порядок — основа ритмичной работы.

К концу года наш цех обосновался в левом пролете здания 105. Появились новые работники. Заместителем начальника цеха назначили Г. П. Лукьянова, он легко сошелся с коллективом и оказался надежным помощником. Мастерами стали В. Родионов и И. Филимонов. Среди рабочих в то время были Ю. А. Пирогов, Ю. В. Пестриков, Г. Н. Быков, Д. Н. Рычков, М. Д. Зверев, Н. Е. Решетников, Ю. Е. Никифоров, В. А. Шаблаков, Ю. П. Колчин, Ю. А. Шарнин, З. А. Титова, А. В. Серегин, А. Д. Чикишев, А. И. Мальцева. Мы вели монтаж оборудования в цехах. Механосборочный участок изготавливал нестандартную оснастку, металлическую фурнитуру.

В начале 1955 года почти во всех цехах на площадке был завершен монтаж оборудования и началась работа по освоению производства. Рядом с молодыми руководителями появились и более опытные. Заметно выделялся начальник цеха 104 Б. В. Горобец. Он был так же молод, как и мы, но все знали, что за работу в Челябинске-40 он уже был награжден орденом Ленина.

В июне 1955 года получил отпуск и уехал в Челябинск. Не прошло и двух недель, как меня разыскали и передали, что срочно вызывает Володин. Я немедленно выехал. Директор объяснил, что предстоит большая работа по пуску завода. Создастся новый цех 102, и надо его готовить к работе. Начальником цеха назначен В. М. Копылов, с которым успел подружиться. До этого он исполнял обязанности начальника производства, и я с ним часто встречался по работе. Человек он бесспорно очень способный, эрудированный, очень энергичный и подвижный. Директор часто поручал Копылову командировки на другие заводы для налаживания связей, ускорения выполнения заказов. И он успешно с этим справлялся. Бесспорно, его ожидало большое будущее. К сожалению, трагический случай оборвал его жизнь в 1956 году.

Стали комплектовать новый цех, первыми рабочими его стали Ю. Т. Сайгин, Н. Д. Пузиков, Б. А. Бычков, П. М. Вилков,

Е. М. Востроknутов, Б. Фролов, А. С. Роднов, М. Д. Коржавина, А. А. Чеснокова, Э. О. Сошникова. Мастером работал А. Ф. Моисеев, начальником бюро технического контроля В. П. Дружинин, экономистом А. В. Деулин, старшим представителем заказчика П. М. Быков, представителем заказчика Н. С. Кутузов. В здании 102 был бетонный пол и трудно было избежать пыли, а с ней работать в цехе было невозможно. Копылов предложил покрыть пол грунтовкой. С этого и начали работу. Пол заблестел и промывать его стало легче. Нашему примеру последовали и в других цехах. Проблемы покрытия пола, чистота в цехе занимали меня все последующие годы. Потом был линолеум, плитки ПХВ и, наконец, белый мрамор. Эта "роскошь" была просто необходима, очень уж деликатны наши "изделия".

Мы спешили. С 1 августа должны приступить к сборке первых "изделий". Задачей цеха была определена проверка баллистических корпусов и контрольная разводка на шаровом корпусе блока фидеров. Завезли всю необходимую технологическую оснастку, расставили ее по технологической планировке. Завезли узлы. В контейнерах находились корпуса авиабомбы под маркировкой "Т", за что и получили на заводе ласковое имя, как у Пушкина в "Евгении Онегине": "Итак, она звалась Татьяна".

1 августа 1955 года торжественно предъявили контейнеры с корпусами для вскрытия контролерами бюро технического контроля и представителями заказчика. Они проверили сопроводительную документацию, сверили оттиски пломб с паспортами и разрешили вскрытие. Что лежит в контейнере, никто точно не представлял. Только руководители видели чертежи. Когда слесари подняли крышу контейнера, то все буквально отпрянули. Размеры и внушительный вид "Татьяны" произвел впечатление.

В цехе появились главный инженер Главка А. А. Томилин, куратор Главка А. А. Осипов, руководители завода. Как же, такое событие! Пуск завода в эксплуатацию. Нас же уже одолевали будничные заботы: как обеспечить выполнение плана. Все представляли, какая ответственность легла на плечи. Ведь все-таки правительственное задание, оборонный заказ. Да какой! Самое грозное — ядерное оружие!

Первые шаги оказались трудными. Мы с утра до ночи не выходили из цеха. Требования заказчика были исключительно жесткими. Заставляли по нескольку раз переделывать маркировку корпуса.

Кропотливой оказалась операция подготовки "ушек" подвески бомбы к самолету перед консервацией. "Ушки" надо было зачистить до блеска. Не допускалось ни единого пятнышка в сварном шве. Затем "ушки" покрывались лаком. Сушили лак в естественных условиях 24 часа. В процессе сушки он вдруг начинал морщиться. Приходилось лак снимать и перепокрывать снова. Если сушка проходила нормально, заливали "ушки" горячей пушечной смазкой. Для этого изготовили специальные рамки, чтобы смазка не разливалась по корпусу. Выявились специалисты по выполнению этой операции. Позже всю операцию упростили. Сушили лак электролампами в 500 Вт. Вместо заливки наносили пушечную смазку тампоном.

По прошествии лет те заботы кажутся сейчас вроде бы до смешного простыми. Но тогда нам было не до смеха. За эти годы приходилось решать действительно технически сложные проблемы, когда к их решению подключалась и наука, и руководство министерства. Но они решались в условиях сложившегося производства, накопились опыт и знания. А тогда... Все на пустом месте.

В первый период окончательная сборка не проводилась. Изделие сдавалось по узлам комплектно. Повторная проверка узлов проводилась из комплекта, взятого выборочно. Узлы развозились по своим цехам. Комиссия переходила из цеха в цех. Председателем комиссии был П. П. Каныгин, начальник "хозяйства" на "Дальнем". Членов комиссии полагалось одеть в новые белые халаты. Халатов не хватало. Рядом с нами был цех 104. Пока комиссия работала у нас, пом. начальника по хозяйственной части этого цеха Гобов ожидал халаты. Как только члены комиссии их снимали, он хватал их и бежал в свой цех встречать комиссию. Позже появились шкафы, где персонально для каждого члена комиссии висел свой халат.

Праздничным для нас было 31 августа 1955 года, когда был завершен так тяжело доставшийся нам первый месячный государственный план.

"Татьяны" нужно было защитить контрольно-летными испытаниями перед межведомственной комиссией. Подготовку к сборке контрольного варианта "Татьяны" начали в декабре 1955 года. До этого собирать "изделия" нам не приходилось. Сборку и проверку систем автоматики собранного изделия проводили в эксплуатации. Для этого на заводе, помимо узлов, изготавливалось и комплектовалось сборочное оснащение и стендовая аппаратура для проверки в работе узлов автоматики. Один из комплектов мы и должны были использовать при

сборке и проверке "Татьяны". Работы должны были проводиться в здании 604. Всю организационную и подготовительную работу Володин поручил мне. Сборку и проведение испытаний возложили на работников отдела. В их числе были В. Г. Байдин, В. М. Каширин, Е. М. Васьков, С. Г. Чернов, В. М. Макаричев, Г. Н. Князев, Н. И. Чеботарев, В. И. Марецкий, Г. Я. Микрюков.

Руководил работами прибывший представитель разработчика Владимир Иванович Капустин. Человек необычайно энергичный, хорошо известный в кругах нашего министерства и Министерства обороны. С Капустиным приехали пять специалистов-руководителей групп. Популярность Капустина помогла нам хорошо обустроиться на полигоне и без задержки решать возникающие проблемы.

Проверив готовность к сборке, Капустин потребовал еще ряд контрольных приборов. Они имелись в цехе 103. Забирать все приходилось, конечно, с боем. Они были в работе. Закончив сборку, погрузили контрольную "Татьяну", сборочную и стендовую оснастку в два спецвагона, а в третьем, классном, выехали сами. Начальником эшелона был зам. директора по режиму А. Д. Рязанцев, с документами ехал В. Н. Устюгов, все работники отдела, принимавшие участие в работах, и охрана. Выехали в конце января 1956 года.

На полигоне — "Хозяйстве генерала Чернореза" нас встречали Капустин и наши — главный инженер А. Г. Потапов и руководитель представительства заказчика Г. В. Патрушев, они были членами межведомственной комиссии.

Отвели нам сборочный зал в техническом корпусе полигона. Провели проверку контрольной "Татьяны" после транспортировки. Установили на спецтележку для перевозки к самолету для подвески. Все готово, но нет погоды. Полигон заволокло тучами. Каждый день мы приезжали в технический корпус и, как говорится, ждали у моря погоды. В один из понедельников небо наконец-то прояснилось. Но по понедельникам на полигоне полетов не было — день техучебы. Ожидать, что на следующий день погода сохранится, было рискованно, Капустин позвонил Главкому ВВС и от него добился разрешения на проведение испытания.

Повезли "Татьяну" к бомбардировщику ИЛ-28 и осуществили подвеску. Проводив самолет на взлетную полосу, мы вернулись в технический корпус ждать результатов испытания. Самолет взлетел в сопровождении истребителей и больше часа набирал высоту. Наконец, увидели сброс и подрыв. Контрольные посты зафиксировали

сигналы контрольных датчиков и по вспышке провели съемки. Расшифровка дала положительные результаты, о чем и был составлен акт комиссии. Первая выпущенная заводом продукция была успешно защищена контрольно-летными испытаниями. В марте мы вернулись домой. Встречали нас как победителей.

С начала 1956 года перешли на изготовление модернизированного варианта "Татьяны" — Т24М. Защита этого варианта контрольно-летными испытаниями прошла в июле. На этот раз был уже опыт подготовки и проведения испытаний. Заранее подготовили все необходимое для работы. Выехали в том же порядке, как и на первые испытания.

Подвеска была осуществлена к самолету ТУ-16. Набор высоты прошел в считанные минуты. Фиксация сигналов и съемка дали положительные результаты. Защита полугодовой партии изделий Т24М прошла успешно.

В 1956 году стали осваивать принципиально новое "изделие" — головная часть межконтинентальной баллистической ракеты — 4Р. Началась работа с довольно примечательной истории. Корпус головной части состоял из двух частей. На нижней части устанавливалась так называемая "ферма", на которую монтировались наши узлы. Для работ по расстыковке и сборке корпуса в отделе главного технолога под руководством В. А. Беломытцева был спроектирован стенд. Чтобы проверить стыкуемость частей корпуса с нашими узлами, на ферму устанавливался массивный объемный калибр. К моменту первой стыковки в цех пришли А. А. Томилин, К. А. Володин, А. Г. Потапов и А. В. Тарасов.

Стали стыковать корпус, а он не стыкуется. Объемный калибр упирался в стенку передней части корпуса. Мы с Копыловым попытались разобраться в чем дело, но вмешались пришедшие руководители и сами стали командовать работами. Ничего не получалось. Начальники обругали конструкцию стенда и ее создателей. Приняли решение — стыковку вести в вертикальном положении при помощи мостового крана в здании 202. Высота здесь позволяла это сделать. Но и там стыковка не получилась. Разработка ракеты проводилась в КБ С. П. Королева. Томилин подытожил безуспешные попытки стыковки:

— Поехали, дадим телеграмму, что конструкция изделия не обеспечивает сборку. Пусть приезжают и разбираются, — и все уехали в заводоуправление.

Стало тихо. Петр Михайлович Быков предложил:

— Теперь давайте спокойно разберемся сами.

Просмотрели внимательно чертежи и обнаружили, что ферма закреплена со сдвигом по окружности. Привели все в соответствие и состыковали корпус. Позвонили Володину. На счастье, телеграмму не успели отправить и избежали позора. С этого времени здание 202 осталось за нашим цехом. Начальником участка 202 назначили И. С. Кузьмина, мастером — А. А. Бачурина, инженером бюро технического контроля — А. Ф. Бгакину (Виноградову).

В августе 1956 года собрали контрольный вариант "головки", а сборку "штатных" изделий успешно начали в ноябре. Это было вызвано осложнением международной обстановки из-за событий в Венгрии и Египте. Первоначально сборку вели в здании 604. Мне было поручено возглавить сборочную группу. В числе сборщиков были Е. М. Востроknутов, Ю. Т. Сайгин, В. Д. Иванов, Б. В. Павлов, С. М. Тарин, от бюро технического контроля А. Ф. Виноградова и А. А. Чеснокова. Обеспечивали работу также работники цеха А. С. Роднов, В. Н. Соколов, П. П. Потрясов. Ведущими от СКБ (специального конструкторского бюро) была И. А. Костюшко, от службы главного технолога — В. А. Беломытцев, Р. И. Шишкин, А. М. Петухов. Позднее сборка велась и в здании 202.

С "головкой" произошли новые неприятности, но уже действительно серьезные. Затрещало теплозащитное покрытие корпуса. Приехали представители КБ-разработчика и обвинили в замеченном дефекте нас. Выдвинули две возможные причины повреждения — либо при перемещении подвеской-траверсой, либо при зажатии в бандажах стенда. Версии мы сразу отвергли. Такого просто не могло быть.

Принято было решение обмазку корпуса заменить. Выполнение плана усложнилось. Руководство министерства дало указание — для ускорения доставки корпусов с новым покрытием отправить на завод-изготовитель наши спецвагоны, чтобы мы по мере готовности могли немедленно забирать их.

Получил от Володина задание: выехать с составом спецвагонов на завод в Днепропетровск и обратить здесь особое внимание на имевшиеся у нас замечания по корпусам, о ходе работ постоянно докладывать директору по ВЧ-связи.

Выехали мы в конце января 1957 года. На участке сборки корпусов ознакомился с технологией. Корпуса перетаскивались краном за "удавку". Это и могло стать причиной нарушения покрытия.

Когда вскрыли контейнеры, не отправленные к нам, то на корпусах обнаружили трещины. Мое предположение оказалось верным.

Положение сложилось сложное. Корпуса перепокрывали, испытывали заново. На завод приезжали зам. министра Руднев, генерал из Главного ракетно-артиллерийского управления Гайдуков, заместители С. П. Королева. Работы затянулись на февраль-март. В начале апреля отправили первые обновленные корпуса на родной завод, и Володин разрешил мне возвращаться.

Московское руководство беспокоилось, как при сборке поведут себя корпуса с новым покрытием. И сборку начали под наблюдением межведомственной комиссии, в составе которой были представители Днепропетровского завода и разработчики "изделия". Работы прошли нормально. В дальнейшем в процессе эксплуатации замечаний по покрытию не было.

После смерти Копылова в 1956 году начальником цеха 102 был назначен В. П. Тарасов, работавший до того главным механиком. Мы распределили свои обязанности. Тарасов занимался работами в здании 102, а я целиком переключился на здания 202 и 604, которое со времени сборки контрольных "изделий" осталось за нами.

В 1959 году нас объединили с цехом 201. Сборку изделий поручили отделу 38 в здании 202. В первые дни 1960 года Володин сказал мне, что со сборкой дела не идут, принимай дела и организуй работу. Появился приказ по заводу о создании цеха 26 и назначении Комарова и. о. начальника цеха. Специализация цеха — окончательная сборка "изделий". Первыми его работниками стали Ю. Т. Сайгин, П. М. Вилков, Б. В. Бычков, И. Е. Шихов, Е. К. Тютюнников, И. Д. Пузиков, Л. Г. Рябошапка, М. Д. Коржавина, В. П. Зотова (Спиридонова), С. И. Кукуяшная (Румянцева), Н. В. Екшова (Кононова), Л. М. Лопшакова (Голева), Ф. М. Буренкова, З. И. Цепилова.

Помимо сборки мы осуществляли и разборку первых наших "изделий". Странное было ощущение. То, что так тщательно собирали, выполняя жесточайшие требования, теперь разбирали. Оказалось, все это не нужно. Работали по разборке в две смены. Это был в то время кратковременный эпизод. В дальнейшем работа цеха состояла в окончательной сборке специзделий различных типов и назначений. К их разборке приступили уже в последние годы.

В. КОМАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАДАНИЯ

Окончив Уральский политехнический институт в 1953 году, я в составе "команды" из 10 наших выпускников прибыл 3 сентября в "Хозяйство Володина". Это было самое начало города и завода. Безусловно, что в то время говорить о какой-либо инженерной работе не могло быть и речи. Нас отправили в Челябинск на стажировку на завод им. Колющенко. Через три месяца мы были командированы в Москву, Ленинград, Арзамас-16 на стажировку по профилю нашего будущего завода.

В августе 1954 года директор завода назначает меня начальником бюро инструментального хозяйства. И вот для меня началась активная деятельность по подготовке к выпуску нашего первого изделия "Татьяна". Я был командирован в Москву в Шестое Главное управление, где в течение месяца занимался оформлением и размещением заказов на изготовление технологической оснастки. Заказы на изготовление оснастки были размещены на 29 заводах.

После размещения заказов стали поступать всевозможные вопросы технического, организационного плана.

Володин командировал меня на два месяца с целью побывать на всех заводах, согласовать ряд технических вопросов и сроки исполнения. Это была интересная и напряженная командировка. Интересная с точки зрения познавательной — познакомился с крупнейшими заводами страны. И нужно укладываться в сроки.

Какое внимание было нашим заказам. По приезде на завод, с проходной звоню в 1-й отдел, называю № заказа и через 10—15 минут мне выносят пропуск. Я немедленно попадаю к руководству завода. Все вопросы решались в течение двух-трех часов. Поэтому за один день успевал побывать на двух заводах. Вспоминаю, как слезно меня уговаривали в Витебске на заводе фрезерных станков расширить допуски на угловые размеры приспособлений для фрезеровки так называемых "корзинок" (шестигранник и пятигранник). Но этого сделать было нельзя. Надо низко поклониться в ноги тем труженикам, которые в жесткие сроки изготовляли нашу оснастку повышенной точности.

В 1955 году я был переведен на работу в цех 11 начальником технологического бюро. Замечательный, дружный коллектив. Номенклатура изделий, которые мы изготавливали, доходила до 800 наименований. Начальником цеха в то время был Виктор Тихоно-

вич Малыхин, заместителями Виктор Григорьевич Аверьянов и Владимир Федорович Соболев. В середине года стала поступать оснастка на "Татьяну". Один случай, когда большая партия деталей, так называемых "ударников", ушла в брак из-за кондуктора, неправильно спроектированного конструктором, побудил нас перепроверить всю оснастку. Мне пришлось осваивать управление координатно-расточным станком ВЛ-5, чтобы на нем проверять оснастку. Два месяца, вместе с представителем центральной измерительной лаборатории Г. Варгановой, потребовалось на проверку. Если на основное изделие мы имели оснастку и технологию, то на мелкие изделия, так называемую эксплуатационную оснастку, не было ничего. В то время отдел главного технолога занимался только основным изделием. Мы варились, как говорится, в собственном соку. Эскизы оснастки делали наспех силами инструментальной группы цеха.

И нужно сказать, что освоение новых узлов проходило в короткие сроки. На всю жизнь запомнился эпизод с суперсрочным изготовлением стенда 8К51-Б1. Это было в мае 1956 года. 10 мая начальник цеха Малыхин вернулся с оперативного совещания у директора с двумя большими альбомами чертежей. Срочно было собрано совещание, где он ознакомил с заданием. Нужно к 1 июня изготовить стенд 8К51-Б1 и комплектующие детали для пультов. Сроки изготовления определены Минобороны, поэтому для раздумий времени не было. Что делать? Ни оснастки, ни технологии, ни материалов — все в нулевом состоянии.

Начальником участка, который должен изготовлять стенд, был Евгений Васильевич Иванов. Я предложил создать комсомольский штаб, расписать каждому задание до последней детали, работать сколько нужно, в том числе и по выходным. И все дружно взялись за работу. В течение двух суток подготовили эскизы оснастки, срочно завезли в цех материал и началась горячка. Всем нам тогда было от 20 до 25 лет, все комсомольцы, поэтому "по комсомольскому призыву" без устали работали по 12—18 часов. Как не вспомнить наших лучших токарей: В. Коротких, А. Кунгурова, В. Сажина, И. Харькова, слесарей В. Дулесова, А. Сакерина, В. Баймачева и других, непосредственно принимавших участие в выполнении срочных заказов. По выходным дням все ИТР выходили на работу: зачищали сварочные швы, снимали заусенцы, нарезали резьбу и поддерживали бригаду Бабушкина, собирающую стенд.

И вот, 28 мая сверкающий свежей краской и оцинкованными деталями стенд был сдан военной приемке. Это была наша общая цеховая победа.

В 1957 году в цех поступил заказ на изготовление большого приспособления для определения центра тяжести головки ракеты. Заказ серьезный, а сроки, как в то время бытовало крылатое выражение — "к утру".

Лучшие слесари: В. Бабушкин, Н. Варганов, В. И. Мелешкин и другие трудились круглосуточно. Самые ответственные детали — призмы высочайшей точности и 14 класса чистоты поверхности изготавливали наши лучшие слесари-лекальщики Варганов и Мелешкин. Все было изготовлено в строгом соответствии с технологией, но все равно не получалась тарировка изделия согласно присланной разработчиками-конструкторами инструкции.

Трое суток не выходили из цеха представители ОТК, военной приемки, начальник КИПа К. С. Морозов вместе с бригадой слесарей. Опускались руки! Пришел в цех Володин, выслушал наши предложения и принял решение: немедленно В. Бабушкину и мне лететь в Днепропетровск — в фирму Янгеля (генерального конструктора) и на месте с конструкторами разобраться по сути вопроса.

На другой день мы уже были в Днепропетровске, через час после прилета самолета прошли в отдел главного конструктора. Нас встретили доброжелательно, выслушали суть вопроса и провели в лабораторию, где отрабатывалась методика тарировки изделия. Попросили лаборанта вместе с Бабушкиным произвести тарировку строго по инструкции. Увы, тоже не получилось. А как же тарировали? По-своему, с отклонением от инструкции. Здесь же, на месте, согласовали изменение инструкции с военной приемкой. Вот так, в течение четырех часов разрешился сложнейший для нас технический вопрос.

Это было в августе 1957 года. Конструктор, работавший со мной, предложил познавательную экскурсию. Он провел меня в закрытое отделение цеха, где в идеальной чистоте на подставке лежал блестящий шар диаметром 300 мм. Это, сказал он, будущий спутник Земли. А 4 октября весь мир услышал позывные первого спутника Земли.

Мы вернулись с Бабушкиным домой, быстро аттестовали изделие по новой методике и сдали спецприемке.

В 1960 году организовался новый цех 20. Я был назначен руко-

водителем технологической группы, начальником цеха стал Г. И. Тихонов. На нас свалился труднейший и сложный заказ по изготовлению тележек АЭ-560 для транспортировки и хранения изделий. Заказ поступил в октябре, а к новому году мы должны были сделать 20 тележек. Изделие сложное, с тормозами, на рояльных колесах, бандажами колес с вулканизированным кордом. Сразу же возникло много технических и технологических проблем. Конструктор-разработчик был прикомандирован на время освоения. Оперативно вносил изменения в чертежи, предложения по улучшению технологичности конструкции и т. д. Всего было внесено 400 замечаний и изменений. Мы с Тихоновым почти не покидали цех, жили, так сказать, на казарменном положении, спали по 2—3 часа за рабочими столами. Днем делали свои дела по организации работ, составлению эскизов оснастки, а вечером переодевались в рабочую форму и помогали слесарям-сборщикам сверлить, нарезать резьбу, зачищать сварочные швы.

Весь коллектив завода внимательно следил за нашей нелегкой работой и, чем могли, помогали. К примеру, Б. В. Горобец, будучи начальником производственного отдела, несколько смен трудился вместе с нами. Мы понимали, что выполняем очень важную государственную задачу. Напряженнейший физический и умственный труд. Вечером делаешь эскизы приспособления, утром сдаешь в инструментальную группу, а к вечеру оно должно быть готово. Ни часу простоя, все подчинено одной мысли — успеть сделать заказ к сроку! Надо отдать должное бригадиру А. Е. Рыбникову, слесарям И. Д. Полуэктову, А. Н. Бочкову и многим другим, которые не жалели ни сил, ни времени для изготовления тележек. И заказ был выполнен в срок. Что удивительно, что никто не задавал вопрос по оплате, по премии. Это был добросовестный, бескорыстный труд. Немного досадно было лишь то, что освоение приходилось на летнее время, поэтому ни дня не отдыхали. Ни одного выходного дня летом, ни ягод, ни грибов, ни рыбалки.

Наше поколение гордо тем, что мы ни разу не подвели нашу Родину с выполнением государственных заданий. И не случайно на знамени завода красуется высшая награда Родины — орден Ленина!

В. КУЗНЕЦОВ

НА СБОРКЕ СПЕЦИЗДЕЛИЙ

Я закончил ремесленное училище в Ижевске по специальности слесарь-сборщик в 1954 году и попал в "команду", которую направили на строившийся уральский завод. Попали мы сюда не сразу. Сначала нас доставили в Карауловку — на уборку богатого урожая зерновых. Расквартировались в клубе, и началась битва за хлеб.

Пока убирали урожай, нас распределили по цехам и потихоньку, группами, по готовности цехов, забирали на завод. Слесари-сборщики попали в цех 21 — В. Биянов, Л. Зорин, И. Варов, П. Глухов, Н. Губин, С. Гущин, В. Гоголев, В. Замараев, В. Кудрявцев, В. Копысов, Н. Сусеков, А. Суворов, Е. Фертиков и я.

Слесарей-лекальщиков и механосборщиков раскидали по цехам 11 и 25. Термистов закрепили за цехом 15.

К нашему приезду уж обстроились деревянными домами улицы Строителей, Карла Маркса, Островского и Кирова. Наша группа из цеха 21 попала в общежитие (дом № 35). Уже работали магазины, столовая, медпункт, баня, клуб "35 лет Октября". Действовали цеха 1-й и 4-й площадок. Достраивались корпуса 2-го производства.

Пока строили наш цех — здание 201, мы трудились кочегарами в котельной, что была на ул. Островского. Испилили целый склад леса на дрова, чтобы отапливать титаны в квартирах.

В общежитии мы проживали по 4—7 человек в каждой комнате, жили дружно, весело. Иван Варов решил подогреть воду в солдатской фляжке на электроплитке, а сам увлекся чтением и забыл. И вдруг взрыв! Фляжка разорвалась на части вместе с разбитой электроплиткой. Куски разлетелись в разные стороны. К счастью, никто не пострадал. Стекла, конечно, все вылетели. Поднялась паника. Люди с верхних этажей побежали в подвал, думая, что взрыв произошел там, а снизу бежали наверх. Вскоре определили место происшествия и живых участников событий. Все успокоились и занялись своими делами.

Этот случай, конечно, на Приборостроительном не остался незамеченным. Была создана комиссия, которая регулярно стала проверять состояние быта в общежитиях. Недостатки записывались и немедленно устранялись. Из комнат, предусмотренных под кухни, люди были переселены, а кухни оборудованы всем необходимым. Во фляжках воду больше не грели.

В начале 1955 года нас откомандировали в разные города —

учиться работать с взрывчатыми веществами и специзделиями, которые у нас готовились собирать. Из командировок нас отозвали, когда было сдано здание 202, "погребки" 204, 205. Наводился порядок в зданиях 201 и 206. Сдавали различные зачеты.

Вскоре мы переехали в свой цех 21. Начали осваивать производственные площадки в зданиях 201, 206 и "погребках". Начальником цеха стал В. Н. Широков.

В первых числах августа в цех были завезены основные узлы изделия. Строго по инструкции слесари-сборщики по команде председателя комиссии вскрыли крышку контейнера. Узел краном подняли и поставили на специальную подставку. Мы выполняли свои слесарные работы, контролеры и представители заказчика проверяли необходимые параметры, согласно протоколу сборки и технической документации. Слесарями руководил мастер Ю. М. Пыренков, замеры проводили Ю. К. Костриков и А. А. Косов. Аналогичные работы были проведены и с другим узлом. Все прошло нормально. Комиссия подписала приемный акт. Узлы были переданы для дальнейшей сборки. Мы только тогда осознали всю ответственность нашей работы и поняли, какие изделия будем собирать.

Напряженно работали все цехи завода, началась гонка вооружений. Работали в две, а то и в три смены. Планы по сборке изделий постоянно возрастали. В дальнейшем мы собирали различные типы узлов. Не все шло гладко, были и срывы графиков, была и штурмовщина, и различные казусы из-за неопытности или технологических упущений.

Вот один из таких казусов. Пробки, оклеенные материалами и запрессованные в основание изделия вакуумным способом, почему-то не стали выпрессовываться. У присоса не хватало разряжения. Мы все, от слесаря до мастера, пытались вытянуть злополучные пробки, но ничего не получалось. Шло время, график срывался. Узнав о срыве, в цех прибыл Володин. Поинтересовавшись, в чем дело, бросил: "Кто первый выпрессует пробку — получит 500 рублей" и удалился из цеха. На другое утро первую пробку удалось вытащить начальнику БТК Лебедеву, а затем дело пошло и у других.

Все было просто — материал в пробках за ночь осел, поэтому они и стали легко выпрессовываться. Конечно, были проведены срочные мероприятия по усилению вакуумного разряжения в присосах. Материал перед оклейкой пробок стали подбирать более тща-

тельно, иногда даже проглаживать утюгом. Володин же слово свое о выплате 500 рублей сдержал.

В городе открылась школа рабочей молодежи. Многие из наших ребят пошли заканчивать среднюю школу. Условий для учебы в общежитиях почти не было, поэтому начинали и вскоре бросали. Снова садились за парту и снова бросали. Но были и упорные, что не только получили аттестат зрелости, но после заочной учебы в техникумах и институтах дипломы. Мои однокашники — Л. Зорин и В. Кудрявцев поступили заочно в Челябинский политехнический институт с первого захода, я выдержал экзамены со второго.

Вторым начальником цеха был В. Д. Богатырев, пока не перевелся в Пензу-19. Вячеслав Дмитриевич был человеком веселым и общительным. Заходил к нам в общагу, брал гитару и веселил нас хорошими песнями. Заместителем при нем стал А. Д. Лебедев, работавший до того начальником БТК. Третьим начальником цеха стал И. П. Гузиков. Иннокентий Петрович закончил физико-математический факультет, и мы, студенты-заочники, частенько к нему обращались. Помогал он всем от всей души и был очень доволен, что многие из цеха учились. Он был заводилой всех шашечно-шахматных турниров. При нем в цехе была создана футбольная команда, которая успешно принимала участие в первенстве завода. Играл в футбол и я.

Цеха частенько лихорадило. Дело в том, что детали по кооперации иногда поступали в двадцатых числах месяца, и за оставшиеся десять дней надо было выполнить месячный план. Тут уж со временем не считались. Работали по двое-трое суток, выходя из цеха только в столовую. Спали в раздевалках на ватниках, в которых приходили детали. И план делали!

Постоянно шло освоение новых видов изделий, поэтому итээровцы постоянно вели с нами занятия по повышению квалификации. И мы имели высшие — 6-е, а некоторые и 7-е разряды.

Цех неоднократно в соцсоревновании занимал первые места с вручением переходящего Красного знамени. В 1960 году присвоили звание "Коллектив коммунистического труда".

В процессе сборки изделий случались и ошибки, а следом обязательно следовал приказ о наказании. Поучительно наказывал виновных Гузиков. Мне, к примеру, он сказал: "Пиши приказ о наказании себя сам. Отпечатай на машинке и принеси мне на подпись". Я развел руками — не умею. "Вот и хорошо, научишься

печатать и самостоятельно писать приказы. В жизни все пригодится". Действительно, в будущем мне эта "наука" пригодилась. А тогда же я целый день сочинял-бичевал себя в приказе. С грехом пополам отпечатал и принес на подпись. Между прочим, наказание в приказе Гузиков снизил. Очевидно, учел, что я уже наказал себя сочинением приказа.

Совершил я по молодости ЧП на производстве. Такое, что мою судьбу решал сам директор Володин. А было так. Я работал уже бригадиром. У меня был личный сейф, в котором я хранил документы и мелкие секретные детали от узлов. Однажды я этот строгий порядок нарушил. Для подъема "центральной" части изделия с поддона контейнера на подставку нужно было снять крышку, вывернуть "продуктовый винт", а на его место завернуть рым-болт. Секретную крышку и винт по спешке вместо сейфа я положил в карман халата. Дело было в конце смены, был, кажется месяц март, уже пригревало, но снег еще лежал. Я так и побежал в тапочках и халате по тропинке к зданию 206, где была раздевалка и снимали спецодежду. Про детали в кармане я забыл. Около тропинки к зданию 206, между двумя соснами, была закреплена перекладина, на которой мы соревновались в подтягиваниях, а кое-кто и крутил колесо. И надо же, именно в этот момент мне загорелось пару раз крутануться на этой перекладине. Что произошло, всем понятно.

Наутро "центральную" нужно подавать на сборку узла, а двух "секретных" деталей-то нет! Мгновенно вспомнил, хвать за карман, а там пусто! Догадался, побежал к перекладине, нет деталей. И началось! Своими силами и силами всего цеха найти детали не удалось. Привлекли к поиску работников 26-го цеха и службу дозиметрии. Целую неделю снег по тропинке между зданиями 201 и 206 длиною около 150 метров просеивали через решето и нашли только крышку. Затем привезли большой бак с вентилем, подвели горячий пар. Снег на тропинке собирали и в баке растаивали. Но злополучный "продуктовый" винт найти так и не удалось. Поиски были прекращены. Меня, отчасти, спасла найденная крышка — поверили, что я действительно потерял деталь на заводе, а не унес за проходную. Режимные службы (КГБ) пустили дело на усмотрение директора. Константин Арсеньевич не стал ломать жизнь молодому человеку. Дали мне "строгача" и лишили премии, чему я был чертовски рад. Могло быть куда хуже. За время поиска, различных допросов "с пристрастием", из-за переживаний за содеянное я по-

худел килограммов на пять. Про этот случай долго помнил весь завод, и я ходил в героях. А Володин по прошествии времени от души смеялся: "Надо же учудить! Целую неделю два цеха просеивали и таяли снег". Вот уж поистине смех сквозь слезы.

Производственный цикл сборки основных узлов был настроен на безусловное выполнение плана, а интенсивность работы с каждым месяцем возрастала. Цеху были переданы здания 201А, 207 и 208. В сборочных залах 201 и 201А шел монтаж конвейерной линии, отрабатывался технологический процесс конвейерной сборки различных типов изделий. К этому времени Леонид Зорин был приглашен технологом в 72-й отдел, Виктор Кудрявцев работал контрольным мастером, а я производственным мастером. После окончания ЧПИ меня и Кудрявцева по рекомендации Гузикова, который стал в цехе 14 зам. начальника, перевели в этот цех. Кудрявцева — на должность начальника БТК, а меня — начальником сборочного участка.

Первым начальником сборочного цеха 14 был Б. В. Горобец. При нем цех превратился в огромное хозяйство: три механических пролета, сборочный пролет, химлаборатория, лаборатория электронно-лучевой сварки и термовакуумной сушки, инструментальная кладовая и КИП с участком слесарей-лекальщиков, прессовый участок, службы механика и энергетика, суховоздушка. Горобец создал хороший рабочий коллектив. К моему приходу в цех в ноябре 1966 года им руководил В. П. Корольков. Его заместителями были: по производству — И. П. Гузиков, по подготовке производства — В. Г. Макаров. Начальники участков: В. Ф. Кузнецов, А. М. Мельников, А. В. Пензов и я; начальники лабораторий: Э. В. Ткачева, В. В. Щулаков; начальник техбюро — Е. И. Осокин; начальник ПДБ — Ю. И. Благов; механик — А. П. Якимов; энергетик — Л. И. Зуев; мастер инструментальной кладовой и КИПа — Л. П. Филимонова; помощник начальника цеха по хозчасти — И. К. Санников; начальник БТК — В. А. Кудрявцев.

Все мы, как и секретарь комсомольской организации, секретарь партбюро и председатель профкома, должны были ежедневно в 8.00 быть на оперативном совещании у "Короля", так в "народе" звали Королькова. Он приходил на работу в 6—7 часов, наедине в утренней тиши обходил все участки, осматривал станки, оборудование, проверял чистоту и порядок в пролетах. Короче, набирал информацию и на оперативках был жесток к тому, кто не успел сориентиро-

ваться. Конечно, такой стиль руководства никого не устраивал, но терпели — таково было время. Нужно было дать больше продукции и отличного качества.

Поработать с Корольковым мне пришлось недолго. В последний день ноября на последнем плановом узле не получалась толщина "сатурника". Дефект пытались исправить на токарном станке, но желаемого результата не получилось. Ноябрьский план заводом был сорван. Такого позора Корольков выдержать не смог. Он запил, сделал прогулы и был уволен с завода.

Третьим начальником цеха был назначен Геннадий Иванович Тихонов, начальник цеха 20. Инженерный состав и весь коллектив цеха быстро нашли с ним общий язык.

Я также быстро влился в коллектив сборочного участка. Участок работал круглосуточно, как хорошо отлаженный механизм и выдавал ежемесячно сотни единиц различных типов узлов для дальнейшей сборки на нашем и родственных предприятиях.

На участке работали мастера своего дела, с ними и работалось легко, и отдыхалось весело. Постоянно работало около 50 человек:

мастера: В. М. Добрынкин, А. А. Котельников, А. П. Устинов, Л.П. Тукмачев, Г. А. Краев, В. С. Беляев, В. Н. Русаков, О. И. Барышев и С. П. Серебряков — участок оболочек;

контрольные мастера: ст. мастер В. Г. Коршенков, Ю. А. Воробьев, В. Ф. Дерябин, В. Тормашов, Е. М. Пастухов;

контролеры: Е. Беломытцева, Т. Лопаткина, П. Кожевников, Н. Смаев, П. Чванов, А. Поспелов, В. Лехтин, П. Адамцев, И. Филиппов, А. Скарлыгин, Г. Бисярин и др.;

операторы (ТВС и ЭЛУ): В. А. Антонов, В. Евдокимов, А. Жеребцов, С. Кузин, Р. А. Федоров, А. Зыник, А. Сысуев, Н. Борисов и др. во главе с инженерами-электронщиками — А. Ф. Климовым, а позже — П. М. Щербининым;

слесари-сборщики: Н. А. Гординов, Н. А. Бисярин, Е. Глебов, В. И. Мартынов, П. Н. Субботин, братья Василий и Виктор Сазоновы, Ф. Губин, В. П. Дулесов, В. Г. Дубынин, И. Горащенко, И. Гузенко, А. Жарков, Н. Хозов, А. Мелехов, В. Якимов, П. И. Сурин, М. П. Васильев, П. Зайцев, И. Мокин, М. Нестеренко, Х. Сайфулин, Г. П. Микрюков, К. П. Рожков и др.

Успешно действовала комплексная бригада: участник войны, орденоносец М. П. Васильев, тоже участник войны и орденоносец Н. А. Гординов и отличный слесарь-сборщик и электронщик В. Д. Са-

зонов. Их задача — изготовление различных "сортовиков" под инструмент, технологических тележек и стеллажей. Они и сами придумывали разные приспособления, облегчающие труд рабочих и повышающие культуру производства.

Слесари-сборщики И. Мокин и П. Субботин обеспечивали, совместно с мастерами, учет секретной продукции, сдачу ее на склад и получение со склада. Вели подготовку производства для ночных смен. Были ответственные за мерительный инструмент, малярку и прочие дела.

За 11 лет моей работы на участке не было ни одного производственного и режимного ЧП.

А. ЯКИМОВ

РОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО

Мой путь на Приборостроительный завод был извилистым. И начался он в Уфе в 1954 году. Людям старшего возраста памятно постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об освоении целинных и залежных земель". Менее известно постановление об укреплении сельского хозяйства кадрами с высшим и средним образованием. Решено было направить из городов в машинно-тракторные станции инженеров и других специалистов.

Я почему-то не думал, что это постановление касается меня, хотя был свежеиспеченным инженером, неженатым и членом партии. Но вскоре после постановления последовал вызов в партком завода и предложение ехать в МТС. Я возражал. Разговор продолжился в райкоме партии. Снова отказался. Визит в горком. Не соглашаюсь. Очень короткой была беседа в обкоме партии.

— Вам рекомендуется поехать на работу в МТС.

— Я не согласен.

— Тогда кладите партбилет на стол!

— Когда нужно ехать?

И я поехал. Ведь слова "партбилет на стол" означали исключение из партии.

Меня направили главным инженером в МТС, расположенную на границе Башкирии с Чкаловской (Оренбургской) областью. Сна-

чала меня очень беспокоило, каким же руководителем я буду, если в деревне никогда не жил и комбайн в глаза не видел. Жизнь все расставила по местам. Претензий ко мне как специалисту не было. Но меня угнетало, что работаю не по специальности. Мои друзья сочувствовали мне. В 1955 году знакомая москвичка написала мне, что в наших уральских краях создается какое-то новое перспективное производство, сообщила адрес, по которому можно обратиться, чтобы получить справки.

Я обратился. Месяца через два мне ответили: "Вы посланы на важную работу в МТС и отозвать Вас мы не имеем возможности". Подписал ответ пом. директора по кадрам В. И. Никитин. И только через три года, когда я приехал на завод, узнал, куда я просился.

Уехать из МТС смог только после марта 1956 года, когда было принято постановление об отмене уголовного наказания за опоздание на работу или прогул, а также разрешалось увольнение по собственному желанию. Я, конечно же, сразу написал заявление на увольнение по этой обтекаемой причине.

В Уфе поступил на работу в конструкторское бюро, занимавшееся вопросами авиационного приборостроения, и вскоре женился. В положенный срок родился сын, и мы оказались с родными восьмером на площади 37 квадратных метров — на каждого по неполных пять "квадратов". Нужно было искать жилье.

По счастливому совпадению, у нас в бюро появился человек по фамилии Диденко, который приглашал на работу в одну из уральских организаций, которая квартиру гарантировала. Несколько человек согласились, но поехали только двое: Л. К. Судариков и я. Так что, в конечном итоге, на Приборостроительный меня привела жилищная проблема.

В декабре 1958 года я начал работать в конструкторском отделе 10. Через год на его базе было организовано СКБ (специальное конструкторское бюро).

В январе 1960 года на заводе появился вновь назначенный главный конструктор бюро Петр Никифорович Меснянкин. До этого он работал руководителем конструкторской группы в Арзамасе-16.

При активной помощи директора К. А. Володина за полгода коллектив СКБ уже твердо встал на ноги. За первый год десятки молодых специалистов влились в его состав. Первым отделом руководил В. Н. Колганов. В отделе сборки и испытаний изделий начальником стал А. А. Павлов, в отделе основных узлов — А. М. Ти-

хомиров, в отделе схем — И. А. Ступин, в отделе узлов автоматики — Н. Н. Чундаков, в отделе оснастки — В. П. Осипов, общетехническим отделом руководил В. А. Илларионов.

Меснянкин быстро собрал работоспособный коллектив. Грамотный специалист, неплохой организатор, он пользовался авторитетом в Главке, на заводе и смежных предприятиях. В 1962 году Петр Никифорович был награжден орденом Ленина. В 1970 году Меснянкин был переведен заместителем главного конструктора в Арзамас-16.

За прошедшие годы было много больших и малых событий, но многолетняя работа постепенно становится рутинной. Разнообразие вносили частые командировки. Особенно интересной была командировка на космодром.

Июньским утром 1961 года поезд "Москва—Ташкент" высадил нас на захолустной станции Тюратам. Она была не лучше и не хуже других железнодорожных станций на перегоне Казалинск—Кзыл-Орда. Но ее название, конечно, упоминалось во многих секретных документах спецслужб мира. Здесь находился полигон Министерства обороны, где проводились запуски ракет, на одной из которых за два месяца до нашего приезда поднялся в космос Юрий Алексеевич Гагарин.

Полкилометра пути по пыльной дороге, и мы на КП. После оформления в штабе и устройства в гостинице пошли смотреть городок. Он немногим отличался от других военных городков: несколько жилых пятиэтажек, здание штаба, Дом офицеров, гостиница, столовая. Бросилось в глаза, что вокруг ни кустика, ни травинки. Да окна и балконные двери практически всех квартир завешены изнутри одеялами. Оказалось, что так жители спасаются от песчаных бурь. В такую бурю попали однажды и мы. Самум захватил нас в дороге. Я замотал голову плащом, но все равно через несколько минут уши и ноздри были забиты песком. Машины на шоссе остановились. Стоявшую невдалеке полосатую караульную будку опрокинуло вместе с солдатом.

По городку протекает река Сырдарья, но искупаться в ней мы так ни разу и не решились. Речная вода напоминала собой жидкий глинистый раствор. Ребятишки, высохнув после купания, становились желтыми.

Полигон представлял тогда десяток отдельных площадок, разбросанных по пустыне за много километров одна от другой и соединен-

ных со штабом асфальтированными дорогами. Каждая площадка была обнесена "колючкой" и охранялась. А условные границы всего полигона обозначались только на штабных картах, в пустыне никаких заграждений не было.

Мы приехали на полигон, чтобы участвовать в сравнительных испытаниях двух типов тележек для перевозки трехтонных головных частей стратегических ракет. Одну тележку разработала именитая организация из Арзамаса-16, где главным конструктором был С. Г. Кочарянц. Тележка у них получилась сложная, тяжелая и плохо управляемая. Наш завод начал ее изготавливать, но нам она не глянулась, и мы в новорожденном СКБ решили создать свою конструкцию — более простую, легкую и маневренную.

Сделали чертежи, изготовили первые образцы и повезли их на полигон для испытаний. Кочарянц был в то время на полигоне. Разумеется, он занимался более важными вопросами по основным изделиям, но как-то вечером заглянул к нам в гостиницу. Думаю, для того, чтобы посмотреть на молодых нахалов, которые вздумали спорить с его фирмой.

Несколько раз нам удалось увидеть издали пуск тяжелых ракет. Особенно красиво это зрелище в темноте. Сначала беззвучная яркая вспышка, затем темное пламя, отражавшееся на полнеба в низких облаках. Через несколько секунд обвал грома и грохота. Из далекого костра медленно поднимается толстый карандаш и скрывается в облаках. Остаются только глухие, постепенно замирающие раскаты.

В первые годы освоения ракетной техники не обходилось без аварий и жертв. Однажды ракета не ушла вверх, а понеслась горизонтально над землей. Все наблюдатели попадали ниц и, к счастью, остались живы. Самая большая трагедия произошла в 1960 году, когда ракета взорвалась на старте. Погибло много офицеров и командующий ракетными войсками Главный маршал артиллерии Неделин. Газеты сообщали, что он погиб в авиационной катастрофе. М. И. Неделина увезли в Москву, а лейтенанты легли в сухую казахстанскую землю. На местном кладбище появилось несколько десятков свежих могил. Они летом зеленели, потому что к каждой могилке был проведен арычок, иначе бы никакая зелень там не выросла.

После этой трагедии высокие гости редко посещали полигон. Осталась в голой степи крытая трибуна со скамейками. А невдалеке небольшое дощатое "общеизвестное" помещение. Говорили, что все это было построено для Н. С. Хрущева.

Название Тюратам было тайным только для жителей нашей страны. Там же, на полигоне, листая журнал "Советский воин", я увидел напечатанную в нем американскую карту с указанием объектов на территории СССР, которые нужно было в случае войны поразить в первую очередь. И одна из стрелок нацелилась в точку с надписью латинским шрифтом "Тюратам". Кстати, была стрелка и в мой родной уральский пятачок. Впоследствии космодром получил официальное название Байконур, хотя селение с этим названием расположено под Джезказганом, за сотни километров от космодрома, не иначе как для того, чтобы запутать шпионов.

Офицеры, с которыми мы работали, охотно отвечали на наши вопросы, касающиеся их житья-бытья на полигоне, для нас экзотичного, а для них обыденного. Мы спросили: "Кто и когда полетит следующим?" Нам ответили: "Герман Титов, в августе". Так и случилось.

А командировочное задание мы выполнили успешно. Тележка разработчиков была снята с производства, в серию пошла наша, чем мы очень гордились.

В. ОСИПОВ

ЧАСТИЦА ИСТОРИИ ЗАВОДА

В 1961 году после окончания Таганрогского радиотехнического института я был направлен в распоряжение отдела кадров министерства. Отдел кадров определил: "В Хозяйство Володина". В Кропачево военный комендант определил далее: "Вязовая — поселок. Обязательно на машине с номером НЖ или МЖ". Такой машиной оказался старенький "студебеккер", прошедший, наверное, все дороги Америки, России и Германии.

Поразили чистотой немногочисленные в то время улицы юного города, их планировка и обилие цветов, зелень газонов.

Молодой коллектив СКБ (специального конструкторского бюро) тогда только что сформировался. Все были молоды. Главному конструктору П. Н. Меснянкину было только 30, начальнику отдела автоматики Н. Н. Чундакову — 28.

Вспоминается случай, когда завод начал осваивать изделие, в котором впервые вся автоматика была сосредоточена в едином мо-

ноблоке. Это было новым делом, поскольку ранее шла узловая сборка изделий. Определенную сложность по тем временам представлял контроль этой системы. Команде СКБ и технологов Горобцом была поставлена задача — трое суток, но вопросов при приемке быть не должно. Команда выполнила эту задачу, но...

Этот же моноблок нам пришлось везти на испытания в Москву, поскольку в то время у нас еще не было уникального оборудования для испытаний на очень большие перегрузки. Как часто это бывало, институт-разработчик вольно подошел к испытаниям, наш блок, сделанный по их чертежам, не "садился" на их оборудование. Надо было подгонять корпус блока. Нам это, конечно, не подходило, и пришлось нам с К. А. Морозовым решать вопрос на уровне Главного управления. С помощью главного инженера Главка А. А. Томилина среди ночи сотрудники института были вынуждены очень точно доработать 600 кг приспособления. Испытания были успешно завершены, параметры блока, несмотря на огромнейшие перегрузки, были четко зафиксированы, партия блоков защищена. Изделие, очень нужное для армии, было сдано в срок.

На заводе, как и во всей оборонке, всегда придавалось очень большое значение вопросам качества выпускаемой техники. Не случайно в 70-е годы в СКБ был создан отдел надежности, который вместе с разработчиками изделий определял комплекс исследовательских, статистических и испытательных работ, которые позволяли прогнозировать качество на всех этапах эксплуатации и применения изделий и, главное, позволяли грамотно подходить к увеличению гарантированных сроков службы изделий. Это, с одной стороны, обеспечивало необходимую боеспособность спецтехники, а с другой стороны — давало колоссальный экономический эффект для государства, поскольку гарантированные сроки службы изделий, особенно с не устаревшими тактико-техническими требованиями, были увеличены в несколько раз.

Сегодняшняя наша работа характеризуется компьютеризацией подготовки производства, что особенно важно в условиях проходящей конверсии, когда резко сокращены финансовые и трудовые ресурсы. Сейчас отдел, в котором мне пришлось трудиться, более 30% конструкторской документации выдает с использованием вычислительной техники. Это дает выигрыш как в сроках разработки документации, в повышении ее качества, так и в повышении интеллектуального уровня сотрудников. Не за горами, когда компьютерная

грамотность будет всеобщей. Тем более, что уже сейчас есть задачи, практически не решаемые без ЭВМ.

Гордостью СКБ всегда были его люди — ветераны А. А. Шупова, Т. А. Денисова, О. М. Рудакова, Л. А. Терещенко, Л. Г. Побега, С. В. Кладницкий, С. Ю. Хорохненко, В. М. Макарова. Их трудом обеспечен процесс испытаний как военной, так и гражданской техники на заводе. Мастерство и опыт ветеранов с успехом дополняется высоким уровнем инженерной подготовки в области вычислительной техники Е. Л. Эсселевича, И. Н. Арискина, П. А. Полтавского, которые не только сами являются специалистами экстра-класса, но и обучили своему искусству других работников отдела.

Е. ЖДАНОВ

"БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ" ВОЕННОЙ ПРИЕМКИ

Поднявшись на последнюю горку, подкатили к шлагбауму, обозначавшему КПП. В автобус вошел солдат-строитель и как-то небрежно, невнимательно проверил наши документы... Так я въехал в "Хозяйство Володина". А случилось это в конце июня 1955 года, в полдень. От КПП повезли меня на завод, провели сразу к зам. директора по режиму — стройному, суховато-строгому подполковнику КГБ, представили меня как "специалиста по радиодатчикам". На основании моих документов, среди которых было и "удостоверение приемщика Главгорстроя СССР", оформили и выдали мне пропуск с шифрами-штампами, взяли подписку о неразглашении тайн, вручили бумажку для проживания в гостинице и наказали: "Завтра к восьми часам заедем за тобой, поедем знакомиться с работой".

С утра следующего дня в кабинете начальника — полковника авиации Г. В. Патрушева пришлось знакомиться с документами, регламентирующими задачи и работу военной приемки. Патрушев спросил: "Изучил? Все понятно?". Ответил, что все прочитал, но в голове сумбур, похоже, почти ничего не понял. Он рассмеялся: "Скоро усвоишь через практику".

После обеда пошли в цех 13. Началось знакомство с участками изготовления и контроля электрических и электромеханических узлов. Работа там была, в общем-то, в зачаточном состоянии. "На закуску" привел меня Геннадий Владимирович в помещение про-

верки радиодатчиков, где познакомил как с коллегами, прошедшими длительную стажировку на том же МАПовском заводе Ленинграда, на котором стажировался и я в июне, — с Александрой Федоровной Бгакиной (в замужестве Виноградовой) и Татьяной Петровной Кузнецовой — тогда просто Шурой и Таней. Первая из них была по должности инженером-лаборантом, вторая — контролером БТК.

Патрушев покинул нас, и девушки, расспросив о наших общих знакомых-ленинградцах, ознакомили меня с оборудованием. Проверочные приборы были в полном комплекте. Собрали мы втроем проверочную схему и "прогнали" весь цикл входного контроля радиодатчика. Время включения "накала" и "высокого", т. е. низкого и высокого напряжения, на "В4" ограничивалось инструкцией. Поэтому от оператора требовались быстрота манипуляций по включениям-выключениям, переключениям, настройкам, регулировкам, по снятию и записи показаний контрольно-измерительных приборов и, вместе с тем, тщательность, аккуратность. Что касается быстроты, то здесь Шура и Таня явно превосходили меня — это был результат их годичной стажировки в Ленинграде. Только в последующие месяцы я "набил руку" и не уступал им.

С этого дня в "радийной" комнате мне пришлось бывать часто — "прогонял" циклы "В4", но больше изучал комплект конструкторской документации на узлы электроавтоматики, а также их "матчасть" по учебным аналогам и макетам. Прежде всего по совету Патрушева проштудировал ведомости комплектации на изделие, назначение всех его узлов. Долго ломал голову над принципиальной и полумонтажной схемами изделия.

А изделием была первая серийная атомная бомба (мощностью 30 килотонн тротилового эквивалента) с ласковым названием "Татьяна". Название пришло к нам, видимо, от разработчиков из "Приволжской конторы" (нынешнего Арзамаса-16, он же — город Кремлев-Саров).

Серийно "Татьяна" изготавливалась с 1953 года. А нашему "Союзному заводу 933" предстояло свою серию "Татьян" выпускать с августа 1955 года, что, очевидно, в определенной степени должно было компенсировать последствия проводимого тогда массового сокращения Вооруженных Сил.

Помню, многие, по крайней мере основные конструкторские документы на "Татьяну", имели запись с расшифрованной надписью:

"Утверждаю: Ю. Харитон". Ю. Б. Харитон с 1946 по 1992 год — научный руководитель всей программы создания ядерного оружия, но из-за сильной засекреченности мы тогда об этом могли только догадываться.

В порядке небольшого пояснения следует сказать, что примерно до середины 1958 года серийные заводы выпускали ядерное оружие в основном по ведомостям комплектации "ВК1": каждое отдельное изделие сдавалось приемке комплектно, но "россыпью" — составными частями (каждая в своей таре). Заряд (составная часть) сдавался неокончательно собранным, в отдельных тарах. На специальных стационарных объектах Минсредмаша, обозначенных номерами войсковых частей, переданные им эти комплекты (по "ВК1") регламентированно хранились, проверялись, а сборка каждого комплекта в изделие проводилась по особому указанию "сверху" — до определенной степени готовности. Такие работы — от закладки на хранение до сборки и передачи изделий в оперативно более мобильные войсковые части Минобороны — осуществлялись исключительно силами отделов и военно-сборочных бригад, состоявших почти полностью из офицеров. В массе своей они прошли подготовку в специальных учебных центрах "Приволжской конторы", Свердловска-45 и Багеровского авиационного полигона.

Вначале (конец июня — начало июля 1955 г.) офицерский "контингент" нашей "приемки" состоял всего из двух человек — Патрушева и меня. Геннадий Владимирович комплектовал ее вольнонаемными (гражданскими) служащими из штата ОТК завода.

Так, в приемке цеха 13 появились техники А. Ф. Кравец, И. П Ковалев, Р. Н. Луташева (в замужестве Симакина), а позднее — В. В. Маркевич, а в других цехах — инженеры М. П. Баянова, Е. Ф. Устинов, Н. С. Кутузов, Ю. П. Клюшкин, Н. Г. Титовец.

К концу июля в "приемку" один за другим прибыли после подготовки в учебных центрах офицеры-инженеры: майор П. И. Плахов, капитан П. М. Быков, лейтенант В. И. Карпов, подполковник А. А. Косов. Карпов был назначен в цех 13 как "специалист по бародатчикам".

Быстро и незаметно я сблизился с Карповым. Мы работали в одном цехе, нас объединяло прямо-таки азартное стремление постичь электроавтоматику "Татьяны". Мы были погодки, оба лейтенанты. Из разных родов войск. И по делу, и между делом шла

интересная взаимно проникающая информация: от меня — по основам радиотехники, по военным радиостанциям, от него — по морским боеприпасам.

Тогда только мы с ним в цехе 13 носили военную форму: он — морскую, т. е. китель, брюки-клеши (особый шик им придавали "незаконно" вшитые снизу "клинья"), ботинки, а я, как связист, — китель, галифе, сапоги. В условиях цеха все должны были быть в белых халатах, "чепчиках" и тапочках. Последнее обстоятельство делало бы мою фигуру в галифе и тапочках комичной, поэтому в цехе я не снимал сапоги, тем паче, что справа перед входом в цех имелась аккуратно оформленная бетонированная канавка с проточной водой и щетками, где можно было, даже не наклоняясь, помыть и почистить обувь.

Заодно со мной и Карповым изучали и познавали технику, технологию изготовления, объем и методику приемосдаточных испытаний и входного контроля наши вольнонаемные соратники — Кравец, Ковалев и Луташева. Все они только что окончили техникумы, имели квалификацию техников-электриков и, если говорить лаконично, военным языком, быстро входили в строй. Таким образом, складывался первичный профессиональный коллектив приемки в цехе 13.

Много нужных, полезных для работы знаний дало нам, приемщикам, широкое общение со специалистами цеха — технологами, мастерами и, особенно, с работниками лаборатории. Мне, например, в этом плане больше всего запомнились Борис Дмитриевич Гладков — начальник лаборатории (он в 1955 г. был переведен на завод из Свердловска-45) и Борис Иванович Евстигнеев — старший инженер лаборатории (он на заводе работал с 1954 г. после окончания Уральского политехнического института). Я получил насыщенную, полную информацию по испытательному оборудованию, предназначенному для проведения на нем т. н. "типовых испытаний". А таковым оборудованием были вибро- и ударные стенды, ротационные и высоковольтные установки, камеры "жары", "холода", "влаги" и т. д.

Борис Дмитриевич (БД — так за глаза его называли) изумлял нас своими фундаментальными знаниями в области электрорадиоимпульсной техники, теоретической механики, превосходным владением прикладной математикой, — все это он применял и демонстрировал нам повседневно: в технически неясной или спорной об-

становке сразу брался за расчеты и быстро выдавал их результаты — истины, которые не всегда были "в жилу" некоторым ретивым администраторам, негласно исповедующим лозунг "План — любой ценой". Вообще БД не признавал никаких авторитетов, все брал на пробу расчетом и опытом. Речь его, быстрая и невнятная (он "проглатывал" или обрывал некоторые звуки), при первом общении воспринималась с трудом, но вскоре мы к ней "адаптировались". Ходил он скоро, размашисто, приволакивая одну ногу (последствие фронтового ранения.

Борис Иванович был правой рукой БД, также мог обосновать и проверить что нужно расчетами, но больше запомнился как высококлассный инженер-практик: все стандартное и нестандартное оборудование для механических и климатических испытаний было смонтировано, отрегулировано, настроено его руками или под его руководством; это оборудование он знал как свои пять пальцев и поддерживал в исправном состоянии. То же в полной мере относится и к нестандартному электрическому оборудованию для приемосдаточных и "типовых" испытаний, которое, к тому же, было спроектировано тендемом Гладков—Евстигнеев, а изготовлено Борисом Ивановичем и лаборантами. Простой и контактный в общении и, вместе с тем, независимый, прямолинейный, Борис Иванович резко отвергал любой внешний нажим и демагогию, резал правдуматку в лицо всякому начальству.

Видимо, из-за такого характера ни тот, ни другой Борис не отмечались администрацией какими-либо заметными благами и наградами, хотя оба были ключевыми фигурами до пуска, в ходе и долго после пуска цеха и завода.

Следует сказать, что соответствующие специфике производства лаборатории и контрольно-проверочные пункты (КПП) функционировали тогда же и в других цехах. Одни из них входили в структуру цехов, другие были как бы филиалами заводской службы КИПиА (начальник К. С. Морозов), заводских лабораторий — ЦИЛ (начальник М. А. Малахов) и ЦЗЛ (начальник Л. С. Сафронова).

В совокупности КИПиА, ЦИЛ, ЦЗЛ, цеховые лаборатории и КПП уже в 1955 году реально представляли из себя систему обеспечения контроля качества продукции на основных стадиях ее изготовления, в ряд технологий уже входило регулирующее воздействие "киповской" автоматики.

В июле 1955 года Патрушев назначил ведущих приемщиков по

всем узлам "Татьяны". За каждым ведущим закреплялись узлы — от одного до нескольких, в зависимости от сложности конструкции, технологии и контроля. Ведущий отвечал, применительно к "ведомым" узлам, за соответствие технологических процессов (ТП) требованиям конструкторской документации (КД), за выполнение требований КД и ТП исполнителями — рабочими, контролерами, лаборантами. В общем, по выражению Геннадия Владимировича, ведущий обязан все знать, все видеть, везде совать свой нос, предупреждать и устранять все опасности. Для реализации таких задач мы, ведущие, не имели тогда опыта. Опыт пришел со временем. На нескольких наших июльских общих собраниях-летучках напоминал Геннадий Владимирович и о персональной ответственности приемщика за качество каждого принятого узла — соответствие его требованиям КД.

Особо Патрушев внедрял в наше сознание аксиому: военное представительство — это орган военного контроля качества продукции, "государево око" на заводе; мы, офицеры и служащие приемки, представляем здесь интересы Министерства обороны, а не частные интересы производственников. Он предупреждал, что в ходе любого производства, тем более в его начале, неизбежны недостатки, промахи — объективные и субъективные. Будет и нажим. Дело приемки — постоянная, твердая и уважительно ровная требовательность по всем направлениям, без внимания к пересудам о том, что те или иные отступления от КД и ТП не влияют на качество; то же — относительно расширенного толкования производством допущений, имеющихся в КД. Наша задача — всеми силами способствовать тому, чтобы производство стало технологически дисциплинированным и крепким.

В номенклатуру изделий входила только "Татьяна" по ведомости комплектации "ВК1"; наиболее сложные и дорогие ее детали и узлы были покупными — поставлялись другими заводами "по кооперации". Ежемесячное количество комплектов "Татьян" невелико, эксплуатационное оборудование также выпускалось в умеренной номенклатуре и умеренными партиями. Мы, 6 офицеров и 9 служащих, на этом этапе справлялись с приемкой программы завода, несмотря на сплошной (стопроцентный) контроль всех составных частей изделия, на неритмичное предъявление продукции, на авралы.

Работа на всех участках цеха в июле 1955 года набирала обороты, да так, что с середины месяца большинство рабочих, контроле-

ров и ИТР трудились по полторы, а то по две смены, приемка проводила, в основном, летучий контроль выполнения технологических процессов. Августовский план цеха в июле интенсивно обеспечивался деталями из механических цехов, с термического, гальванического, лакокрасочного, прессового участков.

Совокупная база электрорадиоэлементов электроавтоматики "Татьяны" соответствовала технически своему времени. Применялись, например, резисторы типа "ТО", проволочные остеклованные сопротивления, "бумажные" конденсаторы, купроксные и селеновые выпрямители ("столбы"), умформеры (электродвигатели — преобразователи низкого постоянного напряжения в высокое переменное), мощные реле. Все это — по своим габаритам, весам, потреблению электроэнергии, в ряде случаев и по принципу действия — сейчас выглядит анахронизмом. Монтаж таких элементов производился в корпуса соответствующих размеров, прочности и "тяжести". В "утробе" баллистического корпуса "Татьяны" все узлы без особых затруднений размещались по "своим местам", закреплялись и соединялись в единое целое.

С первого августа завод начал предъявлять приемке свою первую продукцию: узлы собственного изготовления — для приемосдаточных и "типовых" испытаний по соответствующим техническим условиям — и узлы "покупные".

"Типовыми" в 1955 году в заводском обиходном лексиконе назывались и до сих пор называются испытания, которые фактически являются периодическими, которыми защищается партия узлов определенного периода изготовления. Тогда для узлов электроавтоматики этот период был равен трем месяцам. Программа испытаний включает в себя испытания приемосдаточные плюс испытания на ресурс работоспособности и стабильность параметров в условиях более суровых, более жестких, чем условия эксплуатации и боевого применения, — это испытания на различные виды механических перегрузок, климатических и других воздействий.

Узлы для периодических испытаний в количестве, нормированном конкретными ТУ, отбираются приемкой из партии. Обычная при изготовлении (выпуске) первой партии ситуация: вся партия еще не готова, а периодические испытания, учитывая их продолжительность, проводить надо. Поэтому для такой ситуации предусматривается порядок, когда приемке предъявляется не вся партия, а ее первая "представительная" часть, из которой приемка отбира-

8 Заказ 2236

ет нормированное ТУ количество узлов для защиты всей партии. При положительных результатах периодических испытаний партия считается защищенной. Следует подчеркнуть: для всех видов испытаний от партий конкретные узлы (например по номерам) отбирает не производство, а приемка — произвольно или по согласованию с производством. Для дальнейшего условимся: проводившиеся в 1955 году цехом 13 периодические испытания будем называть "типовыми", как они тогда повсеместно назывались заводчанами и приемкой.

В августе мне довелось принимать узлы всей номенклатуры цеха 13, кроме бародатчиков (в последующие месяцы принимал и их), участвовал в проведении всех "типовых" испытаний.

Входной контроль "покупных" в августе прошел довольно ровно, гладко, без каких-либо технических сложностей и затруднений. Правда, однажды при проверке БИ (блоков инициирования) мы с начальником бюро технического контроля В. Н. Силаевым едва не забраковали всю их месячную партию по параметру "электропрочность". Киловольтметр показывал "утечку" — заметное снижение напряжения. Позвали Гладкова. Он довольно быстро определил, что "утечка" происходит не в БИ, а через провода, подключенные к киловольтметру, через изолятор — плоское оргстекло, отделяющее их от испытательного стола, и через этот стол. Протерли оргстекло бязью, смоченной спиртом, подложили под него дополнительный изолятор (такое же оргстекло), начали перепроверку. И все БИ оказались годными. В общем, сделали для себя умозаключение: с техникой высокого напряжения надо обращаться не просто "на ты", а "на Вы", сверхпочтительно, да и свойства применяемых в цехе изолирующих материалов не мешает проштудировать по справочникам.

А вот результаты приемосдаточных испытаний узлов электроавтоматики собственного изготовления вначале были обескураживающими. Нельзя сказать, что брак был повсеместный, массовый, но такого его "ассортимента", такого его "дикого букета", такого забракования приемкой узлов за один месяц цех, по-моему, никогда больше не имел. Как говорится, лиха беда начало.

Было и такое "курьезное" забракование: приемщик обнаружил отвертку под проводами монтажа.

Вспоминается также случай, когда пришлось мне оформить браковочный акт на один из первых августовских центральных блоков

разводки. Проверка сопротивления по техусловиям (ТУ) не выявила никаких дефектов, но еще при осмотре монтажа возникло какое-то смутное неудовлетворение, сомнение: что-то как будто не так, а что — понять не могу... Взял электрическую схему блока и все цепи "прозвонил" по ней, результат тот же — положительный. Сомнения, наконец, сконцентрировались на предохранителях, "прозваниваю" цепи, в которые включены предохранители, — все в порядке, цепи в наличии. Вынимаю предохранители из их "колодки" — цепей не должно быть, а они... есть! Оказалось, электромонтажник сделал такой "виртуозный" брак, который не выявлялся "прозвонкой" по таблице. Вызвал Силаева, появились технолог и конструктор; все они удивлялись, и так, и сяк перечитывая ТУ, но резюме было единодушным: методика "прозвонки" несовершенна. А ведь мы смотрели на ТУ, как на икону.

Значительное время в августе у меня ушло на приемосдаточные испытания блока фидеров (БФ). Поясним его назначение: по схеме окончательной, т. е. боевой готовности "Татьяны", все ее 32 розетки снаряжаются капсюлями-детонаторами (КД); при срабатывании БИ высоковольтный импульс "распределяется" на КД и обеспечивается подрыв заряда.

Считаю здесь уместным сказать: как бы ни была авторитетна и безупречна конструкция того или иного узла, почти всегда целесообразно перед запуском серии опробовать его технологический образец — если не по всем параметрам, то обязательно по тем, которые в ходе обычных приемосдаточных испытаний не проверяются, а обеспечиваются конструкцией. Видимо, исходя из такой посылки, основанной на прежнем своем опыте, Володин еще в начале июля приказал срочно изготовить первый технологический образец узла и испытать его.

Несколько слов о тех "скрытых" в собранных узлах электроавтоматики дефектах, которые в тот самый первый период освоения осознавались как наиболее опасные и являлись следствием некачественной пайки проводов к "хвостовикам" контактов. Это — "грязь", т. е. пятна канифоли, и "поджоги" (от паяльника) на изоляторах, а также "непропай" ("сухая пайка"). Причина была очевидной: недостаточные навыки владения паяльником, небрежность при очистке (промывке) изоляторов спиртом.

Коротко о действенных мерах цеха и БТК по случаям забракования или отклонения продукции. В чем, прежде всего, заслуга В. Н. Си-

лаева, человека целеустремленного, не оставлявшего ничего на потом. Выявленные дефекты оперативно рассматривались на рабочих местах, как правило, с участием самого Силаева. Геннадий Федорович Козиков любил забавно пошутить в любой обстановке, сохраняя при этом невозмутимое лицо. Иногда его шутка звучала как каламбур. Однажды на "летучке" он обратился к комплектовщице:

— Маша, мы получили несколько отклонений блока фидеров от приемки из-за того, что ты на пакетах неправильно записываешь количество деталей. В чем дело?

Она: Ну, подумаешь! Немного описалась...

Он: Ты уже большая, а все описываешься и описываешься. Нехорошее это дело. Пора кончать. Так можно и репутацию подмочить...

Естественно, остальные участники "летучки" засмеялись, а молодежь еще какое-то время подтрунивала над Машей.

Ходом испытаний и сдачи продукции приемке постоянно интересовались Володин, Потапов, Патрушев и Зайцев (начальник ОТК). В цехе они появлялись ежедневно. Потапов часто выражал не только недовольство: "Вам бы только забраковывать", но и спорил: "Это вовсе не брак", "Это не влияет на работоспособность". Обходительно мягкий Зайцев пытался найти какие-то допущения отклонений от норм документов. А Патрушев восторженно хвалил приемщиков, что еще больше распаляло Потапова. Володин, сам бывший военпред, в эту "свару" не встревал, молча брал под локоток Александра Георгиевича и уводил из цеха.

Из часто посещавших нас запомнился Сулейман Буханович Юсупов, небольшого роста, полноватый, немолодой офицер КГБ — главный "режимщик" цеха. Возникал он неслышно, как дух святой, молча наблюдал, засекал даже мелкие нарушения обращения с документами, вполголоса, не вступая в разговоры, делал замечания, напоминал, чтобы в данном "вскрытом" помещении всегда находилось не менее двух человек, и так же тишком пропадал. В цехе его любили за добродушие и лояльность, кое-кто из склонных к панибратству обращался к нему по-простецки: "Буханыч", но он не обижался.

Основанием для заключения о годности узлов, изготовленных цехом 13, были не только положительные результаты приемосдаточных испытаний, но и защита их "типовыми" испытаниями. "Типовые" шли в течение почти всего августа. Самым первым вы-

держал испытания комплект узлов БКУ, который имел цифру "3", что указывало на его принадлежность к "тройке" — мелкосерийной бомбе, состоявшей на вооружении. В боезапасе "троек" было мало. По-моему, именно "тройку" взорвали на широко известных сейчас Тоцких учениях осенью 1954 года. Всех ее близнецов сняли с вооружения в конце 50-х годов, разобрали и уничтожили их составные части.

Последними из "типовых" были испытания блока фидеров БФ — самые сложные как по общему объему работ, так и по применяемой аппаратуре.

Завершающий этап "типовых" БФ состоял в следующем: на "вход" подавалась одна тысяча высоковольтных импульсов. После 1000-го импульса проверялась электропрочность и сопротивление изоляции. И вот ведем мы испытания: я нажимаю кнопку импульсной установки, считаю импульсы. Вдруг на третьей сотне импульсов замечаю: от клеммы "земля" установки отскочил и лежит на полу наконечник провода, другим концом соединенного с корпусной шиной БФ. Видимо, кто-то зацепил его ногой. Заявляю, что останавливаю испытания, — немая сцена. Вроде бы такой "обрыв" не должен отразиться на испытаниях, т. к. есть еще одна гальваническая связь между корпусами установки и БФ. Но схема испытаний определена ТУ! Требую, после восстановления "земли", начать испытания с начала. Дело было ночью, в час или два.

Позвонили домой Гладкову. Он, как я понял, выразился нелицеприятно в адрес нашей компании, но согласился подавать импульсы с "нуля", т. е. повторить испытания с начала, что мы и сделали.

Примерно к 28 августа все "типовые" в цехе 13 были успешно завершены, заканчивались приемосдаточные испытания "своих" узлов и входной контроль "покупных".

В тот "пусковой август" особо запомнились три случая. Однажды атмосферное давление упало ниже минимальной нормы, допустимой ТУ для проведения большинства испытаний. Разработчик не учел, что может появиться завод, расположенный в местности с низким и постоянно "пляшущим" давлением. Вопрос быстро решил А. Г. Потапов — "надавил" на разработчика, и тот прислал телеграмму с разрешением снижения нормы сразу на 20 мм рт. ст. Случилось, нечаянно разбили ртутный контрольный манометр, на время сбора вылившейся ртути пылесосом и проветривания поме-

щений вся рабочая смена первого этажа была выведена из цеха. Однажды из холодильной установки вытек фреон; на первом этаже стоял белый фреоновый туман. На время проветривания помещений весь персонал также выводился из цеха.

К 31 августа на все узлы плана августа в "финишных" цехах завода были даны заключения о годности для использования по назначению. Первый, августовский, план завод выполнил, о чем Володин и Патрушев доложили "в верх" шифровкой.

Была настоящая радость. Однако хлопать в ладоши было еще рано. План засчитывался, если принятая спецприемкой продукция успешно пройдет через дополнительный выборный контроль, осуществленный специальной комиссией Минсредмаша (МСМ).

Комиссия нагрянула 1 сентября. Ее председателем был А. Д. Искра — подполковник, заместитель начальника отдела спецприемки при МСМ. Он входил в первую когорту военпредов. Дополнительные волнения позади. Все оказалось "в ажуре"! Августовский план был зачтен заводу. Первые наши "Татьяны" из заводских ворот были отправлены в войска и в боезапас Минобороны.

В феврале 1956 года наша "Татьяна", собранная в контрольном варианте, успешно выдержала и летные испытания на Багеровском полигоне. В 1960—1961 годах ее сняли с вооружения. Единичные экземпляры "Татьяны" сохранились до нашего времени в виде "выхолощенных" музейных экспонатов.

А. НИКОЛЯЙ

ПОЛИГОНЫ

Через месяц после окончания Военно-воздушной инженерной академии я был зачислен в военно-сборочную бригаду (ВСБ) и вскоре стал ее начальником. А через три месяца я уже был на полигоне. Судьба свела меня с полигоном надолго.

Наши командировки были связаны с испытаниями контрольных изделий. Кроме них на полигон мы везли и наземную радиоприемную регистрирующую аппаратуру, которую брали у разработчиков наших изделий. После проведения испытаний аппаратура возвращалась. Так нам пришлось вскоре познакомиться и с разработчиками. Я лично не раз бывал в Арзамасе-16.

Подготовка к испытаниям изделия и обслуживание радиорегистрирующей аппаратуры требовали много специалистов. Теперь об этом полигоне знают все, его не раз показывали по телевидению, о нем написаны книги. А в то время это был закрытый объект. Командировку мы выписывали на город Москва-400, а ехали через Волгоград. Командовал полигоном знаменитый генерал В. И. Вознюк. Поселок, возле которого вырос город испытателей, называется Капустин Яр, и стоит он на берегу реки Ахтуба.

Ни у меня, ни у моих подчиненных не было никакого опыта в работе на полигоне. Да и свое собственное заводское изделие и измерительную аппаратуру нам пришлось осваивать на ходу. Узлы контрольного изделия, бортовая контрольная аппаратура часто в наших неумелых руках капризничали и отказывали.

Мой первый дебют был неудачным. Изделие испытаний не выдержало. Обескураженный таким состоянием дел, вернувшись на завод, я сделал самоотвод, предложив поставить начальником бригады человека, имеющего хороший опыт работы с изделиями. Мне пошли навстречу. Бригаду возглавил полковник А. А. Косов, а я стал главным инженером бригады и все свои силы сосредоточил на освоении новой техники.

Вся продукция, выпускаемая нашим заводом, должна была проверяться испытаниями контрольных изделий на полигонах. Они оборудовались бортовой телеметрической аппаратурой и выполнялись в тренировочно-боевом варианте, т. е. со взрывчаткой, но без основного (атомного) заряда. Только после успешных испытаний завод получал деньги за изготовленную продукцию. В случае неудач надо было проводить повторные испытания, но уже в удвоенном количестве. И так до победы. При повторных испытаниях завод нес большие дополнительные затраты. Недопущение таких потерь и было возложено на нашу бригаду.

Особая трудность в нашей работе заключалась в том, что она проводилась в отрыве от завода. Мы должны были рассчитывать только на себя. Нам нужно было знать не только свои изделия, но и работу всех подразделений полигона, которые участвовали в контроле траектории полета изделия и в записи параметров работы бортовых узлов изделия. Дело доходило просто до смешного. Например, с головной частью ракеты, запускаемой на 1500 км. Именно с этим изделием я впервые в жизни в 1958 году оказался на полигоне. В соответствии с документами, представленными службами по-

лигона, изделие испытание не выдержало. На завод мы возвратились с пустыми руками. Мой первый "блин" вышел комом. Это было не первое неудачное испытание этого изделия.

Комиссия, в которую входил я, работала с головной частью ракеты, другая — работала по носителю. Испытания носителя и головной части проводились одновременно. Пуск ракеты проводил строевой ракетный дивизион, завершая учебно-боевую подготовку штатным пуском. Дивизионы менялись, поэтому при каждом испытании были новые комиссии и новые люди. Работники полигона лишь помогали. На полигоне находились и испытательные группы от разработчиков, которые доводили свои новые изделия до ума перед сдачей их в серию. Пуски проводились чуть ли не каждый день. Работникам полигона скучать не приходилось, и они часто не замечали погрешностей в своей работе, а контролировать их было некому.

На повторные испытания вышеупомянутого изделия я прибыл в Капустин Яр в начале 1959 года. Я уже представлял кто что делает и за что отвечает на полигоне. В "Банкхаузе", как называли между собой помещение, в котором собрались обе комиссии по испытаниям, я уже мог членораздельно доложить, что время до пуска ограничено двумя часами из-за бортовых аккумуляторов. При первых испытаниях я этот момент упустил. На борту головной части стояли обычно щелочные аккумуляторы. Когда ракета устанавливалась на стартовый стол, аккумуляторы оказывались повернутыми набок, из-за чего электролит мог вытекать и саморазряд резко увеличивался. На этот раз ракета на столе долго не стояла. Пуск был произведен вовремя.

К концу дня службы полигона начали присылать нам свои протоколы. В одном из них отмечалось, что один их бортовых датчиков сработал не в положенное время. Цифры в подтверждение и соответствующие подписи. Все как положено, и "обжалованию не подлежит". Для меня это был такой удар, что жизнь стала не мила. Посудите сами, этот же датчик отказал и в прошлом испытании. И главное был бы он технически сложным, а то ведь так себе, обыкновенный механический прибор, работающий на разности давлений. В нем и отказывать-то было нечему. Он тщательно проверялся на земле, более того, я его лично проверял на изделии. Работал он устойчиво и надежно. И вот, пожалуйста, — снова отказал. Что делать? Как мне выйти из этого дурацкого положения? Голова моя раскалывалась, мысли раздваивались. Где искать корень зла? Ко-

миссия, как обычно, спешила домой, быстро был составлен протокол о неудачных испытаниях. Мне, хотя и последним, тоже пришлось его подписать. Домой ехать с таким багажом я не мог. Что же делать? Упаковку аппаратуры и всего того, что мы привезли с собой, я поручил подчиненным, а сам все сидел и смотрел на злосчастный отчет и протокол...

Примерно через сутки-двое у меня в голове мелькнула мысль, а не съездить ли к авторам этого протокола и познакомиться с материалами, на основании которых он был составлен.

Встретили меня доброжелательно, нашли нашу фотопленку. Длиной она была не менее пяти метров. На ней мелькали секундные и минутные отметки и высокие всплески работы бортовых узлов испытываемого изделия. Но вот сигналы исчезли, пошла помеха и снова появился сигнал. Таких пропаданий сигнала было пять или шесть за время полета. А вот и сигнал от нашего злосчастного датчика. Он появился после одной из помех. Мне любезно объяснили, что сигнал должен был появиться где-то посередине прохождения помехи, вот на этой секундной отметке. Но зафиксировать его возникновение точно нет возможности, ибо в это время связь с изделиями потерялась.

У меня сразу же возник вопрос: что же это за помеха, которая полностью пожирает сигналы от бортовых узлов? Последовало уверенное объяснение. Головная часть, которая несет на себе антенны бортового передатчика, в безвоздушном пространстве просто-напросто кувыркается. Это происходит на высоте до 200 км над землей и обычное явление. В моменты, когда антенны направлены не в нашу сторону, связь теряется. Оказывается, все так просто и понятно. Однако ни я, ни другие члены комиссии об этом даже понятия не имели. Мы думали, что наше изделие, имеющее форму конуса, устойчиво держит заданное направление. К земле-то оно всегда приходит конусом вперед. А оказывается, как в цирке, на определенной высоте оно начинает делать сальто-мортале. То ли не все работники полигона об этом знали, то ли не придавали этому значения. Я как инженер по радиотехнике причины потери связи понял сразу, и мне стали ясны причины отказа бортовых узлов на траектории. Составители протокола испытаний просто фиксировали время момента появления сигнала от бортового узла. Отсутствие связи перед этим их не смущало — у них была инструкция, и они точно ее выполняли. А то, что инструкция была составлена без учета "ку-

вырканий" головной части в безвоздушном пространстве, никого из них не беспокоило. Мы, вероятно, были первыми, кто на этом явлении "погорел".

Ответ на проклятый вопрос был найден, но комиссия уже разъехалась, и изменить отчет, который рассылали всем заинтересованным инстанциям, было уже нельзя.

Приехав на завод, я рассказал о своем открытии Косову. Тот понял суть дела и предложил изложить ее в своем особом мнении, которое необходимо приложить к каждому экземпляру отчета. Директор, прочитав мое особое мнение, воспрянул духом. Через полмесяца мне сообщили, что отчет утвержден с учетом особого мнения. При этом нам засчитали испытания не только последнего изделия, но и всех предыдущих. Это был первый мой успех и первая ощутимая от меня польза заводу.

Испытаний изделий было много, и полигоны были разные, и условия испытаний — тоже. Впереди было еще немало трудностей, из которых я выходил не всегда успешно. Пройдут годы, пока мы себя почувствуем настоящими испытателями.

А теперь небольшое отступление о моем начальнике А. А. Косове. Косов был эрудитом, умел и любил поговорить. Он был строптив, а Володин этого терпеть просто не мог. В конце концов Косов ушел с завода, а вернее — его "ушли" с подачи Володина. Его перевели начальником военно-сборочной бригады в другое родственное "хозяйство". Я снова стал начальником бригады.

В нескольких десятках километров от Капустина Яра на берегу реки Ахтубы стояло село Владимировка, рядом с которым располагался полигон авиационной техники. Когда я туда приехал, там уже было множество современных гостиниц и целый город для работников полигона. Здесь я встретил таких знаменитых авиаконструкторов, как Микоян и других. Во Владимировке мы испытывали боевые части крылатых ракет в контрольном варианте.

Здесь условия жизни были намного лучше, чем в Капустном Яре. В Ахтубе водилось много рыбы. Наши заядлые рыболовы Кудрявцев и Костенко готовили особую уху "по-Сабанееву". Одним из компонентов ее была стерлядь. На удочку здесь запросто было поймать несколько килограммов судака и тарани. Клев был исключительный. Удивительного в том ничего не было. Зона запретная, рыбаков мало, рыбы много. Химия в то время туда еще не доходила, и природа жила в своем первозданном состоянии.

Капустин Яр для меня стал вторым домом. В течение десяти лет я бывал здесь не менее двух-трех месяцев в году. Побывал на всех его площадках, знал и дружил со многими его работниками. Так что расставаться с ним мне было жаль. Но в свое время нас перевели на полигон в Казахстане у станции Эмба — "Хозяйство генерала Иванова". Я побывал здесь всего несколько раз. Из-за болезни количество командировок мне пришлось сократить. Я начал ездить только на испытания первых, новых изделий. Повторные испытания проводили руководители групп. Со своими обязанностями они справлялись успешно, и моя помощь им уже не требовалась.

Пожалуй, с наибольшим удовольствием я ездил на Второй авиационный полигон, расположенный в поселке Багерово в девяти километрах от Керчи. Полигоном командовал генерал Чернорез. Мы же его звали батька Черномор. Здесь мы испытывали в контрольных вариантах авиационные атомные бомбы. На этом полигоне с самого начала я чувствовал себя как дома. Здесь была родная стихия — авиация, с которой я был тесно связан вплоть до приезда в "Хозяйство Володина". На этот полигон я приезжал много раз, пока полигон не закрыли и не перевели во Владимировку. Судьбу его решила близость к морской границе.

Здесь мы встретились с местной военно-сборочной бригадой, которая уже много лет занималась испытаниями изделий нашего типа. Ее члены не просто испытывали, но и вели большую научную работу. Многие из них были высокими специалистами своего дела. Среди них мне особенно запомнился майор Хренов, радист по образованию. Коллеги часто поражали нас своими теоретическими знаниями в области нашей техники. Наши изделия они уже изучили на стадии испытаний, проводимых разработчиками. Они все время пытались нас склонить к проведению дополнительных экспериментов, которые им были необходимы для научной работы. Мы же старались ограничиться соблюдением требований утвержденной программы, разработанной специально для наших испытаний. Как только они не давили на нас, как ни уговаривали. Мы понимали, что у них и у нас разные задачи. Для них отказ изделия на испытаниях — это лишь дополнительный опыт, для нас — это большая трагедия. Поняв это, мы твердо стояли на своем.

Дважды я принимал участие и при испытаниях морских изделий. Одно из таких испытаний проводилось в Феодосии, в части контрадмирала Котова. Изделие для нашего завода было новым и

необычным, и мне нужно было самому убедиться в успешности контрольных испытаний. Наше изделие было головной частью ракеты, запускаемой торпедным аппаратом подводной лодки в погруженном состоянии. Через несколько сот метров от подводной лодки ракета выходила из воды, и основная часть траектории ее полета проходила в воздухе. Достигнув места расположения цели, вероятной подводной лодки противника, ракета входила в воду, и на заданной глубине головная часть срабатывала. Меня интересовали вопросы: выдержит ли автоматика головной части удар при вхождении в воду и будет ли зарегистрирована на магнитную пленку работа всех узлов автоматики. Остальные вопросы боевого применения комиссии не касались и не рассматривались. После срабатывания изделия магнитные пленки всплывали с двумя поплавками. Все вроде ясно и понятно. Но оказалось, отыскать поплавки в безбрежной глади моря не так-то просто...

Вот по радио объявили, что мы находимся над местом падения. Ничего нигде не было видно. Развернулись, сделали новый заход. Пусто. Командование решило расширить зону поиска, проводя ее галсами. Что это такое — я не знал, но понял, что место падения ракеты корабли точно определить не могут. Так мы бороздили море более двух часов. Еще раз объявили, что искать нужно две маленькие (величиной с бутылку) красные точки. Светлого времени осталось мало, когда с моего согласия объявили: тот, кто увидит поплавки первым, получит именные часы! Когда надежды на находку поплавков у меня окончательно испарились, а ведь это значит испытания впустую, я услышал радостный крик председателя нашей комиссии капитана 1-го ранга Сергиенко: "Вижу!". Я готов был подарить ему даже свои часы, ибо наша многодневная работа не прошла даром. Неизвестно пока, что на магнитной ленте в поплавках, но главное — они нашлись. Поплавки подняли на борт. Из всего виденного понял одно — так проводить стрельбы нельзя. Сегодня нам повезло, а в следующий раз мы можем оказаться без поплавков и результатов испытаний. Необходимо точно, до метра, фиксировать место падения и не терять его из виду. Все должно быть наглядно и просто. А как это выполнить — надо подумать.

На другой день проявили пленки, расшифровали. Результаты были удовлетворительными. Изделие испытания выдержало, но осталась горечь от возможной потери поплавков в море. Стал думать. И пришла в голову простая схема. Эту схему я описал и отправил в

часть контрадмирала Котова. Весной пришел ответ — мое предложение принято. Оно заключалось в следующем. Заранее в районе цели устанавливается на плоту веха. Относительно этой вехи определяется место падения ракеты. Например, недолет, перелет, справа, слева столько-то каких-то там единиц измерения. Поиск поплавков ведется вблизи этой вехи, что значительно сокращаст время поиска. Мои расчеты подтвердились. Очередные испытания прошли уже без нервотрепки. Поплавки были найдены без особого труда, это, конечно, придало мне гордости, сухопутный человек сумел помочь морякам.

Испытания второго корабельного изделия проводились под Севастополем. Хотя изделие предназначалось для кораблей, пуск производили с береговой установки местного полигона. Комиссия подготовила протокол испытаний. В нем все было нормально, кроме одного. Выбранный квадрат, где наше изделие должно было войти в воду, не обеспечивал заданной глубины. Но я-то знал, если не хватит глубины, то наше изделие просто не сработает. Меня пытались уговаривать поставить подпись, но я настоял перенести квадрат испытаний. Рисковать мы не могли. С большой неохотой комиссии пришлось согласиться с моим предложением.

Подготовка изделия шла нормально. Меня беспокоили только бортовые аккумуляторы. В то время брали щелочные аккумуляторы со всеми им присущими недостатками. Позже были специально разработаны аккумуляторы, предназначенные для боеголовок. В работу они приводились или воздухом или электрическим током в момент пуска изделия. Новые аккумуляторы стали надежными и никаких хлопот с ними не было. Но это было позже. Наши же бортовые аккумуляторы требовали трехсуточной подготовки, включающей в себя заряд, разряд и снова заряд. Да и потом с ними немало было хлопот. В заряженном состоянии храниться долго они не могли. Иногда, когда запаздывал пуск изделия, они оказывались негодными из-за саморазрядки. Это было самое слабое, самое больное место в нашем изделии и в нашей работе. Более того, после стыковки головной части с ракетой, место стыковки ставилось на герметик, после чего по технологии требовалось три дня выдержки. Я себе никак не мог представить, как в воинских частях готовить подобные изделия к боевому применению. Если ты сам собираешься напасть первым, еще туда-сюда, а если противник напал первым, то где взять эти несколько суток для подготовки. Ну, а если потребуется

заменить саморазрядившиеся аккумуляторы, то как отстыковать головную часть от ракеты? Герметик схватил их намертво.

Самое неприятное для меня произошло при пуске изделия. Все члены комиссии, кроме меня и В. Д. Войтенкова, руководителя военной приемки нашего завода, пожелали посмотреть момент пуска ракеты со старта. Решили понаблюдать, как ракета сорвется с пусковой установки, как она полетит. Но кто-то же должен быть и на командном пункте? При пуске у стартовой команды могут появиться вопросы. Вы, конечно, угадали — на командном пункте оказался я и в единственном числе. Полковник Войтенко остался со стартовиками в другом помещении бункера, где можно было проследить за проверкой и состоянием бортовых узлов и оценить степень готовности головной части к пуску.

Все шло по инструкции. Последовательно объявлялись команды готовности. Стартовики работали слаженно и четко, пока не дошли до бортовых аккумуляторов. Проверка показала, что в одном из каналов напряжение находится на пределе, в другом канале — ниже нормы. На командный пункт ко мне поступил запрос, что делать? Странный вопрос. Конечно, отменять старт. Разбирать изделие. Снимать аккумуляторы и производить их перезарядку. Я как вспомнил про герметик, так у меня голова заходила кругом. Что делать? Решать приходилось мне одному. Я дал указание: наблюдать за напряжением аккумуляторов. Решил, если не будет падения напряжения под нагрузкой при питании бортовых узлов, то может хватить электроэнергии для работы бортовых узлов и на траектории полета изделия. Не могли же ставить аккумуляторы на борт изделия без необходимого запаса электроэнергии? Запас должен быть. Через минуту мне доложили, что напряжение на аккумуляторах держится устойчиво. Это вселило в меня уверенность, что аккумуляторы обеспечат работу автоматики. И я подал команду на пуск.

Стартовики включили "автомат пуска", в громкоговорителе послышались щелчки, отсчитывающие секунды. Старт отменить никто уже не мог. Через 15 секунд изделие сорвалось со стартовой установки. Вот и пусковой шум и грохот стихли.

Я все еще сидел на своем месте, когда члены комиссии, громко разговаривая, ввалились на командный пункт. Все, кроме Войтенко. Руководитель из Главка Г. А. Дербенев первым меня поздравил. Он был в восторге от всего увиденного. Однако мне было не по себе. Все мои мысли сосредоточились на аккумуляторах. Вдруг электро-

энергии не хватит узлам автоматики? Ведь у нас, кроме штатных узлов боевого изделия, на борту стоит котрольно-регистрирующая аппаратура. На ее питание аккумуляторы не были рассчитаны. К восхищению Дербенева я отнесся сдержанно.

Полковник Войтенко с командой уехали на катере ловить поплавки с записанной информацией. В это время меня отвлек один из моих подчиненных, который во время пуска находился рядом с Войтенко. Как только после моей команды был включен "автомат пуска", Войтенко вскочил с места и побежал к выходу из бункера. Он громко кричал: "Что он делает! Что он делает!" Только счастливая случайность спасла его от неминуемой гибели. Пусковая установка была расположена так, что часть пламени ракетного двигателя накрывала выход из бункера. Если бы Войтенко бежал более энергично, то ему просто оторвало бы голову на выходе. Но он не успел добраться до выхода. Рокот и гром остановили его. Это его и спасло. Когда он вышел их бункера, первым, кто ему попался навстречу, был Дербенев. Он шел с распростертыми объятиями и громко его поздравлял. Но Василий Дмитриевич объятий не принял, только зло и неприлично выругался и направился почему-то в сторону от бункера.

С моря приехали через несколько часов. Магнитные пленки были проявлены и предварительно расшифрованы. Расшифровка показала, что основные параметры в норме. Это успокоило Войтенко, и он мне ни разу не напомнил о старте изделия и моей "самодеятельности".

На другой день комиссия без больших споров подписала отчет. Изделие испытание выдержало. В замечаниях к отчету было обращено внимание на бортовые аккумуляторы и герметик. Внес эти замечания я. Их приняли без дискуссий. Для меня это было, хотя и небольшим, но все же утешением за все пережитое во время пуска и до того момента, пока не расшифровали пленки. О случившемся знали только я и Войтенко, но мы молчали.

На испытания других морских изделий Володин меня больше не пускал, считая, что там и без меня справятся. Тем более, на заводе ему требовался помощник по многим вопросам, в том числе и по вопросам, возложенным на нашу военно-сборочную бригаду. То на одном полигоне, то на другом возникали срочные вопросы и просили помощи. Да и на заводе без конца возникали критические ситуации с изделиями, которые необходимо было гасить. Во всех, почти

во всех случаях он подключал меня. Почему? Вероятно, потому, что я был специалистом более широкого профиля, чем представители конструкторов, технологов и заводчан. Да и допущен я был ко всей документации и имел пропуск во все цеха. Так что лучшего помощника ему было не найти. И он использовал меня, как говорят, "на всю катушку". Фактически я был помощником до его ухода на пенсию.

Работе я отдавал все свои силы, знания и здоровье. Вначале у меня стало болеть сердце, затем добавились другие болезни. Они-то меня и вывели окончательно из строя. Пришлось ложиться на сложную операцию. После нее я четыре года чувствовал себя неважно. В бригаде привыкли обходиться без меня и, оберегая меня, ничего не давали делать. Я понял, что столь ответственное место начальника надо уступать другому. Я подал рапорт на увольнение.

А. ТУТУШКИН

ТОЧНАЯ СЛУЖБА

В феврале 1955 года я был назначен начальником центральной измерительной лаборатории (ЦИЛ) завода с подчинением начальнику ОТК Зайцеву. В штате было всего четыре человека: инженеры Ю. Н. Беляев и Л. Г. Варганова, лаборанты Ф. Матяш и А. Молочникова. К нам стали поступать приборы и инструмент. Одновременно отдел кадров направлял рабочих, в основном, молодых девушек со школьной скамьи, которых в процессе работы мы обучали технике измерений на инструментах и приборах, а также работе на оптико-механических приборах.

В феврале—марте 1955 года на завод начала поступать технологическая оснастка, узлы и корпуса для комплектации изделий. На работников ЦИЛ увеличилась нагрузка по проверке универсально-измерительного инструмента, необходимого цехам, а также аттестация прибывающей техоснастки. Были затруднения в том, что инструментальные кладовые должны были доставлять на очередную периодическую проверку в ЦИЛ ранее аттестованный инструмент и техоснастку. Поэтому по приказу директора с конца 1955 года были организованы участки ЦИЛ, так называемые контрольно-поверочные пункты в цехах 11, 14, 15 и 25, а в последующие годы были

организованы КПП в цехах 13, 20, 28 и Втором производстве с подчинением по технической части начальнику ЦИЛ.

Основная задача лаборантов ЦИЛ — аттестовать весь универсальный измерительный инструмент: калибры, шаблоны, кондуктора, приспособления, пресс-формы, штампы и другую техоснастку по ГОСТам, техпроцессам, чертежам и другой технической документации. На техоснастку и инструмент выписывали аттестат за подписью лаборанта и начальника ЦИЛ, Если инструмент или оснастка по каким-либо размерам имеет отклонение, в этом случае лаборант выписывает извещение о дефекте и возвращает инструмент в цех, который сам дорабатывает (ремонтирует) или отдает в ремонт в инструментальный цех. После доработки инструмент-оснастка вновь контролировалась в ЦИЛе или КПП. Если качественно был сделан ремонт, в соответствии с требованиями чертежа, в этом случае лаборант выписывал аттестат. В связи с тем, что наш завод оборонного значения, имеются военные заказчики, от нас требуют, чтобы все рабочие, которые изготавливают детали или делают узлы, ведут сборку изделий, должны работать только с аттестованным инструментом и оснасткой.

Приходилось мне постоянно ходить по всем КПП, контролировать их работу. Кроме основной работы, инженеру Г. Л. Варгановой и мне приходилось решать спорные вопросы о забраковывании изделий между производством и ОТК, а также между ОТК и спецприемкой. Обычно в этом случае деталь или узел направлялся в ЦИЛ для проведения арбитражных измерений. Если узлы или готовые изделия нельзя было привозить в ЦИЛ, начальник производственного отдела или главный инженер вызывали меня в цех для решения спорных вопросов. После проведения арбитражных проверок выписывалась справка с указанием чертежных и фактических размеров, за подписью инженера и начальника ЦИЛ. Справка являлась основным документом для всех работников цехов, ОТК, руководства завода и приемки.

В 1967 году ЦИЛ была подчинена начальнику КИП К. С. Морозову.

Помню, когда в конце 1955 года поступили готовые корпуса в цех 14, во вторую смену молодой лейтенант-спецприемщик, не имеющий еще опыта в работе по измерениям, забраковал одно изделие. Был конец месяца, цеху надо было выполнять план. Начальник цеха доложил об этом директору. Он сразу же вместе с начальником

9 Заказ 2236

ОТК Зайцевым приехал в цех и решил организовать проверку в ЦИЛ. Лаборатория работала только в первую смену. Тогда Володин ночью вызвал меня в цех. Мне объяснили, какой размер был забракован. Я просмотрел чертеж и пошел в ЦИЛ за необходимым инструментом. Начал проверять изделие в присутствии Володина, Зайцева, спецприемщика и работников цеха. После нескольких измерений забракованный размер оказался в допуске, о чем спецприемщик также убедился, и угроза невыполнения плана цеха и завода была предотвращена.

Аналогичные случаи повторялись неоднократно. Например, в цеха 21 и 26 прибывали огромные сложные стенды для проверки готовых изделий, в которых надо было проверять не только линейные и угловые размеры, но и грузоподъемность. В цехе 26 нами был аттестован стенд нормально, а в цехе 21 он оказался бракованным. Был вызван работник из Днепропетровска, который вместе с нами в течение недели возился со стендом. Только после этого стенд нами был допущен к работе.

В 1988 году 30 сентября в 23 часа Морозов и я были вызваны в цех 21, где спецприемкой цеха был забракован прибывший на завод готовый узел. Я и Морозов начали проверять размеры. Одну сферу нельзя было проверить обычным инструментом, нужны приспособления. Здесь же был представитель из СКБ, мы ему предложили свой вариант приспособления, он тут же сделал чертеж и уехал в цех 15 изготавливать. Не прошло и одного часа, как приспособление изготовили и привезли. Мы проверили сферу, она оказалась в допуске. Я выписал справку, и план был закрыт. Это был последний из многих ночных вызовов, в декабре я ушел на заслуженный отдых.

За время работы на заводе мною подано более двадцати заявок на изобретения, которые внедрены в работу. По этим разработкам в разные годы были опубликованы статьи в производственно-технических сборниках "Организация производства и прогрессивная технология" нашего министерства.

Я оставил опытный в работе коллектив лаборатории и КПП цехов, и уходил на пенсию с чувством исполненного долга.

М. МАЛАХОВ

ИСПЫТАНИЕ СПЕЦИЗДЕЛИЙ

В 1954 году, за несколько месяцев до защиты дипломного проекта, нас, студентов Московского энергетического института, вызвали на комиссию по распределению. География распределения была самая обширная — от Сахалина до Риги. Почему-то нескольких человек, в том числе и меня, пригласили вместе. Председатель комиссии очень коротко задал несколько вопросов:

— Комсомольцы?

Мы ответили утвердительно.

— Любите ли вы свою Родину?

Мы ответили утвердительно.

— Желаете ли работать на благо Родины там, куда она вас пошлет?

Мы ответили утвердительно.

После этого с пафосом в голосе он сказал, что нам оказано высокое доверие и мы направляемся работать в почтовый ящик № 590.

— Возражений нет?

Разумеется, возражений не было.

— Какие вопросы?

Я осмелился спросить, где находится это предприятие.

Председатель ответил лаконично и многозначительно: "На территории Советского Союза".

Больше вопросов не было. Мы расписались о согласии работать в п/я 590. После этого нам дали адрес в Москве для справки: ул. Спартаковская, номер дома не помню, но это прямо напротив Елоховской церкви. Дали номер телефона и фамилию Киселев. Обращаться "товарищ майор". Предупредили, что можем звонить ему только после получения диплома. Никому номера телефона и адреса не давать. На вопросы, куда едете работать, давать уклончивые ответы — будем работать в Советском Союзе.

После защиты дипломного проекта, получения "корочек", я пошел по указанному адресу. В бюро пропусков позвонил майору Киселеву, он заказал пропуск, и через 15 минут я сидел перед ним. Он предложил несколько мест работы: Средняя Азия, Томск, Урал. Нужно сказать, что после войны у всех нас об Урале были самые положительные и теплые представления. Поэтому я сразу сказал: "На Урал!". Киселев переспросил: "Ваше решение окончательное?"

Я сказал: "Да!" После этого он дал мне листок с подпиской о неразглашении гостайны. Я подписал, и, перейдя почти на шепот, он сказал, что направляюсь в "Хозяйство Володина". Чтобы туда попасть, мне нужно доехать до ст. Кропачево, по определенному адресу найти Голдобину, и она сообщит, куда ехать дальше. Еще раз предупредил, что никому — ни отцу, ни матери, ни брату, ни сестре ничего не должен говорить о месте моей будущей работы. Вместе с подпиской Киселев дал адрес (Ново-Рязанская улица), где я должен получить подъемные. Когда я их получил, сумма после скромных студенческих стипендий мне показалась огромной — 1000 рублей.

Придя после всех этих процедур в студенческое общежитие, я узнал от дежурной, что меня ищет мой товарищ Юра Баранкин. Оказалось, его тоже направили в "Хозяйство Володина". Одно дело, когда едешь один, другое — когда с товарищем.

Сошли с поезда, нашли Голдобину. Она нам сказала, что нужно еще доехать до Вязовой, там дождаться поезда "Усть-Катав—Катав-Ивановск". На этом поезде доехать до ст. Красная Горка, а там на любой машине доехать до поселка. Такая вот езда на перекладных.

Конечно, нас очень интриговал Володин, ведь в путевке было написано: "Хозяйство Володина К. А.". Спросили у Голдобиной. Она ответила, что очень строгий, требовательный, но справедливый человек. Полковник. И вся информация!

В названном ей поселке мы нашли попутную машину (самосвал ЗИС-150, загруженный асбестом). В кузове доехали до шлагбаума — это примерно метров 50 не доезжая нынешнего поста ГАИ. Проверил наши документы очень высокий солдат-строитель. Потом мы узнали, что этот солдатище — местная достопримечательность. Машина довезла нас до тракторного парка-гаража. Водитель объяснил, что в город нужно спускаться вниз.

Мы с Юрой пошли вниз по ул. Кирова. Навстречу нам шел человек. Когда я всмотрелся в него, то узнал своего земляка из Ногинска, давнишнего, довоенного товарища Юрия Клюшкина. Я очень обрадовался ему, он мне. Сразу потащил к себе. Соседом по комнате у него был Юрий Костриков. Сплошное совпадение! Тоже мой земляк, когда-то мы с ним ходили в Ногинске даже в один детский сад. Ну не тесен ли мир!

Когда шли к Клюшкину, во дворе я обратил внимание на человека очень внушительной внешности, стоявшего рядом с "Побе-

дой". Меня поразило его лицо. Когда встретились глазами, мне показалось, что он знает обо мне уже все. Я спросил Клюшкина, кто это. "Это Володин".

В Средмаш было заведено привлекать специалистов-учеников разных научных школ. Это касалось всех отраслей знаний как гуманитарных, так и технических. Напомню географию учебных заведений, которые окончили специалисты нашего города: Хабаровск, Иркутск, Красноярск, Томск, Новосибирск, Омск, Курган, Ташкент, Чкалов (Средняя Азия), Свердловск, Челябинск, Оренбург, Магнитогорск, Миасс, Златоуст, Катав-Ивановск, Усть-Катав, Свердловск-44 (Североуральск), Аша, Уфа, Пермь, Киров, Казань, Куйбышев, Ульяновск, Волгоград, Саратов, Таганрог, Пенза, Тольятти, Рязань, Тамбов, Нижний Новгород, Кострома, Новгород Великий, Псков, Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск, Львов, Рига, Таллинн, Кишинев, Одесса, Николаев, Херсон, Калинин, Электросталь... И я назвал еще не все города. А какие учебные заведения? УПИ, МГУ, МВТУ, МЭИ, МАИ, МИФИ, ЧПИ, УАИ, МПИ, ЛТИ, ЛПИ, ГПИ, можно продолжать до бесконечности. А какие маститые экзаменаторы: по электротехнике — академик Крун, по радиотехнике — академик Котельников, по теплотехнике — академик Кириллин, по теплопередаче — академик Михеев, по теории машин и механизмов — академик Артоболевский.

Это было совсем не маловажно. Если бы не это многообразие научных и инженерных школ, Приборостроительный завод не имел бы такого авторитета в отрасли. Мы же не просто общались, но и учились друг у друга, познавая лучшие достижения советской науки.

Меня назначили начальником участка электрических и телефонных сетей, следует сказать, что по диплому я инженер-теплотехник со специализацией "Автоматизация теплотехнических устройств", поэтому с назначением я не был согласен и записался на прием к директору. Через очень короткое время Константин Арсеньевич меня принял и довольно долго беседовал. Я бы сказал, что он говорил со мной, как с родным. После разговора Володин дал указание о назначении меня на должность инженера КИПа. Через несколько дней, пройдя все формальности, я вышел на работу.

Встретил меня небольшой, но очень дружный коллектив. Душой его был К. С. Морозов, технической душой — Н. Г. Поляков. Остальные — все молодые ребята: Володя Анисимов, Гриша Макси-

менко, Петя Нифонтов, Володя Васильев, Альберт Латков, Толя Колобов, Аня Щербакова, Клава Тихомирова, Аня Еремина, Юра Молочников, Адольф Афанасьев, Гена Нифонтов.

Приближался выпуск первых изделий. Нам для этого было необходимо аттестовать службу измерений — дать ей право измерять с достоверной точностью все параметры: вес, температуру, линейные размеры, силу тока, мощность и т. д. Право это по существующему тогда положению мог дать только один государственный орган — Главная палата мер и весов (теперь Госстандарт), для чего сюда нужно было представить массу документов: от условий измерений на каждом месте до схем поверок (здесь нет ошибки — приборы не проверяются, а поверяются). Начальник нашего отдела Морозов поручил подготовку материала мне. Срок Морозов назначил жесткий — 15 мая.

Срок был выдержан. И — поездка со всеми материалами в Москву. Первое посещение Министерства среднего машиностроения. Тогда это трехсловие из-за условий режима нельзя было говорить вслух. Командировочное удостоверение было заверено странной гербовой печатью "Склад 33 Главстроя СССР", кстати, открывающей двери любых учреждений. Тогда в министерстве занимались делами измерений два человека — Харламов и Большаков. Харламов, просмотрев все мои материалы, сразу же их забраковал и поставил условия, которым эти документы должны удовлетворять. На переделку одному требовалось не менее двух месяцев. По телефону, кое-как связавшись с Морозовым, объяснил ситуацию, объем работы и попросил продления командировки и телеграфную доверенность на подпись вновь разработанных документов. Морозов все выполнил, но предупредил — ситуация тяжелая и выкручивайся любым путем.

Путь был один. Поехал в родной Энергетический институт к знакомым ребятам, попросил помочь переработать схемы. Неделю жил у них в общежитии. Чертили в институтской чертежке. И примерно в начале июня схемы были готовы. Все это время ежедневно или встречался, или звонил Харламову.

И вот, как теперь модно говорить, с пакетом переработанных и подписанных мною по доверенности документов, сижу в бюро пропусков, жду, когда выпишут пропуск. Вдруг появляется Володин. Остановился. Спрашивает: "А ты здесь зачем?". Я ответил: "Узакониваю КИП". — "А! Вспомнил... Как дела?" — "Было трудно — сейчас нормально". — "В чем трудно?" "Пришлось переработать

много документов. Выручили студенческие друзья". — "Ты никому не говорил для какого завода делалось?" — "Нет". — "Правильно. Я пошел. Буду в Москве дня три. Если нужно, найдешь у Колчина (курировал наш завод)".

Проверив документы и расписавшись в них (на это ушло дня три), Харламов повел к Большакову. Там та же процедура. Что-то не так, что-то не эдак. Подправить! Опять к ребятам. За полдня все исправлено.

Снова утро. Бюро пропусков. И снова Володин. "Ты еще здесь. Я тоже задержался. Как дела?". — "Нормально. Почти хорошо". — "Почему почти?". — "Опять были замечания. Устранял с ребятами". — "Устранили?". — "Да". — "Подпишут или нет, обязательно приди к Колчину, скажи ему. Он меня найдет. Помогу".

Документы подписали. Пришел к Колчину — там Володин. Доложил, что все нормально. Еще сказал, что очень помогли ребята-студенты. Если бы не они... "Дед" достал из кармана бумажник, отсчитал три пятидесятирублевки (по тем временам это были громадные деньги): "Угости их".

Устроили пирушку, на которой ребята всячески хвалили нашего директора и просили замолвить словечко, чтобы попасть к нам работать.

На следующий день, после подписания Большаковым документов, поехали в Главную палату мер и весов. Она располагалась тогда, если память мне не изменяет, в здании Политехнического музея, заведовал ей Митин (кажется, академик).

Митин принял нас с Харламовым и Большаковым по-деловому и просто. Задал несколько вопросов, подписал, и наша служба обрела права гражданства, т. е. право проверять приборы и ставить на них государственные клейма.

Вернувшись в "хозяйство", начал работать по наладке и регулированию систем автоматики в котельной и лаборатории испытаний цеха 13 (тогда 103).

Вместе с Афанасьевым (руководитель и большой специалист) мы очень быстро разобрались со схемами и отрегулировали автоматику термобарокамер, а вот с котельной пришлось повозиться очень долго.

В начале 1956 года необходимо было провести контрольно-летные испытания изделия, так называемые "к. л.". "К. л." проводились на полигоне под Керчью. Было много сложностей с этой по-

ездкой. 31 декабря Ю. Горских, М. Шубина и меня направили на полигон для поверки и согласования нашей аппаратуры с полигонной. Был заказан самолет из Челябинска до Москвы (это в канун Нового года!!!). С нами караул — аппаратура секретная. Пассажирский вагон до Челябинска — и рано утром мы уже в Челябинском аэропорту. Взлетели. Перелет от Челябинска до Уфы проходил на небольшой высоте. Самолет ЛИ-2. Местность в тот ясный, солнечный день отлично просматривалась. В первый раз увидел наш поселок, в будущем город Трехгорный, с высоты птичьего полета. Поразила строгая красота планировки, намеченные для постройки новые улицы, линии заводских корпусов. Посадка в Уфе, заправка, полет до Казани. В Казани посадка. Во время заправки пошли обедать. Возвращаемся к самолету, нас не пускают. Говорят, что груз — наши сверхсекретные приборы с самолета сняли, а в него загрузили работников обкома Татарии, которых пригласили на встречу Нового года в Москву. Оказалось, не загрузили. Мы попросили командира экипажа. Он подошел и сказал, что караул держит оборону. Ближе 100 метров к самолету не подпускает никого, кроме экипажа и сопровождающих груз. После нескольких минут разговора с начальством аэропорта инцидент был исчерпан. Представители обкома были "оттеснены", и мы благополучно долетели до Москвы.

Были трудности в получении пропусков на полигон. Пришлось добиваться приема к зам. министра знаменитому генералу Зернову. После приема и "накачки", которую дал Павел Михайлович бюрократам, мы наконец-то оказались в Багерово под Керчью. Встретил "полигонный мэтр" полковник Капустин. Плотно поработали с ним в течение недели и поехали обратно через Москву, как значилось в командировке.

В Москве я был вызван к начальнику нашего Главного управления В. И. Алферову. Рассказал о проделанной работе. Получил благодарность и новое задание: подобрать аппаратуру для организации телевизионного вещания у нас в поселке. Юрий Кузьмич Горских был хорошим радиотехником, занимался как радиолюбитель и телевидением. Поездили мы с ним с неделю на Шаболовку (там располагался всесоюзный телецентр), познакомились со специалистами. Они нам посоветовали в выборе аппаратуры, составили список. В. И. Алферов список утвердил, выделил деньги. Дал представителя, который все, что нужно, пробил в Совете Министров СССР.

Аппаратуру погрузили в багажный вагон и через двое суток оказались в родном "хозяйстве".

Благодаря самой горячей поддержке министерства, телевидение в нашем городе заработало раньше, чем где-либо во всем Уральском регионе, исключая, конечно, Челябинск, Свердловск, Уфу, лет на пять. Самые первые "телецентры" нашего города были на старой почте (в районе УВД), затем на горе Завьялиха. Первопроходцами городского телевидения были Ю. Горских и Н. Благодарнов — работники КИПа.

Буквально через два дня после возвращения я был переведен на вторую площадку технологом сборки специальных изделий. Осваивался более полугода. Сдал практический экзамен — провел самостоятельно контрольно-летные испытания "Татьяны". Испытания закончились успешно, после чего Володин направил нас со Славой Шишкиным на государственный полигон в Капустин Яр.

На поставляемых на наш завод корпусах боеголовок ракет ЧР (тогда главного ракетного оружия СССР) стали появляться трещины. Председателем государственной комиссии по определению причин возникновения трещин и мер по предупреждению был назначен сам С. П. Королев. Комиссия предложила целый комплекс мер по предупреждению образования трещин. Правительство распорядилось провести ряд пусков ракет с боеголовками, изготовленными специально с трещинами. Председателем пусковой комиссии был назначен С. П. Королев, заместителями от Средмаша наш А. Г. Потапов, от ракетчиков-изготовителей корпусов боеголовок — Д. А. Берлин (первый заместитель Главного конструктора М. К. Янгеля). С этого времени начался контакт специалистов нашего предприятия со специалистами-ракетчиками.

Потапов привлек к работе в комиссии меня и С. И. Шишкина. В течение нескольких месяцев нам пришлось жить на полигоне в Капустином Яре. В то время полигон представлял из себя типичный военный городок. Командовал полигоном генерал-полковник Вознюк.

Запуски ракет производились регулярно, в зависимости от погодных условий. В начале осени примерно раз в 10 дней. Потом с ухудшением погоды и того реже. На нескольких пусках присутствовал С. П. Королев. Особенно мне запомнились два запуска. По регламенту за 5 минут до пуска мы должны были прямо на старте в хвостовой части ракеты производить электрические измерения. Из-

мерения производили работник нашего ОТК с представителем заказчика. У нас представителем заказчика был П. И. Плахов, а от ОТК А. Ф. Бгакина (Виноградова). Общее руководство и контроль на стартовой площадке осуществлял из бункера через перископ Королев. Была объявлена получасовая готовность, и к ракете пошли наши представители. Сергей Павлович увидел их в перископ и в микрофон через динамики громким голосом спросил: "Кто пустил эту рыжую женщину на старт?!" Шура, как ни в чем не бывало, проделала всю необходимую работу, доложила, что все в пределах нормы. Сергей Павлович спросил нас: "У вас все такие?" Мы, конечно, ответили "Да".

Еще на одном памятном пуске стартовая команда сломала стыковочный штепсельный разъем на нашей боеголовке. Поломка незначительная — выкрошилось несколько квадратных миллиметров изолятора разъема. По техническим условиям, однако, с таким дефектом пуск не разрешается. Я доложил об этом Королеву, сказав, что замена разъема на полигоне невозможна. Он спросил о возможности использования боеголовки с таким дефектом. Я ответил, что необходима перепроверка электрических цепей, связанных с этим разъемом, условия стартовой площадки не позволяют проделать эту работу. Необходимо головную часть везти в сборочный зал, перепроверять и после этого принимать решение. И на эту работу потребуется часов десять. Королев отложил пуск. Через несколько часов мы выполнили работу и пошли в гостиницу. Выдавая ключи от номера, дежурная сообщила, что несколько минут назад звонил начальник караула Морозов, охранявший наше рабочее помещение. Я перезвонил ему. Тот сказал, что подъехал "какой-то Королев" и требует пропустить его в помещение.

Замечу, что по существующим тогда режимным требованиям запрещалось посещение помещений сборки без разрешения руководства министерства. Поэтому мы Королева не пустили. Он сильно рассердился и уехал. Буквально меньше чем через час позвонил из Москвы начальник Главка Алферов и, как мне показалось, не говорил, а рычал, выговаривая за то, что мы не пустили к себе Королева. Я ответил, что действовал строго по утвержденной им же, Алферовым, инструкции. Он бросил трубку. Через некоторое время позвонил Королев и спросил, что будем решать с боеголовкой. Мы уже перед этим посоветовались с Плаховым (результаты проверок были положительны), и я ответил, что полетный лист я, как пред-

ставитель завода, и Плахов, военпред, подписали. Запуск и работа босголовки на всей траектории прошли успешно.

И. КУЗЬМИН

ОТДЕЛ ИЗМЕРЕНИЙ

7января 1955 года был организован отдел 35. Первым начальником отдела был назначен К. С. Морозов, молодой специалист, приехавший из Ленинграда; его заместителем — Н. Г. Поляков, прибывший из Челябинска-40. Первую лабораторию механических измерений возглавлял А. Кондрашов. Позже поверку радиоприборов возглавил В. И. Рябых. Участок поверки теплотехнических и электромеханических приборов располагался на втором этаже цеха 11, возглавлял его А. И. Колобов. Позже электролабораторию возглавила Т. И. Жукова, тепловую лабораторию — З. В. Коновалова. Поверкой нестандартизированного оборудования занимался Ф. А. Степанов, позднее — К. М. Ретинская.

На первом этаже цеха 11 ремонтировали электромеханические приборы. Этот участок возглавлял В. А. Белоусов. Ремонтом аналитических весов и часовых механизмов занимался В. Д. Гузенко. Оптико-механические приборы ремонтировал и настраивал В. И. Истомин.

Через некоторое время после организации отдела 35 была создана Центральная измерительная лаборатория (ЦИЛ). Сначала ее возглавлял Ю. Н. Беляев, затем В. Ф. Соболев. Позднее отдел 35 был переименован в отдел 76, а в 1967 году ЦИЛ была объединена с отделом.

Эта лаборатория занималась линейно-угловыми измерениями. Работы в этом направлении проводились под руководством ветерана войны М. А. Малахова. Лаборатория тоже вела кочевой образ жизни — цех 19, здание 105, цех 11.

Таким образом, на первом этапе становления отдела КИПиА (примерно до 1975 года) коллектив занимался только поверкой и ремонтом средств измерений. Задачи по метрологическому обеспечению производства в более широком смысле этого понятия стали решаться позднее, когда на государственном уровне были введены нормативно-технические документы в этой области.

Сегодня, на втором этапе развития метрологической службы, ре-

шаются задачи метрологического обеспечения предприятия в строгом соответствии с нормативно-технической документацией. Это проведение следующих работ: по ремонту и поверке приборов как в условиях предприятия, так и на других заводах; по аттестации средств испытаний; по аттестации аналитических лабораторий предприятия; по экспертизе документации, разрабатываемой на предприятии; по техническому руководству КПП цехов, осуществляющих контроль оснастки завода.

Кроме решения метрологических задач отделу было поручено ремонтировать медицинское оборудование. Это потребовало проведения структурной реорганизации отдела, которая была закончена в середине 1991 года, что позволило без увеличения штатов справиться с возросшим объемом работ.

Отдел неплохо оснащен измерительной техникой, позволяющей проводить измерения с высочайшей точностью. Правда, за последние несколько лет из-за отсутствия финансирования снизились темпы замены устаревших приборов. И все же, несмотря на трудности, администрация завода изыскивает средства на приобретение измерительной техники. Так, был заключен контракт с немецкой фирмой на изготовление высокоскоростной, высокоточной, трехкоординатной измерительной машины. Эта машина позволит проводить измерения на совершенно новом уровне, на уровне передовых стран.

Конечно, решение всех задач, поставленных перед отделом, невозможно было бы без слаженного коллектива, уникальных, высококвалифицированных специалистов. Стоит отметить, что на подготовку такого специалиста уходит 10—15 лет.

В настоящее время в отделе успешно трудятся ветераны, проработавшие в коллективе более 25 лет: Тамара Ивановна Жукова, Клара Михайловна Ретинская, Зоя Владимировна Коновалова, Инна Степановна Неклюдова, Владимир Иванович Рябых, Владимир Фомич Мочажов, Александр Сергеевич Устюгов, Ромель Сулейманович Юсупов, Вера Дмитриевна Черемкина, Николай Георгиевич Поляков, Михаил Николаевич Василевский, Светлана Андреевна Черняк, Юрий Георгиевич Лесков, Ирина Борисовна Толмачева, Александр Павлович Семенов и другие.

В коллективе не забыли ушедших на заслуженный отдых и поддерживают с ними отношения. Степан Васильевич Альбуков мог отремонтировать все, что ползало, шевелилось, и подготовил себе прекрасную замену. Андрей Михайлович Носов отлично ремонти-

ровал и был художником в самом широком смысле этого слова. Результаты его труда, как художника-оформителя, фотографа, видны на каждом шагу и в настоящее время. Первым радистом в отделе, отличным специалистом, занимавшимся в свое время развитием телевидения в нашем городе, был Юрий Кузьмич Горских. С уважением вспоминаем и участника Великой Отечественной войны Геннадия Васильевича Немчинова, ремонтировавшего все, что поглощало и создавало электричество.

На смену ветеранам приходят молодые, вчерашние школьники — внуки ушедших на заслуженный отдых. Это на их плечи мы сегодня перекладываем груз проблем и уверены в том, что они, как и их отцы и деды, справятся с новыми задачами, более современными и потому более сложными.

В. АСТАПЕНКОВ

ИНСТРУМЕНТАЛЬЩИКИ

На Приборостроительный я перешел после тринадцати лет работы на заводе п/я № 1 в городе Симе в сентябре 1957 года. Работать начал в должности инженера-конструктора мерительного и режущего инструмента.

В то время в отделе отсутствовала техническая документация по проектированию этого инструмента. У меня сохранились связи по прежней работе. Там удалось достать более 100 нормалей авиационной промышленности, которыми пользуются и сейчас при проектировании мерительного, режущего и вспомогательного инструмента.

Первые годы мы работали вдвоем по проектированию инструмента с Р. Я. Старостиной. За время работы она спроектировала сотни наименований инструмента, в том числе 22 протяжки — наиболее сложный режущий инструмент для протягивания отверстий, пазов и других элементов деталей с высокой точностью. За добросовестный труд Старостина имеет 15 благодарностей.

В 1957 году мною были спроектированы первые ступенчато-стержневые глубиномеры для контроля размеров на сборке 2-го производства. Глубиномеры были опробованы в работе, получили признание и высокую оценку за удобное пользование и контроль размеров с высокой точностью без применения индикаторов.

В апреле 1966 года меня назначили руководителем конструкторской группы.

В конструкторском бюро было разработано более 600 видов "слепышей", выпущены многие стандарты предприятия на все виды оснастки. В 1968—1990 гг. в картотеках хранилось свыше 100 000 наименований оснастки, выпущенной всеми конструкторскими группами. На получение необходимых справок затрачивались считанные секунды. Следует отметить, что за все время моей работы конструкторами группы ни разу не было допущено задержки в проектировании оснастки.

Изготавливали сконструированный нами мерительный и режущий инструмент в цехе 15 высококвалифицированные специалисты. На лекальном участке по 30 лет и более работали М. В. Чепайкин, Г. П. Карлин. Более сорока лет трудятся слесари-лекальщики Н. И. Рыбаков, А. Д. Сотников, гравировщик В. П. Семенов.

Заточку наиболее сложного режущего инструмента выполняли М. А. Елкин, Б. И. Сналин и В. И. Савинков.

Инструмент, изготавливаемый на нашем заводе, превосходит по своим качествам покупной. Изготовлению инструмента уделяется постоянно серьезное внимание.

Освоение изделий со сферическими элементами потребовало нового подхода к методике расчета и проектированию всего комплекса мерительного инструмента в цехах 14 и 24. Расчеты и изготовление инструмента производятся с точностью до 0,001 мм. Не было случаев его нарушения.

Сложные калибры и шаблоны проектируются А. А. Инянковым и П. К. Рассоховым. Инянков работает на заводе более 40 лет, из них более девяти лет работал токарем. Имея большой производственный опыт работы в интрументальном цехе, он находит часто простые и оригинальные решения сложных технических вопросов. П. К. Рассохов также трудится более сорока лет, из них 30 лет на заводе. Таким специалистам доверяется любая ответственная работа. Выпущенные ими чертежи, как правило, не требуют тщательной проверки.

Год от года рос выпуск нашей продукции. Так, в 1979 году было выпущено 829 наименований оснастки; в 1980 г. — 680 чертежей, в 1981 г. — 858 чертежей. Кроме этого, выпускалось от 730 до 900 извещений в год об изменении оснастки, связанных с изменениями техпроцессов, конструкторской документации и с другими причина-

ми. В напряженные годы работы группой выпускались в месяц до 400 карточек с исполнительными размерами гладких скоб и калибров.

В 1974 году появился новый вид работы — трафареты для фотохимического печатания. Как правило, они выполнялись на ватмане с высокой точностью инженером-конструктором Ю. Г. Рыжовым. Немало трудностей пришлось испытать с этими трафаретами. После хранения чертежей в архиве с обычной температурой происходила их усадка: менялись форма и размеры изображения. При повторных заказах приходилось чертежи переделывать. В настоящее время эта работа выполняется с помощью чертежно-графического аппарата "Бенсон".

После моего ухода на пенсию, руководителем конструкторской группы мерительного и режущего инструмента был назначен П. К. Рассохов. В настоящее время в группе работает 8 человек. Ими руководит Н. Е. Вышегородцев.

А. ШИЛОВ

ГОТОВНОСТЬ "К УТРУ"

В апреле 1955 года меня назначили начальником инструментального цеха 105. Первые годы работы инструментального запомнились дружной и ответственной работой. Нам приходилось выполнять плановые задания, а больше неплановые — срочные задания. Официальный пуск завода считается с августа 1955 года, а мы, инструментальщики, уже в рабочем ритме работали значительно раньше. Тогда для цеха вся продукция была новой. Коллектив цеха сложился из небольшой группы опытных рабочих-инструментальщиков, получивших опыт на других заводах. Плюс большой группы молодых рабочих, приехавших к нам после окончания ремесленных училищ, и ИТР — выпускников техникумов и институтов. Причем география учебных заведений, направивших нам кадры, была очень широкой: Москва, Ленинград, Свердловск, Челябинск, Уфа, Казань и др. Опытные рабочие задавали тон, делились опытом с молодыми рабочими: токари — Закей Кадиков, Матвей Неволин, Евгений Ланин, Александр Воробьев, Борис Соколов, Геннадий Махетов; слесари — А. Шафиков, Анатолий Сотников, Михаил Чапайкин, Григорий Степанов, Петр Гужа-

вин, доводчики — Владимир Лимонов, Федор Алексейников. Среди ИТР выделялись Владимир Яковлевич Шарандо, Иван Дмитриевич Черноскутов, Иван Сергеевич Кондаков, Анатолий Игнатьевич Шапин, Дмитрий Петрович Жеребин.

Коллектив подобрался творческий, проявляющий ответственность к порученному делу и интерес ко всему новому, к освоению новейших технологий по изготовлению различного инструмента, приспособлений, пресс-форм, штампов.

Для инструментального цеха характерно, что продукция заказывается штучная или малыми партиями. Для выполнения таких заказов постоянно требуется творческий поиск, умение найти правильное решение, поэтому зачастую технологический процесс создается совместно технологом, мастером и рабочим. Такая обстановка сближает рабочих и ИТР, делает их единомышленниками. Выдумка требуется от всех.

Нельзя сказать, что штучная работа нравилась всем. Тех, кому это было не по душе, мы отпускали в другие цеха завода. Оставались только те, кто не боялся требований высокой точности, кто находил в этом личный интерес. Люди быстро росли как специалисты, набирались высокой квалификации, среди ИТР выросло много хороших организаторов производства.

Наш завод в августе 1955 года приступил к выпуску основной продукции, в каждом цехе шло освоение специзделий. Инструментальщики должны были опережать и не задерживать выпуск оснастки для основных цехов. А иногда приходилось изготавливать не только оснастку, а и сами изделия. Так было и со знаменитыми кулачками. Изготовление основных изделий случалось тогда, когда в основных цехах не хватало у рабочих мастерства, чтобы выполнить работу своими силами. И тогда инструментальщики, имея более высокую квалификацию рабочих, подстраховывали рабочих основных цехов.

Директор завода и главный инженер часто заходили в цех. И для нас, инструментальщиков, было привычным слышать от них команды типа "изготовить к утру". Это значило, что надо было не думать о конце смены, а работать столько, сколько надо, чтобы выполнить задание и утром отчитаться. В связи с такой обстановкой некоторые рабочие не выходили из цеха по нескольку дней. Но мы даже не допускали мысли, что можно не выполнить приказ руководства завода.

В те годы инструментальный цех славился не только производственными делами. Молодежный состав цеха обеспечивал постоянный и прочный авторитет цеху как коллектива спортивного, участвовавшего и часто побеждавшего во многих видах спорта, культивирующихся на заводе. В проводившейся ежегодной заводской спартакиаде цеховые спортсмены боролись всегда только за первое место и очень часто становились победителями спартакиады.

Начальником цеха я проработал до 1963 года. После меня был назначен Виктор Николаевич Проскурин, а затем Александр Петрович Шлыков, который работает в этой должности и до сих пор.

К 1971 году в цехе был пущен механизированный склад заготовок, проведена реконструкция помещения, значительно повысилась культура производства. На заводскую доску Почета занесены портреты расточника Владимира Матвеева, шлифовщицы Нины Овчинниковой, фрезеровщика Василия Нефедова. Так же по-ударному трудились фрезеровщик Леонид Тетерин, токарь — кавалер ордена Ленина Александр Воробьев, слесарь-инструментальщик Анатолий Дмитриевич Сотников, распределитель работ Мария Савельевна Гуляева.

Работники продолжали изыскивать резервы производства и за 1970 год подали 27 рационализаторских предложений, 8 из них внедрены в производство и дали экономию 10 тысяч рублей. Предложение В. Я. Шарандо дало экономию 3 тысячи рублей.

В апреле 1971 года Анатолию Дмитриевичу Сотникову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Авторитет инструментального цеха продолжал из года в год расти.

Н. ДОБРЫНИН

ПРЕССОВЩИКИ

После окончания Челябинского политехнического института в августе 1954 года назначили меня на должность инженера-технолога цеха нормалей, а так как цех еще не действовал, поручили курировать строительство здания 109.

8 августа я в первый раз пришел на завод. Лестницы перед

10 Заказ 2236

мостом еще не было, и спуск по откосу совершали с притормаживанием, опираясь на толстую палку. В здании 109 проводились отделочные работы, крыша была. Оборудование еще не устанавливали, только в цехе пластмасс стояло пять гидравлических прессов.

В конце года я был послан в Златоуст, а затем в Челябинск на стажировку. В декабре я уже был начальником прессового участка. Я было возражал, ссылаясь на то, что не имею специальности по пластмассам. Константин Арсеньевич улыбнулся и сказал, что пропустили такую специальность при заявке, но ко мне присматривались и решили, что справлюсь. Пришлось согласиться.

На участке были установлены только гидравлические прессы. Чтобы получить продукцию, еще надо сделать подводку рабочей жидкости, разработать конструкции и изготовить нагревательные плиты, решить ряд вопросов технологического характера, и главное — нужны прессовщики. Пришлось самому проектировать разводку трубопроводов и делать чертежи баков для жидкости, конструировать нагревательные плиты и размещать заказы на их изготовление и монтаж. Пришлось день и ночь изучать всю имеющуюся техническую литературу по переработке пластмасс.

В начале 1955 года я и мастер А. И. Гузеев знакомились две недели с изготовлением деталей из пластмасс и резины на одном из заводов в Москве. К сожалению, литейный участок здесь обслуживал лишь опытное производство и применял отсталые технологические процессы. Мы взяли их за образец, о чем потом сожалели.

Лето прошло в подготовительных работах. На участке появились первые рабочие. Ждали окончания монтажных работ и оснащения прессов устройствами и приспособлениями. Получали пресс-формы, изготовленные для завода на других предприятиях. Начало работ намечалось на октябрь.

С 1 августа завод приступил к сборке первых изделий. Комплектующие детали из пластмасс и резины закупили на смежных предприятиях. И вдруг в середине августа стало известно, что забраковали всю партию деталей из пластмассы К-21-22. Попытались закупить эти детали на других предприятиях, но не удалось. План завода был под угрозой. Оказалось, что как раз пресс-форму на эту деталь и пресс-порошок уже поступили, и директор приказал начать прессование деталей. И начался аврал. Доделывали и монтиро-

вали трубопроводы, заливали эмульсию в бак, собирали и подключали нагревательные плиты, отмывали от смазки пресс-форму...

15 августа вроде бы все было готово, только пресс не был испытан и не было прессовщиков. Пришлось за рычаг управления взяться самому. Начал гонять траверсу пресса, проверять пресс на давление, а в это время грелась тут же между плитами пресс-форма. Температуру плит и пресс-формы определяли по плавлению химических веществ, что сейчас, конечно, кажется смешным.

Наконец пресс-форма нагрелась, насыпали пресс-порошок и запрессовали первую деталь. Все присутствующие с нетерпением ждали результата. Время выдержки закончилось, пресс-форму сняли с плиты и разобрали. И вот чудо — деталь получилась. Ее, еще тепленькую, бегом понесли в кабинет К. А. Володина. Директор остался доволен, а зря.

Назавтра дело не пошло. Пошел сплошной брак. Мы и технологи возились целый день и только к ночи получили хорошую деталь. Тогда разделились на две смены и, работая непрерывно по 12 часов, все же выдали нужное количество деталей для плана. Начальником участка пластмасс я работал до 1960 года. Это был период непрерывного освоения новых изделий и новых материалов. Так, пришлось осваивать изготовление блоков фидеров. В цехе 13 на участке А. В. Карпушкина делали заготовки, которые надо было завулканизировать специальной резиной. Правильность вулканизации проверялась на рентгеновских снимках. Из годных фидеров на участке Карпушкина собирали блоки, которые мы вновь вулканизировали. Фидера и блоки из цеха на участок пластмасс и в цех 14, где была рентгеноустановка, переносили в чемоданах. Заказ был большой, чемоданы переносились постоянно, работал как бы ручной конвейер. Нас с Карпушкиным тогда назвали "братьями". Мы и сейчас также именуем друг друга.

Много забот доставили нам требования по хранению пресс-материала. По проекту специальных помещений для этой цели не было, пришлось приспосабливаться. Нужную влажность в складах поддерживали, наливая воду на пол.

Нагревательные плиты на прессах, без которых невозможно вести изготовление деталей пластмасс, в первое время нагревались спиралями, затем "тэнами", и только потом мы дошли до нагрева индукцией. Первые плиты часто выходили из строя, а чтобы переставить плиту и вновь нагреть до нужной температуры, требовалось

много времени. Сейчас, конечно, покажется смешным то, что когда-то температуру плиты и пресс-формы определяли на плевок. Температура вначале определялась по точке плавления различных химикатов. Затем поставили ртутные термометры. То и другое было неудобно. Так, химикаты надо было часто подсыпать, а термометры поставили с задней стороны плит, т. к. если их поставить спереди, то они мешали в работе. Бегать каждый раз кругом пресса тоже накладно. Мы и навострились по кипению плевка определять температуру металла, а термометры нужны были для контроля. Разницу в 5 градусов улавливали.

Объем работы все увеличивался, и имеющегося оборудования было недостаточно, хотя работал участок в три смены, а в каждой смене первоначально было по два человека. Каждый из прессовщиков работал на двух-трех прессах. Стал я просить добавить оборудования. Через некоторое время получил 100-тонный пресс, а затем меня направили в Главк договориться о поставке на завод импортных прессов. Там нам предложили 45-тонные прессы из Чехословакии. Затем получили специальные прессы на 150, 160, 400 тонн.

У нас часто ломались пресс-формы и загрузочные камеры. В восполнение потерь шли заказы в инструментальный цех на изготовление новых. Пресс-формы и загрузочные камеры продолжали ломаться. Пришлось ставить ограждения, чтобы частью разломившейся загрузочной камеры не травмировало рабочего. Однажды я заказал и получил большую партию загрузочных камер и поставил их на стол. Вскоре приходит главный инженер Потапов и стал меня упрекать, что мы неправильно эксплуатируем и ломаем инструмент. Почти весь инструментальный цех вынужден работать на наш участок. Подошли к столу, где находились загрузочные камеры. Стоим, разговариваем и вдруг слышим резкий металлический звук. "Что такое?"— спросил Александр Георгиевич. Я посмотрел на камеры и увидел, что одна из них лопнула вдоль на две равные половинки. "Ну вот,—говорю,—камеры лопаются от звука голосов!" Александр Георгиевич взял половинку камеры и—в инструментальный цех. Что он там говорил, не знаю, но вскоре камеры стали изготовлять из других марок стали, с применением цементации, и поломки прекратились.

В. ПОНОМАРЕВ

"БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ..."

В середине октября 1954 года мы со слесарем-инструментальщиком Геннадием Стариковым приехали в «Хозяйство Володина" из Свердловска-45, где я работал с 1949 года цеховым диспетчером, токарем, мастером, старшим инженером-нормировщиком. В истории двух родственных заводов — "Электрохимприбора" (Свердловск-45, ныне "Лесной") и нашего Приборостроительного много общего. Оба начинали строиться в глухом лесу, с ноля, с величайшей ответственностью за быстрейшее изготовление так необходимого Родине оружия. По продукции также родство.

Заночевав на Юрюзанском вокзале, пошли пешком искать "хозяйство". На половине пути нас догнала полуторка и подбросила до места. Выгрузившись и оглядевшись, увидели чуть заметную проселочную дорожку, перегороженную жердочкой-шлагбаумом, а вокруг — никого. Решили: нам сюда!

Жил я вначале в Юрюзани на квартире и ходил на работу пешком через пруд и лес, напрямую. Зима выдалась бесснежной и очень холодной, мороз в некоторые дни достигал 49 градусов. По острым кочкам мерзлой земли проносил я до дыр новые валенки.

Я был назначен старшим мастером в цех 105, здание которого достраивалось. Одновременно под руководством бригадира-технолога Е. В. Старостина производилась доставка и установка станков. Первое время я писал технологии-маршрутки в техбюро. Кабинетом нам служила бытовка с голыми кирпичными стенами, с наспех сколоченными столом и скамейками.

Вначале начальники цеха задерживались на посту недолго. Постоянство пришло при Н. П. Добрынине. Он прививал подчиненным самостоятельность и инициативу, с обязательной отчетностью о проделанной работе. Г. И. Тихонов поощрял спортивные мероприятия. Часто устраивались межучастковые турниры по футболу, волейболу, хоккею, городкам, шахматам и шашкам. Первым чемпионом нашего города по шахматам был наш Анатолий Мельников. Никакой игровой формы не было, играли, в чем приходили на работу. К примеру, при игре в футбол я с лета сильно ударил по воротам, но... Мой ботинок полетел в ворота, а мяч остался на месте.

Добрынин и его зам., Тихонов, сформировали сильный коллектив, которому любые труднейшие задания были по плечу. Правда, были и неудачи.

Участок Мельникова заканчивал изготовление месячной партии лекальных тисков — значительная доля месячного плана. Контролер все тиски забраковал — нет прямого угла. Поблизости крутился наш ас — шлифовщик Алексей Лисун, поглядывая на тиски то с одной стороны, то с другой.

Мельников спрашивает его:

— Алексей, возьмешься?

— Можно попробовать.

— А если конкретнее?

— Берусь, — твердо ответил шлифовщик.

Заложив руки за спину, всю смену ходил он по цеху, останавливаясь то возле плоскошлифовальных станков, то вообще посреди цеха, ни на кого не глядя и никого не замечая. Волнуясь, Анатолий Матвеевич несколько раз спрашивал его:

— Лисун, что не начинаешь?

— Отстань, я думаю...

Смена кончилась. Все ушли домой. Только тогда Лисун включил плоскошлифовальные станки, выверил плоскость поверхностей, отрегулировал длину хода столов и начал работать одновременно на всех. Утром первого числа контролер Григорьев не обнаружил ни малейшего отклонения от прямоугольности плоскостей тисков. Выполнение программы было спасено.

Трудно поверить, но такой вот фокусник был Лисун. Но великий секретник! Чтобы что-то кому-то о своих тайнах мастерства... По технологичности (у него была своя технология обработки почти всех сложных деталей), по организации труда, а в конечном итоге, по культуре производства Лисун был впереди своих современников на целую эпоху. Он никогда не интересовался нормами, так как любая норма перевыполнялась им в несколько раз. К технологам заходил часто, чтобы показать изменение технологии или конструкции детали для достижения большей точности обработки и уменьшения времени на изготовление. "Надо оформить рацпредложение", — предлагал технолог. "Оформляй, если тебе надо", — отвечал Лисун. Большинство успехов этого самородка зависело от большого количества уникальных приспособлений, которые он привез с собой. Вот какой интересный человек работал в пятидесятых годах у нас в цехе 105. Но, к сожалению, очень мало.

Еще об одном из ряда вон выходящем случае. Геннадий Стариков изготовил большой штамп для вырубки сложной детали. ОТК

принимал любой штамп только с приложением вырубленной на нем детали. Мне было разрешено испытывать штампы на 25-тонном прессе цеха 25. Предварительно вырубив форму детали из бумаги, мы штамп весом около 50 кг погрузили на тележку, привезли и поставили на стол пресса, и Гена стал его настраивать. Он уже несколько штампов испытал самостоятельно, поэтому я ему полностью доверял. Мне в это время механик давал какие-то указания по эксплуатации пресса.

Вдруг я услышал скрежет, грохот... И все стихло. Оправившись от шока в этой страшной тишине, я подбежал к прессу. Побледневший Гена был жив-здоров, но бледен как полотно и не мог вымолвить ни слова. От волнения за штамп (полтора месяца работы) он забыл установить нижнее положение ползуна пресса, достаточное для вырубки детали, и нажал на кнопки. Матрица штампа врезалась в стол и разворотила его. Когда Гена смог говорить, заикаясь, слегка картавя, медленно произнес: "Штамп жалко".

Чтобы не сорвать заводской программы, Геннадий неделю с лишним днем и ночью работал над новым штампом, засыпая под утро на 2—3 часа прямо на верстаке или стульях. И не сорвал! Да, были люди в наше время!

В сентябре 1962 года я был назначен на должность старшего инженера-нормировщика в цех 20. Начальником цеха назначили нашего Тихонова. Он применял те же методы руководства, что и в инструментальном цехе, по летучей пословице "Спорт и труд — рядом идут". Ту же линию держали его заместители А. М. Гончаров и Л. М. Иванов. Он сам играл в хоккей в цеховой и заводской командах. И здесь Тихонов с Ивановым создали дружный, мастеровой коллектив. Старший мастер по изготовлению нижней части основной тары ("саней") И. Н. Сорокин, мастера И. А. Клемешов, И. И. Дмитрук, Г. Н. Иванов и А. Я. Соловьев, старший мастер по изготовлению тележек и стендов для транспортировки и хранения основной продукции А. В. Суханов, бригадиры А. Н. Бочков, В. П. Семенов, А. Е. Рыбников высоко держали рабочую марку.

С первых месяцев работы цех взял твердый курс на внедрение прогрессивных приемов и методов труда, а также различных приспособлений, способствующих повышению производительности труда, улучшению качества выпускаемой цехом продукции. Сделана подвесная дорога в дробеструйном и малярном отделениях, кото-

рая позволила легко и быстро передвигать заготовки и сборки. Были сделаны удобные и легкие транспортировочные тележки и первые инструментальные тумбочки, сконструированы и изготовлены универсальный трубогиб, универсальная машина для гибки фасонного проката типа уголков, швеллеров и т. п., пресс для рихтовки сварных конструкций. Внедрена сварка в среде углекислого газа, позволившая избежать брызг от сварки и сократить время подготовки сборок под покраску и гальванопокрытие. Электросварщики сделали шаблон-линейку для выполнения прерывистой сварки — ликвидирована разметка. Зачистка резины перед клейкой, производившаяся абразивными кругами, стала производиться дробью в дробеструйной камере, время зачистки сократилось в несколько раз.

В конце концов цех встал в ряд ведущих подразделений завода по внедрению высокопроизводительных методов труда. Не случайно, что из цеха 20 вышли такие видные руководители заводского и городского масштаба, как В. В. Кузнецов — заместитель директора по кадрам, Л. М. Иванов — заместитель главы администрации города, А. В. Машаров — начальник ООТиЗа, А. Т. Волков — начальник цеха 28, А. М. Гончаров и А. А. Фролов — начальники цеха 20, В. П. Яковлев и многие другие.

И. КОНДАКОВ

ЛИТЕЙЩИКИ

Литейный участок был организован в 1955 году. Чтобы разгрузить механические цехи, было принято решение организовать участок точного литья из двух отделений: плавильное и выплавляемых моделей.

Первыми отливками были так называемые "пики" из ЛК80-3Л. Изготавливались они методом литья по выплавляемым моделям. Первым литьем в песчаные формы были чугунные плиты. К концу 1959 года цех уже выпускал 20 тонн литья по выплавляемым моделям. С введением в строй инструментального цеха резко увеличивается номенклатура литья. В 1960 году уже отливалось около 100 наименований отливок, около 50 тонн литья.

Сегодня цех состоит из шести отделений: выплавляемых моде-

лей, формовочно-обсыпное, плавильное, формовочное, цветного литья, обрубное. Запрессовка моделей производится на пневматическом прессе. Охлаждение пресс-форм — на карусельной установке с душирующим устройством, которое легко регулируется. Извлеченные из пресс-форм модели охлаждаются в подкисленной воде, находящейся в кольцевой ванне. Для исключения коробления моделей при высокой температуре в шкафу, где они хранятся, установлено секционное водяное охлаждение.

В 1964 году ручное приготовление покрытия заменено самым современным способом — совмещенным методом гидролиза, который резко улучшил условия труда, уменьшил расход этилсиликата в 1,5 раза. В 1965—1968 годах в цехе внедряется новое оборудование и техпроцессы: паровые термостаты вместо водяных, дробильная установка для модельной смеси, регенерация модельной смеси, паровое сушило для сушки песка.

За 1970—1979 годы освоены новые технологические процессы. В том числе раскисление стали ферросилицием, что дало резкое сокращение брака стальных отливок, и процесс получения керамического покрытия на основе зернового шамота, что позволило значительно повысить производительность труда, а также коренным образом улучшить условия труда плавильщиков. Тогда же были внедрены линия выплавления и регенерации модельного состава, новые плавильные печи, автоматическая установка по приготовлению расплава модельного состава и установка шнекового типа для приготовления стержневой смеси.

С 1969 года наше предприятие становится головным в Главке по литью по выплавляемым моделям. Предприятие регулярно участвует в межотраслевых выставках "Сетунь".

Л. МИРОШНИК

"ГАЛЬВАНИКА НА ЗАВОДЕ ОДНА..."

В1954 году создается участок гальванопокрытий под началом В. А. Обысова. Он имел опыт со знаменитой на весь мир Златоустовской гравюрой на стали.

В 1957 году гальванический участок выделился из состава цеха 101 и 20 мая 1957 года его возглавил Герман Федорович Чащихин,

приехавший из Златоуста. Это был настоящий уральский "самородок". После, когда он стал работать самостоятельно с металлом и уральскими камнями, какие замечательные художественные изделия выходили из его рук. Травление по металлу прославило его. Он делал сабли и кинжалы, таблички к памятным адресам и т. д. для многих выдающихся людей страны: Д. Ф. Устинова, Ю. В. Адропова, А. А. Гречко, Ю. Б. Харитона. Много лет Приборостроительный завод выпускает по его эскизам сувенирные топорики.

В 1959—1961 годах на гальваническом участке освоены процессы гальванопокрытий: цинкование, анодирование, меднение, серебрение, оксидирование. В апреле 1960 года пущено в эксплуатацию гальваническое отделение, начальником назначается В. П. Гончарук. Участок был в ведении цеха 20.

В июне 1964 года образован цех 29, в состав которого вошли гальванические, окрасочный и дробеструйный участки. Начальником цеха назначен В. П. Корольков. В марте 1965 года начальником цеха назначается В. П. Гончарук.

В 1964—1966 годах произведена реконструкция основного участка гальванопокрытий в здании 101, внедряются пульты управления генераторами постоянного тока на гальванические ванны и системы регулирования тока, внедряются барабаны для покрытия мелких деталей. Реконструирован лакокрасочный участок здания 106, внедрены конвейер подачи деталей, терморадиационная камера сушки деталей, вместо паровой сушки. В 1966—1969 годах проведена реконструкция гальванического участка здания 418.

В 60-х годах промышленность страны переходила на печатный монтаж электроаппаратуры, на нашем предприятии печатные платы не изготавливались, а жизнь уже этого требовала. Руководство завода решило освоить производство печатных плат, и в 1975 году был смонтирован и введен в эксплуатацию опытный участок фотохимии в здании 418. Для размещения участка было выделено подсобное помещение на гальваническом участке. Технологическое оборудование спроектировали и изготовили по техническим заданиям цеха отделом новой техники под руководством В. Ф. Соболева. На участке разместили опытный гальванический блок ванн лабораторного типа для изготовления печатных плат, блок химической подготовки проявления и окрашивания, получения рисунка и надписей на деталях фотохимическим методом (это фирменные ярлыки, бирки, плоские панели), установку экспонирования рисунка на повер-

хность деталей и окрасочную камеру для покрытия лаком изображения и надписей на деталях. На участке отрабатывали технологию изготовления печатных плат.

За год опытной отработки технологии печатных плат специалисты набрались опыта и знаний, убедились, что разъединять фотохимические операции от механических нельзя, технология должна быть единой и непрерывной, а для этого необходимы производственные площади. В сентябре 1976 года закончилось строительство нового участка окраски в здании 159. Освободившиеся площади в здании 106 решили реконструировать под производство печатных плат. Вновь введенный окрасочный участок был гордостью цеха, его постоянно посещали делегации всех уровней, командированные специалисты с других предприятий министерства. На участке было установлено современное окрасочное оборудование. Культура и чистота участка поражали посетителей. Коллектив участка, возглавляемый мастерами И. П. Горбачевым, а затем Ф. М. Тлявсиным, быстро освоил оборудование и технологию нанесения покрытия. Качество выпускаемой продукции постоянно соответствовало требованиям технических условий на высоком уровне.

В июле — августе 1977 года запустили в эксплуатацию промышленный участок изготовления плат в здании 106. В течение 1977—1978 годов провели набор молодых гальваников — выпускников школ города. Было принято более 30 человек. По инициативе директора Потапова организовали их учебу в Свердловске на Уральском электромеханическом заводе "333". Этот коллектив, в основном, сохранился до настоящего времени. Молодые труженики стали специалистами высокого класса — это гальваники по изготовлению печатных плат: Н. Н. Лопатинская, Ф. Т. Ялаева, Н. В. Шскунова, С. В. Пузанова, Л. Д. Маркова и др., слесарь по обработке печатных плат Е. Ю. Козлов, технолог В. Л. Сулимова, фотографы прецизионной фотолитографии В. Ф. Сергеев, Е. В. Сотников, мастера В. В. Сотникова, Г. И. Полуян, начальник участка Н. Н. Пересыпкин.

Узким местом на заводе было проектирование и изготовление фотошаблонов для печатных плат. Оборудования для этих операций на заводе не было. До приобретения в 1981 году автоматизированного рабочего места "Квест" и фотопостроителя "ЕММА-80" фотошаблоны мы заказывали как техоснастку и готовили совместно с нашими людьми на участке печатных плат электромеханического завода "333". И учились, и набирались опыта, и делали шаблоны.

Подготовили своих координатографистов: Володю Марсаутова, Светлану Решетову, Татьяну Попову, Татьяну Вихареву.

В Свердловске мы делали фотошаблоны на первые автоматизированные системы, изготавливаемые нашим заводом для атомных электростанций. На последующие системы для атомной энергетики изготавливали фотошаблоны в Московском проектном институте "СНИИП", который проектировал автоматизированные системы для контроля радиационной безопасности на атомных станциях и системы автоматизированного контроля технологических параметров на реакторах. Мне периодически приходилось "сидеть" в институте и "выбивать" фотошаблоны.

С окончанием строительных работ в здании 106 установили фотокамеру на раме модернизированной установки ксерокопии "Эра". Из-за несовершенства конструкции модернизированной фотоустановки не всегда на двусторонних платах можно было получить совмещение правого и левого слоев. Техническим руководителем стал сам директор Потапов. Сначала получили от него хороший "разнос" за незнание фотопрецизионной фотолитографии и, вообще, фотодела. Александр Георгиевич собрал заводских фотографов-профессионалов, послушал их советы и убедился, что получить пейзаж, портрет на фотографии и схему печатной платы с жесткими геометрическими размерами не одно и то же. Занимаясь несколько дней непосредственно в фотокомнате в цехе, Александр Георгиевич убедился в несовершенстве конструкции установки. Провели вторичную модернизацию установки специалисты главного механика, приобрели импортную фотопленку. Цех работал, но качество фотошаблонов при такой технологии на двусторонних платах достигал не всегда. Со временем приобрели импортную фотокамеру "КЛИМШ", автоматизированное рабочее место "КВЕСТ", фотографопостроитель "ЕММВ-80". Только тогда дело пошло.

Вся аппаратура для контроля радиационной обстановки для атомных станций, изготовленная на нашем предприятии, монтируется на наших печатных платах. Пришлось коллективу нашего цеха оказывать помощь в изготовлении печатных плат и для сборочного производства Катав-Ивановского приборостроительного завода.

В 1978 году произведена реконструкция гальванических участков зданий 101, 418. Взамен генераторов постоянного тока перешли на питание электрохимических ванн от современных выпря-

мительных агрегатов типа ВАКР1, реконструировали вентиляционные системы, стены облицевали плиткой.

В 1982—1985 годах совместно с ВНИИТФ Снежинска отработали технологию свинцевания кожухов переменной толщины свинцового слоя, организовали участок свинцевания, внедрили технологию для серийного изготовления деталей.

В 1979—1985 годах мы участвовали в строительстве нового здания гальванического цеха. Коллектив цеха участвовал в разработке технологической планировки здания, подборе оборудования и т. д. Здание 157 стало гордостью цеха. Увы, промышленные пролеты стоят в неоконченном состоянии до сих пор.

В апреле 1986 года меня назначили начальником цеха 29.

Давно уже продукция цеха известна и за пределами завода. Коллектив цеха участвовал в выпуске многочисленных значков, медалей, а также в отделке интерьеров Дворца культуры "Икар".

Над городом эффектно красуется водонапорная башня с шаровидным резервуаром наверху, видимая со многих точек города и окрестностей. Резервуар облицован блестящим, серо-белым металлом — это листовой алюминий, прошедший полировку гальваническим методом в нашем цехе. От блестящей поверхности резервуара отражаются тепловые лучи, и все выглядит красиво.

В стенах нашего цеха рождалась "Богиня Ника" — богиня победы и орден Победы, которые установлены в городском парке. Инициатором изготовления "Богини Ники" был директор завода Потапов. Все наши предложения обсуждались совместно и в цехе, и в его рабочем кабинете. Его консультантами были Г. Ф. Чащихин и Д. Г. Телегина. По любому возникающему вопросу, который невозможно было решить в цехе, он тут же приглашал к себе в кабинет. По междугородному телефону, а его соединяли быстро, можно было разговаривать с Ленинградскими морскими реставрационными мастерскими, Московским Художественным фондом и обсуждать любую трудность. Он знал, видимо, лично реставраторов, скульпторов, архитекторов, называл их по имени-отчеству и разговаривал как с близкими знакомыми. И возникающие трудности решались. А изготовление частей "Богини Ники" продолжалось. Несколько месяцев шло наращивание меди микрон за микроном на гипсовые фрагменты. Трудностей было очень много: и организационных, и технических — разваливалась в электролите гипсовая основа фрагментов статуи, плохая электропроводность слоя на гипсовой основе

и другие. Но несмотря на все трудности, задание директора коллектив цеха выполнил.

Наставления Потапова остались в моей памяти на всю мою трудовую деятельность. Его слова: "Гальваника на предприятии одна, а механических цехов и станков много. Детали и узлы в цехах планируют, изготавливают в течение квартала, года, а поступили детали в гальванику, все равно потребуют изготовить "к утру". Потому, что гальваническая операция последняя перед сборкой и производство будет добиваться быстрого выполнения. Поэтому все системы гальванического производства: вентиляция, энергообеспечение, гальваническое оборудование должны быть постоянно в рабочем состоянии. Заботиться о специалистах, беречь их, других быстро не найдешь и не подготовишь. Одна из твоих задач поддерживать все системы гальванического производства в рабочем состоянии, заботиться о людях. Вопросы по неполадкам, аварийное состояние, которые невозможно устранить службам цеха, должны быть немедленно поставлены перед руководством соответствующих служб предприятия для их устранения". Он отлично разбирался в гальваническом производстве и цеху постоянно оказывал действенную помощь.

В 1983—1986 годах ввели в эксплуатацию установки "Нейтро" швейцарского производства по нейтрализации сточных вод гальванического производства сначала в здании 418, затем в здании 101. Установки работали в автоматическом режиме обезвреживания хромосодержащих, цианосодержащих и кислотно-щелочных сточных вод. Частично был решен вопрос по очистке сточных вод. Необходимо было решить вопрос с утилизацией отработанных электролитов, содержащих букет тяжелых металлов.

В 1992 году в цехе закончили монтаж установки обезвреживания гальванических отходов методом ферритизации, которая перерабатывает отходы. Это позволило снять большие проблемы по их утилизации. Но задача по переработке решена не до конца. Требуется утилизация полученного ферритного осадка и промывных вод. Над этим сейчас работают службы завода и цеха.

В начале 1996 года в задание цеха включается электрохимическая полировка нержавеющих листов для покрытия купола Храма Христа Спасителя в Москве, с последующим золочением их на малом предприятии "Конверсия". К полированной поверхности предъявлены специальные требования по зеркальности и отражательной способности металла после полировки. Постоянный оперативный

контроль за выпуском продукции проводил технический директор А. Д. Попов. Коллектив цеха своевременно справился с освоением технологии полировки.

В июне 1996 года готовим мероприятия по подготовке производства, совместной с ВНИИТФ Снежинска, по отработке технологии нанесения свинца гальваническим методом на детали из титана.

В середине 1996 года в цехе работало 180 человек. Производственные участки расположены в пяти зданиях. В здании 418 действует гальваническое отделение, предназначенное для обработки крупногабаритных деталей и сборок. В здании 159 — отделение для окраски деталей и сборок приборного производства. В здании 106 действует отделение по производству печатных плат. В здании 111 организовано производство по очистке деталей, заготовок, отливок от окалины и коррозии шлифовальным зерном и металлической дробью. В здании 101 действует гальваническое отделение по обработке деталей приборного производства.

За сравнительно небольшую историю в цехе внедрены и действуют уникальные технологии по нанесению металлических и неметаллических защитных и защитно-декоративных покрытий, получаемых методами электролитического осаждения металлов и сплавов, а также химическим и электрохимическими методами получения покрытий на деталях и сборках, изготовленных из стальных и цветных сплавов и титана. Освоено цинкование, кадмирование, хромирование, никелирование, лужение, свинцевание, нанесение драгоценных металлов — серебра и палладия, нанесение сплавов — "олово-висмут", "олово-свинец", нанесение никеля на сплавы из алюминия, титана и стали, оксидирование и фосфотирование сталей, оксидирование магниевых сплавов, электрохимическое анодное оксидирование алюминия и его сплавов с последующим окрашиванием в желто-лимонный, черный, красный и естественный цвета. Производится также получение на алюминиевых сплавах защитной электропроводной оксидно-фторидной пленки, электрохимическое и химическое полирование нержавеющих сталей, алюминиевых сплавов, мельхиора, химическое и электрохимическое травление медных сплавов и их пассивирование. Внедрена технология нанесения фторопласта в электростатическом поле на технологическую оснастку. Данное покрытие стойко в агрессивных химических средах. Применяется технология окраски деталей всевозможными эмалями и лаками; меднение, серебрение и никелирова-

ние деталей, изготовленных из платины, покрытой вольфрамом ионоплазменным методом.

Дружный, сплоченный коллектив цеха настроен на выполнение любых производственно-технологических задач, поставленных перед нами руководством предприятия.

В. ГРИГОРЬЕВ

"ВРАЧИ" ЗАВОДСКОЙ ТЕХНИКИ

Первым начальником ремонтно-механического цеха с октября 1953 года был В. С. Комаров. В разное время начальниками цехов были П. А. Кузнецов (впоследствии главный технолог), Г. П. Лукьянов, Г. С. Щеголев, В. С. Удачин, П. Н. Козолупенко, Ю. В. Минаев, И. Д. Полуэктов, Ф. Х. Харисов.

Основной задачей ремонтной службы в первые годы было установить оборудование. Комплектование цеха проводилось в основном выпускниками ремесленных училищ. Я поступил в отдел главного механика (ОГМ) в 1960 году.

В 1960—1965 годах цех занимался изготовлением запасных частей, средним ремонтом оборудования цехов 11, 15, 25 и капитальным ремонтом оборудования цехов 46, 47, башенных кранов строительных участков.

Кроме ремонта оборудования, занимались изготовлением нестандартного оборудования.

В середине 60-х годов цех принимал участие в сдаче здания 207б: смонтированы подкрановые пути, изготовлен и пущен в эксплуатацию конвейер. И в последующие годы проводились большие работы по оснащению Второго производства и его механизации. При сдаче здания 221 были смонтированы два тележечных и два роторных конвейера. Для здания 725 были изготовлены три конвейера и два механизированных привода и много других крупногабаритных сложных установок (механизированный стеллаж, специальные кабины и др.).

В 1968 году пущен в эксплуатацию уникальный механизированный склад для производственного отдела. В те годы в стране аналогичных складов было изготовлено единицы. Сложность состояла в том, что допуск на изготовление металлоконструкций составлял +1 мм.

Очень трудно было выдержать его. Большую смекалку проявили электрогазосварщики В. И. Вилков, Н. В. Ефремов, А. А. Первухин, слесари В. И. Зеленцов, И. И. Гришин, А. Т. Тагачин, Н. К. Вишняков, Н. И. Пьянов во главе с мастером А. А. Евменьевым. Не менее сложный склад изготовили для цеха 28. Здесь большая заслуга слесаря И. И. Гришина, электрогазосварщика Н. В. Ефремова.

Много конвейеров было изготовлено для "малярки" 159 здания.

Самое сложное — это ремонт оборудования. Работая начальником цеха, я убедился, что молодые быстрее осваивают профессию слесаря механосборочных работ, затем профессию станочника и самое сложное — слесаря-ремонтника. Некоторые слесари проработали 20—30 лет, но так и не научились ремонтировать.

В далекие 60-е годы в цехе 19 было только четыре слесаря, имеющих опыт работы: П. Е. Дериглазов, И. Д. Баранов, Н. А. Пыченков и И. Л. Власов. Трудную работу по доводке шпинделей выполняли токари В. В. Плишкин и Н. С. Варганов.

В настоящее время нелегкую ношу несут механики цехов В. В. Медведев, В. И. Киселев, Г. И. Шекунов, А. С. Кашляев, П. А. Серебряков, А. П. Якимов, Ю. В. Минаев, Е. П. Уманец, Н. И. Лукьяненко, П. А. Сырцев, О. Л. Сырцев и другие. Длительное время (с 1960 г.) в службе на разных должностях: слесарем, мастером, механиком, заместителем начальника цеха — работал В. Н. Руденко.

Трудно представить производственные цеха без современного оборудования, в котором используется числовое программное управление (ЧПУ) и другие системы управления с использованием современной электроники. Поступление сложного оборудования на предприятия началось в 1972 году. Первые станки, поступившие на завод, — с использованием магнитной ленты для записи управляющей программы. Специалистов по данному оборудованию на заводе не было. Обслуживание поступающего оборудования было поручено группе периферийных устройств отд. 23, которую возглавлял Б. И. Евстигнеев. Специалисты группы занимались как обслуживанием станков с ЧПУ, так и обслуживанием вычислительной техники. В 1973 году парк станков увеличился. Группа была усилена молодыми специалистами, и работа велась только по оборудованию с ЧПУ и оборудованию для подготовки управляющих программ. Приходилось многое изучать, появлялся практический опыт. Сложность оборудования увеличивалась. Наряду с отечественным поступало и импортное оборудование. В 1975 году группа периферийных

11 Заказ 2236

устройств была преобразована в лабораторию станков в ЧПУ (АСПУ) цеха 25. Кроме обслуживания оборудования цеха 25, специалисты лаборатории обслуживали системы ЧПУ станков, расположенных в других цехах.

Со временем сложившаяся структура обслуживания оборудования с ЧПУ перестала удовлетворять потребности производства. Увеличился парк таких станков в других подразделениях завода. Поступающее на завод оборудование имело и сложные электронные системы управления, для обслуживания которых стали необходимы специалисты-элекронщики.

Было решено объединить электронщиков, механиков, электромонтеров в единое подразделение для полного обслуживания сложного оборудования. Так, в 1988 году появился на заводе отдел 77 — отдел промышленной электроники. Возглавил отдел Г. К. Федоркин. В настоящее время отдел обслуживает 186 станков с ЧПУ и другое сложное технологическое оборудование.

Коллектив отдела сегодня наряду с отечественными станками обслуживает и импортное оборудование производства Японии, Германии, Италии, Швейцарии, Индии. Ведущие специалисты отдела, такие как: В. В. Мячков, А. В. Рябикин, Ю. П. Дьяченко, О. П. Маслов, И. В. Мистюк, составляющие ядро бюро электронщиков, совместно с ведущими слесарями-ремонтниками: В. А. Ядровым, Г. Г. Игнатовым, А. Н. Галактионовым, А. Г. Корепановым успешно решают задачи по поддержанию оборудования в работоспособном состоянии.

Длительное время главный механик отвечал и за содержание зданий и сооружений. Первым инженером-смотрителем был Г. Т. Глушков, с 1967 года и по сей день эту работу выполняет В. П. Павлов, 25 лет проработала здесь П. Д. Кожевникова.

Сейчас стало работать еще сложнее, оборудование не обновляется, 74% станков полностью амортизировано. Почти в каждом цехе есть по одному-два слесаря, на которых, как говорится, держится цех. В цехе 15—это К. И. Санников, закончивший в 1960 году ремесленное училище. Сейчас он высококвалифицированный специалист. Поддерживает в работоспособном состоянии и с необходимой точностью кооординатно-расточные, координатно-шлифовальные, резьбошлифовальные и другие станки. Также в 1960 году в цех 20 пришел А. И. Караваев и вырос до слесаря-ремонтника высшего класса.

Сравнительно молод Б. Сажин, с уважением к нему относятся производственные мастера и станочники. Сложное и специфическое оборудование в СКБ. Здесь успешно справляется с заданиями В. П. Иванов. В цехе 28 — А. Т. Тагачин и В. П. Кучеров. Да всех отличных слесарей-ремонтников и трудно перечислить.

П. КОЗОЛУПЕНКО

РЕМОНТНИКИ-СТРОИТЕЛИ

В начале 1955 года, когда заканчивалось строительство Приборостроительного завода, возникла необходимость в организации службы ремонта, и директор завода подписал приказ об организации ремонтно-строительного цеха (РСЦ) с присвоением ему № 514 (впоследствии цех 55). Кроме ремонта зданий, на цех возлагалось новое строительство, в основном, объектов сельскохозяйственного назначения.

В отличие от других подразделений РСЦ был создан на голом месте. Первоначально цех занял два брошенных барака лагеря заключенных. Один барак был занят под бытовые помещения и общежитие, в другом установили пилораму.

Комплектация цеха рабочими проходила с большими трудностями. В первые два года для выполнения работ привлекались отделения солдат и расконвоированные бригады заключенных.

Среди рабочих наблюдалась большая текучесть. Часть рабочих работала временно, в период оформления на работу в основные подразделения завода; часть рабочих отбывала наказание за нарушение трудовой дисциплины и возвращалась на старые места. Но все же в 1955—1956 годы цех пополнялся постоянными кадровыми рабочими. В основном, это рабочие Екатериновской артели: бригада плотников С. А. Новоженина и бригада рамщиков П. И. Сырцева. В это время пришли в цех и высококвалифицированные специалисты — А. Ф. Соколов, А. И. Столбова, Н. И. Черкасов, Е. Н. Мальцев, С. Абдурахманов, М. Н. Рогова, Е. Г. Газизова и многие другие.

В 1955 году мы уже капитально восстанавливали два коровника, строили мастерскую, кузницу. Монтировали пять сборных жилых домов и два барака под школу, детсад, магазин и административное помещение.

На территории нынешних садов "Юбилейные" начали строительство отделения совхоза — фермы для крупного рогатого скота, детсад, школу, жилые дома. Город получал отсюда молоко и овощи.

В конце 1956 года цех начал осваивать территорию в районе Четвертой площадки. Строили здания, устанавливали пилораму, строили сушилку. Цех получил постоянную прописку, появилась возможность для расширения производства за счет установки нового оборудования. В настоящее время от первоначально возведенных сооружений осталось только помещение пилорамы, а временные деревянные здания барачного типа, склады заменены на капитальные сооружения.

Г. ДОРОГОВ

В ЗАВКОМЕ

Начало деятельности заводского комитета профсоюза ведет отсчет от 18 октября 1954 года, когда был образован завком. Председателем был избран В. А. Беломытцев. К моменту избрания завкома было создано 12 профсоюзных организаций.

Организуются новые службы и подразделения предприятия, а в них и профсоюз.

На объекте в это время существовало две профсоюзные организации (завком № 71 и постройком № 30), которые выполняли одни задачи по строительству и пуску в эксплуатацию подразделений предприятия и социальной сферы. В поле зрения профсоюзного комитета завода были многие вопросы как производственного, так и социального характера. Это вопросы организации производства, увеличения производительности труда, нормирования и оплаты труда, рационализации и изобретательства, охраны труда и техники безопасности. Немаловажное значение профсоюзный комитет придавал социальным вопросам. Большой приток молодых специалистов поставил много вопросов об улучшении жилищных условий. Имеющиеся тогда два общежития были перегружены так, что зачастую спали по два человека на кровати.

Культурно-массовая работа проводилась в основном в красных уголках общежитий, где проводились лекции, беседы. Начинали организовываться кружки художественной самодеятельности. В октябре

1954 года были организованы хореографический коллектив (руководитель Сафонов), кружок сольного пения (рук. Арефьев), хоровой коллектив (рук. Исупова) и драматический (рук. Суворков). Все руководители кружков были подобраны из числа рабочих и служащих.

Не без участия профсоюзного комитета начиналась спортивная работа. Проводились лыжные соревнования, легкоатлетические эстафеты, соревнования по футболу и волейболу, шахматам и шашкам.

Стремительными темпами развивался завод, в городе рождались учреждения социальной сферы, культуры, образования, медицинского обслуживания. Была необходима реорганизация профсоюза. Поэтому в 1957 году был избран городской комитет профсоюза, который объединял профкомы завода, города и строительства.

В этот период завком профсоюза переключился подностью на работу среди трудящихся предприятия и подведомственных учреждений. В 1959 году профсоюз состоял уже из 33 организаций. Городской комитет профсоюза просуществовал недолго. Видимо, причина была в том, что основная часть членов профсоюза работала на предприятии и в подведомственных ему организациях. В 1960 году горком преобразован в объединенный заводской комитет.

Профсоюзный комитет через свои комиссии продолжал выполнять свои функции по улучшению материального и бытового обслуживания членов профсоюза и их семей. Основное внимание было сосредоточено на оплате труда, техническом нормировании, создании безопасных условий труда, выполнении комплексных планов оздоровительных мероприятий, улучшении медицинского обслуживания, контроле за ходом строительства жилья и учреждений соцкультбыта, правильном распределении жилья.

К 1962 году профсоюз в своем распоряжении имел два клуба, библиотеку, стадион. Проводилось множество различных культурных и спортивных мероприятий. Книжный фонд профсоюзной библиотеки составил 63 тысячи экземпляров. Коллектив физкультуры насчитывал 3100 физкультурников. Профсоюзная организация состояла из 19 первичных и 41 цеховой организаций.

Из председателей дольше всего руководили завкомом М. А. Забродин (8 лет) и Л. М. Иванов (10 лет).

Иванов прошел хорошую школу профсоюзов, был приметным хозяйственным руководителем на предприятии и теперь успешно работает заместителем главы администрации города.

В феврале 1985 года заместителем председателя завкома избрали меня. Эту выборную должность занимаю до сих пор.

Этот период характеризовался для предприятия стабильной работой во всех сферах деятельности. Государственный заказ выполнялся постоянно, что обеспечивало нормальную жизнедеятельность предприятия, обеспечивался рост доходов трудящихся. Хорошими темпами шло строительство жилья, в полном объеме финансировались объекты соцкультбыта, обновлялось производственное оборудование, улучшались условия труда и быта на производстве, в достаточном количестве приобреталось путевок в санатории и дома отдыха, организовывались туристские поездки школьников. Все это положительно отражалось на моральном климате в трудовых коллективах.

Но в этот период уже намечались тенденции в стране на спад экономики. К 1987 году накопилось столько проблем, что профсоюзному комитету пришлось взять под контроль многие, не свойственные профсоюзам вопросы. Упадок сельского хозяйства привел к резкому ограничению обеспечения трудящихся некоторыми продуктами питания. Начала чувствоваться нехватка и промышленных товаров. Резко увеличилась потребность в земельных участках под сады и огороды.

Профсоюзному комитету совместно с торговым отделом горисполкома пришлось много поработать, чтобы как-то упорядочить реализацию продовольственных и промышленных товаров. При профсоюзном комитете были усилены общественниками комиссии по распределению автотранспорта, вновь создана была комиссия по распределению промышленных товаров, усилена работа общественных контролеров.

Хочется сказать, что в работе профсюзных органов наметился сдвиг в сторону защиты трудящихся от надвигающейся беды, выражавшейся в ухудшении снабжения трудящихся города товарами первой необходимости, т. е. профсоюзные организации начали отходить от традиционных мероприятий, которыми они занимались долгое время. Начало уходить в историю движение за коммунистическое отношение к труду, не стало у нас передовиков производства.

Время шло, а "перестройка" делала свое дело. Спад производства в стране достиг того уровня, что трудящиеся уже годами не могли приобрести необходимых для жизни товаров. Наметился раскол среди профсоюзных организаций завода, города и стройки. Поэтому на очередном пленуме объединенного завкома было принято решение

о создании на Приборостроительном заводе самостоятельного профсоюзного комитета. В январе 1993 года на конференции профсоюзной организации завода был избран завком, председателем которого избрали С. Б. Черепнева.

Но перестроечные процессы на этом не закончились. Началась всеобщая приватизация, коммерциализация, муниципализация годами созданных предприятий и организаций города. Желая получить самостоятельность, распадаются многие мощные предприятия, такие как ОРС, служба быта и т. д. Наступает финансовый кризис, растут цены. Предприятие не может больше содержать на своем балансе многие объекты соцкультбыта, которые передаются в муниципальную собственность.

В последние годы профком отложил в сторону решение многих вопросов, все было направлено на решение одной задачи: оказать воздействие на государственные органы по решению финансовых вопросов на предприятии. Конечно, нельзя сказать, что профком решал одну эту задачу. В целях защиты интересов трудящихся профсоюзный комитет участвует в вопросах заключения коллективного договора, охраны труда и техники безопасности, оздоровления трудящихся и членов их семей, распределения жилплощади, решения земельных вопросов, оказания материальной помощи и еще по многим другим.

Профсоюзный комитет, как всегда, решает вопросы, касающиеся человека.

И. КРИВОШЕЕВ

«ОБО МНЕ СКАЖУТ ЛЮДИ...» К. А. ВОЛОДИН

ДИРЕКТОР С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

"Обо мне скажут люди..." — частенько говаривал Константин Арсеньевич Володин. Он был прав. Сколько ни пройдет времени со дня его расставания с заводом, все, кто с ним работал, его помнят и вспоминают с теплотой, хотя и было с ним непросто. Как же иначе! Он основатель завода. С ним прожито первое, самое трудное десятилетие. Это был Директор с большой буквы. Это была яркая, незаурядная личность.

Родился Константин Володин 27 мая 1901 года в деревне Енотаевка бывшей Астраханской губернии, в рабочей семье. Отец переехал сюда на заработки. Работал на рыбных промыслах, плотничал. Успел поработать в колхозе. В семье было много детей, нужен уход, но нужда заставляла подрабатывать на рыбных промыслах. Со слов самого Володина, он был в семье тринадцатым ребенком. Среди выживших — седьмым ребенком из девяти. Остальные умерли в младенческом возрасте.

Детство его проходило на Волге-матушке. Учился он в церковно-приходской школе. Уже с десяти лет батрачил у рыботорговца. Отрочество прошло на рыбных промыслах. Пришлось поработать грузчиком, чернорабочим, матросом речного флота. Грамоту пришлось познавать, по его собственному признанию, между палубой и берегом.

В 1919 году был призван в Красную Армию. С восемнадцати лет до конца жизни он был или в армии, или работал на армию. Был рядовым красноармейцем. По окончании командных курсов стал командиром взвода. Участвовал в борьбе с бандитами на Урале и басмачами в Ферганской долине. Снова учеба — в Ташкентской пехотной школе, затем в Москве слушателем курсов усовершенствования командного состава, затем на годичных химических курсах

во Владимире. По окончании Володин — начальник химической службы стрелкового полка.

В июне 1930 года молодого командира-химика посылают учиться в Ленинградскую военно-техническую академию им. Ф. Э. Дзержинского.

Четыре годы учебы на артиллерийском факультете, ружейно-пулеметном отделении и он — военный инженер-оружейник. С этих пор его жизнь будет связана с отечественным вооружением. Последнее трудовое десятилетие — с самым грозным оружием века — ядерным.

Первое его назначение в Ворошиловград (сейчас Луганск) старшим военным представителем Главного артиллерийского управления РККА на заводе № 60. Володин был военпредом, принимал оборонную продукцию для Красной Армии. В 1937 года перевод в Москву — начальником планово-производственного отдела 12-го Управления наркомата обороны. В счет "1000". Так называли направление в министерство вооружения 1000 различных специалистов с заводов.

В 12-м Управлении Володин не задержался и год. В июле 1938 года он был назначен главным инженером завода № 17 в г. Подольске Московской области. В январе 1940 года стал директором этого завода. Он принял завод в сложное время, когда могли запросто арестовать и расстрелять за малейшую оплошность и просто по навету. До него были арестованы и расстреляны, как враги народа, два директора. Таким образом, должность была не только трудовой, но и смертельно опасной. Ему удалось выжить.

Под руководством Володина завод осуществил техническую реконструкцию, освоил новые образцы военной техники, проводил испытания вооружения в лабораториях и на полигонах. В год его вступления в должность предприятие достигло проектной мощности. Был построен филиал завода по последним, на то время, достижениям техники в этой отрасли. Тогда у Володина было уже двое детей — дочь Валентина и сын Виктор.

Тридцатидевятилетний директор поддерживал творческую молодежь, помогал своим рабочим, особенно многодетным. Посещал их семьи и был ими любим. Они приглашали его на семейные торжества. Сохранилась фотография, где он в военной гимнастерке с орденом Красной Звезды, которым он был награжден в 1938 году, на каком-то семейном застолье.

Уже находясь на пенсии и вернувшись в Подольск, Володин был организатором заводского музея. Занимался сбором материалов. Когда бывал здесь, с удовольствием вспоминал прожитое, смеялся над курьезными случаями. О тяжком говорил мало, о себе того меньше. На просьбу рассказать о себе, лаконично отвечал: "Что рассказывать. Обо мне скажут люди".

По воспоминаниям, он никому не позволял унизить собственное достоинство. Однажды присутствовал на Коллегии у наркома вооружения Д. Ф. Устинова. Тот распекал директоров заводов за разные погрешности. Директора, опустив головы, слушали и молчали. И только Володин поднял голову и голос, он высказал наркому свое мнение: "Мы — производственники, и приехали сюда за разрешением производственных вопросов, а не слушать два часа ваши нотации. Если работа не по плечу, от нее следует отказаться". Кому? Тем, кого распекали? Или тому, кто распекал? Встал и вышел из кабинета наркома. Говорят, что Устинов не простил ему такого вольнодумства до конца жизни.

В войну Володин работал в Подмосковье, но уже в другом месте. За несколько дней до начала войны был переведен на укрепление директором завода № 46 в Кунцево. Завод обеспечивал фронт боевыми патронами различного калибра.

В октябре 1941 года в Москве было объявлено осадное положение. Госкомитет обороны принимает решение об эвакуации завода на Урал, где на его основе в кратчайшие сроки создаются три завода — в Свердловске, Новой Ляле и в Глазове.

Володин с частью завода был эвакуирован в Свердловск. Приехали на голое место, установили привезенное с собой оборудование под открытым небом и уже в ноябре возобновили выпуск боеприпасов для ускорения нашей победы.

В таких условиях было очень трудно выполнять плановые задания. Как пишет сам Володин в автобиографии, за необеспечение программы он был снят с должности директора завода в Свердловске и назначен директором завода № 621 в Кокчетаве. Очевидно, не столь уж велика была провинность. Год — в Кокчетаве, год — главным инженером завода № 3 в Ульяновске. Здесь его поджидала новая неприятность. Утеряна технологическая карта одной номенклатурной сборки, конечно, секретная. Володина "за потерю бдительности" освобождают от обязанностей главного инженера и переводят главным инженером ОКБ-44. Два с половиной года в Кунцево.

В феврале 1945 года ГКО принял постановление о создании при действующих фронтах постоянных комиссий для вывоза промышленного оборудования с заводов Польши, Германии и Чехословакии в качестве компенсации военных потерь. Будучи главным инженером особого конструкторского бюро Володин был в заграничных командировках в Польше, Германии и Чехословакии с февраля 1945 по октябрь 1946 года — почти два года.

За успехи (а как же наказания?) по обеспечению фронта боеприпасами Володин был награжден в 1942 году орденом Трудового Красного Знамени, в 1944 году — орденом Красного Знамени и медалью "За оборону Москвы". В 1945 году он получает высшую награду Родины — орден Ленина и медаль "За победу над Германией, 1941—1945 гг.".

Б. Л. Ванников, бывший в войну наркомом вооружения и боеприпасов, в 1945 году возглавил ПГУ (Первое Главное управление) при Совете Министров СССР, которое стало заниматься новой, сверхсекретной урановой проблемой. Ванников наверняка знал Володина, который был директором или главным инженером на главных патронных заводах страны, и ценил его. Иначе он не пригласил бы его в свое ведомство. Произошло это в декабре 1948 года, уже после того, как Володин проработал еще 2,5 года директором Подольского патронного завода.

17 декабря 1948 года инженер-подполковник прикомандирован к Первому Главному управлению при Совмине СССР — директором завода № 3. Именно здесь производили первые ядерные бомбы.

Завод № 3 в г. Арзамасе-16 в разное время назывался объектом № 551 и заводом № 975. В 1949 году он входил в структуру КБ-11, где директором был генерал П. И. Зернов, а главным конструктором и научным руководителем — Ю. Б. Харитон. В середине 1948 года заместителем главного конструктора стал В. Н. Алферов. Впоследствии он будет курировать строительство заводов по серийному изготовлению ядерных боеприпасов, в том числе и Приборостроительного.

Благодаря усилиям ученых и конструкторов, именно КБ-11 была создана первая отечественная атомная бомба, которая успешно прошла испытания на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года. По режимным соображениям КБ-11 тогда именовалось Приволжской конторой Главгорстроя СССР. Завод № 3 проектировался и строился для производства атомных бомб типа РДС-1. Создаваемые

мощности должны были обеспечить ежемесячный выпуск двух-трех изделий.

Первую серийную продукцию завод выпустил в декабре 1951 года под началом Володина.

Вот как описывает строительство завода № 3 и выпуск первой продукции один из директоров завода М. Г. Григорьев:

"Работать приходилось в невероятно сложных условиях, с колоссальным напряжением ума и сил, не зная ни сна, ни покоя, не уходя с производства по 10—12 часов в сутки. Не хватало квалифицированных кадров, много было нерешенных технических и организационных вопросов, не было жилья для тех работников, которые прибывали на завод. Нельзя забыть ту беззаветную преданность делу, которую проявили рабочие и технические руководители в годы строительства и пуска предприятия. Именно в этот период коллектив решал наиболее трудные задачи по созданию и освоению серийных технологических процессов, подобных которым не было в отечественной промышленности. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников навсегда сохранил память в своих сердцах о бывших директорах: Володине Константине Арсеньевиче, Бессарабенко Алексее Константиновиче, Дубицком Валентине Викентьевиче..."

В мае 1951 года Володина награждают орденом Трудового Красного Знамени, а на следующий месяц ему присвоили очередное воинское звание инженер-полковника.

Возможно, именно в этот период между Володиным и Алферовым испортились отношения. Володин, по характеру волевой и ответственный человек, не мог терпеть над собой чересчур требовательного и бестактного руководителя. Не зря же после разоблачения культа личности Сталина Алферов публично каялся на партийном собрании в своей излишней жестокости и бестактности по отношению к подчиненным. Бестактность Володин не мог терпеть.

Володин на заводе № 3 в Приволжской конторе Главгорстроя СССР проработал только 1,5 года. Он еще не окончил строительство предприятия, а уже летом 1951 года участвует в выборе площадки для строительства нового завода. Возможно, так ему помогает Б. Л. Ванников — уйти от бестактного контроля близкого к Арзамасу-16 Алферова в уральскую тайгу. Как бы там ни было, но 24 января 1952 года Совет Министров СССР принял постановление о строительстве в Челябинской области союзного завода № 933. 26 января

1952 года Володин срочно вызывается в Москву к Ванникову. Уже 1 февраля с группой офицеров КГБ был в Юрюзани — в кабинете у начальника Василовского ДОКа, где вели переговоры о начале строительства по соседству нового сверхсекретного объекта. Вероятно, велись переговоры о размещении полка военных строителей, расширении подъездных путей на железнодорожной станции Красная Горка, размещении офицеров на квартирах у местных жителей, выделении строительных материалов. Особо — о морально-политическом состоянии жителей Василовки и выселении политически неблагонадежных за пределы области.

В середине февраля в Василовку прибыла бригада ленинградских изыскателей. Старшим геодезистом был опытный в таких делах Иванченко. Он хорошо знал лес и легко ориентировался на местности. В это же время на станции Красная Горка со Златоустовского отделения Южно-Уральской железной дороги подбирается бригада путейцев, чтобы проложить вторые, третьи и четвертые пути для приемки большого количества железнодорожных составов.

23 февраля 1952 года приказом по Первому Главному управлению Володин был назначен заместителем директора Союзного завода № 933 по общим вопросам и неофициально и. о. директора завода. По всей вероятности, кто-то возражал, чтобы назначить его директором (возможно, Алферов).

12 марта 1952 года Володин подписал на себя приказ № 1 о том, что приступил к исполнению служебных обязанностей в Москве. 7 мая он подпишет еще один приказ № 1 о том, что приступил к исполнению служебных обязанностей на месте.

7 апреля 1952 года состоялось совещание у зам. начальника ПГУ А. П. Завенягина о начале строительства объекта, и уже 9 апреля из Челябинска-40 на станцию Красная Горка прибыл первый воинский состав. Это прибыл первый десант воинов-строителей во главе с подполковником Черноморченко — строительный батальон. Отправление батальона из Сороковки и пункт назначения были в строжайшей тайне. С первым десантом прибыли майор Сероухов, капитан Петренко, ст. лейтенант Антонов, лейтенанты Осин, Миронов, Дмитриенко, рядовые Бирюлин, Николаев, Майоров, Безнос, Филиппов, Гунин, Рубцов, Коробов, Феоктистов и другие — всего 750 человек. Через два дня военные строители вышли на будущую улицу Строителей и стали делать первую разметку — бараков, управления строительства, клуба и магазина.

К. А. Володин в апреле был в Москве и решал вопросы проектирования, финансирования, снабжения стройки, подбирал себе первые две кандидатуры помощников — заместителя директора по кадрам и главного бухгалтера.

9 мая Володин подписал приказ № 2 о назначении лейтенанта В. И. Никитина заместителем директора по кадрам, а Ф. И. Рубцова главным бухгалтером. Из местных жителей, проверенных работниками КГБ, были приняты А. В. Гусев — завхозом, А. Т. Новиков — шофером, П. И. Казанцев — агентом-экспедитором, А. Д. Сесин — шофером. В. В. Кузнецова стала секретарем-машинисткой. Вот первые работники Приборостроительного, чьим "крестным отцом", как и других десятков "пионеров", стал Володин.

В июле Володин, уже будучи в Москве в командировке, подобрал трех первых инженеров. Это были А. Г. Коган, Ю. И. Арефьев и И. С. Разин. Первые два окончили Ленинградский инженерно-строительный институт, а Разин ранее работал в Пензе.

На месте Разин стал начальником отдела оборудования. Коган стал курировать строительство города, а Арефьев — завода. Нужно было выдать проекты, провести геологические исследования грунта, следить за ходом строительства, принять построенный объект, подписать форму № 2 — финансирование выполненных работ.

Все делалось одновременно. Принимали людей и грузы. Обустраивались на голом месте и строили. Уже до конца года, первого года города, застроили ул. Строителей: бараки, магазин, почта и телефон, управление строительством, баня, парикмахерская, клуб "35 лет Октября", стадион.

Начальником строительства п/я 202 был Поздняков, затем В. А. Мусинов. Стройка была филиалом п/я 404, что расположен в Челябинске-40, поэтому его начальник П. П. Честных часто был на стройке и сам подписывал некоторые приказы.

В связи с тем, что лежневые дороги часто выходили из строя, а автомашины съезжали с дороги и застревали, Честных издал приказ, предписывающий выставить на каждый километр двух ремонтеров, а им иметь для ремонта доски и подсыпочный материал. Категорически запретить проезд гужтранспорта по лежневой дороге.

Большое внимание с самого начала Володин уделял сохранению леса и установлению порядка рубки. Так, приказом от 13 ноября 1952 года он обязал лесников Варганова и Сурина ежедневно посещать лесосеки, а работников УКСа при отводе участков под строи-

тельство давать резрешение на рубку только при полной необходимости в этом. Поэтому-то в городе сохранились деревья со времен первозданной природы на этом месте. Они радуют трехгорненцев зеленью до сих пор.

Володин на новостройке был самым старшим и по должности, их по возрасту, потому и за глаза его звали Дедом. Следом за ним по возрасту шел Ф. И. Рубцов. Было тогда в отношениях с подчиненными что-то семейное. Он знал всех в лицо, наказывал, но и помогал. Словом, был суров, но справедлив.

1953 год для Володина и молодого коллектива еще будет продолжением начала. Будут закладываться фундаменты первых каменных домов и основных цехов (101, 105, 106, 109), еще улицы города будут представлять собой лесные просеки. В этом году будут сданы первые деревянные дома по улице Островского (35, 37, 41, 45) и Школьному переулку (22, 24), по улице Карла Маркса (34, 36, 38). В первый построенный для завода дом по ул. Островского переедет заводоуправление, а на втором этаже разместится первое мужское общежитие. Численность работников завода увеличится за год в четыре раза.

Володин не случайно знал каждого, ведь при приеме каждый проходил через него. Он даже встречал "новобранцев" на железнодорожной станции, лично беседовал почти с каждым, определял на должность, устанавливал испытательный срок. В это время он внимательно следил за каждым — как осваивается, на что способен и т. д. Обычно специалистов он посылал на стажировку на передовые предприятия. Многие специалисты побывали на стажировке в Приволжской конторе Главгорстроя СССР (Арзамас-16) и там знакомились с изготовлением военной продукции с ядерными компонентами.

Создастся заводское ЖКО, которое возглавил В. П. Чернов. Работники завода, семейные и холостые, стали переселяться из Юрюзани и Василовки в "Утес", как тогда условно называли наш объект. В июле 1953 года и Володин привез из Подольска свою семью — жену Марию Алексеевну и сына Виктора. Он поселился в трехкомнатной квартире на втором этаже дома № 24 по Школьному переулку.

В феврале 1953 года Володин, по слухам, принимал Л. П. Берию, который в то время был главным строителем ядерных объектов помимо руководства своим злопамятным ведомством. Строили их его подчиненные-заключенные. В этом деле его заслуги бесспор-

ны. Визит был настолько секретным, что никто точно не может сказать, был ли это Берия или его заместитель Мешик.

В начале 1953 года на объекте создается политотдел. Его возглавляет подполковник Кабардин, помощником начальника политотдела по комсомолу назначается лейтенант Тюрютиков. В дальнейшем штат политотдела увеличивается. Политотделы, как органы партийно-политической власти, создавались по решению ЦК КПСС на особо важных объектах. Они были чрезвычайной формой организации и руководства и обладали административно-распорядительной властью. На них возлагались: обязанность создания и руководства общественными организациями, подбор и расстановка кадров, культурно-массовая работа, но главное — выполнение Постановления СМ СССР по строительству завода в намеченный срок. Во время строительства объекта (1953—1955 гг.) все вопросы решались на заседаниях политотдела, которые проводились регулярно. На них присутствовали директор завода Володин, начальник строительства Мусинов, начальник материально-технического снабжения строительства Рязанов, командиры всех войсковых частей, начальники исправительно-трудовых лагерей. На каждом заседании Володин информировал собравшихся о ходе строительства и монтаже оборудования.

Политотдел постоянно вмешивался в текущие дела и расстановку кадров. Так, в июле 1953 года политотдел счел необходимым заменить начальника строительства Мусинова. Назначается более жесткий и требовательный Н. М. Иванов. В этой должности он остается до 1956 года, когда будет пущен в эксплуатацию завод и построен рабочий поселок.

Еще все только начиналось, но уже, как везде, подводятся итоги работы за квартал и год. Вот приказ Володина "Об итогах финансово-хозяйственной деятельности завода за 1952 год". В приказе отмечено, что оценка Главного управления финансово-хозяйственной деятельности завода за год неудовлетворительная. Средства на капвложения использованы только на 59,8%, средняя численность персонала завода превышена на 1 единицу, а фонд зарплаты перерасходован на 39 тыс. рублей, допущен перерасход бензина — 661 литр.

30 марта 1953 года на объекте начал действовать спецсуд. Володин особым приказом № 26 направил сюда народными заседателями М. Г. Петрову, А. Н. Яровенко, А. М. Толстову, К. Ф. Кутумову-Казанцеву, В. Н. Ляса, Ю. И. Арефьева.

В мае 1953 года Володина беспокоила дисциплина работников завода, и он подписывает приказ о мерах по укреплению трудовой дисциплины: ввел табельную доску и номера, установил электрозвонок для оповещения начала и конца обеденного перерыва, журнал ухода и прихода работников в течение рабочего дня, запретил посторонние разговоры и бесцельные хождения по коридорам в рабочее время и объявил прием трудящихся по личным вопросам в субботу с 18 до 19 часов.

11 августа 1953 года К. А. Володин назначает комиссию во главе с В. И. Никитиным по пуску в эксплуатацию первой школы на улице Карла Маркса.

В период 1953—1956 годов на строительстве объекта работали 10—12 тыс. заключенных, 5—7,5 тыс. воинов-строителей и 1,5—2 тыс. вольнонаемных. Получается около 22 тыс. человек, половина — заключенные. Ежедневно под вывозку раствора и бетона направлялось более 100 автомашин. На бетонорастворном узле и карьере работали 600 заключенных, в день они выдавали на стройку 400 кубов бетона.

16 октября 1953 года на заводе появляется А. Д. Рязанцев. Его считали представителем Совета Министров на объекте (такие у него были большие полномочия), а по документам же можно сказать, что он был первым заместителем директора завода по режиму и секретности.

16 октября 1953 года Володин впервые подписывает приказ о премировании за выполнение плана по вводу жилых домов. Были премированы: А. Г. Коган, К. Ф. Казанцева, Ю. Д. Иродов и Ю. И. Арефьев.

Что интересно, несмотря на крайнюю занятость с ноября 1953 года Володин в новом клубе по вечерам начал читать лекции по кибернетике для итээровцев. Где же он познакомился с этой, в то время крамольной наукой?

1953 год для некоторых работников завода стал памятным и счастливым. Сыграли первые свадьбы: Малыхины, Коганы, Копыловы, Воронковы, Казанцевы. Свадьбы — дело молодое, а большинство в "хозяйстве" были моложе 30. Браки заключаются, как известно, на небесах, но тогда на объекте "Утес" они заключались с согласия директора завода Володина. Он давал разрешение на свадьбы и был "посаженным отцом" молодоженов. Мог и запретить, если "разведка доносила точно" о темных пятнах в биографии жениха или невесты.

Как и первый, 1953 год в приказе Володина об итогах финансово-хозяйственной работы признан неудовлетворительным. Таково мнение Главка. План капвложений выполнен на 47,5%, численность персонала завода превышена на 7 человек, допущен перерасход бензина, сверхнормативные запасы оборудования на сумму 3561 тыс. рублей.

В августе 1954 года Володин принимает первого зам. министра Б. Л. Ванникова, который привез с собой А. Г. Потапова на должность главного инженера завода. У Володина появилась надежная правая рука на рождающемся производстве. В этом же месяце он поручает новому начальнику инструментального хозяйства В. В. Кузнецову организовать на предприятиях 29 городов Союза изготовление оснастки для выпуска первой продукции. Оснастка изготавливалась по разработкам Приволжской конторы (Арзамас-16).

Ванников и приехавшие с ним начальник Управления службы заказчика Н. Егоров и директор родственного завода в Свердловске-45 А. Я. Мальский провели совещание, где впервые было объявлено, что завод должен в следующем году начать выпуск специзделий с ядерными компонентами. До того никто ничего не знал. Это была сверхсекретная государственная тайна. Заместитель директора завода по режиму и секретности Рязанцев тут же предупредил всех присутствующих на совещании, что за разглашение тайны кому-либо, даже на объекте, полагается 25 лет тюрьмы.

1955 год в Володинское десятилетие — начало начал, пожалуй, самый сложный. Выпуск первой продукции. Напряжение на заводе огромное. Прибывают все новые и новые люди, отдел кадров перегружен. В этом году принято рекордное число работников за всю историю завода — 1097 человек.

Бурными темпами идет строительство в городе и на заводе. По утрам и вечерам огромные колонны заключенных под усиленной охраной военнослужащих и собак серой массой шествуют к месту работы, а вечером — в свои лагеря.

3 июня 1955 года Володин приказом по министерству наконец-то утвержден в должности директора завода № 933. В должности и. о. директора он проработал более трех лет. Чья это недобрая воля?

1 июля, за месяц до пуска завода в эксплуатацию, по данным межведомственной комиссии Главного управления, Володин в приказе констатирует, что завод к выпуску изделий в III квартале не подготовлен. Необходимый задел не создан, опыт работы завода

№ 551 (Арзамас-16) освоен плохо, строительство ряда важных цехов не закончено. Отмечены недостатки по производству, по кадрам, по вопросам быта. Словом, куда ни кинь — везде клин. Можно представить, что было сделано за оставшийся месяц — возможное и невозможное. Но отставание ликвидировано, и заводу разрешили с 1 августа приступить к выпуску первых двух изделий "Татьяна".

А жизнь продолжается не только на стройке и заводе. Учебный год в школе рабочей молодежи закончили 185 человек, а полный курс наук первые 15, семилетку — 8. Особым распоряжением в конце июля Володин обязал начальников цехов освобождать от работы во второй половине дня по вторникам и четвергам, а так же в дни календарных игр сборную заводскую команду по футболу.

1 августа 1955 года Володин, Потапов, главный инженер Главного управления А. А. Томилин, куратор Главка А. А. Осипов присутствуют на вскрытии контейнеров с корпусами двух ядерных авиабомб "Татьяна". Завод приступил к работе, выполнению первого месячного плана, а ведь, судя по приказу Володина, было далеко не все подготовлено к этому. Плановый, производственный и главного технолога отделы не отработали маршруты движения деталей по цехам. Отдел снабжения, группа кооперации и инструментальный отдел не обеспечили своевременную подачу в цеха материалов, инструмента и оснастки. Отдел кадров не принял действенных мер по укомплектованию кадрами цехов и отделов... Но план выполнили. Завод вступил в строй.

26 декабря 1955 года Володин присутствовал на заседании исполкома поссовета, где рассматривался вопрос о преобразовании поселка в город и о передаче в распоряжение горсовета школ, бани, мастерской по ремонту бытовой техники и других учреждений.

Родился новый советский город, правда, закрытый и мало кому известный в стране, как номерной Златоуст-20, но отмеченный на картах ведущих разведок мира.

В июле 1956 года в приказе Володина отмечено перевыполнение плана за пять месяцев. План по товарной продукции выполнен на 102,9%, по валовой продукции на 103,7%. Остальные экономические показатели, увы, неудовлетворительны — сплошные перерасходы.

В сентябре новая радость — первый Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников завода — за пуск завода в эксплуатацию и выпуск первой военной продукции, за успешное

выполнение специального задания правительства. Орденами и медалями награждено 22 человека. Володин получил орден Трудового Красного Знамени. Кстати, он был представлен на награждение высшим орденом Ленина, но его "злой гений" — начальник Главного управления Алферов собственноручно понизил награду. Надо думать, это не подняло ему настроения и скомкало радость награждения. И именно в эти дни Володина разбирали на заседании парткома и объявили выговор с занесением в учетную карточку за грубый зажим критики, оскорбление критиковавшего и неискренность перед партийной организацией. Свет и тени в биографии директора, сплошная переполосица.

А жизнь продолжалась. Володин поздравил работников завода с праздником Великого Октября и сообщил о выполнении плана октября по товарной продукции на 101,3%, по валовой продукции — на 103,4%; за 10 месяцев план по товарной продукции — на 104,4%. В этом приказе 19 работникам завода была объявлена благодарность, 71 — премирован. Не обойдены его вниманием и городские нужды. Он приказывает переоборудовать один барак под детский сад и обеспечить его всем необходимым. В самом конце года он утвердил акты приемки в эксплуатацию АТС на 500 номеров и пяти домов (от 8 до 55 квартир в каждом).

Итоги 1956 года по финансово-хозяйственной работе наконец-то признаны Главным управлением удовлетворительными. План по выпуску валовой продукции выполнен на 102,8%, по товарной продукции — на 102,9%. Выпуск валовой продукции по сравнению с прошлым годом увеличился в 3,6 раза, при численности всего лишь 75,3% к плану. Производительность труда возросла по сравнению за год в 2,4 раза.

4 октября 1957 года в кабинете Володина проходила обычная оперативка. Это был "священный" час, и никто не смел входить в кабинет директора. И вдруг дверь распахивается и влетает секретарь директора Рита Шестакова и кричит восторженно: "Спутник запустили!". Секундное торжественное молчание, затем гром аплодисментов, и Володин даже прослезился.

Теперь обратим внимание на некоторые черты характера Володина. О его обостренном чувстве собственного достоинства, требовательности, порой чрезмерной, полнейшей закомплексованности на работе, иного в своей жизни он просто не представлял, общеизвестно. Иные его черты, по воспоминаниям людей, близко его знавших.

Точность во всем. Как рассказывал мне Е. В. Кононов, Володин ежедневно выходил из подъезда без пяти восемь, садился в машину и по пути на завод слушал последние известия. Он не любил опаздывающих и всегда очень переживал свои опоздания.

На совещания он приходил за 2—3 минуты до начала. По воспоминаниям, лишь однажды он опоздал на 20 минут. Это когда зам. министра Чурин сел на окрашенный табурет в цехе и испачкал брюки. Пришлось искать замену.

Если Володин что обещал, обязательно выполнит.

Он умел принимать в экстремальных условиях чаще всего верные решения. Однажды в цехе 11 для установки двух небольших приборов нужно было приспособление — литье по чертежу, но ни литья, ни чертежа на заводе не было. Володин собственноручно на месте набросал его и приказал немедленно делать. Сделали, и пришлось к месту.

Или вот случай. Снабженцы доложили Володину, что на склад поступило две бочки спирта, но не положенного, а метилового — ядовитого. Володин тотчас же поехал на склад. Он заставил выкатить бочки, открыть пробки и весь спирт вылить. Лучше уничтожить и нести потери, чем отвечать за отравление! На заводе не было любителей дармовой выпивки, а вдруг...

Бытует мнение, что Володин "авральщик" и поощрял штурмовщину. А ведь он особым приказом запретил применение на заводе аккордных нарядов без специального разрешения директора или главного инженера завода. Хоть какое-то, но ограничение штурмовщины. Тогда же он подписал приказ о проведении первого общественно-комсомольского смотра по борьбе за полную загрузку рабочего дня: "От каждого рабочего и служащего — ежедневно 480 минут производству".

Володин очень ценил рабочее время и шел при этом даже на конфликт со всемогущей партией. Так, в апреле 1958 года он особым приказом запретил отвлечение работников завода в рабочее время от их непосредственных обязанностей. Запретил проведение собраний, совещаний и других общественных мероприятий в рабочее время. В те времена это был очень смелый шаг. Обычно для лучшей явки их проводили во второй половине смены.

В сентябре 1958 года Володин единственный раз, находясь в отпуске, позволил себе вместе с шофером Бирюлиным на личной "Волге" совершить поездку на родину — в Астрахань, затем заехали в Крым

к дочери и в Ульяновск, где жила сестра. Никогда больше он не позволял себе такую роскошь. Секретность всей его трудовой жизни не позволяла ему не то что поездки к родным, но даже переписку с ними. Как вспоминает Бирюлин, его брат и сестры вообще до той поездки ничего не знали о нем. Кое-кто уже не считал его в живых.

Листаешь приказы Володина и иной раз возникает сомнение, руководил он архиважным оборонным заводом или городом? Вот приказ от 31 декабря 1958 года, Володин утверждает акты приемки в эксплуатацию 59-квартирного дома по ул. Ленина, колбасного цеха на 1 тонну изделий в сутки, детских яслей на 120 мест. А сколько таких приказов, столь значительных для горожан. Впрочем, и другие были богаты и теми, и другими. Такое уж место он занимал.

1959 год принес и радости, и огорчения. Главными событиями будет приезд министра Е. П. Славского, женитьба сына Виктора, поездка на полигон Капустин Яр, начало газификации жилого фонда, подготовка к сносу бараков, установление семичасового рабочего дня.

Славский был своим на уральской земле. Он много лет работал в Сороковке и возглавлял ее. Напомним, Сороковка стоит у истоков Приборостроительного, начинали его строители отсюда. Он поставил в неловкое положение своим неожиданным появлением не одного заводского руководителя. Славский, изучив обстановку на заводе, дал согласие на создание СКБ (серийного конструкторского бюро) и по возвращении в Москву подписал такой приказ и дал указание о расширении производства специзделий в несколько раз. Видимо, этого требовала международная обстановка. В 1962 году разразился Карибский кризис.

О здоровье Володина. Со слов очевидцев известно, что он никогда не жаловался на здоровье и не был на больничном. Проверяли ли его врачи — неизвестно, думается, нет. У него просто не было на такие "пустяки" времени. Он строил, выпускал, отправлял, и все по заданию партии и правительства, командовал производством, и все срочно, сверхсрочно. Впрочем, и явных болезней у него не было, чтобы обращаться к врачам.

Известно, что у него сильно болели ноги, он редко ходил пешком. В воспоминаниях его передвижение пешком отмечается, как особый случай. Ноги! На них он, как и вообще на здоровье, не обращал внимание. Пока не клюнул жареный петух. Запустил ноги до язв. Он ездил в санаторий и лечил ноги. Еще у него во время гражданской войны были перебиты ключицы.

Иногда у него болело сердце. От этой болезни он лечился сам — лимонами. По его рецепту (где он его откопал?) нужно было съесть 62 лимона, первый день — один, второй — два, третий — четыре, пятый — восемь, шестой — шестнадцать и затем в обратном порядке на убывание. Он ел их вместе с кожурой, без сахара. Можно представить! Но о вкусах не спорят. Легенда о его любви к черному перцу. Когда он входил в столовую, будто бы кричали: "Прячьте перец!". Он, к примеру, высыпал перечницу, а то и больше в две порции пельменей. Он вообще не признавал одну порцию. Порой Володин посылал шофера в аптеку за таблетками. Вот и все лечебные процедуры. А жаль... Такого человека нужно было обследовать и лечить серьезно. Умер-то он совсем рано, впрочем, уже не у дел.

Об отношениях с начальством. О непростых — с Алферовым мы уже писали. А вот с Ванниковым, его замом Завенягиным и другими руководителями Главка и Минсредмаша они были неплохими, как и с "соседями" по отрасли.

Товарищеские отношения были у Володина с руководителями "Дальнего" Н. А. Садовником и П. П. Каныгиным. В то же время сам этот объект вызывал у Володина тревогу и озабоченность. Он высказывал сомнения, не слишком ли близко расположен к нашему заводу и городу. Надо было разместить подальше, но изменить ничего Володин не мог.

Несколько слов об отрицательных сторонах характера Володина. Они, как говорится, на слуху. Груб! Был, но далеко не "унтер Пришибеев". Г. И. Климко рассказывал, что не однажды бумаги, поданные на стол для подписи, летели на пол с неприличными словами. В. Т. Малыхин тоже пишет, что Володин отчитывал Чернова и Киселева, когда они уехали на шахматные соревнования в Юрюзань, совсем не пристойно: "Старые дураки, что вы мне молодежь портите, сами не работаете и им не даете". И это, наверное, сказано мягко. Володин им сказал резче все, что о них думал. Наверное, таких примеров другие работники завода могли бы привести немало. Оправдание? Есть! Это стиль руководства времени Володина, которое определяло поведение Сталина. Власть, которую имел Володин, позволяла ему и наказывать, и миловать в любой форме. Одно время секретарем у Володина работал И. В. Савин. И неспроста. Оказывается, Володин заменил секретаря-женщину на секретаря-мужчину, чтобы не стесняться в выражениях.

И еще одна индивидуальная черта Володина. Он любил посте-

пенно, в мягкой сатирической форме напоминать о государственной важности работы: "Это тебе не мячик бросать", "Ты где работаешь? В Юрюзани? Вот там и зарплату получай".

Володин, по воспоминаниям, был строг до жестокости. Мог в 24 часа выселить из города неугодных ему людей. Мог за ночь заселить своими работниками жилой дом, чтобы опередить строителей, претендующих на это жилье. Таких ситуаций припоминают немало. Власть позволяла, вседозволенность портила. Иногда доходило до самодурства. У него были исключительно большие ступни — 47-й размер. Он носил на ботинках калоши. Зачем они ему были нужны, если он пешком почти не ходил? Затем он их "как будто потерял в одной из поездок за городом". Бирюлин, его незаменимый шофер, нашел их случайно и принес ему в кабинет. За что получил нагоняй. Видно, он понял, что они его просто смешат, и "потерял". Ну а Бирюлин, не уловивший новации шефа, и пострадал за усердие.

1961 год добавил Володину седых волос беспокойством по приписям в нарядах по цеху 20, большому числу травм — в декабре было шесть несчастных случаев. Явное неблагополучие в коллективе. И он, как всегда, непредсказуем. Порой, ради успеха, просто забывает, что он директор. Был случай, когда И. Д. Кузнецов, слесарь цеха 125, работал всю ночь, а Володин сам относил его детали в гальванику. Когда надо было, он забывал о своих амбициях. Работа — вот что выше всего! Ему не нравились люди, у которых личное было превыше общественного. Надо ли ему было, но Володин избирался членом горкома партии, членом исполкома горсовета. И в каждом из этих органов, на каждом заседании он присутствовал, а ведь заседания длились с 17 до 23 часов. К примеру, его преемник (через Петухова) Потапов этот порядок изменил. Потапов был только членом бюро горкома партии. В партком он делегировал главного инженера, в исполком — своего заместителя по общим вопросам, членом президиума завкома — начальника производственного отдела.

Зато Володин, везде успевая сам, соответственно был в курсе всех обсуждаемых вопросов во всех организациях.

1962 год — последний полный год работы Володина вообще и на нашем заводе. Начался он для него неудачно. 4 января приказом по министерству ему был объявлен выговор за отсутствие должного руководства и организации работ по перевозкам, учету и хранению

"совсекретных" (совершенно) узлов. Сколько их было таких выговоров за любые, и самые незначительные, погрешности на "объекте"! Разве можно за всем уследить руководителю огромного предприятия! Но год прошел обычно — не хуже и не лучше предыдущих.

Новый год определил дальнейшую судьбу первого директора. 4 января Володина освободили от должности директора завода. Последние дни ушли на подготовку дел к передаче новому директору Л. А. Петухову. 22 января состоялась передача дел по акту "сдал-принял" и большой перечень, что конкретно сдал и что принял.

Напоследок Володин с Петуховым поехали в сторону Бакала, чтобы побеседовать с глазу на глаз, как говорят, без свидетелей. Может быть, Володин охарактеризовал своих помощников и других руководителей завода.

Вечером 22 января состоялось собрание партийно-хозяйственного актива, посвященное передаче дел и знакомству с новым директором завода. Володина пригласили на это собрание, но он не пошел. Он послал секретарю парткома завода записку примерно такого содержания: "Мне стало известно, что на собрании хотят меня поблагодарить за работу, сообщаю, что ни на какое собрание не пойду. К. Володин".

29 января Володин с женой Марией Алексеевной уехал в Подольск — "на место постоянного жительства". Провожали их только шофер Бирюлин с женой Клавой. Явно, что он обижен. Впрочем, 1 августа 1965 года на празднование 10-летия завода Володин приезжал и выступал.

12 августа 1968 года он умер после продолжительной и тяжелой болезни. Похороны проходили 15 августа с большими почестями. Присутствовали работники министерства, Главного управления. От Приборостроительного завода присутствовали А. Г. Потапов, В. Н. Силаев, Г. И. Тихонов, Л. Г. Созинов, А. К. Дерюшев, Н. С. Барков, И. А. Пушкарев.

За месяц до того Володину по ходатайству заводчан было присвоено звание "Почетный гражданин города", а 1 ноября 1968 года улица Парковая была переименована в улицу Володина.

Володин оставил о себе прекрасную память — город и завод, основанные под его руководством.

Приборостроительный завод после Володина завоевывал Памятные и Переходящие знамена, был награжден орденом Ленина, на-

гражден почетными грамотами и дипломами. И в этом его заслуга. Основу будущей славы завода закладывал он, Володин. Его участие в их делах приметно и сегодня.

Л. ЩЕДРИН

ГЕРОЙ ТРУДА

Кадровик, оформлявший меня на работу, предупредил: "Беляев, тебе на собеседование с директором на двадцать пятнадцать".

В приемной, кроме меня, находились еще несколько человек, которые передавали из рук в руки чью-то телеграмму и смеялись. Из отдельных фраз стала понятна ситуация: молодого специалиста, окончившего техникум, послали в Москву. Только доехал, шлет телеграмму: "Документы украли, деньги тоже. Жду дальнейших указаний".

Прошло несколько минут, и меня пригласили к директору. В тесной комнатке у единственного окна стоял небольшой канцелярский стол, за которым сидел грузный пожилой человек в сером, видавшем виды просторном костюме. Серые глаза, выдающие усталость вечно занятого человека. Голова кажется втянутой в плечи. Наполовину седые жесткие волосы короткой стрижки под полубокс.

Я обратил внимание и на неопределенного цвета рубашку, и не в тон костюму подобранный галстук — все говорило о пренебрежении этого человека к своему внешнему виду.

— Здравствуйте, Константин Арсентьевич, — я остановился, ожидая приглашения сесть.

— А если я тебя назову Юрий Николантьевич? — акцентируя внимание на букве "т" в отчестве, с улыбкой произнес Володин.

Я был так огорошен таким началом собеседования, что не сразу понял свою промашку.

— Здравствуй. Садись, — директор указал на стул, стоящий перед его столом.

В руках у Володина было мое личное дело, которое он просматривал. Долистав дело до конца, директор спросил:

— Где проходил преддипломную практику?

— В Свердловске.

— На "Уралмаше"?

— Нет, на "Полтинникс". Завод номер пятьдесят, танкостроительный, — поправился я.

— Какая тема дипломного проекта?

— Контрольно-сортировочный автомат для обмера оси трака гусеницы.

— Выполнял проект на кафедре?

— Нет, на заводе, в составе бригады заводских конструкторов. Проектировалась целиком поточная линия.

— Наверное, заводчане твой проект делали? — Володин ехидно улыбнулся. Его серые глаза в упор уставились на меня.

— Чертил и рассчитывал сам, но и многое согласовывалось с заводчанами, так как тема подлежала внедрению, а руководитель проекта все это время лежал с инфарктом.

— Каков отзыв и рецензия?

— Отлично.

— А почему высшая математика, теормех, сопромат — слабо?

— Первые курсы тяжело давались.

— Где бы хотел на заводе работать?

— В конструкторском отделе.

— У нас пока не будет своих разработок. Будем работать по готовым чертежам. А для текущих дел конструкторов мы уже имеем. Вот технологи нам нужны. Пойдешь?

— Не хотелось бы. Я недолюбливаю технологию.

На усталом лице директора отразилось явное недовольство наметившимся торгом. Человек военный, он привык чаще всего к ответам: "Есть" или "Слушаюсь".

— Пошлем в командировку, подучишься.

— Тогда лучше начинать ближе к производству, с цеха. Специальность у меня "Металлорежущие станки и инструменты". А это значит, ремонтный цех, отдел главного механика, инструментальный цех.

Моя несговорчивость начала директора "заводить". Скороговоркой, не всегда четко выговаривая слова, Володин выпалил:

— До ремонтного цеха еще далеко. Оборудование приходит новое. Монтаж ведут опытные специалисты. А вот инструмент...

И, не дожидаясь согласия, стал настаивать:

— У нас еще нет центральной измерительной лаборатории. Поедешь на завод Солдатенко. Соберешь материал на ЦИЛ, зарегистрируешь наш объект как точку в смысле поверочной системы. Записывай!

— Я запомню.

— Нет, ты запиши!

Я вытащил из кармана блокнот и авторучку. Бездействующая около месяца ручка не расписывалась. Чувствуя нетерпение директора, раздраженный тон его последних фраз, я попытался привести авторучку в рабочее состояние и стал отвинчивать колпачок, чтобы надавить резиновую пипетку. В это время блокнот, лежавший на колене, соскользнул на пол. Быстро подняв его, я продолжил свои манипуляции с ручкой, пытаясь выжать из нее необходимую порцию чернил.

Все это время директор следил за моими движениями и продолжал перечислять задания. И тут, как специально, огромная чернильная клякса легла на страницу блокнота.

— В Главке... В отделе метрологии... Всесоюзном институте метрологии..., инструкции..., поверочные схемы..., контрольные образцовые приборы..., меры длины и углов...

Володин говорил и говорил, не останавливаясь...

— А где этот завод Солдатенко? — я попытался остановить поток перечислений и выиграть время.

— Завтра скажут в первом отделе. Завтра же и нужно будет выехать в Москву. Все. До свидания!

Назавтра я стоял на перроне вокзала, чтобы сесть в поезд, который на целые полгода отвезет меня в столицу.

Лежа на средней полке плацкартного вагона московского поезда, я "переваривал" наиболее яркие события последнего времени: свой приезд на объект и знакомство с директором. Много позже, проработав с Володиным под его началом до последнего дня его пребывания в городе, я убедился в сложном и во многом противоречивом характере первого руководителя завода. Безусловно, он был "продуктом" своего времени.

Эпоха, когда ковался атомный щит Родины под руководством "отца народов" и при бериевском курировании организации нового ведомства, была сама по себе не простой. Переходный период от войны к миру. Необходимость в кратчайшие сроки догнать Америку в создании серийного производства атомного оружия в условиях послевоенного восстановления разрушенного народного хозяйства. Традиции тоталитаризма... Весь этот пресс давил на руководителя, взвалившего на себя груз величайшей ответственности.

Человек военный, обязательный, прибывший на объект из мест

рождения отечественной атомной бомбы, имевший опыт руководителя, был исключительно требовательным и к себе, и к подчиненным, обладал редкой памятью.

Редчайшее трудолюбие, настойчивость совмещались в нем с аскетическим образом жизни, к неуступчивостью характера. Болтали в министерстве злые языки, что и направлен-то он был директорствовать на Урал потому, что не ужились два "медведя" (он и Алферов) в одной берлоге (в Приволжской конторе). И главного инженера-то он не подбирал себе — навязали сверху, без согласования с ним.

Домыслы были всякие. Но одно коллектив завода вскоре понял: в характере директора предприятия не замечалось ловкого подхода к начальству. Редкий месяц обходился ему без взыскания свыше. При Володине завод не занимал призовых мест в соревновании и не получал премий, что вовсе не говорило о том, что руководимый им коллектив работал слабо.

Сам директор работал, можно сказать, как вол, и требовал такой же отдачи от других. В те годы уходить с работы нижестоящему руководителю раньше своего начальства было признаком дурного тона, приметой отсутствия деловитости, независимо от состояния дел. А, как правило, рабочий день директора продолжался до 10 часов вечера. С самого утра он обычно объезжал самые "узкие", самые напряженные участки, проводил оперативки с пусконаладчиками, и после них часто появлялся в заводоуправлении уже порядком раздраженный. Тогда легко было попасть под хороший разгон. Гнев руководителя порой возникал буквально из-за пустяка. В таком состоянии директор был большой мастер разноса и сопровождал нередко этот разнос потоком неблагозвучных слов. Он мог так хватить по столу кулаком, что задребезжит, бывало, разбитое стекло. Мог скомкать и швырнуть на пол подготовленный для подписи документ.

Пользуясь возрастной разницей, директор говорил подчиненным в лицо все, что он о них думает, особенно в раздраженном состоянии. Называл всех на "ты".

Однако с министерскими чиновниками он был на удивление учтив и подчеркнуто внимателен, хотя и считал их бюрократами и бездельниками. Видимо, общение с ними принимал как неприятную необходимость. Положение Володина в министерстве было напряженным. И очень длительное время Володин был только испол-

няющим обязанности директора завода. Ему не прощались даже мелкие недоработки. Поэтому страдал и коллектив завода.

Володин, то ли в условиях окружения его на девяносто процентов молодыми неопытными кадрами, то ли в силу выработанной за предыдущие нелегкие годы привычки принимать на себя весь груз ответственности, невольно приучал своих подчиненных прятаться за широкую директорскую спину, даже в не столь уж важных решениях.

Авторитет директора объекта в те годы был велик. Горсовет и горисполком мало кто знал. Народный суд не избирался. Существовал спецсуд, назначенный сверху. Идеологический фронт был в руках начальника политотдела. Парторганизация и комсомол только еще становились на ноги и набирали силу. Профсоюз тогда "смотрел в рот хозяину". Других общественных организаций долго не было слышно.

С любым вопросом обращались к директору объекта. Сам же он не делил вопросы на основные и второстепенные. Если человек пришел к нему с какой-то просьбой, все его вопросы для него были основными.

Не имея ощутимого противостояния или, как сейчас принято говорить, плюрализма мнений, Володин принимал такие, например, решения: "Пока я здесь директор — не будет у нас в городе ресторана". Или: "Зачем нам еще один кинотеатр, хватит нам и двух клубов на 350 мест". И это в тот период, когда в городе была сплошная молодежь и не было ни телевидения, ни возможности завозить артистов из других городов. При тогдашних перегибах, создаваемых бериевскими порядками, люди некоторых объектов даже на время отпусков не имели права выезжать из закрытых городов. И в этих городах создавались профессиональные театры драмы, музкомедии, театры оперы и балета. Только не у нас.

Но в жесткости принимаемых директором решений, я думаю, главную роль играли не его аскетические взгляды на жизнь, а, прежде всего, своевременный, в установленные сроки, пуск завода. Безапелляционные требования свыше, из Москвы, Володин воспринимал как не подлежащие обсуждению. К этому приучал и подчиненных: "Кровь из носу, но сделай вовремя!". Этот лозунг на заводе стал ходячей догмой.

Любые же отговорки и объяснения причин невыполнения задания сразу разбивались о другой володинский постулат: "Оправдываешься — значит виноват!".

Жизненный опыт, работа в "Приволжской конторе" помогали директору из множества нерешенных проблем находить самые важные, самые первостепенные. Начиная строительство завода с молодыми неопытными кадрами, Володин, безусловно, не решался полностью доверять им, поэтому выработал в себе жесткую привычку всюду лично самому проверять состояние дел.

Бывало, зайдет в магазин: легкое пальто, даже зимой, нараспашку. Пройдет вдоль витрин и прилавка, остановит покупателей, поговорит с ними, а потом едет к начальнику ОРСа. Разгоны давал классические. Но и снабжение в ту пору было отличное.

В семье первого директора завода, об этом знали все, тоже торжествовали аскетические привычки: не было роскоши, все одевались скромно. Сына держал в узде. Но это была не скупость.

Но особенно ревностно он берег государственную копейку. Пришел как-то комсомольский вожак просить у директора денег на комсомольскую свадьбу, тогда этот метод начинал входить в моду, он отказал, так как молодожены были дипломированными специалистами, а не рабочими. А руководителю инициативной группы, которая занималась вопросами внедрения в городе телевидения, за счет завода подписал требование на отпуск кабеля и всевозможных материалов.

Для изготовления и установки антенны к привезенному из Подольска старенькому телевизору "КВН" нанял бригаду слесарей, работу которой щедро оплатил из собственного кармана. В подобных вопросах, не в пример многим руководителям, Володин был исключительно щепетилен.

А в случаях, когда заводу грозили невыполнение плана, срыв сроков, штрафные санкции, и выручить могли только рабочая смекалка, мастерство исполнителей, инициатива организаторов, в этих случаях директор не мелочился, не жадничал. И тогда аккордные наряды, "лихие" премии решали успех дела.

В выходные дни Константин Арсеньевич иногда позволял себе расслабиться, "заложить за воротник", но знал меру и не терял над собой контроль. На работе был исключительно строг с выпивохами, не считаясь с их заслугами.

Начальник цеха Пятибратов как-то со своими художниками, общественностью явно перестарались в оформлении одной из стен цеха, где были представлены показатели, графики, лучшие люди, успехи в труде и спорте и много чего другого. Все это было красиво оформлено,

обставлено цветами и зеленью. Володин, пройдя по цеху, дал содеянному суровую оценку: "А пыли-то сколько на листьях. Показуха. Иконостас. А дефицит позиций — на восьми листах!".

Фанатично убежденный в необходимости экономного расходования государственных средств, Володин иногда в этом стремлении впадал в крайности, допускал непростительные ошибки. А в жизни все это потом приходилось исправлять.

Выход Володина на наш объект необходимо отнести к 1951 году. Тогда он с бывшим наркомом боеприпасов Ванниковым делал облет Южного Урала на самолете. Затем в составе группы с представителями военно-промышленной комиссии ЦК КПСС, КГБ, Ленгипростроя, будущим начальником строительства был направлен сюда для выбора вариантов привязки проекта к местности. Почти месяц группа объезжала на вездеходе, с участием местных властей, большой горно-лесной район от Миасса до Месягутова в Башкирии.

Три варианта привязки имели свои достоинства и недостатки, свои плюсы и минусы. Один вариант был неудобен тем, что требовал прокладки железнодорожной линии большой протяженности. Это затянуло бы сроки пуска завода в строй. Другой вариант вызывал опасение в нехватке промышленной и питьевой воды в засушливые годы. Третий вариант, хоть и имел естественную природную защиту и был достаточно удален от крупных промышленных городов, что было обязательным условием — особая секретность объекта и опасность, ведь ядерное оружие, но не располагал даже сносными в какой-то мере проезжими дорогами. К тому же эта местность по количеству выпадаемых в год осадков была самая рекордная. Зато первозданность природы, чистота рек, обилие зелени, богатство даров природы компенсировали оторванность от цивилизации. Однако и в этом случае вырисовывался ряд неудобств в будущем в части ухудшения условий взаимной кооперации, снабжения, получения квалифицированных кадров. Над всеми вариантами довлела необходимость как можно глубже в Уральские горы запрятать важный объект.

Приказ "всесильного" Лаврентия — прятать как можно надежнее важный объект — был, и с этим приходилось считаться. Третий вариант прошел в жизнь.

Пока выбирали вариант привязки к местности, велась разработка генплана объекта солидной Ленинградской проектной организацией. Будущий проект вобрал в себя и лучшие достижения в стро-

ительстве отечественных и зарубежных машиностроительных заводов. Причем проект объединял вопросы строительства не только завода, но и города, включая все необходимое для его жизнеобеспечения, с учетом соблюдения требований экологии и последующей перспективы развития.

По ходу строительства, правда, не все получалось, как предусматривалось проектом. Жесткие сроки, установленные для пуска завода, и жизненные обстоятельства текущего строительства вынуждали руководство объекта кое-что менять в проекте, иногда в худшую сторону.

Этим стремлением и жил первый директор предприятия. Это же он постоянно внушал всем своим специалистам. Какой завод строится и какая продукция им будет выпускаться, поначалу знал очень узкий круг людей. Но люди, остро чувствуя обстановку закрытого города, догадывались — строится что-то важное, и жили мыслью: значит, так надо! Терпеливо переносили все тяготы и неудобства предпускового периода. В этом отношении пример Володина в быту и на работе, высочайший патриотизм и ответственнейшая самоотдача — все это вместе взятое помогало первостроителям героически переносить все трудности. Они вправе называться героями труда. И в первую очередь их руководитель.

Ю. БЕЛЯЕВ

ВОЛОДИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Мое знакомство с Константином Арсеньевичем произошло в старом здании тогда еще не существовавшего Министерства среднего машиностроения в Москве, в начале июля 1952 года. Это здание стояло за Казанским вокзалом на Старорязанской улице. Работник управления кадрами представил его нам с Юрой Арефьевым: "Это ваш непосредственный руководитель, знакомьтесь, подполковник Володин Константин Арсеньевич.— И дальше сказал, возможно, чтобы мы его больше уважали и даже побаивались: — У Володина неограниченные права в отношении вас. Он и суд, и военный трибунал для вас. Так что подчиняйтесь во всем". Володин был в военной форме, он нам годился в отцы.

Весь июль и начало августа мы жили в гостинице на Набереж-

13 Заказ 2236

ной и выполняли различные поручения Володина и разных лиц из окружения главного режимщика Первого Главного управления Боровкова. Нас засекречивали, гоняли по явочным — конспиративным квартирам, проверяли. Мы чувствовали себя в подполье во вражеском тылу.

На Урал ехали мы, согласно инструкции, не менее секретно — в разных вагонах. Мы с Арефьевым в плацкартном, Разин в одном купейном, а Володин — в другом. Мы были предупреждены, что за одну-две остановки до высадки к нам в вагон придет человек и скажет, когда выходить. И вот в Кропачево в вагон заходит человек небольшого роста (как потом мы узнали, А. В. Гусев) и сообщает, что нам на этой остановке выходить. Все это сказал шепотом, чтобы никто не слышал. Билеты наши у проводника он взял сам. Мы были ошарашены такой неожиданностью и, главное, шепотом, быстро покидали нехитрые студенческие одеяния в деревянные чемоданы и спрыгнули на перрон.

Через 2—3 минуты опять подходит этот человек и говорит, чтобы мы быстро садились в вагон и ехали дальше до особого его указания. Как потом выяснилось, шофер Новиков не понял указаний и приехал вместо Кропачево на станцию Вязовая, чем подвел нашего шефа, нарушив инструкцию. А нам, которым положено по инструкции "сойти с поезда незаметно", шофер оказал медвежью услугу. Мы "засветились". Пассажиры смотрели на нас, как на придурков, которые едут в свою деревню и не знают, где она. На Вязовой в вагон вновь зашел Гусев, чем окончательно рассмешил пассажиров. На станции стояла машина. Володин, Разин и Гусев уехали, сказав нам, что за нами придет машина вторым рейсом.

Через два часа приехал за нами Новиков и повез нас в Юрюзань. Ехали молча, по инструкции говорить с шофером не имели права. Но инструкцию нарушил он, первый заговорил и предложил купить у него часы. Находясь под накачкой инструкций, мы отказались, про себя подумав: "Провоцирует агент, нас не купишь".

Приехали мы на квартиру Новикова, он нас отвел в комнату, где ничего не было кроме одного стула и сказал: "Из квартиры не выходить, чтобы вас никто не видел". И уехал. Мы с Юрой просидели три часа без еды и воды, не выходя из дома.

И вот наконец-то в комнату вошли двое, Новиков и высокий, симпатичный мужчина (помощник директора завода по кадрам Никитин): "Сейчас я вас отведу в столовую, накормлю, а оттуда отве-

зу на квартиру, где вы будете жить. Выходить с квартиры по одному. Держать дистанцию 100 метров друг от друга. В столовой садиться за разные столы, друг с другом не разговаривать, делать вид, что не знакомы".

Наелись, как говорится, от пуза пельменей, ведь со вчерашнего дня ни крошки во рту. И опять в том же порядке по одному с дистанцией 100 метров двинулись на другую квартиру.

Утром, часов в семь, пришел за нами Новиков и повез нас к "Хозяину" — Володину. Так мы с Юрой Арефьевым прибыли под начало Володина.

Контора-барак на Красной Горке был поделен пополам между "Хозяйством Володина" — по режимным выражениям "Склад-33" и "Хозяйством Садовника" — директором "Дальнего". Садовник — полковник по званию, носил форму КГБ (он был из чекистов Челябинска). Садовник прибыл в барак и при мне знакомился с Володиным. Раньше они не встречались. С этого момент отчество Арсеньевич и Арсентьевич стало путаться у всех на устах. Садовник в отчестве имел "т", а Володин нет. Мы это путали, и Володина это очень раздражало.

Кадровик Никитин забрал у нас паспорта и выдал справки, что мы являемся военнослужащими.

Завхоз П. И. Казанцев выдал нам кирзовые сапоги, белые полушубки и шапки-ушанки. Дело шло к зиме.

Как-то не выспавшись (поздно легли), решили с Юрой идти на работу небритыми, щетина у нас, молодых, не ахти какая. Пришли на планерку в кабинет (комната с одним столом, табуретом и скамейкой) Володина. Посмотрел он на нас и говорит: "Чтобы это было в последний раз". Вытащил из кармана по трояку: "Идите, побрейтесь, тогда и придете на работу". В Василовке парикмахерской не было, пришлось идти в Юрюзань. По грязюке, как говорится, семь верст киселя хлебать.

Вчерашние студенты, мы совсем не имели опыта и учились в том числе и на своих ошибках. Впрочем, и более опытные сотрудники, к примеру Ф. И. Рубцов, на ходу тоже учились вместе с нами. Ранее Рубцов работал главным бухгалтером действующего предприятия, а здесь стройка да секрет на секрете. Без строгих инструкций ни шагу. Главным консультантом был Володин, а у строителей — Багрянцев, Фирсов. Ответственность была колоссальной.

Вскоре мы убедились, что Володин обладает феноменальной па-

мятью. Он мог свободно в уме умножать, делить и делать другие арифметические и алгебраические действия четырех и пятизначных чисел.

В 1953 году как-то звонит мне Володин и говорит: "Вечером будете свободны, эдак часов в 8—9? Если да, прошу подойти ко мне, нужно посоветоваться". Конечно, свободны, хотя вечер был занят. Пришел ровно в 20.00. "Анатолий Геннадьевич! Давайте помечтаем, каким должен быть наш город, какие здания соцкультбыта необходимо нам построить в первую очередь. И давайте посчитаем, во что это нам обойдется". Я тогда курировал городское строительство. И стали мы мечтать и подсчитывать. Есть такие укрупненные нормы: стоимость квадратного метра жилья, объектов соцкультбыта, дорог, железной дороги и т. д.

Все нормы он помнил наизусть. Он говорил, я записывал. Затем я умножал, суммировал квадратные и погонные метры и т. д. Когда подсчитал и назвал число, он мне говорит: "Вы ошиблись". Я опять стал считать. Говорит, снова ошибка. Снова пересчитываю. Сжалился: "Ну хорошо, потом подсчитаете. Должно быть столько-то" и назвал число. Когда дома спокойно все перепроверил, убедился, что он был прав.

Таких бесед было немало. Потом мы поняли, он таким образом изучал людей и прикидывал, кому что можно доверить.

Часто Володин вопросами загонял в тупик собеседника. "Вы читали в газете статью?" Собеседник ответит, что нет, не читал. Тогда он начинает рассказывать содержание статьи. И между прочим опять спрашивает: "А вы смотрели вчера фильм такой-то?" Собеседник отвечает, нет. После этого вопрос, сражающий наповал: "А вообще-то, чем вы занимаетесь по вечерам?" После такого конфуза начинаешь читать все газеты, ходить в кино и вообще стараться больше узнавать. Хотя бы на всякий случай, чтобы не допустить оплошности в следующий раз при беседе с директором. Все наше поколение первых руководителей заводских служб прошло через володинские беседы, и он воздал каждому по знаниям и способностям.

Володин с первых дней нашего появления на заводе учил нас даже писать деловые письма и телеграммы. Это были вначале для нас сплошные муки. Даст задание изложить суть, напишем, а он, нам казалось, не читая, бросает в корзину. И так до десятка раз. Нас он доводил до исступления, порой хотелось запустить в него

чернильницей. Тогда писали ученическими ручками с пером, макали в чернильницы-непроливашки. Он добивался от нас четких формулировок. Как сейчас помню его наставление: "Начальство длинных писем до конца не читает, поэтому в первых четырех строках должна быть изложена суть вопроса. Что просят или предлагают, а затем почему и для чего". Эта школа нам пошла на пользу. В дальнейшем письма и телеграммы в Главк, министерство писались нами без его исправлений.

Постепенно между нами установились доверительные отношения. Володин в дальнейшем при исполнении мной обязанностей главного инженера ОКСа, затем главного инженера стройки предоставил мне приказом по заводу право самостоятельной подписи на всех документах, касающихся капитального строительства во все адреса. Я его ни разу не подвел.

Володин часто выезжал для изучения местности, на строящиеся объекты на своем "козле" ГАЗ-67. В первые годы мне и Арефьеву чаще других приходилось выезжать с ним. И вот едем, Володин и я, изучить место "врезки" ветки железной дороги для нашего завода с магистралью. За Красной Горкой крутой спуск и небольшой железнодорожный мост. Проезда для автомашины по отсыпке бетонных опор нет. Была узкая дорога вдоль крайней опоры для гужевого транспорта. Да и то возчики, как правило, боясь слететь вниз, брали лошадей за узду и шли впереди лошади. Объезжать очень далеко.

И вот Володин приказывает шоферу проехать по этой дороге. Сам вышел из машины, пошел в лес, нашел в валежнике солидную вагу и скомандовал ехать, прижимаясь вплотную к опоре. Я тоже вышел из машины. Шофер Сесин оробел, он был вообще робким человеком. Володина же боялся животным страхом. И тут, наверное, с перепугу он решился, но, поравнявшись с самым узким местом, остановился. Володин зашел спереди, вставил вагу между колес, передвинул передок машины ближе к стене и скомандовал ехать тихо на него. Сесин от страха никак не может справиться с переключением скоростей. Но вот машина продвинулась на 1,5—2 метра и опять остановилась. Володин опять повторил вагой перемещение передка. Так мы и преодолели препятствие. Наверняка впервые в этом месте проехали на машине. До приезда строителей с техникой и транспортом в Юрюзани и его окрестностях автотранспорта не было вообще.

В нашем поселке Володин был хозяином с безграничной властью. В то время был спорным вопрос, нужен ли поселковый Совет или сохранить "монархию"? Володин был очень внимательным человеком, но вместе с тем крутой до беспредельности. Мне известны факты и фамилии людей, которых он не только уволил с завода, но и выслал из поселка, даже не прибегая к милиции.

И вот однажды Володин пригласил меня в кабинет и говорит: "Анатолий Геннадьевич, даю вам специальное задание, думаю, что вы с ним справитесь..." Изложил суть.

В нашем поселке появились некоторые объекты соцкультбыта (больница, столовые, школа, детсад, клуб, коммуникации и т. д.) и с каждым годом растет население. И у него, умудренного опытом руководителя, появилась мысль, что в поселке должен быть какой-то орган, а для начала человек, который сконцентрирует в своих руках управление инфраструктурой поселковых организаций. Почему он выбрал меня для выполнения этого "особо важного, специального задания", мне не известно. Он сформулировал его довольно четко: "В поселке Юрюзань есть поселковый Совет, возглавляет его некий Малахов Федор Петрович. Образование минимальное, 20 лет работал кузнецом. Но дела управления поселком знает хорошо и на первых порах был бы очень полезен нам. Ваша задача завербовать его пока на должность по найму, начальником отдела. Если проявит себя, будем рекомендовать на выборную должность". Я задал вопрос, знает ли Малахов об этом. Володин ответил: "О вашем приезде он будет знать, я ему позвоню". И дал подробную инструкцию, как действовать.

Вот где проявились особые качества Володина, его наблюдательность и знание людей. "В Юрюзани нет легковых машин, даже директор завода Кожевников ездит на лошади. У Малахова тоже лошадь, запряженная в телегу. Даю вам свою "Победу". В то время за Володиным была закреплена "Победа" белого цвета. Списанная в Москве, как выработавшая свой ресурс, по нашим дорогам часто подводила. Обычно в большую гору можно было на ней ехать только задним ходом. Но в местных масштабах выглядела не менее как правительственная машина.

Дальше он инструктировал: "Подъедете под окна поссовета и посигнальте. Малахов очень тщеславный человек. Поднимайтесь к нему в кабинет и попроситесь на разговор с глазу на глаз".

Все так я и сделал. У Малахова шло совещание. При моем появ-

лении он его прервал, немедля выпроводив всех. Что уж им сказал, но они выскочили из кабинета, как пробки из бутылки, почему-то озираясь на меня. Дальше он вышел в приемную и самолично пригласил меня в кабинет. Долго разговаривали (я по инструкции Володина). Он клюнул и часа два заполнял анкеты, врученные мне Володиным, писал биографию, задавал очень много вопросов по каждой строке анкеты. Когда все заполнили, я убрал документы в папку.

Он проводил меня до машины. И здесь сработало то, о чем говорил Володин — тщеславие Малахова. Ему очень хотелось, чтобы его повозили по поселку на машине, долго мялся у открытой дверцы "Победы", задавал малозначащие вопросы. Я отвечал на них, а он крутил головой по сторонам, явно торжествуя, показывая свою значимость. Как же, за ним приезжают не на лошади, а на автомобиле, да еще на "Победе". Затем он все-таки решился попросить подвезти его до дома будто бы на обеденный перерыв. Я это сделал, это тоже было предусмотрено инструкцией Володина. У своего дома Малахов минут 15 позировал у машины. На нас смотрели полулицы — и через окна, и прохожие, и его домашние. Так Федор Петрович стал сотрудником нашего п/я 17, а ко мне всегда относился с почтением. Впоследствии его избрали председателем нашего поссовета. Он проявил себя и сделал много полезного.

А. КОГАН

НА ИСПЫТАНИЯХ

Володин органически не переносил болтунов и краснобаев, а особенно бездельников. Об этом все хорошо знали и при его появлении в цехе начинали суетиться, бегать, короче говоря, изображать активную деятельность. Я не сразу понял, как надо вести себя при нем и неоднократно выслушивал длинные монологи о том, как нужно работать.

Зашел он как-то, как обычно, к нам с утра, а у нас в зале пусто, людей нет. Все занимаются чем угодно, но только не сборкой изделий. Володин сразу же накалился и, когда я подошел с докладом, начал отчитывать меня. Только минут через пятнадцать на мгновение остановился, и я успел вставить лишь одну фразу: "Узлов нет".

На это немедленно последовал ответ: "С узлами и дурак соберет. Поехали".

И мы поехали по цехам, изготавливающим узлы. Начальники цехов бодро докладывали: "Узлы отправлены". "Узлов нет", — стоял я на своем. Начинали разбираться и находили узлы в цехе. Начальники в свое оправдание твердили, мол, им доложили, что узлы отправлены, но сейчас примут все меры... Гнев Володина обрушился на них.

Постепенно он понял, что я обманывать не умею, и это впоследствии обернулось для меня большим плюсом. Он увидел, что я, хотя и не хватаю звезд с неба, но выполняю все его поручения со всей ответственностью. Володин прекрасно понимал, что лучше рядом иметь хорошего, пусть и не расторопного исполнителя, чем умного проныру-бездельника и нахала. В дальнейшем он уверовал в меня и даже привлек в неофициальные помощники.

Володин в гневе был непредсказуем, возражений не терпел. На заводе он был бог и царь. Тех, кто пытался отстаивать свое мнение, он просто выгонял с завода. Что-что, а это я по себе знаю.

Дело было так. Моя сборочная бригада на двух площадках собирала два разных изделия. Сборка была срочная, людей не хватало, и я решил собирать изделия поочередно. Иного выхода у меня просто не было.

Володин решил проверить, как идет срочная работа. И надо же было ему оказаться сначала на той площадке, откуда я большинство людей забрал. Ярости его не было предела. Я пытался объяснить суть дела. Мои объяснения он слушать не захотел. На глазах у многих выставил меня из цеха, объявив, что на заводе я больше не работаю.

Что мне оставалось делать? Я решил пойти в очередной отпуск. Его-то Володин меня лишить права не имел. Целый месяц я на заводе не появлялся. Отгуляв отпуск, пришел в Володину. Он меня встретил как ни в чем не бывало. Те злополучные изделия были собраны вовремя, и все осталось между нами. Как говорят, он был суров, но отходчив.

На заводе Володина боялись все, но обижались на него немногие, прощали за отходчивость и незлопамятность. В гневе мог сказать лишнее, поступить несправедливо, зато своих работников в министерстве и других инстанциях всегда защищал. Он строго следил за выполнением своих указаний, но не наказывал за невыполнение, если указания были не совсем правильные. А если уж в кого поверил, оказывал неограниченное доверие. В конце концов такое неограниченное доверие получил и я.

Не забуду нашу поездку с Володиным на полигон в Капустин Яр. Это было в то время, когда Волгоградская ГЭС только еще строилась и на другой берег Волги переправлялись на пароме. Перед этим на контрольном изделии "Луна" у нас отказал радиодатчик. Испытания проводились под моим руководством, поэтому мне доверия уже не было и на следующие испытания ответственным назначили самого Володина.

Наше изделие под кодовым названием "Луна" представляло собой головную часть тактической ракеты, запускаемой с самодвижущейся пусковой установки. Для контроля за повсдением изделия на траектории применялись две радиотелеметрические системы, работавшие одна в метровом, а другая в сантиметровом диапазонах. Обе системы мы возили с собой, сами их обслуживали. Моя специальность инженера по радиотехнике здесь была как нельзя кстати. Обе телеметрическис системы мы освоили, а вот основной прибор изделия — радиодатчик у нас иногда отказывал. Вот и послал Главк на испытания самого директора, чтобы на месте разобрался в причинах наших неудач.

На заседаниях комиссии на испытаниях он вел себя спокойно, а вот на старте сорвался. Его волнение вылилось наружу. Он обрушился на представителя приемки В. С. Гамана, который несколько затянул с проверкой установки. Я тоже волновался, но свое волнение не показывал. Он просто забыл, что здесь не завод и он со всеми на равных. С трудом конфликт мне удалось уладить.

Пуск. Изделие срабатывает на заданной высоте. Капризный датчик сигналит без сбоя. Испытания прошли успешно. Володин поехал в штаб полигона, чтобы позвонить в министерство о результатах испытаний, но в штабе его не знали и поговорить не дали. Расстроенный и разгневанный, он возвратился в гостиницу и послал звонить меня. Начальник штаба полковник Шлыков знал меня по прежним командировкам прекрасно, и связь мне дали. Нам дали добро на возвращение на завод.

Добраться до Волгограда можно было двумя путями: железной дорогой, что мы всегда и делали, или автобусом, что быстрее. Председатель комиссии предложил ехать на автобусе. Погода прекрасная, а до Волгограда всего ничего — каких-то 100 км. По нормальной дороге это всего лишь два часа езды. Поездом можно уехать назавтра — теряются сутки. Решили ехать автобусом. Но... вот уж правильно говорят: гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

В автобус садились с шутками и прибаутками, и никто не предполагал, что через каких-нибудь полчаса автобус придется тащить на своих плечах. Не успели выехать, как горизонт впереди потемнел, и вскоре начал накрапывать мелкий дождь. Но никто не имел никакого понятия, что будет с дорогой после дождя. Вскоре смоченная дождем дорожная пыль стала вязкой, а затем и скользкой. Автобус на дороге удержаться не мог и вскоре сполз в канаву. Пришлось лезть под дождь, в грязь и вытаскивать машину. Все принялись за дело. Только Володину дали освобождение, все-таки старше всех по возрасту и у него болели ноги. Об этом знали, да и как было не знать, если он свои 47-го размера ботинки на сгибе разрезал, иначе трудно было ходить.

Пассажиры, в основном, были военные, желающих командовать было много. Пришлось выбрать командира, и дело двинулось. Автобус вытолкнули на середину дороги, и он, обдавая нас жидкой грязью, медленно пополз вперед, поминутно сползая то вправо, то влево. Нам пришлось разделиться на две группы, чтобы оберегать его от сползания. С руганью, криком и гамом мы поминутно подставляли под его бока плечи. А впереди еще не один десяток километров.

Вскоре наступила темная ночь. Долгожданный, столь редкий в этих краях дождь, не переставая, поливал нас. Толкать автобус становилось все труднее. Под ногами ничего не было видно. Уставшие, мокрые, грязные, мы думали лишь об одном: как удержаться на ногах. Мы потеряли счет времени. Хотелось забраться в автобус и уснуть. Но все боялись показать перед другими свою слабость и упорно продолжали месить грязь. Вот и Володин не усидел в автобусе и тоже вылез нам на помощь. Теперь автобус был совершенно пустой, но и удержать его не было сил. Я плохо помню, когда наступил рассвет, перестал лить дождь, а мы, мокрые и обессилевшие, залезли в автобус и попытались как-то согреться.

В конце концов автобус мы оставили в какой-то деревне. Сами же, нагрузившись чемоданами, побрели к переправе через Волгу. В Волгоград мы прибыли только в полдень.

Наш поезд на Златоуст уходил поздно вечером, и Володин решил лететь самолетом в Москву. Вот так закончилась наша совместная поездка на полигон.

После этой поездки его отношение к нашей военно-сборочной бригаде изменилось. После успешных испытаний стал даже премировать. Так что мы не зря страдали той кошмарной ночью. А тот

злосчастный радиодатчик вскоре был снят с вооружения и заменен на новый. Произошло это вскоре после натурных испытаний в Казахстане. При них бомба начинялась ядерным зарядом. Изделие сработало от контактных датчиков при ударе о землю. Воронка в земле, образованная при взрыве, была солидной, но, главное, много земли было загрязнено радионуклидами. Вину признали за радиодатчиком. Я присутствовал на совещании в Москве, где решалась его судьба. Новый радиодатчик оказался более надежным.

А. ТУТУШКИН

ЛИЧНЫЙ ШОФЕР ДИРЕКТОРА

В 1950 году меня призвали в армию. Привезли в Кыштым. Прошли комиссию, получили форму. Потом погрузили в вагоны и привезли неизвестно куда. Приказали никуда носа не совать и не писать писем до особого распоряжения. После карантина нас распределили по специальностям. Я, как тракторист, попал в отделение механизаторов. Определили нас в тракторный парк. Очень много всякой техники: трактора, бульдозеры, экскаваторы, краны. Парк расположен на берегу озера, как узнали позднее, это было ныне известное на весь мир как самая крупная ядерная помойка планеты — озеро Карачай. Тогда в него отходы только начали спускать. За ним недалеко виднелся какой-то завод. Это был комбинат "Маяк".

Прошел год. Мы стали узнавать, где мы находимся, что рядом города Кыштым и Касли. Потом нам дали наш адрес — Челябинск-40. Письма писать запрещалось. Выезд был тоже запрещен, даже на похороны родственников. Особенно много было заключенных, отбывавших тюремный срок.

Весной 1952 года нас вызвали к старшине, сказали, чтоб собирали вещи, нас переводят в другую часть. Погрузили технику на платформы, нас в теплушки, и в ночь тронулись. К утру прибыли на станцию Вязовая. Утро было морозное, туманное. Это было 9 апреля. Прицепили состав к паровозу и снова повезли. Кругом виднелись горы, горы, горы. Остановились, где-то внизу был виден какой-то завод и речка. Эшелон поставили к эстакаде. Сгрузили два трактора "Сталинец", два бульдозера, электростанцию, прицепы, американскую автомашину "студебеккер", "коломбину" (хлебовозку).

Вначале мы стояли в поселке Василовка. Нас определили в конюшни. Лошадей вывели, а мы стали обустраиваться, стелили полы, нары, сложили печку. Но все равно пахло лошадьми. Освобождались и другие конюшни — солдаты все прибывали и прибывали. Так образовался батальон, где командиром стал подполковник Черноморченко, взводный — Антонов, ротой командовал Зайнуллин. Гарнизон обнесли высоким забором, поставили часового. Пригнали свои трактора, поставили их на стадионе. Весна была ранняя, снег быстро начал таять, как масло на горячей сковородке. К технике невозможно было подойти, и нас с техникой переправили на гору, где была больница.

В мае опять мы переехали на поляну в двух километрах от Василовки. Вокруг только лес. Опять пришлось обживаться. Поставили электростанцию, начали строить новый поселок. Стали готовить полотно для железнодорожной ветки в Василовку. Было организовано железнодорожное отделение. На станцию стали прибывать стройматериалы. Стали прокладывать дорогу-лежневку от Василовки к стройплощадке нового города. Проложив дорогу, начали строить лагерь для заключенных. Это было место, где сейчас расположился гортранс. Лагерь строили день и ночь. Первыми в бараки селили нас — солдат. Когда спала в реке вода, стали строить мост через реку Юрюзань. От моста стали прокладывать лежневку к бетонному заводу.

На глазах ширилась стройка. Поднимались бараки и коттеджи по улице Строителей.

Прибыли земснаряды для добычи песка. Смонтировали их у лесозавода и стали опробовать. Песок не шел, так как много было затоплено бревен во время сплава. Разобрали и перевезли к строившемуся бетонному заводу. Вырыли большой котлован, он заполнился водой, но песок опять не шел. Здесь много камней. Решили ставить камнедробилку и добывать гравий. Камнедробилка работала круглые сутки. По всему левому берегу брали песок и гравий, который шел на строительство города и завода.

Я получил новый бульдозер и сменщика Павла Рубцова. Получили новое задание — готовить полотно железной дороги от Василовки до развилки будущего КПП и к ручью Смольному.

Весна 1953 года принесла неожиданные проблемы. Река в то время была очень полноводной. По ней шел сплав леса, и вот получился затор у моста. Собралось много начальства. Вода все прибывала, стало затоплять всю площадь от моста до бетонного завода. Вот-вот мост

снесет. Решили удержать мост тросами. Их натягивали и держали тракторы и экскаваторы. Мост выгнуло в дугу. Срочно привезли сплавщиков. Они стали разбирать затор бревен. И только когда разбросали бревна, вода начала спадать. Мост повредило, но он уцелел.

Шло время, и мы с Павлом Рубцовым и Николаем Новиковым получили новое задание — готовить полотно для дороги к строящемуся поселку Дальний. Дали отделение солдат для расчистки леса. Начали ставить бараки для заключенных. Начальником участка был капитан Зорин. Так и бросали нас с одной стройки на другую.

В ноябре 1953 года меня демобилизовали. Я уехал в Калугу, где жили мать и сестра. Я помог им построить дом. Получив паспорт, решил вернуться на стройку, так как в Василовке у меня осталась девушка. С января 1954 года я стал работать в "Хозяйстве Володина" механизатором. Гараж стоял на краю Василовки. В парке — грузовая машина, "Победа", автокран и трактор, четверо шоферов: Булыгин, Смирнов, водитель-солдат Новиков, два механика — Г. А. Жигулев и М. В. Снегирев. В 1954 году гараж переехал на ул. Островского, где стояла котельная. Стали прибывать машины и автобусы, заводское оборудование и станки. В Василовке их выгружали и перевозили на склад.

В моем распоряжении была машина ГАЗ-66, трактор и бульдозер. Начальником гаража был вначале Дрожинин, позднее И. Г. Мякотин. Однажды он приглашает к себе в кабинет и говорит, что директор Володин обратился с просьбой подобрать для него водителя. Посоветовавшись с женой (я к тому времени женился), я дал согласие.

Ходил Володин очень мало. У него болели ноги, но он никогда никому об этом не говорил и в больницу не обращался. Был не слишком опрятен. Одевался очень просто. Поношеный, засаленный серый костюм. Галстук не любил, но носил. Длинное пальто, зеленая фетровая шляпа. Ботинки с галошами. Это был военный человек, ему по долгу службы часто приходилось переезжать с одного места на другое.

Жена его оставалась в Подольске, пока он устраивался. Сын учился в Челябинске, и жена больше находилась с ним.

Прибыв в наш город, он больше жил один, сам готовил, а за собой следить не оставалось времени. Рубашки, когда подкопятся, иногда стирала моя жена, он ей платил. Писал он очень плохо, неразборчиво. Писем никому не писал, записывал мало, все помнил по памяти. В Ульяновске у него жила сестра. На Волге брат и две сестры. В Севастополе — дочь с зятем.

В квартире у него было пусто. Не было у него дорогих вещей — ни хрусталя, ни ковров, ни машины. Жил скромно, две железные кровати, простой гардероб и гора пустых банок-поллитровок из-под консервов. А покупал он щи, борщи, солянки — бросал содержимое в кипящую воду, так и питался. Мясо не покупал. Обедал в спецстоловой, причем обычно брал двойную порцию.

Всего себя отдавал он работе, не зная ни свободного времени, ни выходных.

Он не был рыбаком, охотником, любителем грибов и ягод, но очень любил природу. И если по выходным оказывалось свободное время, просил отвезти его в лес, на реку, подолгу любовался, иногда стрелял.

В 1958 году Володин купил "Волгу" и попросил меня отогнать в Челябинск сыну Виктору. Сам же он был в отпуске. Мы поехали втроем. Дороги были насыпные. Ездили в Челябинск тогда делая кругаля — через Месягутово, Красноуфимск и Свердловск. У него в пути сильно воспалились ноги, была опухоль, вены вздулись. Пока ехали, сильно натряслись, и опухоль спала. Приехали в Челябинск, он мне говорит: "А что, если я тебя попрошу поехать со мной. Я за все тебе заплачу". Переговорив с женой по телефону, я дал согласие, и мы решили ехать на "Волге".

Путь повторился снова, а далее — до Уфы и на Ульяновск. Сестра Володина жила в своем доме, недалеко от музея Ленина. Это была неописуемая встреча. Сколько было слез. Она работала медсестрой. Я ей рассказал, что у брата сильно болят ноги, но он скрывает это. Дальше я не поеду, пока он не залечит свои открытые раны. Он очень рассердился на меня за это. Мы прожили в Ульяновске три дня. Ходили по музеям, ездили на завод, где он раньше работал директором.

Сестра мне рассказала, что в войну она работала в Ульяновске, и однажды в газете прочитала заметку о награждении директора завода К. А. Володина орденом. Подумала, неужели это брат? Решила пойти и узнать. Секретарь к нему не пустила. Улучив минутку, она все же влетела в кабинет. За столом действительно сидел ее брат. Сколько было слез и радости, что нашла брата, родные о нем ничего не знали.

Подлечили ноги, дали нам лекарства на дорогу. И отправились в путь на юг. Сталинград, Саратов, Краснодар, Темрюк... Наконец Астрахань — родина Володина. Их дом стоял на месте, еще хороший, но жили в нем уже другие.

В Астрахани заехали к брату. Жена его, увидев нас, сказала: "Приехал какой-то начальник". Вышел брат Михаил. Смотрят они друг на друга и не узнают, ведь не виделись, как он ушел в армию более 30 лет назад. Пока он не сказал: "Это я, Миша!". Брат сразу поехал на пароход, где работал шкипером, чтобы привезти рыбы к столу, сказал, мол, приехал брат, и он хочет угостить его хорошей рыбой. Вынесли ему большую севрюгу. Хозяйка из рыбы настряпала пельмени. Я таких вкусных никогда не ел. Посидели и поехали к сестрам, они жили в центре города. Каково было их удивление, ведь они считали, что его нет в живых. Сколько было слез!

Погостив три дня, стали собираться дальше. Поехали в Севастополь к дочери. Она совсем не ожидала, что отец приедет. Зять служил офицером на эсминце.

Был еще Пятигорск и обратный долгий путь.

Вернулись домой, и снова работа, работа с темна до темна, без выходных.

И так, понимая друг друга, мы объехали с ним пол-России. Почти 10 лет мы с ним делили одну машину и все дорожные трудности. И вот январь 1963 года. Он уезжает. Только я с женой проводили его на поезд. На прощанье на вокзале выпили бутылку коньяка. Он уехал в Подольск.

В 1968 году я с семьей ехал из отпуска из Ленинграда. Хотелось заехать в Подольск, повидаться с Володиным, но так и не вышло. Приехал домой и узнал, что именно в тот самый день он умер. Мне было просто не по себе.

Д. БИРЮЛИН

СЛОВО О ПЕРВОМ ДИРЕКТОРЕ

За нами, молодыми, а таких было большинство, был нужен глаз да глаз, и Володин не спускал с нас глаз. С утра он, как правило, обходил рабочие комнаты и в течение дня нередко заходил, просто смотрел или спрашивал, чем занимаемся. Он мог после работы остаться на 2—3 часа с молодым работником как бы разобраться с техническими данными оборудования, а на самом деле — поучить его уму-разуму. Иногда он, давая новое задание, вручал техническую книгу — проработай. Он мог неожиданно взять с собой на

строящиеся объекты или в город — Катав-Ивановск, Усть-Катав и другие. Причем рассматриваемые им вопросы в поездке далеко не всегда относились к работе сотрудника. Просто Володина интересовало его мнение. Конечно, ему было хлопотно с молодыми, но он находил для этого время и силы, воспитывал — и личным примером, и образом жизни.

У Константина Арсеньевича был очень характерный, растянутый почерк, написанное не всегда можно было понять, особенно если писалось срочно. Бывали случаи, что машинистки не могли разобрать его писанину и привлекали к разборке находившихся рядом. И это продолжалось, пока Володин не спрашивал — готово? И сердился, узнав, что не могут разобрать. Он просто не мог поверить, что пишет, как курица лапкой.

Личность Володина оказывала на всех огромное воздействие, слушались его беспрекословно как молодые, так и в годах, учились у него и подражали. Он внимательно к нам присматривался, с прикидкой на будущее — надо будет выбирать из нас руководителей служб и цехов.

С. ЯРОВЕНКО

* * *

Володин был крупного телосложения, даже грузен. Но при этом был легок на подъем. Его нельзя было назвать кабинетным работником. Была постоянная потребность видеть все самому и решать вопросы на месте. Ходил мало, только по заводу — болели ноги, но поспевал везде.

Он был очень организованным человеком. Рабочий день его строился по строгому плану. Когда Константин Арсеньевич поручал какую-то работу, он очень подробно излагал план ее осуществления. Клал перед собой лист бумаги, писал "План". Говорил, что нужно сделать, и записывал: 1. то-то; 2. то-то и т. д. Свои пометки передавал для исполнения. Почерк у Володина был своеобразным, не очень-то разберешься. Поэтому надо было слушать очень внимательно и запоминать, чтобы потом легче расшифровывать. Попробуй-ка упусти что-нибудь, сошлись на забывчивость! На руках "указка" Деда. А сам он все помнил, что задавал и без бумажки. Память отменная.

В работе Константин Арсеньевич был крут, но вне рабочей обстановки был доступным и остроумным собеседником. Когда мы стажировались на заводе им. Колющенко, нам как-то передали, что

Володин просил зайти к нему в гостиницу "Южный Урал". Застали его в форме полковника. На заводе никогда до этого, ни после я его в форме не видел. Володин расспросил, как идет работа, поговорили на разные темы. Совсем домашняя беседа.

Однажды с Володиным и Арефьевым мы были по делам на Вязовой. Зашли пообедать в столовую. Тогда еще обслуживали официантки. Константин Арсеньевич спрашивает: "Ну, что будете заказывать, молодые люди?" Смущаясь, мы ответили: "Что вы себе, то и мы". Володин заказал по закуске, по борщу, по два вторых. Мы с Арефьевым переглянулись — не учли разницу в комплекции и аппетите. Принесли борщ, Володин густо посыпал его красным перцем и передает нам перечницу. Мы засмеялись: "Нет, Константин Арсеньевич, у нас не та закваска". И за обедом услышали от него немало интересных и поучительных рассказов. Он их пересыпал шутками.

Отличала Володина личная скромность. Как-то зашел он к нам в здание 201. Поговорили о делах, направились в заводоуправление. Вышли из здания и он говорит: "Придется идти пешком. Какая-то задержка с оформлением пропуска моему шоферу". Уверен, если бы задержка с оформлением пропуска на перевозку груза, виновные получили бы разнос. Но раз это касалось его самого, и он перетерпел.

Когда я вернулся со стажировки на заводе им. Колющенко, Володин поставил задачу: укомплектовать цех 109 рабочими и договориться на Юрюзанском механическом заводе о том, чтобы на его производственных площадях мы своими силами, из своего металла могли изготавливать нестандартную оснастку. Договоренность была достигнута, и наши рабочие, в основном, выпускники ремесленных училищ Свердловска-45 и с Украины, начали изготавливать оснастку. В мае 1954 года изготовили первую инструментальную тумбочку. Это, по сути, была первая продукция, изготовленная рабочими завода. Я зашел к Володину и сказал об этом. Реакция директора была для меня неожиданной. Он тут же вызвал, машину, и мы поехали в Юрюзань на завод.

Осмотрев тумбочку, Константин Арсеньевич сказал, что надо бы ее покрасить в красный цвет и оставить для заводского музея. Я улыбнулся про себя и принял его слова за шутку. Какой уж тут музей, когда у нас и крыши-то над головой нет, работаем "на квартире". Мне по молодости трудно было представить будущее завода, а оно ясно представлялось Володину. Эту идею о заводском музее я

еще раз услышал от него, когда увидел у здания на площадке 2 броневую плиту отметчика, которая применялась при испытании узла. Он сказал: "Хорошо бы ее сохранить для заводского музея".

Так уж получилось, что в последний день года мы, как правило, заканчивали заводской план последними. Однажды работа затянулась почти до 12 часов ночи. Всех работников мы отправили по домам дежурным автобусом. Остались лишь те, кому нужно было закрыть и сдать здание. Думали, что Новый год встретим на этот раз дома только по московскому времени. И тут мне передают, что вызывает Бирюлин, шофер Володина. Он сообщает, что Дед прислал машину, чтобы отвезти нас домой. Хотя и за пару минут, но успели мы к новогоднему столу. Подняли тост со всеми.

В. КОМАРОВ

* * *

Однажды мы сорвали сроки изготовления спецтележек для транспортировки и хранения изделий. Требовалась большой толщины и размеров мягкая резина, а ее не было. В цех пришел Володин и начал ругать начальника цеха Малыхина за срыв графика. Как секретарь комсомольской организации, я решила заступиться: "Вы несправедливы, наш цех в срыве не виноват, виноват отдел материально-технического снабжения. И вообще, мне кажется, нетактично ругать начальника в присутствии подчиненных". Володин: "Кто такая?". Я: "Технолог цеха и секретарь комсомольской организации". Володин громовым голосом: "В отдел кадров!". Я: "Пока вы не разберетесь, я туда не пойду". И не пошла. Конечно, я расстроилась и даже всплакнула, к тому же Малыхин меня отругал, зачем вылезла. На следующий день Константин Арсеньевич вызвал меня к себе в кабинет, я принесла чертежи. Он внимательно выслушал меня и принял решение клеить резину частями. Об отделе кадров не напомнил, а в дальнейшем, бывая в цехе, не забывал меня, интересовался моей работой.

Т. КУКОЛЕВА

* * *

Володин красочно пользовался всеми формами русского языка, от самых вершин классиков до простонародного — от классического "как денди лондонский одет" до "чего ты стоишь, как..." (далее неприличности в разных вариантах). Его высказывания так сильно

действовали, готов не знаю что сделать, чтобы больше не выслушивать отеческие внушения Деда.

Когда строился наш город, то по проекту ширина некоторых улиц должна быть больше. Но это вело к увеличению затрат, и улицы сузили. Справедливый довод директора: "Мы здесь будем с жиру беситься, а Первуха и Меседа в грязи жить". И выделял деньги и на Меседу, и на Вязовую, и на Тюбеляс. Не было у него местничества. Был Володин гражданином Советского Союза, патриотом в полном смысле слова. Хорошо Родине — вдвойне хорошо и ему; плохо — втройне хуже ему.

И. КУЗЬМИН

* * *

Почему Володин ушел в 1963 году на пенсию? Вот что я знаю по этому поводу. Работая с Володиным с 1953 года, я часто бывал в командировках в Главке и скоро понял, что Володин и начальник Главка В. И. Алферов находятся в острых противоречиях, доходивших до вражды.

До нашего завода Володин работал директором завода № 3 по серийному выпуску боеприпасов с ядерными компонентами в Арзамасе-16. Алферов в то время был заместителем начальника объекта Арзамас-16 и курировал этот завод. У них произошла серьезная ссора, впоследствии перешедшая во вражду. Из-за этого Володин и переехал работать на Урал. Но в 1955 году Алферова назначают начальником нашего Главка, и Володин попадает вновь в его прямое подчинение.

Вспоминается такой эпизод. Володин и я поздно, примерно в 22 часа, сидим в его кабинете и обсуждаем производственные вопросы. Вдруг звонит из какого-то цеха Алферов, он был у нас в командировке, и матом кроет Володина: "У тебя тут не порядок... Мать-перемать". Володин очень резко ему ответил: "Если ты начальник Главка, то не должен вести себя как базарная баба",— и положил трубку. Вскоре прибегает Алферов и снова "мать-перемать". Володин слушал-слушал и как закричит: "Ты хулиган, оскорбляешь меня, сейчас звоню в милицию, вот свидетель (показывает на меня) и обвиню тебя в хулиганстве". Алферов не ожидал такого. После этого перешли на высокий, но более культурный тон. В конце Алферов намекнул Володину: "Если ты болен и стар, то не мешает работу оставить. Пиши заявление и уходи на пенсию".

Алферов, конечно, знал о болезни Володина. У него сильно болели ноги, он еле-еле ходил, тяжело вставал со стула и так же тяжело садился. Как-то он меня спросил: "Виктор, могу ли я работать директором в таком состоянии?". Я, конечно, попытался его успокоить. Но однажды, примерно в октябре 1962 года, он мне сказал: "Больше не могу работать. Я написал заявление об уходе на пенсию и послал в Москву". Алферова это заявление вполне устраивало, и он быстро дал ему ход.

Прошло примерно два месяца. Здоровье Володина улучшилось, и он сказал мне: "Зря я написал заявление об уходе". Он позвонил заведующему оборонным отделом ЦК КПСС Сербину и попросил вернуть ему заявление. На что Сербин ответил: "Ты сам виноват, никто тебя не заставлял его писать. ЦК рассмотрело твое заявление и дал уже согласие на твой уход на пенсию". И в начале января 1963 года приказом по министерству Володин был уволен в связи с уходом на пенсию.

На передачу дел приехал заместитель начальника Главка Г. П. Андреев. Затем в клубе им. Ленинского комсомола состоялся партийно-хозяйственный актив. Володин туда не пошел. Меня попросили найти его и уговорить прийти на собрание. Дома его не было, на заводе тоже. Диспетчер мне сообщил, что он брал автобус и, по словам водителя, тот его высадил на ул. Строителей. Очевидно, Володин прощался с городом, ведь с этой первой улицы он начинался. Я поехал на улицу Строителей, действительно, он был там. Я попытался его убедить поехать со мной в клуб, но Володин наотрез отказался. Он попросил, чтобы я сказал, что не нашел его. Я так и сделал.

В. МАЛЫХИН

* * *

Константин Арсеньевич нас учил, что за выполнение производственного плана надо бороться до конца, используя для этого все возможности.

Помню такой случай. Мы осваивали очень сложный стенд, освоение шло туго. Когда цех его все же изготовил, то оказалось, что не работает подъемный механизм и еще кое-что, а был уже последний день месяца, стенды надо было сдать обязательно. И вот Константин Арсеньевич, Потапов, Горобец, я, мои замы, засучив рукава, принялись рихтовать, подваривать, подкрашивать и по мере готовности предъявлять начальнику бюро технического контроля

Камкину. Когда вся партия была сделана, она была предъявлена представителю заказчика. Когда полковник Сердюк поставил свою подпись в паспортах, в которых говорилось, что изделия признаны годными и могут быть использованы по назначению, то стоило в это время посмотреть, как сиял Константин Арсеньевич.

Иногда бывали случаи задержки сдачи продукции из-за того, что заказчик и производство спорили, ругались (были все молоды), поразному "толковали" записи в КД. Тогда на помощь являлся Константин Арсеньевич. Он просил принести по данному изделию всю документацию, прочитывал ее от первой до последней строчки. И что удивительно, всегда находил решение по данному вопросу в этой документации и убеждал заказчика. А нас учил любимой своей поговоркой "Дураки ругаются, а умные договариваются".

Константин Арсеньевич всегда оптимистически смотрел в будущее. Получая на свой вопрос "Как дела?" ответ "Очень тяжело", говорил: "Ничего, вот наберемся опыта и мы, руководители, и рабочие, тогда будет легче". И хочется сказать ему большое спасибо за то, что он нас всех воспитывал, за то, что он дал нам такого директора, как Потапов, который его мечты, идеи воплотил в жизнь.

А. ПРАХОВ

* * *

Если что-нибудь Володин обещал, никогда об этом не забывал, всегда исполнял. Ежедневно приезжал он к нам на Второе производство, знал до тонкостей всю материальную часть. Если что-то не ладилось, всегда вникал, разрешая вопросы, или незамедлительно привлекал специалистов для решения.

В начале запуска нашего производства обстановка с планом была сложная. Но и при таком положении Константин Арсеньевич всегда проявлял спокойствие и выдержку. Не было никакой нервозности при выполнении той или иной работы.

При Константине Арсеньевиче работалось очень легко. И было желание трудиться с полной отдачей сил. Он смело выдвигал молодых специалистов на самостоятельную работу. При этом никогда не упускал его из поля зрения, старался незаметно всегда помочь. Собственно, в то время происходило становление завода и складывались цеховые коллективы.

У Константина Арсеньевича в работе не было никаких мелочей. Он все считал главным.

Г. ОШКУКОВ

* * *

Впервые мне пришлось встретиться с Константином Арсеньевичем в августе 1956 года. Близились выборы партийного комитета.

Первое впечатление не было ошибочным — это был человек крепкого склада и твердого слова. Мне он представлялся какой-то глыбой.

Работая секретарем парткома, мне много приходилось с ним встречаться и работать, видеть его горение в работе, его умение преодолевать трудности. Володин обладал даром видеть перспективу, всегда чутко прислушивался к мнениям. Он умел ставить большие, ответственные задачи перед коллективом и мобилизовать людей на их выполнение.

Умел слушать людей, внимательно вникал в их предложения и замечания, никогда не проходил мимо ценных мыслей и энергично принимал меры по исправлению и устранению недостатков.

Володин действовал в тесном контакте с партийной организацией. Отстаивая свое мнение, считал решение партийной организации законом. Несмотря на большую занятость, находил время для общественных дел.

Для ускоренного решения жилищного вопроса, учитывая пополнение завода молодежью, надо было строить общежития и дома молодоженов. Таково было решение партийной организации. И это направление энергично проводилось им в жизнь, что вскоре положительно сказалось на всей деятельности завода и настрое коллектива. Аналогично решался вопрос и с детскими учреждениями, школами, больницами.

Шло время, рос и строился завод, а вместе с ним и город. Набирался сил, профессионального мастерства и зрелости коллектив, становился боевым отрядом, способным решать сложные и серьезные задачи, поставленные партией и правительством. И все это происходило при самом активном и непосредственном участии Константина Арсеньевича.

Глубокая партийность, целеустремленность и принципиальность, полная самоотдача в делах — таким был коммунист Володин, настоящий герой созидания, герой времени, отдавший всего себя делу партии, народа, Отечеству.

Н. СЛЮСАРЕВ

* * *

30 апреля 1953 года по прибытии на объект я был принят Володиным. Он принимал вновь прибывших обязательно в военной форме, как бы подчеркивая важность той работы, которую нам предстояло выполнять. Узнав, что я в Миассе выполнял комсомольскую работу, сказал: "Вот и хорошо. У нас уже есть несколько комсомольцев и будут еще прибывать. Надо создавать комсомольскую организацию".

В дальнейшем директор постоянно интересовался комсомольскими делами: сколько на сегодня комсомольцев, какие планы. Сам предлагал включить в план тот или иной вопрос. Володин интересовался деятельностью молодежи, видел в ней надежного помощника в становлении завода.

Когда Володин назначил меня начальником цеха 115, приказал в течение недели установить и отладить оборудование и приступить к изготовлению деталей. В цехе была одна молодежь — выпускники ремесленных училищ. Сами устанавливали станки. Работали до 2—4 часов ночи. Володин по нескольку раз в день бывал в цехе, ночью приказывал заканчивать работу и идти отдыхать.

В августе 1953 года прибыла первая партия ремесленников с Украины. Поселили их в недостроенном брусчатом доме по улице Островского. А так как делать пока было нечего, Володин приказал им работать на строительстве. Я был ответственным. Ударили холода, и рабочие отказались работать. Я доложил Володину, что случилось нечто вроде бунта. Володин устроил мне крепкую головомойку, говоря, раз ты руководитель, то должен интересоваться, как люди живут, заботиться о трудящихся. Если в доме холодно, сам должен отменить работу и заняться доделкой дома, чтобы было тепло. После этого мы за два дня достроили дом.

В. МАЛЫХИН

* * *

Константин Арсеньевич много внимания уделял работе нашего цеха 13. Находил время и для проведения оперативок с ИТР, непосредственно занятых в то или иное время на освоении узлов.

На оперативках, как правило, разбирались все вопросы освоения. Особенно поражало нас, что он знал все узлы, узкие места в технологии. При проведении оперативок сам спрашивал совета, по-

давал идеи к решению. Он не терпел людей, которые не хотели высказываться по тому или иному вопросу, поощрял людей, которые вносили свои предложения. И порой эти предложения развивал дальше, но поощрял того, кто проявил инициативу.

Много работы проделал Володин по освоению узлов, которые были трудны по конструкции. Особенно тяжелым для цеха был декабрь 1961 года. Нужно было освоить и выпустить в этом месяце много приборов. Константин Арсеньевич оперативно провел реорганизацию в цехе, вплоть до замены руководящего состава. И это дало хорошие результаты. План был с честью выполнен.

Ф. ДОБРОСКОК

* * *

Константин Арсеньевич имел удивительно волевой характер. Он умел очень тонко разбираться в психологии молодых специалистов, использовать их знания по строительству цехов. Организационно он очень чувствовал, где необходимо его присутствие на строительных площадках для решения тех или иных вопросов, перед которыми останавливались молодые инженеры. На примере показывал, как можно решать, вооружал их уверенностью. И они доводили начатое дело до конца. Он учил молодых мыслить масштабно, решать любые инженерные задачи.

Константн Арсеньевич умел вдохновить работников, разжечь в них организаторскую искру. И задачи решались в рекордно короткие сроки. Володин щедро премировал и награждал тех, кто быстро находил решение трудных задач, успешно справлялся с ними.

Г. МУРДАСОВ

ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД. Л. А. ПЕТУХОВ

Сразу же после встречи Нового, 1963, года завод "получил" нового директора, начальника объекта Леонида Андреевича Пстухова. Был он до этого заместителем начальника нашего 6 ГУ Минсредмаша. Вскоре я его увидел в форме генерал-майора авиации, когда он знакомился с заводом, обходя цеха. Невысокого роста, коренастый мужчина, с темными волосами, зачесанными назад, и заметными залысинами. Речь негромкая, спокойная, легкий оттенок картавости, неторопливость в движениях. Ладно сидящий военный мундир. Все в нем солидно, с достоинством, без лозунгов и призывов, без какой-либо броскости и без желания обратить на себя внимание. Пришел в здание 141 с Б. В. Горобцом незаметно. Видит, что все заняты своим делом, никого не оторвал от работы, молча слушал Горобца. Так же незаметно они ушли. Даже начальник цеха не знал о времени его прихода в цех, и не успел спуститься из своего кабинета для его встречи. Просто и обыденно.

Леонид Андреевич родился в 1920 году в г. Кирове Калужской области. Окончил Ленинградскую военно-воздушную инженерную академию в годы Великой Отечественной войны. Не дождавшись оформления диплома, уже воевал в составе бомбардировочной авиации. Диплом на руки получил только в 1950 году. Специальность — инженер-электрик. На заводе директорствовал до мая 1964 года, после чего был назначен начальником Шестого Главного управления с присвоением звания генерал-лейтенанта.

Присмотревшись к укоренившемуся на заводе стилю работы, вскоре на одной из первых оперативок начальников цехов поставил свои, необычные для завода, условия:

с производственными вопросами к нему в кабинет позднее 18—19 часов не приходить. Успевайте решать в рабочее время;

вопросы он будет рассматривать только те, по которым не смогли найти общего решения с соответствующими службами завода и у главного инженера;

на дом ему звонить разрешается только главному диспетчеру завода, начальникам подразделений — лишь при экстремальных ситуациях;

сверхурочные работы сократить до минимума. Переработки будет расценивать как неумение организовать работу подразделений, как и работу в выходные дни;

торчать в приемной не советовал. Документы, по которым вопросы согласованы с заинтересованными службами, необходимо класть секретарю в соответствующую папку и т. д., и т. п.

После демократизма и вечных авралов и переработок Володина — это была почти что революция. Вскоре все убедились, что это разумная организация управленческой работы.

Большая заслуга Петухова состояла в тот период в том, что проработав длительное время в министерских кругах, он хорошо ориентировался в вопросах взаимной кооперации. А если учесть, что практически в каждом министерстве у него находились сослуживцы по военно-воздушной академии, ему легче, чем другим, было решать вопросы поставок. А его коммуникабельный характер и открытость в деловом сотрудничестве способствовали постоянно пользе дела. Он обладал удивительным даром прогнозирования, мог хорошо предвидеть предстоящую ситуацию.

Дела завода заметно пошли в гору. Появились премии, поощрения. Стали повышать оклады. Завод стал занимать призовые места.

Недипломированных руководителей-практиков заставили учиться и организовали курсы мастеров на уровне среднетехнического образования. Тех, кто не мог или не хотел учиться, заменили на дипломированных специалистов.

Чаще стали звучать слова "культура производства, ритмичность, качество". Начали приобретать свое значение и общественные организации, помощью которых стал пользоваться новый директор. Володин их просто не замечал.

Ни разу я не слышал, чтобы Леонид Андреевич повысил на подчиненных голос, не сдержался, вышел из равновесия, накричал. Это было так необычно. Он был тверд в своих убеждениях, настойчив и большой мастер убеждать. И дипломат был с большим опытом.

Ю. БЕЛЯЕВ

ДОСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Л. А. Петухов недолго работал на заводе, но успел завоевать у нас глубокое уважение. За совсем короткий период им была проведена заметная работа по развитию завода. Леонид Андреевич много внимания уделял улучшению его экономического положения, налаживанию ритмичной работы, что, безусловно, предопределило дальнейшие успехи в работе предприятия, которые развил и закрепил уже А. Г. Потапов.

Мы уже знали Петухова как заместителя начальника Главка по его приездам на завод.

Окончание 1961 года шло очень тяжело. Комплектующие узлы с заводов-поставщиков поступали с задержкой и многочисленными отклонениями от требований конструкторской документации. Леонид Андреевич оперативно разрешил наши трудности, чем и сделал о себе добрую заявку.

Несмотря на ранее занимаемое высокое служебное положение и генеральское звание, при всем своем "бюрократизме", он оказался человеком доступным. К нему всегда можно было обратиться с возникающими вопросами (в рабочее время), требовательность к подчиненным сочеталась у него с вниманием к каждому работнику.

Можно привести примеры, что в какой-то мере характеризуют Леонида Андреевича как руководителя.

В один из летних месяцев в очередной раз Петухов приехал к нам. Мы с ним зашли к начальнику Второго производства А. Д. Лебедеву. Леонид Андреевич рассказал о неприятностях, которые произошли с новой ядерной авиабомбой. На передней части корпуса на заводе-изготовителе монтировались жгуты. Один из жгутов пережимался. Их установку изменили, и теперь военные части посылают к нам для замены жгутов. Во всех ранее выпущенных изделиях их тоже нужно заменить. Сложность заключалась в том, что предстояла почти полная разборка каждого изделия, замена передней части, снова сборка и комплексная проверка. На все работы нам дается один месяц. Это в дополнение к нашей месячной программе, которая, разумеется, тоже должна быть выполнена. По его информации, работники Главка сами не верят в возможность выполнения задания в установленный срок. Леонид Андреевич попросил все обдумать, чтобы обеспечить, все-таки, выполнение этого задания в срок.

Такой совещательный, не приказной подход директора к постановке задачи вызвал у нас стремление сделать все возможное и невозможное для выполнения этого задания.

Перешли на круглосуточную работу (при Петухове это уже не норма, а исключение). Петухов много времени проводил в цехе, но всегда был спокоен, не одергивал нас, не вмешивался в организацию работ и избегал наставлений.

В те дни произошел такой эпизод. В самый разгар работ ко мне подошел Л. С. Плотницкий, который был прикомандирован к нам от отдела 38 и выполнял обязанности мастера, и сказал, что привезли саженцы кустарника для посадки возле цеха, которые мы давно просили. При этом разговоре присутствовал Петухов. Мы думали, при таком-то аврале он нас не поймет, ведь оторвем людей от сборки на посадку. Леонид Андреевич, видимо, угадал мои мысли и сказал, что надо посадить, а то пропадут ведь саженцы. Мы были удивлены и благодарны за такое решение. Месячное задание тогда было выполнено, как и дополнительное.

Петухов придавал особое значение развитию сборочного цеха, чтобы была возможность обеспечить выполнение любого напряженного задания. Его дальновидность проявилась и в решении вопроса о строительстве здания 207б, которое по своему проекту отвечало современным требованиям технологии. Жизнь показала, что без пуска этого здания в начале 1967 года в дальнейшем цех не справился бы с увеличившимся объемом работ. Здание значительно превосходило по площади существующие участки. В нем был установлен сборочный конвейер.

При Петухове провели и реконструкцию старых зданий цеха, которая позволила повысить культуру производства и производительность. При нем работалось очень уверенно.

В. КОМАРОВ

ДИРЕКТОР-"ДОЛГОЖИТЕЛЬ". А. Г. ПОТАПОВ

Так можно назвать Александра Георгиевича Потапова. 23 года на посту директора завода — пожалуй, в Минсредмаше такого больше не было.

По стечению обстоятельств, на завод мы с А. Г. Потаповым

оформились с разницей в один день: я — 17.08.54 г., а он 18.08.54 г. Строительство завода и города было в самом разгаре, до выпуска первого изделия оставалось чуть меньше года. Первый директор завода К. А. Володин не давал засиживаться на месте. Я, начинающий специалист, был направлен в Москву стажироваться на родственное предприятие почти на полгода, Александр Георгиевич, прибывший на завод исполняющим обязанности главного инженера из другой отрасли, также был в частых командировках, поэтому встретиться с ним пришлось не скоро. В середине января 1955 года я вернулся из столицы, в городе были уже первые каменные дома — в одном дали квартиру и семье Потапова, рядом было молодежное общежитие специалистов, туда поселили и меня. По вечерам у нас было шумно и весело. Естественно, мы доставляли неудобства соседям, о чем они нас уведомляли стуком по батарее. У Потаповых был двенадцатилетний сын — Валентин.

По характеру и убеждениям директор завода Володин и главный инженер Потапов были разными людьми. Будучи военным, директор сдерживал инициативу своего главного инженера, даже приучил коллектив руководителей среднего уровня к тому, что только он вправе принимать все решения. Возможно, это происходило и потому, что работа в Минсредмаше для главного инженера была новой. Развернулся он в полную силу, когда стал директором.

Родился Александр Георгиевич в 1915 году в Самаре, в семье рабочего Самаро-Златоустовской железной дороги. Рано потеряв отца, воспитывался матерью и старшими сестрами. В голодное для Поволжья лихолетье семья переезжает на Алтай, в Барнаул, где и проходит его учеба — школа, Барнаульское ФЗУ.

С сентября 1933 года он студент Индустриального института им. В. В. Куйбышева в Куйбышеве. С перерывом, но успешно заканчивает его и получает назначение на завод 460 — конструктором (г. Подольск Московской обл.), где работает до 1943 года.

С этого года он — заместитель главного механика механического завода им. Калинина в Подольске, а с мая 1951 года — главный механик завода.

В августе 1954 года он направляется и. о. главного инженера в "Хозяйство Володина". Приказом от 3.05.55 г. он был назначен главным инженером.

В мае 1964 года А. Г. Потапов был назначен директором Прибо-

ростроительного завода. На этом посту и проработал до самой своей кончины 9 февраля 1987 года.

Труд его как главного инженера завода был высоко оценен правительством: два ордена Трудового Красного Знамени (1956 и 1962 гг.) и орден "Знак Почета" (1960 г.). За успешное освоение спецтехники 15.05.63 г. Потапову было присвоено звание лауреата Ленинской премии. С апреля 1963 года он постоянно куда-нибудь избирается: членом бюро горкома КПСС, депутатом горсовста, кандидатом в члены обкома КПСС, членом обкома КПСС. И так до конца жизни.

Но не только лавры достаются руководителям подобного ранга. Партия и министерство строго спрашивали за малейший промах в работе. Приказов о выговорах, лишении премий в его "личном деле" не перечислить. Рядом с благодарностью за лучшую постановку работы по экономическому образованию трудящихся приказ о выговоре за неудовлетворительное состояние техники безопасности. Через несколько страниц дела выговор за нетактичное поведение с рабочими... Что было — то было.

Потапов у нас начинал работу в новой для него отрасли. 95% инженеров и техников только что окончили учебные заведения. "Рабочий класс" выглядел еще слабее. Половина коллектива имела документ об окончании ФЗУ, вторая состояла из жителей окрестных деревень, занимавшихся до этого, в основном, лесопромышленными и сельскохозяйственными работами. Ни понятия о строжайшем соблюдении технологической дисциплины, ни опыта работы без отклонений от конструкторской документации, ни представления о предъявлении продукции спецприемке.

При отсутствии элементарного производственного опыта специфика работы по изготовлению новейшего вида специальных изделий, спроектированных по высочайшей степени точности и надежности, представляла собой особую техническую задачу. Решали ее под началом главного инженера нового завода.

Володин, приехавший на объект с родственного предприятия и имевший опыт изготовления спецтехники, неустанно вдалбливал в наши головы: "Ваше дело не рассуждать — пойдет или не пойдет. Ваше дело изготавливать строго по чертежу и выполнять все предписанные требования!". Много казусов происходило на этой почве, много синяков и шишек нахватали, пока не выработали определенный стиль работы. "Детские болезни" роста продолжались весь период, когда директором был Володин, продолжались они и при Пе-

туховс, потому что шло серийное освоение новейших изделий. И если заводской коллектив сумел-таки выработать систему освоения изделий, выполнения необходимых технико-экономических показателей, поднял качество продукции на должную высоту, то в социальном развитии и завод, и город отставали.

Все эти вопросы и выпало решать Потапову, уже как директору завода и начальнику объекта.

В глазах Минсредмаша уже через несколько лет его директорства Приборостроительный завод твердо стоял на ногах. Указом правительства от 21.12.70 г. завод был награжден орденом Ленина. В это время Александр Георгиевич усилил свое внимание вопросам развития города. Он находил время для посадки голубых елей, разведения цветов, улучшения интерьера цехов, внедрения саун, создания участка художественного литья и обработки минералов. Всего "постороннего" не перечесть.

"Икар" — любимое детище Александра Георгиевича — стал принимать театральные коллективы родственных городов. Пышно расцветала художественная самодеятельность. Вечно занятый, Александр Георгиевич находил время посстить культурные и общественные мероприятия как в ДК "Икар", так и музыкальной школе. А кто открывал традиционные лыжные соревнования памяти Володина? Потапов.

Директор понимал, что большая часть жизни проходит у человека на работе, тем более живущего в закрытом городе, и она должна скрашиваться улучшением культуры быта и культуры производства. В его рабочем кабинете можно было увидеть журналы "Цветоводство", "Архитектура" и другие "постороннис" издания. С каким упорством он добивался скорейшего ввода в строй теплицы.

А его знаменитая фраза: "Рутинеры! Пошехонцы!", когда он "крыл" нерадивых бытовиков.

Александр Георгиевич чутко реагировал на все новшества, касались ли они передовых методов планирования производства, внедрения прогрессивного оборудования или развития медицины, культуры и быта в городе. Как он преодолевал в нас "психологический барьер" при внедрении автоматизированной системы управления производством (АСУП).

Немаловажным фактором в его работе была опора на общественные организации. Они были его верными, надежными помощниками. И получались неплохие результаты.

Не без участия Потапова город оказался на первом месте среди десяти закрытых городов в вопросе организации гаражно-строительных кооперативов и садоводческих обществ. В его выступлениях на партийно-хозяйственных активах фразы: "Частник выращивает и хранит картошку лучше, чем наш совхоз "Лесной". "Каждой семье — свой участок!" были коронными задолго до перестройки.

В 1966 году Александр Георгиевич награждается третьим орденом Трудового Красного Знамени. В 1971 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда — по заслугам высокая честь. В 1981 году за успешное выполнение задания по выпуску нового изделия он был награжден орденом Октябрьской Революции.

А. Г. Потапов был удостоен звания "Почетный гражданин города".

Потапов чувствовал надвигающиеся перемены, понимал необходимость предстоящих конверсионных работ, поэтому последние годы своей работы на заводе обращал серьезное внимание на изготовление товаров народного потребления. Сам посещал выставки, выбирал и привозил образцы для изготовления. Конверсия на Приборостроительном, благодаря ему, началась намного раньше, чем в стране. Он чувствовал великие перемены, готовился к ним, но отведенный ему срок не позволил к ним приступить. Он умер в начале перестройки.

Ю. БЕЛЯЕВ

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

Сравнение К. А. Володина с А. Г. Потаповым — это сравнение двух руководителей разных поколений, или еще громче — двух эпох развития государства и производства. Потапов был на 14 лет моложе, но уже имел за плечами большой жизненный и производственный опыт, прошел путь о рядового инженера-конструктора до главного инженера оборонного завода. Смею вас уверить, что на подобные должности в то время кого попало не назначали. К руководителям долго присматривались. В развитии завода у каждого из директоров были свои задачи и каждый по-своему с ними успешно справлялся. Перед Володиным стояла конкретная задача — как можно быстрее построить особо секретный завод при минимальных затратах (напомним, что в те годы страна едва успела залечить раны

войны). Конечно, при минимуме средств корпуса строились по проектам, наверное, тридцатых годов: простые и дешевые, и не совсем удобные для производства, и крайне неудобные с точки зрения бытовых условий для рабочих. Было такое впечатление, что все здания проектировались из расчета на одно-два изделия в месяц.

Уже через десятилетие пришли другие времена. Запад во главе с Соединенными Штатами Америки развернул крупномасштабную гонку вооружений, втянул в нее и нашу страну. Нужно стало наращивать производство "изделий". Вот тут-то и проявился талант и характер Потапова. Он понимал, что без "культурной революции" в производстве, без строительства современных производственных зданий и реконструкции старых, без внедрения новейших технологий заводу не справиться с возрастающими плановыми заданиями партии и правительства.

Многие помнят, как за сравнительно короткий срок при нем были расширены бытовые помещения всех цехов и сделаны пристройки к производственным помещениям, построены новые сборочные здания на Второй площадке, где были впервые задействованы роторные линии.

Чтобы охарактеризовать отношение А. Г. Потапова к новым технологиям и оборудованию, приведу пример. До начала строительства нового производственного здания для гальванических и других антикоррозионных покрытий он вызвал ведущих цеховых технологов, а также специалистов ЦЗЛ и отдела главного технолога и поставил перед ними задачу: объехать все крупнейшие предприятия страны и найти самые передовые технологии в этой области. Эта группа побывала в Тольятти, Киеве, Риге, Свердловске, Москве, Ленинграде, Минске и других городах. Только после этого приступили к строительству и освоению нового производства. И так во всем, что касается новых технологий и новой техники. Потапов стремился иметь такие установки, такое оборудование, каких не было на других предприятиях нашего профиля да и вообще в стране.

Уверен, если бы сейчас директором был Потапов, он бы нашел для изготовления на нашем предприятии такую мирную продукцию, которую бы не делал никто, и она завоевала бы спрос на рынке своей оригинальностью и качеством. Он просто заставил бы выпускать такие изделия, несмотря на все стенания на трудности конструкторов, технологов и производственников.

В Александре Георгиевиче была та особая руководящая стать,

которая немаловажна для руководителя. В общем, увидишь его в толпе, сразу подумаешь — это директор.

Любил иногда показать свою техническую грамотность. Помню, наш завод осваивал новый вид оборонной продукции, конструкция которой предполагала выставление зазоров с небольшими допусками. Долго не получалось, как требовалось. И вот Александр Георгиевич (не знаю, может, и с чьей-то помощью) самолично произвел расчеты, начертил схему в разных цветах и доказал разработчику, что не все у них правильно задано в части зазоров между деталями и сборочными единицами. Это произвело впечатление на представителей ВНИИТФ (ныне Снежинск). Такая "показуха" отнюдь не отрицательная черта, а только красит руководителя.

При случае он демонстрировал, как надо решать вопросы. Примерно в начале 70-х годов у нас на заводе не получалась проверка на герметичность тонкостенных оболочек, которые мы направляли на химкомбинат "Маяк". Как я ни пытался договориться с комбинатом, чтобы они проверку проводили после сварки — в готовом виде, они не соглашались. Это, мол, не соответствует конструкторской документации, это риск и т. д. Авторы чертежей тоже без согласия комбината не могут корректировать чертеж. Я доложил об этой ситуации директору. Он сказал: "Эх ты, простой вопрос решить не можешь!". Тут же позвонил лично директору "Маяка" Борису Васильевичу Броховичу и за разговорами о том о сем, как бы невзначай говорит ему: "Что это твои ребята не берут у нас оболочки, они хорошие, но мы не можем их проверять, разработчик согласен".

Тот отвечает, что если разработчик согласен, то и он не будет возражать. Тут же набрал Потапов телефон опять-таки Бориса Васильевича, но уже Литвинова — главного конструктора ВНИИТФ. Опять говорил о том о сем, а потом: "Слушай, Борис, что-то твои ребята не согласны на отправку оболочек без проверки на герметичность. А комбинат согласен!" Тот отвечает, что если комбинат берет без проверки, то они не будут возражать. Положив трубку, Александр Георгиевич обратился ко мне: "Вот так, Алексей, надо решать вопросы!" Я пролепетал что-то вроде того, мол, я не директор и так разговаривать с директорами крупнейших предприятий не могу. Он безнадежно махнул на меня рукой.

Наиболее ярко проявилось его стремление овладеть новой уникальной технологией в середине 70-х годов, когда родилась идея покрывать детали из спецпродукта. Дело в том, что этот материал

при определенных условиях очень активно соединяется с кислородом и водородом, что сильно усложняло работу с ним. Многие годы ученые, инженеры комбината "Маяк", московского института им. А. А. Бочвара занимались проблемой защиты этого материала от коррозии, но кардинального решения так и не находилось. Именно на нашем заводе родилась идея нового способа покрытия деталей из этого капризного материала — использовать принципиальную схему установки "Булат", разработанную Харьковским физико-техническим институтом. Но для осуществления этой идеи требовалось решить ряд научно-технических проблем, требовалось проведение исследований и конструкторских проработок. Естественно, выбор пал на разработчика "Булата" — установки для повышения прочности режущих кромок инструмента: резцов, сверл и т. д. Для участия в этих работах были привлечены ученые института им. А. А. Бочвара, доктора и кандидаты наук. Не буду описывать, как нам удалось заинтересовать ученых Харькова. Это целая эпопея, как они проводили исследования и эксперименты, но все сделали основательно и показали, что этот метод дает необходимый результат.

Пришло время внедрения в производство. Для этого необходимо было сделать установку, по размеру и скорости покрытия в несколько раз превышающую "Булат", спроектировать и изготовить совершенно новые вакуумные установки. Харьковчане в разговоре со мной, я занимался этой проблемой, и слышать не хотели об изготовлении этих установок, ссылаясь на загруженность опытного производства. Тогда Потапов решил, что пришла пора задействовать "тяжелую артиллерию" — ехать самому в Харьков. Он пригласил с собой главного конструктора ВНИИТФ Б. В. Литвинова, ныне академика, с его специалистами, а также главного коррозиониста нашей отрасли, ответственного за сохранение спецметаллов, профессора И. В. Шаталова и других специалистов.

В Харьковском институте его руководители — академики В. Е. Иванов, В. Т. Зеленский собрали что-то вроде научно-партийного актива, где присутствовала вся научная элита института: академики, доктора наук, ведущие специалисты, руководители опытного производства. Как вел себя Александр Георгиевич, надо было видеть. В темно-синем костюме с иголочки, на левой стороне пиджака — звезда Героя Социалистического Труда, на правой — знак лауреата Ленинской премии (таких наград тогда еще никто в институте не имел). Он вел себя так (по крайней мере, так выглядело со стороны), как будто они все пришли

к нему на прием. Он так обосновал необходимость решения поставленной задачи, словно от ее успешного воплощения в реальное производство зависит вся обороноспособность нашей великой державы. Он уверял, что мы поможем, конечно, всем, чем надо. И, наконец, что внедрение установки еще больше прославит и без того известный во всем мире институт.

Конечно, Литвинов подтвердил все, что говорил Потапов, углубив при этом техническую сторону проблемы. Я до сих пор не могу понять, как Потапов определил в чужом институте (а там сотня лабораторий) именно ту лабораторию, именно того руководителя, которые взялись и с энтузиазмом за дело и сделали установку АИР-1 (атомно-ионное распыление). Под напором Потапова харьковские ученые восприняли эту задачу как первостепенную, и целый квартал, если не больше, опытное производство трудилось, по существу, на наш завод, отодвинув все свои тематические работы на второй план. Это был просто какой-то гипноз. Им казалось, что их проблемы — пустяк по сравнению с проблемой, которую перед ними поставил Потапов.

После аврала над нашей установкой они потом год входили в график опытного производства. Правда, по указанию Потапова в Харьков ездили многие наши конструкторы, рабочие, чтобы помочь им войти в график, но потери они понесли несравнимые с нашей помощью.

Еще пример, когда директор проявил настойчивость и свой "рукталант" при освоении новой техники. В конце тех же 70-х годов появилась новая номенклатура изделий, которая качественно отличалась от предыдущих. Если образно говорить, то надо было переходить от молотка и зубила к часовому механизму. Собрал Потапов главных специалистов, конструкторов. Я доложил, что знал о новых конструкциях. Директор объявил решение об изготовлении. А другой, более сложный узел, дескать, будет нам делать и поставлять по кооперации Свердловск-45.

Прошел год, директор вновь собирает тех же людей и снова просит рассказать о новых узлах. Я опять докладываю. Вдруг Потапов объявляет, что оба узла будем делать мы без всякой кооперации. Тут я впервые увидел гнев главного технолога Петра Александровича Кузнецова. Он буквально закричал, что так нельзя, что мы потеряли год на подготовку производства, что мы теперь не успеем и т. д. и т. п. Но директор был непреклонен. Хлопнул по столу рукой и сказал, что все свободны... Тяжко всем пришлось, но сделали. По-

чему он год назад сказал про кооперацию, которой не было? Не получилось? А может, просто хотел сосредоточить внимание на одном, наиболее важном? Известно: за двумя зайцами погонишься...

Стремление иметь все лучшее Александр Георгиевич распространял и на городское хозяйство, поскольку он практически был хозяином города. Чего стоит только эпопея с Дворцом культуры "Икар"! Многим казалось, что строительство такого шикарного дворца — растрата денег, что мы могли бы обойтись без него. Жизнь показала, что директор был прав. Прошло почти 30 лет, а Дворец остается на уровне европейских стандартов. Вспоминается эпизод, связанный со строительством "Икара". Как-то на почте я ждал междугородного переговора, а рядом сидел мужчина средних лет. Разговорились. Оказалось, что он специалист из Москвы и работает на строительстве "Икара". Рассказал, как бушует Потапов, как заставляет по нескольку раз переделывать. И здесь, на "незаводской" стройке, он был столь же требователен и добивался уровня не иначе как на "знак качества".

В свое время М. А. Ананьин рассказывал мне, как много сил было потрачено, чтобы уговорить Володина придать нашему поселку статус города, это и престиж, да и положение, как и построить Дворец культуры. При Володине осилили лишь рядовой клуб имени Ленинского комсомола. Он считал, и искренне, что главное — работа на оборону Родины, остальное — лишняя трата сил и средств. Может, по своему времени он был прав. Потапов же смотрел масштабнее и человечнее: не хлебом единым жив человек.

Александр Георгиевич гордился не только автоматизированными складами, куда обязательно завлекались, как на экскурсию, гости завода всех рангов, но и коллекцией чугунного литья в заводском музее, которая неизменно (сам был свидетелем неоднократно) вызывала восхищение гостей. Действительно, она хороша, и это свидетельствует о вкусе ее создателя. И главное, все эти произведения искусства сотворены на заводе. Разве не гордость и слава?

А сколько сил и энергии А. Г. Потапов потратил на строительство современных корпусов больницы, Дворца спорта с бассейном! А что стоила организация и строительство детского санатория "Рябинка" в Евпатории, где отдохнули и поправили здоровье тысячи наших детей! Отдыхают и сейчас.

А. ТИХОМИРОВ

НА ПОЛИГОНЕ КАПУСТИН ЯР

Проводились очередные контрольные испытания "Луны" на полигоне Капустин Яр. Все шло нормально, но при старте, при проверке бортовой аппаратуры, отказал передатчик метровых волн. Старт пришлось отложить. Передатчик заменили, но погода испортилась и, как оказалось, надолго. Я доложил о состоянии дел в Москву. Там на меня разгневались и дали команду срочно вылететь на полигон Потапову.

Помню, председатель комиссии полковник Каныгин встретил его вопросом: "Ну что ты приехал, что мы без тебя здесь не справимся, ты бы лучше привез нам погоду". "А я и привез, — ответил ему в тон Потапов, — завтра будет солнце". "Ты в этом уверен? — спросил Каныгин. — И можешь отвечать за свои слова?" — "Готов пойти на спор. Завтра будет солнце".

Ударили по рукам. Все были на стороне Потапова. Нам надоело ждать эту погоду. Хуже всего на свете — это ждать, да еще, когда все работы сделаны и переделаны, а на дворе холодно, слякотно и неуютно.

Утренняя сводка погоды ничего хорошего не предвещала. Высота облачности в районе срабатывания изделия хотя и поднялась, но была еще недостаточна для полета самолетов с регистрирующей аппаратурой. Потапов настаивал на подготовке и говорил, что "высота обязательно поднимется". Всем службам дали готовность № 1, и все пришло в движение.

И представляете, в докладах метеоролога появились нотки оптимизма. Потом доложили, что видят разрыв облачности. Самолетам дали команду на взлет. Предстартовая проверка прошла нормально. Дана команда на пуск. Начался отсчет времени. Прошла команда: десятиминутная готовность. И наконец доложили: в районе финиша появилось солнце. Наконец, поступила долгожданная команда "Пуск".

Потапов сиял. "Я же говорил вам, что будет солнце! — кричал он. — Вот так нужно проводить испытания!"

Через полчаса окно в облачности снова затянулось, но нам оно больше не было нужно. Мы свою работу сделали. Это было на грани фантастики! Безнадежное пари Потапов выиграл. У Каныгина не было слов. Изделие испытание выдержало, о чем Потапов с удовольствием доложил в Москву.

В Капустином Яре Потапов был не новичок. Он и раньше не раз приезжал сюда на испытания и часто рассказывал нам о людях, с которыми встречался здесь раньше. Большинство из них стали большими начальниками.

А. ТУТУШКИН

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ. Б. В. ГОРОБЕЦ

Где-то в начале лета 1955 года инструментальный цех изготовил для цеха 14 приспособление для сборки узла. Приспособление по тем временам было довольно сложным и необычным. Его надо было проверить в работе. А необычность этого приспособления заключалась в том, что надо было замаркировать несколько постоянных констант, которые определяются при опробовании в цехе-потребителе. Начальник инструментального цеха Н. П. Добрынин договорился с режимным отделом, и мне выписали разовый пропуск в здание 104.

Я слышал, что начальником цеха назначен специалист, приехавший из "Сороковки" в числе "списанных". Эта категория, получившая на химкомбинате "Маяк" значительные дозы радиоактивного облучения, по медицинским заключениям трудоустраивалась на заводах нашего ведомства. Вот и начальник смены Борис Валентинович Горобец, уже имеющий орден Ленина, был переведен к нам на завод. Володин поручил ему организацию цеха. Созвонившись с Горобцом, я взял приспособление и пошел в здание 104. Около солдата, проверявшего мой пропуск, стоял невысокий худощавый мужчина, возрастом чуть постарше меня. Темные волосы едва были видны из-под белого чепчика, надвинутого глубоко на лоб. Несколько бледноватое лицо, какое бывает у смуглого южного человека, давно не видевшего жаркого солнца. Одет он был в белый халат, застегнутый на все пуговицы. На ногах кожаные тапочки коричневого цвета. Человек в белом халате, чепчике и тапочках — форма необычная для инструментальщиков тех времен. Это была первая встреча с Горобцом. Он провел меня в какую-то комнату и познакомил с инженером, поручив ему оказать мне содействие в выполнении моего задания.

На протяжении всего последующего времени совместной нашей с ним работы, общения во время командировок в Шестое Главное управление — у меня никогда не исчезало впечатление о нем как о грамотном руководителе, справедливом и требовательном начальнике, надежном товарище, с которым, как говорят, можно идти в разведку.

Родился Борис Валентинович в 1928 году в Самарканде, в семье потомственного шахтера Донбасса, который к моменту рождения сына переехал с Среднюю Азию.

В 1945 году он окончил Ташкентскую среднюю школу и поступил на механический факультет Среднеазиатского политехнического института, который окончил, получив специальность инженера-технолога. По распределению получил назначение в Южно-Уральскую контору Главгорстроя СССР (Челябинск-40), где работал инженером-механиком, дублером начальника и начальником смены.

За выполнение специального задания правительства Борис Валентинович в 1954 году был награжден орденом Ленина.

В ноябре 1954 года после медкомиссии последовал переезд на Приборостроительный завод, где ему было поручено организовать работу цеха 104 по серийному производству спецузлов.

Самоотверженный труд во время очень сложной производственной обстановки по освоению изделий, последствия облучения приводили подчас к обморокам. Но цех устойчиво выполнял план, набирал силу и становился ведущим. Одним из первых получил звание "Коллектив коммунистического труда".

В ноябре 1959 года Горобец назначается заместителем главного инженера. Здесь он сосредоточил свое внимание на улучшении системы планирования цехов, на своевременном доведении планов исполнителей, на правильной и удобной кооперации между цехами. Его успешная работа на нашем заводе была отмечена — в 1962 году он награждается орденом Трудового Красного Знамени.

Производственная деятельность разумно сочеталась с общественной работой — практически постоянный член парткома завода.

Внедряя новшества по планированию, Борис Валентинович был настойчив в своих решениях, выдержан, в то же время внимательно все анализировал и прислушивался к опытным производственникам.

Ежедневно посещая цеха, помогая начальникам цехов в решении производственных вопросов по "узким местам", полностью про-

явил свои организаторские способности. Помогая, он не брался "тянуть чью-либо работу", но деликатно и настойчиво совстовал: "Подойди к зеркалу и посмотри, кто виноват!".

Обходил он цеха обычно с начальником ОТК завода Ю. Т. Косяковым. Прямой, открытый характер Горобца, приправленный самобытным юмором, и сложный, коварно-заковыристый стиль общения Косякова, у которого всегда было трудно понять, каково его мнение — все это создавало своеобразный тандем по разбору конфликтных ситуаций. О них пелась песенка: "Мы с Тамарой ходим парой, санитары мы с Тамарой". Обладая большим жизненным опытом, пережив 28 директоров, как сам говаривал, Косяков был большой мастак на разного рода байки, примеры, случаи. Их метод войти в подчас раскаленную атмосферу конфликта, со стороны казавшийся несерьезным и шутовским, как-то незаметно действовал умиротворяюще и позволял прийти к разумному, деловому решению. Борис Валентинович часто говаривал: "Ведь как мы привыкли работать? Сначала создадим трудности, чтобы затем их успешно преодолеть!". Юмор — юмором, а делу он помогал.

Горобец назначается главным инженером, заместителем директора завода. Все заботы о производстве он взял на себя, давая возможность Потапову заботиться о людях и городе. Горобец стал способствовать службам и подразделениям во внедрении передовых технологий, АСУП, механизации, автоматизации на всех уровнях, повышении коэффициента использования материалов, улучшении качества продукции.

На заводе при нем были внедрены две поточные линии сборки, ультразвуковая и электроискровая обработка деталей, пневматическое и вакуумное сборочные приспособления, алмазная обработка, универсально-наладочные приспособления, сварка в среде углекислого газа и многое другое.

В 1966 году — второй орден Трудового Красного Знамени, а в 1969 году за создание специального автоматического устройства ему была присуждена Государственная премия.

К этому времени завод имеет уже четыре механизированных склада, центральный склад готовых деталей с программным управлением, комплекс заготовительного цеха с механизированными складами. Завершена комплексная механизация ручных работ модельного участка.

В апреле 1971 года Горобец награжден орденом Октябрьской Ре-

волюции. Продолжается работа и над собой. Ему вручен диплом кандидата технических наук.

В цехах появились станки с числовым программным управлением, пресс-автоматы. Коэффициент использования металла поднялся до 0,615, а процент деталей, изготовляемых прогрессивными методами, составил 84,59%. Коэффициент прогрессивности техпроцессов составил 0,86%. Появились новые виды производств, началось внедрение АСУТП.

В январе 1977 года за успехи в выполнении плана по спецтехнике ему вручен орден "Знак Почета". В конце 1978 года Б. В. Горобец был переведен в аппарат Министерства среднего машиностроения, сначала заместителем начальника, а затем — начальником Шестого Главного управления, в чьем ведении находится завод, которому он отдал четверть века своей инженерной жизни и технического творчества.

Ю. БЕЛЯЕВ

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА. В. Т. МАЛЫХИН

В один из летних воскресных вечеров я торопился домой с садового участка общества "Красногорец". Чтобы скоротать время, решил идти не по дороге, а напрямую через гору. И где-то уже наверху, перед лесом, лавируя по межам, уперся в проволоку, огораживающую чей-то садовый участок. Пришлось взять правее, но там тоже не было прохода.

Вдруг невдалеке кто-то сильным, красивым баритоном затянул: "Ехали на тройке с бубенцами, а вдали мелькали огоньки...". Я посмотрел в сторону раздававшейся песни, но никого не увидел. А в вечернем воздухе, да еще с горы, на все садовые участки лилось: "Эх, когда теперь бы мне за вами — душу бы развеял от тоски...". "Что за Кобзон, интересно, — подумал я, продолжая глазами выискивать певца, — еще и слова помнит". Это была самая первая моя реакция. Затем меня заинтересовал сам голос. Он был такой знакомый, а я все не мог вспомнить, кому он принадлежит. Обойдя садовый домик, который мешал моему обзору, я, по характерной,

слегка сутулой фигуре, узнал Виктора Тихоновича Малыхина, умывавшегося прямо из бочки после трудового дня.

Встречаясь с ним в компаниях, на рыбалке, на картошке, я всегда удивлялся тому, насколько легко он сходится с людьми, любит петь и помнит слова песен. А память у него хорошая не только на слова песен. Работая под его началом последние шестнадцать лет перед уходом на пенсию, я неоднократно убеждался в том, что он и до сих пор помнит содержание более или менее значительных документов, поступивших на завод, а также — в какой службе их надо искать и какие были приняты по ним решения.

Среднюю школу он закончил в 1946 году. Началась учеба в Куйбышевском индустриальном институте. Малыхин — выпускник 1951 года, инженер-механик по металлорежущим станкам. Направление получил на Миасский инструментально-напилочный завод. Там Виктор Тихонович работал мастером, старшим мастером, начальником кузнечно-прессового цеха. Комсомольский активист с вузовским стажем был направлен для организации комсомольской работы в «Хозяйство Володина". С 20 апреля 1953 года Виктор Тихонович исполняет обязанности заместителя начальника цеха 106. 3 мая 1953 года на полянке, где сейчас находится городское пожарное депо, провели заводские комсомольцы свое первое собрание, на котором и был избран секретарем организации В. Малыхин.

Вскоре состоялся субботник: построили волейбольную площадку, провели шахматный турнир. Одним словом, комсомольская жизнь закипела.

Первый комсомольский секретарь не был освобожденным от производственной работы. Ему Володин поручил курировать строительство Первой промышленной площадки. Участок был обтянут колючей проволокой с вышками по углам. А в зоне работали заключенные с солидными сроками. У них был стимул для производительного труда: при выполнении нормы выработки на 115% и выше им один день зачислялся за три. Механизации никакой: кирка и лопата. Ломами долбили котлован, раствор мешали вручную, кирпичи затаскивали на этажи на носилках. А так как заключенных было много, то строили очень быстро.

В первом квартале 1954 года было сдано строителями первое здание № 109 Первой промплощадки. И Виктора Тихоновича назначили исполняющим обязанности начальника цеха 115. Начался

монтаж электротехнических, воздуховодных, канализационных и водопроводных коммуникаций. Цеховые кран-балки еще только монтировались, поэтому всю работу производили "бурлацким" методом. Кирками и ломами пробивали каналы под электропроводку, красили полы и оборудование, устанавливали стеллажи, наводили чистоту и порядок...

С апреля 1954 года Виктора Тихоновича назначили начальником цеха 101. Началось все сначала: монтаж и доработка. Цех был многопрофильным, включал гальванический и лакокрасочный участки.

Стремительно росла численность комсомольской организации. В конце 1954 года комсомольцев было уже около 500. На посту неосвобожденного секретаря комсомольской организации Малыхина сменила Дина Сергунцова (Телегина в замужестве), которая проработала неосвобожденным секретарем до создания городской организации ВЛКСМ. Цех, руководимый Малыхиным, успешно освоил выпуск узлов специзделия. В сентябре 1956 года Виктор Тихонович получил свою первую награду — медаль "За трудовую доблесть". В последующий период был освоен выпуск деталей к сборке узлов автоматики новых изделий. Производственные задания стали выполняться с перевыполнением.

Продолжается активная общественная деятельность Малыхина. Его избирают депутатом областного Совета.

В 1961 году его назначают заместителем директора по общим вопросам, а в декабре 1964 года он сменяет Б. В. Горобца на должности заместителя главного инженера — начальника ПДО. В июне 1982 года его назначают заместителем директора завода по производству, где он работает до ухода на пенсию в 1993 году.

В 1971 году В. Т. Малыхин награжден орденом Трудового Красного Знамени. К этому времени на его счету совершенствование системы планирования цехов, внедрение сетевых графиков подготовки и ритмичности производства, освоение и пуск в эксплуатацию автоматизированного склада готовых деталей, освоение новых видов продукции. В 1973 году он был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени.

Идет напряженная трудовая жизнь с ее радостями и огорчениями. Проведена значительная работа по освоению новых производственных мощностей, регулярно выполняются производственные планы по освоению новой продукции, внедрена АСУП, обеспечено внедрение подсистемы оперативно-календарного планирования в сис-

теме АСУП, значительно повышена ритмичная работа завода. И так — до ухода на заслуженный отдых. В день празднования 40-летия города Виктору Тихоновичу присваивается звание почетного гражданина города.

Ю. БЕЛЯЕВ

ВСЕГДА В ДЕЛАХ И ЗАБОТАХ. С. В. АЛЬБУКОВ

Я сижу в уютном бревенчатом домике на территории фермерского хозяйства. Передо мной интересный собеседник, но нелегко мне разговорить его, хотя знаком давно.

Скромность украшает человека. Это верно. Ну, а если человек не кичится своими заслугами, не лезет на глаза начальству, не бьет себя в грудь, а живет, выполняя свою работу по-деловому, без показухи, то мы его не замечаем. И лишний раз не отметим его труд и добросовестность. Не поставим его в пример молодому поколению. А человек, о котором я хочу рассказать, всей прожитой жизнью, многолетним трудом заслуживает большего. Этот человек интересен и тем, что он первым встретил эшелон первопроходцев в апреле 1952 года.

Степана Васильевича Альбукова знают в городе многие, привыкли к нему, как привыкают к своим друзьям. В его жизни нет чего-то необычного, его судьба — это судьба его поколения, он не герой, он — сын своей эпохи.

Родился в трудолюбивой и многодетной крестьянской семье. Удачный надел земли, повседневный труд большой семьи, где только сыновей было пятеро, позволили отцу, смекалистому и расторопному, скопить деньжат для покупки лобогрейки и конной молотилки. А тут подвернулся случай купить разрушенную ветряную мельницу, и отец приступил к ее восстановлению. Шел 1929 год...

1 сентября 1929 года Степана исключили из школы, где он должен был учиться в третьем классе. Отец — мироед! Начиналась коллективизация и раскулачивание. На этом для него закончилась учеба, и всю дальнейшую жизнь он формально считался безграмотным. Мудрый отец собрал семейный совет. Решено было разобщиться, и отец с сыновьями Степаном и Григорием подался по

России искать лучшей доли. Он предвидел, что ожидает его и семью.

Случайно на пути оказался Юрюзанский завод. Задержались плотниками на ремонте плотины. В Василовке началось строительство деревообрабатывающего комбината, который дал первую продукцию в 1936 году. На следующий год Степана призвали в армию.

Служба в оружейных мастерских на Дальнем Востоке дала Степану новую специальность. Участие в военных событиях на озере Хасан в 1938 году. В 40-м — "дембель", и снова — Юрюзань, где нашел себе невесту Ирину. А так как денег для свадьбы и обустройства семьи еще не было накоплено, решено было с этим повременить.

В июле 1941 года Степан по всеобщей мобилизации служил уже в отдельном артиллерийском полку в Забайкальском военном округе, в механических мастерских. В 45-м снова — "дембель", опять Юрюзань. Верная невеста дождалась своего избранника. Свадьба, строительство дома в Василовке, работа на ДОКе. Золотые руки, сообразительная голова, армейская подготовка выделили Степана. В начале 50-х годов он уже мастер столярного цеха.

В апреле 1952 года, в начале рабочей смены, в комнате мастера столярного цеха раздался телефонный звонок: "Степан Васильевич, зайди ко мне". Говорил директор ДОКа. В кабинете разговор был продолжен:

— Сейчас звонил с Вязовой начальник станции, на Красную Горку прибывает воинский эшелон. Прошу встретить командиров. А я займусь размещением солдат.

Степан Васильевич чуть раньше слыхал, что в их районе затевается какое-то строительство. Ведь недаром ставит по лесам вешки ленинградская бригада изыскателей, что живет в Василовском клубе.

В 10 часов 15 минут воинский эшелон прибыл на Красную Горку. В середине состава был пассажирский вагон. Из него вышли капитан Г. Г. Амосов (перед выходом на пенсию работал директором бетонного завода), подполковник Черноморченко и "гражданское лицо" В. А. Шаманов.

Последующие недели прошли в хлопотах по обустройству прибывших и подготовке материалов для строительства бараков для заключенных, которые с интервалом в 2—3 дня стали прибывать на станцию.

Строительство объекта началось. Заключенных уводили сразу в

места дислокации лагерей. Первым организовали лагерь особого режима у каменного карьера, затем появились другие лагеря в тех районах, где сейчас расположены автобаза городского транспорта, очистные сооружения, заводская теплица и "Дальний".

В этом же году Степан Васильевич был переведен в п/я 202 слесарем. До 1957 года Степану Васильевичу пришлось обслуживать и ремонтировать счетные и пишущие машинки, кассовые аппараты, ротаторы, весы и т. п. Словом, разную, самую сложную технику тех лет.

С переходом в отдел КИПиА в 1957 году характер работы Альбукова усложнился. Ему пришлось освоить обслуживание и ремонт особо точных механизмов — аналитической весовой техники. И долго он оставался единственным в городе специалистом, имеющим право на ее ремонт. Проработав 20 лет в отделе КИПиА и подготовив себе замену, хотел уйти на пенсию. Но директор уговорил поработать еще немного. Это "немного" продлилось три года.

Работая в отделе КИПиА, Степан Васильевич продолжал "блюсти" счетно-весовое хозяйство города. На одновременном обслуживании было до 76 машинок, плюс множительная техника, кассовые аппараты. Умудрялся выкроить время для рационализаторской и изобретательской работы.

В это же время строил свой дом. Отличный дом соорудил умелец. Он и сейчас стоит — красуется на косогоре. Завидным гостеприимством отличаются супруги Альбуковы!

Глубокопорядочный, бесхитростный по натуре человек, всегда поделится тем, что знает, и тем, что имеет. Простодушие Степана Васильевича всегда умиляет и трогает. Это не только мое мнение, такой отзыв дают коллективы, где он работал, и те, кто его знает.

Наград у скромного человека немного — орден Трудового Красного Знамени, медаль "За боевые заслуги". Есть у Степана Васильевича медаль министерства за развитие техники в области стандартизации. Это редкая награда. А уж сколько благодарностей, выплат за внедренные рационализаторские предложения, премий — не сосчитать. Награды прикрепляются к парадному костюму Степана Васильевича редко, потому что не привык он праздно проводить время. Всегда в делах и заботах. Вот и теперь он в постоянных хлопотах по фермерскому хозяйству сына. С раннего утра и до позднего вечера.

Ю. БЕЛЯЕВ

НАЧАЛЬНИК "ДВАДЦАТОГО". А. М. ГОНЧАРОВ

В родных местах на Юрюзани Александр Михайлович появился, уже отработав после техникума в далекой Сибири. Велика сила притяжения отчего края. Она и прописала Александра Михайловича в городе, заложенном на его таежных грибно-ягодных еланях, у бурлящей реки его детства — Юрюзани. Знакомая тайга и совсем еще юный незнакомый городок приветливо встретили человека, умудренного жизненным опытом, но не сулили удобства ни в быту, ни на работе. Все надо была начинать сначала.

Зачередовались должности-работы: 1955 год — старший мастер ОТК; 1956 год — инженер-технолог; 1957 год — начальник цеха мехбазы; мастер заготовительного участка, начальник механосборочного участка 106; 1960 год — инженер сборочного участка цеха 20; 1964 год — зам. начальника цеха; 1966 год — начальник цеха 20. И 20 лет начальником в цехе 20.

"Двадцатый", образно говоря, был как бы перекрестком, где пересекались производственные процессы выпускаемой заводом спецтехники. Цех был зависим от десяти поставщиков — участков, цехов, отделов завода. Они нередко подводили. Отсюда и основные трудности. В этом была рисковая специфика цеха. В других механосборочных цехах месячную продукцию иного участка можно поместить на ладони, а здесь же крупногабаритные и металлоемкие сборки. Производственные площади для них ограничены, механизация техпроцессов скудная, автоматизация отсутствует. Применялись почти все основные виды обработки металлов. Скажем, сварочное производство. Оно играло многоликими оттенками-зарницами: ручно-дуговая сварка, под слоем флюса, шовная и точечная контактная, металлопорошковая, в защитной среде аргона и углекислого газа, кузнечная сварка.

Заместители — самая надежная опора начальника цеха. Л. М. Иванов, А. Т. Волков, А. А. Фролов, В. П. Яковлев, Б. Д. Чекасин — инициативные, надежные в работе люди. Первая "тройка" именно здесь "встала на крыло" для высокого полета — впоследствии стали начальниками цехов.

Народная мудрость гласит: "Каков мастер, такова и работа". Ладом работали мастера — организаторы производства: Г. Н. Ива-

"Визитная карточка"
Приборостроительного завода –
административный корпус

Памятник первостроителям
Приборостроительного завода
и г. Трехгорного

Так начинался Трехгорный

Сверху вниз:
барачные кварталы (макет).
Благоустроенный барак.
Первые многоэтажки вырастали в первозданном лесу и обрастали зелеными посадками

К. А. Володин,
основатель и первый директор
Приборостроительного завода

Это уже история.
К. А. Володин с группой заводчан.
Первомай 1962 года

1. Генерал Б. Л. Ванников, руководитель Атомного штаба - Первого Главного управления (1945-1953 гг.), руководившего созданием ядерного оружия и организацией атомной индустрии.
2. М. Г. Первухин, один из руководителей Атомного штаба, уроженец г. Юрюзань.
3. Академик И. В. Курчатов, научный руководитель Атомного штаба, уроженец г. Сима.
4. В. Т. Малыхин, ветеран завода, зам. директора по производству, почетный гражданин города.
5. С. Ф. Яровенко, первый комсорг завода.
6. Д. Г. Бирюлин, личный шофер первого директора завода К. А. Володина

1.

2.

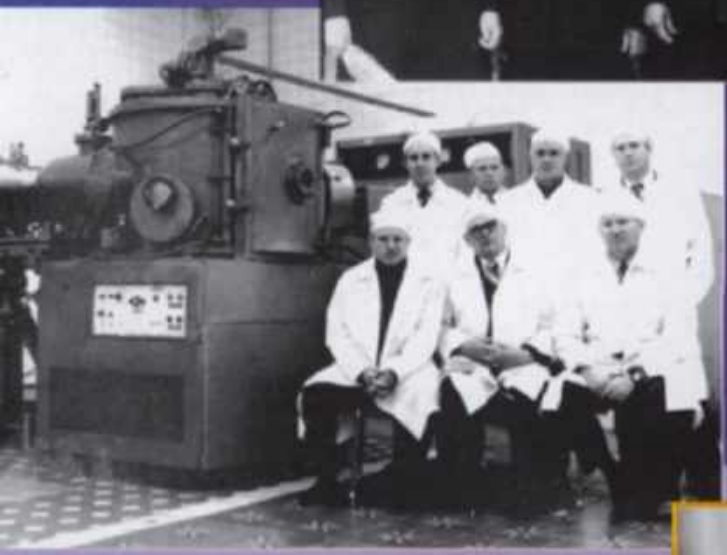
3.

4.

5.

6.

"Итак, она звалась Татьяной..."
Так атомщики называли и первую отечественную серийную атомную бомбу - первую оборонную продукцию Приборостроительного завода



Директор А. Г. Потапов с группой работников сборочного цеха возле установки АИР-1 (атомно-ионного распыления). 1978 г.

Директор-"долгожитель" А. Г. Потапов. Он руководил заводом около 23 лет

Генерал Л. А. Петухов – второй директор Приборостроительного завода. Начальник Главка Л. А. Петухов (в генеральской форме) и председатель ЦК профсоюза Минсредмаша А. Н. Каллистов с группой орденоносцев завода (1974)

А. В. Долинин – генеральный директор Приборостроительного завода на трудном рубеже веков

А. Д. Попов – технический директор завода

Один из корпусов Приборостроительного завода

Ядерный щит Родины обеспечен
"сверхоружием", которое производит
Приборостроительный завод.
На заднем плане водородная бомба.
Музей г. Снежинска. ВНИИТФ

Установка "Булат" для нанесения
защитных покрытий на детали

В. С. Комаров,
начальник кузнечной
мастерской и цеха № 26

Центр городской власти –
резиденция главы администрации г. Трехгорного

Робототехнологический комплекс на участке холодной штамповки мехцеха

Кавалеры высших советских трудовых наград – Герои Социалистического Труда И. А. Пушкарев, А. Д. Сотников

Главный конструктор завода Е. В. Кононов председательствует на заседании совета начальников отделов

А. Н. Тутушкин, полковник инженерной службы, руководитель военно-сборочной бригады

А. Е. Якимов, начальник сборочного участка, зам. начальника отдела № 7, ветеран завода и атомной промышленности

Робототехнологический комплекс в лакокрасочном отделении

«Маяки производства» – так называли лучших из лучших. Лучшая бригада Минсредмаша по механосборочным работам М. И. Глухмана.

Лучшая бригада Минсредмаша. Бригадир Е. И. Логинов (в центре).

Участок станков
с числовым
программным
управлением

Станция высокого давления для испытания спецузлов
высоким давлением была разработана и изготовлена
на заводе впервые в отрасли в 1985 г.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

1. Л. Г. Николяй, полковник запаса, районный инженер военного представительства, глава военной приемки на заводе.
2. И. С. Кузьмин, начальник цеха 12, зам. главного технолога завода.
3. В. В. Кузнецов, начальник техбюро цеха №101, секретарь парткома, зам. директора по кадрам.
4. В. П. Осипов, зам. главного конструктора завода.
5. П. Н. Козолупенко, главный механик завода, лауреат заводской премии.
6. Ю. Н. Беляев, один из старейших работников завода

Участок монтажа печатных плат

Принципиально новый тип механизированного снабженческого комплекса централизованного обеспечения производства точными заготовками был внедрен на заводе в 1969 г. В числе первых в стране

1.

2.

1. А. М. Тихомиров, начальник отдела СКБ
2. Л. П. Щедрин, начальник БРИза, механик цеха № 41, секретарь завкома и горкома комсомола, зам. секретаря заводского парткома
3. Т. А. Куколева, инженер-технолог, ветеран завода, активная участница общественной жизни
4. Г. Т. Таймасов, ветеран завода и военного представительства

3.

4.

Городские виды. Улица Кирова

Приборостроительный завод - предприятие высокой культуры. Это приметно и в цехах, и в бытовках. Зимний сад в механическом цехе зеленеет с 1978 г.

В. Г. Коротких, лучший наставник молодых рабочих

Конверсия последних лет значительно увеличила список мирной продукции завода. Стерилизатор заводской марки сегодня незаменим в медицинских учреждениях и в общепите

Деревообрабатывающий станок делает с древесными заготовками все, что пожелает домашний мастер

Автомобильный багажник марки "ПСЗ" очень удобен и даже украшает автомобиль. То же можно сказать и об автоприцепах

Насос “Эффект” для накачивания шин – надежный помощник автомобилистов на трассе

Новое — хорошо забытое старое. Сегодня в число самой современной продукции входит храмовое убранство, которое не производилось многие десятилетия

"Каслинское литье" с трехгорненской пропиской. В музее художественного литья

Живописны и поэтичны пейзажи окрестностей Трехгорного

Чугунный рыцарь и Гермес — тоже продукция приборостроителей. Они освоили художественное литье на уровне знаменитых на весь мир каслинских мастеров

Городские виды. Улица Мира

Обелиск "Ника" (греческая богиня победы)
в парке Победы. Это и памятник
профессиональному мастерству
приборостроителей

"Глухарь" – памятник первозданной природе юрюзанских мест, где в 1952 г. был прописан г. Трехгорный

Трехгорный – город горный, и в том особая красота его застройки

Улица Строителей, первая в городе, в современном обличье

Улица Мира с видом на Дворец культуры "Икар"

Эта юная горожанка начала свой школьный курс наук в XX в., а завершит его в XXI в.

Танцевальный коллектив. 1956 г.

Заводские танцоры современного поколения
на сцене Дворца культуры "ИКАР"

Радужное многоцветие
художественной самодеятельности

На детском празднике.
"Банты-цветы"

Вверху: победители соревнований на приз первого директора К.А. Володина на лыжне – "четырехугольник" цеха № 14 (руководство, парторг, профсоюз, комсомол). 1988 г.

Внизу: спортивная история завода. Первый мастер спорта по лыжам И.Н. Антоненко на дистанции

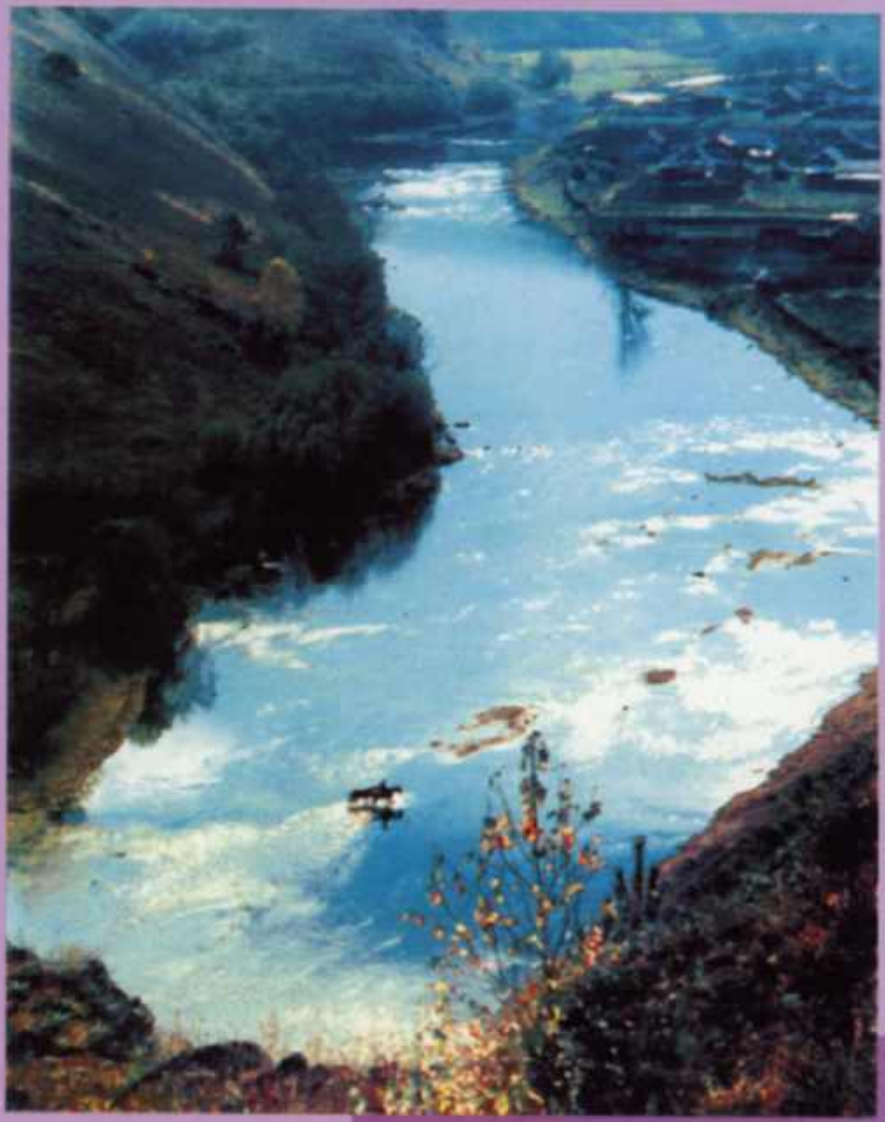
"Новое время – новые песни". Автосостязания по фигурному вождению на приз Виктора Дьяченко. 1999 г.

Международный турнир дзюдоистов памяти чемпиона России А. Мисягина

Один из «пионеров» курорта,
а пока горнолыжной базы «Завьялиха» -
коттедж курортной «деревни».

Это сегодня и завтрашний день. Соревнования
сноубордистов на горе Поповка. Завтра эта
трасса войдет в комплекс горно-спортивного
курорта «Завьялиха».

«В хоккей играют настоящие мужчины...».
Юные хоккеисты.



"Волга" трехгорненской округи –
горная красавица река Юрюзань

нов, И. Д. Полуэктов, С. Башаров, И. И. Дмитрук, Н. И. Комелова, Ю. А. Шутов, В. А. Бойко, А. Е. Рыбников, В. Г. Кибец. Среди рабочих выделялись "цеховые звезды первой величины": В. А. Норкин, Ю. Гаврилов, В. И. Сажин, В. Г. Игнатьев, И. К. Харьков, Ю. И. Буренков, В. П. Семенов, А. С. Долгих, Г. Г. Лукин, М. Ф. Конишев, Н. П. Лактионов, Г. И. Гуляев, В. С. Михайлов, В. М. Понамаров, И. Ф. Банаев, В. Н. Степанов, М. А. Маркина, Ю. М. Махетов, Т. П. Рогозина, Т. С. Рябова. Входили в "золотой фонд завода" бригадиры М. И. Глухман, Е. А. Рыбников, И. М. Буртасов, А. Н. Бочков, В. Д. Ермаков, Н. М. Рогова, Н. М. Якимов, Н. А. Серебрякова, А. В. Чулков, А. И. Караев. Такие труженики и пишут славную историю цеха, завода.

Все всегда учились. Учились у наставников, в ШРМ, в учебном комбинате предприятия, в школе мастеров, в техникуме, в вечернем институте. Начальник цеха прошел переподготовку в Обнинске, потом его заместители, мастера поочередно открывали дверь этого учебного центра.

"Двадцатый" с самого начала работал ритмично-подекадно. Других таких цехов на заводе не было. Планы пятилеток обязывали поднять эффективность производства, повышать качество выпускаемой продукции... Цех завершил первую свою пятилетку без технических и рекламационных актов от эксплуатационников. И другая была выполнена достойно. Коллектив цеха становится первым обладателем учрежденного заказчиком приза по качеству. И во всем приметная заслуга "двадцатилетнего" начальника цеха.

Г. ТАЙМАСОВ

ОБЩЕСТВЕННИК. Н. И. СЛЮСАРЕВ

Только назначили его начальником цеха 45, как вскоре в цех приходит главный инженер Потапов. Надо срочно подключить полученное оборудование в здании 104. "Собери бригаду и действуй!"— "Так ведь заказа нет!"—"Завтра будет. Я дам распоряжение".

Слюсарев собрал бригаду. Работу закончили под утро. Через три-четыре дня вызывает Володин. В кабинете главбух Бурлов. Подумал: Потапов-то так и не принес заказ. Так и есть.

— Ты мой приказ, запрещающий выполнять какие-либо работы без оформленного заказа, читал? — строго вопрошает Володин.

— Читал. Так ведь... срочно надо было... Главный инженер просил.

— Вот тебе выговор за нарушение приказа. И премию за месяц — долой!

— Виноват, — собрался выходить из кабинета, но Володин продолжил:

— Ну, а за оперативное выполнение задания тебе и бригаде благодарность и премия. Разделите сами. Распишись в ознакомлении с приказом.

Вот такой случай имел место в производственной жизни Николая Ивановича Слюсарева, проработавшего на Приборостроительном заводе долгие годы.

В 1928 году после семи классов он поступил в ФЗУ при заводе "Донсода", где получил специальность оператора измерительных приборов 5-го разряда. Поступил тут же при заводе на первый курс вечернего рабочего университета на электротехнический факультет. Вечерний рабочий университет был преобразован в горный техникум. После его окончания в 1934 году Николай Иванович был направлен в трест "Челябуголь" в Копейске.

"Действительная" с 1937 года. Ратный путь начался с кампанией по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии, затем пришлось пройти финскую войну 1939—1940 гг. После демобилизации вернулся на ставший родным Урал — в Копейск. Время было тревожное, нужны были специалисты для "оборонки", и он поступил на завод 114 г. Копейска, где прошел путь от электромастера до главного энергетика. В трудные военные годы — трудовой фронт.

Напряженный труд сочетается с большой общественной работой: член заводского комитета профсоюза, секретарь партбюро завода в 1949 году, секретарь Сталинского РК КПСС Копейска в 1950 году. Растет авторитет, признание деловых качеств. Николай Иванович — член горкома, райкома, бюро райкома, депутат районного, городского Советов.

В 1953 году обком направляет Слюсарева на учебу в областную партийную школу, а после он получает направление в Златоуст-20.

1956 год в городе знаменателен тем, что начался переход от политотдела к созданию в городе и на заводе партийных и общественных органов. По рекомендации обкома Слюсарева избрали сек-

рстарем парткома завода. Это произошло на партийном собрании в августе 1956 года. Секретарем парткома он работал три созыва, в 1956—1959 годах.

В парткоме занимались вопросами дисциплины на производстве и выполнения плановых заданий отдельными цехами, вопросами режима. Обсуждалась и работа с комсомольцами и молодежью, уделяли внимание развитию социалистического соревнования. Все кадровые перестановки происходили с согласия парткома. Из общественно полезных работ в это время запомнились субботники и воскресники по строительству пруда у загородного пионерского лагеря, ввод в действие самого лагеря. Комсомольцы и молодежь в этот период активно участвовали в озеленении города, укреплении опор линии электропередач, проведении городских фестивалей молодежи, в строительстве мастерской школы 106 методом народной стройки.

В 1959 году председателем исполкома горсовета был избран Константин Михайлович Кузьмин, заместителем стал Слюсарев.

В 1961 году вернулся вновь на Приборостроительный завод. С 1962 года — начальник электроцеха.

Трудолюбивый, требовательный к себе и подчиненным, хороший хозяйственник, Николай Иванович по-прежнему активно участвовал в общественной жизни цеха, завода, города. Он был пропагандистом, членом ГК КПСС, членом завкома профсоюза.

В 1973 году коллектив цеха проводил своего начальника на заслуженный отдых.

Ю. БЕЛЯЕВ, Л. ЩЕДРИН

ТАЛИСМАН. М. И. ГЛУХМАН

Мостовые краны, торопливо перемещая грузы, пересекают световые потоки верхних ламп освещения. Гудят — поют, каждый на свой лад, металлорежущие станки. Чередуются отсветы электро- и аргонно-дуговой сварки. К столу, заваленному технической документацией, то и дело кто-то подходит и шелестит, роется до тех пор, пока кто-то другой слегка не оттолкнет и не займет его место. В разбор технического вопроса представителями разных служб завода вклинивается то голос раскрасневшегося бригадира, то обеспокоенного мастера.

Несущие фермы ловят и дробят все звуки. Двадцатый цех вздыхает трудовым шумом и гулом. Тяжко ему. Правда, состояние, объясняемое одним емким обиходным словом—напряженка, пошло на убыль. В бригаде Глухмана напряженка — это трудовой порыв. За многие годы, может, по воле судьбы, работа этой бригады стала самой весомой и решающей в выполнении месячной программы цеха, нередко — завода, бывало, и в выполнении заказа министерства. В таких случаях руководство цеха, нарушив все правила по охране труда и отдыха, пропадает на работе. А рабочим, выходит, сам бог велел трудиться в поте лица. Было время, когда главный инженер начинал рабочий день с "двадцатого", точнее — с этой бригады. И сам директор, объезжая свои владения, не проедет мимо. Бригада — это первичная трудовая ячейка, со своим отличающимся от других личным почерком работы и внутренним миром, с непростыми производственными отношениями. Это —микрогосударство во главе с избранным "президентом"— бригадиром Михаилом Ивановичем Глухманом. По его инициативе с марта 1962 года бригада стала комплексной. Каждый член бригады освоил дополнительные профессии. Сразу исчезла зависимость от других участков, стала соблюдаться ежедекадная ритмичность работы, повысилось качество. Бригада преобразилась.

...Завершена очередная сдача продукции. Я подошел к бригадиру и, соблюдая свою многолетнюю традицию, как представитель заказчика, первым поздравил со сдачей качественной продукции, потом поздравил мастера Юрия Александровича Шутова. Глядя на аккуратно расставленные инструменты и различные приспособления в выдвижных ящиках-верстаках, заметил:

— Михаил Иванович, тут только птичьего молока нет.

— В данном случае вы ошибаетесь,—сказал он и с улыбкой протянул мне красивую конфетку. На обертке я прочитал: "Птичье молоко". Взорвался общебригадный добрый смех. В те годы Михаил Иванович был нашим депутатом. Эти редкие конфеты, оказывается, привез с областной сессии, угощал ими ребят.

В тяжелые годы войны Михаил Глухман — хлебопашец-тракторист. В системе военкоматской учебы стал радистом. В годы воинской службы—артиллерист. "На гражданке"—слесарь-котельщик, слесарь-монтажник, вальцовщик, слесарь механосборочных работ, дипломированный сварщик. Окончил двухгодичную школу мастеров в учебном комбинате предприятия и повышения квалификации

в Обнинске. Из этого изобилия специальностей он окончательно обосновался по специальности слесаря механосборочных работ, в совершенстве овладев самыми сложными операциями.

Слово "слесарь"—сравнительно древнее, немецкого происхождения — "шлоссер", что означает "замочник". Слесарю полагалось изготовить свой личный замок. Глухман умеет все это и многое другое. Главное в том, что свое умение он никогда не держит под "личным замком". Оно — достояние всей бригады. Золотое правило для всех членов бригады: "Знать и уметь. Знаешь сам — научи другого". Знающие да умеющие — это золотой фонд. На них держится завод. Не менее трехсот человек прошли бригадную школу. Некоторые из них сами стали замечательными бригадирами. Другие — окончили вузы, стали толковыми руководителями. Отрадно, что бригадный дух той поры стал незыблемой традицией.

На стыке смен с других участков подходят сыновья Володя и Миша. Михаил Иванович проводит "малую" оперативку. Это же семейный мужской совет. Не это ли отцовское счастье?!

Ветераны помнят такой эпизод. В бригаду прибыл новый сварщик. Как привык варить где-то, так он и начал "пахать количество", но, как заметил Глухман, при этом не "сеял качество". Строгий вопрос торопыге:

— Зачем оскорблять себя плохой работой?

— Не нравится? Да? Попробуй, вари сам.

— Какой взять электрод?

— Да любой.

И пошла работа бригадира. Впрямь, образцово-показательная. Собрались сварщики. Будто весь цех притих. Новичок-то поник головой и выдавил;

— Ну, так и говорили бы, что сварщик.

— В нашей бригаде не говорят, а дело делают.

Вот это, вам скажу, аттестация! Хоть в энциклопедию вписывай. Двадцатипятилетний бригадирский стаж... Четверть века! Почти все эти годы, принимая продукцию, я ежемесячно давал оценку работы бригадира. Покривил бы душой, если бы сказал, что было всегда все гладко и безоблачно. Так не бывает. Бригада большая, работа двухсменная, а непредсказуемый человеческий фактор иногда вдруг даст сбой на ровном месте. Но общая опрятность работы всегда налицо.

Учрежденный на заводе в 1973 году знак "Отличник качества" за № 1 справедливо был вручен бригадиру комплексной.

Михаил Иванович Глухман — кавалер многих орденов и медалей, в 1968 году был делегатом XIV съезда профсоюзов, четыре созыва являлся депутатом областного Совета, в свое время выступал на коллегии министерства о воспитании и подготовке молодых рабочих. Достигнув пенсионного возраста, "бразды правления" Глухман передал своему же воспитаннику — Жене Кареву, но сам до сих пор продолжает трудиться в бригаде, где является своеобразным талисманом безукоризненного мастерства.

Г. ТАЙМАСОВ

ЗАМКНУТЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК. С. БАШАРОВ

Прекратился наконец-то нудный дождик-мокросей. Истаяло последнее облачко за зелеными борами. Из шалаша первым вылез Сережа-непоседа, следом — отец, мать. По всей поляне блестели-искрились дождевые капельки. Солнце над лесом набирало жар. Над Завьялихой-горой, опустившись одним концом к Бахтиярке "на водопой", украсила небо высокая радуга. Одна... Другая... Тройная радуга. Добрый признак, что сенокосная страда будет ладная, по народной примете — к ведру. "Дай то бог", — шепчет мать Сережки. По косам, заранее отбитым и заточенным к сенокосу, для порядка, ритуально проводят кремнистым бруском. Рождаются звуки, веками песенные, повторяющиеся в каждую страду. Сливаясь с голосом Юрюзань-реки, несутся чудные мелодии сенокоса по харизовым перекатам в далекое низовье.

— Сынок, — обращается отец, — где твоя литовка?

— Тута, папа.

— Ну-кася, мужик, встань-ка рядком, пройдемся ладком.

И пошли косари. Глава семьи, как вожак каравана, впереди, за ним сын. Позади, чуть отставая, любуясь сыночком, идет мать.

Сначала плохо слушалась "малая коса". Отцовский показ. Погодя, спокойный повтор. Учеба на ходу, в работе. Как из веку в век в народе. Отвлекали укусы кровожадных слепней через потную рубашонку. Сережка терпел и очень старался. Гордое звание "мужик" обязывало!

Мать жалеет "старшого", но не положено вмешиваться в отцов-

ское строгое учение. Единственное, что она могла себе позволять, прихватывала-подравнивала своей косой неровности первого укоса сыночка. Мужчины к концу ряда вышли вместе.

— Молодец, джигит! — отмечает старания сына отец.

Давно это было, на елани далекого детства. Там, где нынче шумит завод железобетонных изделий. Стартовая елань маленького человека и большого завода — будущих тружеников Трехгорья.

Год 1955-й. Сережа пошел работать на Василовский ДОК. 1958 год призвал парня в армию. После окончания курсов младших командиров он несет службу старшим сержантом в одной из частей в районе Байконура. Отслужив три года, возвращается в отчий дом "под елочку" — под Новый год.

С февраля 1962 года началась трудовая биография фрезеровщика Сергея Башарова на Приборостроительном заводе. И учеба — "без отрыва от производства". Юрюзанский механический вечерний техникум. Начались интенсивно-уплотненные годы работы и учебы. Замкнутый треугольник: завод—техникум—дом. Четыре года упорства и старания. И победный финал — диплом с отличием.

Трудолюбие Башарова, подкрепленное знаниями, стало очень приметным. Даже во время перерывов-перекуров некурящий Башаров продолжал "обработку деталей резанием". Такими в цехе, как замечал, были только двое: он и бригадир Михаил Глухман. Если возникала необходимость, работали по две смены подряд, без отказа, с полной самоотдачей.

Иногда можно было видеть, как у фрезерного станка оперативно "заседало" деловое трио: рабочий, мастер и технолог. "Обкаткедоводке" подвергался технологический процесс установочной серии.

Директор и главный инженер среди лучших станочников в лицо знали Башарова — "надежную опору завода".

В 1972 году Сергей Башаров был признан лучшим фрезеровщиком Министерства среднего машиностроения. Министр Славский награждает его Почетной грамотой и именными часами. Лучший фрезеровщик становится кавалером ордена Трудового Красного Знамени, юбилейной медали "За доблестный труд", почетных знаков победителя соцсоревнований, ударника восьмой и девятой пятилеток. Цеховая, заводская и городская Доски почета "Слава труду" по очереди славили передовика.

Передовик — значит, всегда впереди. Как это ему давалось. Тяжело захворала и надолго слегла мать. Ежедневно надо было в

самую рань добираться до матери, протопить печь, накормить завтраком, приготовить обед. На дворе живность тоже требовала ухода. И спешить "на всех парах" в цех к семи тридцати. Вечером опять у матери...

В 1975 году руководство назначает Башарова мастером лакокрасочного участка. С 1990 года — он старший мастер. Участок работы — нелегкий. Технологическая оснащенность, увы, остановилась на том уровне, что имелась к моменту запуска в эксплуатацию. Производственные площади ограничены. А большегабаритные сборки, защищаемые лакокрасочным покрытием, особенно с начала конверсии, все больше увеличиваются. Работающих на высоте не случайно титулуют "малярами-высотниками". Производственная программа должна быть выполнена при любых условиях. И выполнятся!

Труд, трудность, трудолюбие... Опять, вроде, получается, треугольник — производственный. Как и ответственность старшего мастера тройная — за себя, за мастера, за рабочих.

Г. ТАЙМАСОВ

СВАДЬБА В ДЕНЬ ПОБЕДЫ. С. П. СЕРЕГИН

Сергей Прокофьевич Серегин последнее ранение получил в завершающих боях в Германии, за два месяца до долгожданной Победы.

В мае 1941-го его призвали в армию. Служил на погранзаставе под Мурманском. В первый же день войны гитлеровцы бомбили границу с воздуха, потом пошли лавиной.

— Жуткое было зрелище, — вспоминает Сергей Прокофьевич. — 47 километров бежали вглубь. Я свои обмотки все стоптал. Потом нас остановили свои. Привели в себя, организовали, дали моряков в помощь, вооружили заключенных — под Мурманском было много лагерей. И пошли мы в бой, дали немцам прикурить. Оттеснили их, заняли свои прежние рубежи. И уже не отступали, держали границу "на замке". Прослужил на этом северном участке линии фронта до октября 1944 года. Ходил в разведку, брал "языков". А на годовщину Великой Октябрьской революции пошли вперед и сделали Родине подарок, освободив от фашистов северное побережье Норвегии.

Потом был Второй Белорусский фронт. "Северян" передали под командование Рокоссовскому. На фронт ехали через Ярославль. Сергея отпустили на несколько дней в увольнение. До родной деревни — рукой подать. Добрался ночью, а в дом — не попадет. Зенитчицы там стояли, пароль требовали. Потом только позвали хозяйку. Дни промелькнули, как минуты. Свою часть догнал уже в Белоруссии.

И пошел освобождать Европу от фашистской чумы солдат-освободитель. Как положено солдату, имел ранения, получал награды за мужество и отвагу. Списало из строя ранение в самом конце войны. Врачи хотели ампутировать руку, да пожалел парня опытный хирург Голубев, решил рискнуть. И получилось. Хоть и стал инвалидом, зато с рукой.

После операции отправили старшего сержанта Серегина залечивать свою рану в госпиталь в Пензенской области. И здесь судьба улыбнулась ему, одарив любовью операционной сестрички Маши, ставшей заботливой женой и любящей матерью его детей.

День свадьбы не забудется никогда — сыграли 9 мая 1945 года — в День Победы.

Медицинские навыки помогли Марии в дальнейшей заботе о здоровье мужа. Рука, безжизненно свисавшая вдоль тела, начала оживать. Стал поднимать до уровня груди, работать пальцами. Получил возможность работать, стал работником Приборостроительного завода.

Серегины вырастили троих детей. У них одиннадцать внуков, есть уже правнучка.

В трудовых книжках Серегиных — сплошные благодарности. Хранится большая пачка авторских свидетельств Сергея Прокофьевича по рационализации.

Л. РУБЦОВА

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАВОДА

КОНВЕРСИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Экономические реформы поставили предприятия ядерно-оружейного комплекса отрасли в исключительно сложные условия в связи с конверсией ее научно-производственного потенциала из-за сокращения производства вооружений и военной техники. Наиболее остро эти проблемы стоят в ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), поскольку в силу их специфики возможности для трудоустройства высвобождающихся с градообразующих предприятий работников в них ограничены.

Работы по сохранению и созданию новых рабочих мест в Трехгорном для работников, высвобождающихся из военного производства, проходят в рамках целевой программы содействия занятости населения ЗАТО, утвержденной в конце 1988 года.

Комплекс мероприятий этой программы предусматривает создание более двадцати трех тысяч и сохранение шестнадцати с половиной тысяч рабочих мест для жителей закрытых городов и будет осуществляться в тесной увязке с отраслевой программой «Реструктуризации и конверсии предприятий атомной промышленности», являющейся подпрограммой федеральной целевой прогрммы.

Программа реструктуризации и конверсии для Приборостроительного завода подписана в марте 1999 года и предусматривает развитие таких направлений, как выпуск оборудования для атомных электростанций, электрогазового оборудования, систем резервного питания. Эти конверсионные производства станут основой будущего благополучия предприятия и его работников.

В 1997 году из 6400 работников Приборостроительного завода в

выпуске военной прдукции было занято 5766 человек, в 1998 году — 5000, в 1999 году их останется 3600, а к 2001 году — только 2800 человек.

Обеспечить работой остальных должны и предусмотренные программой довольно крупные конверсионные производства, и другие, более мелкие, уже созданные или создающиеся в городе совместными усилиями руководства предприятия и городской администрации. Началась эта работа уже давно. Мэр города Н. А. Лубенец и директор градообразующего предприятия А. В. Долинин еще несколько лет назад приложили немало сил для освоения выпуска нетрадиционной для Приборостроительного завода продукции, чтобы найти применение людям, потерявшим рабочие места в результате сворачивания военного производства.

«Спасение утопающих — дело рук самих утопающих», — говорит мэр города Н. А. Лубенец. — Я считаю, что мы пошли правильным путем, когда стали создавать производства, выделять их в самостоятельные юридические лица».

Среди уже созданных производств обувное. Здесь в скором времени будут работать 200 человек. Кроме обуви, оборонщики Трехгорного успешно освоили производство ванн различного назначения, багажников для автомобилей, в ближайшее время начнут выпускать душевые кабины, стоимость которых будет в два раза ниже зарубежных аналогов.

Жизнь вносит в конверсионные проекты свои коррективы. Так, освоенная в Трехгорном технологическая линия по выпуску полиэтиленовых труб для отопления была рассчитана на итальянское сырье. Однако августовский «обвал» рубля сделал его слишком дорогим. Выпуск полипропилена соответствующего качества удалось наладить в родственном (тоже ЗАТО) Северске на Сибирском химическом комбинате.

Самым оригинальным способом предоставить работу людям в закрытом городе можно считать уже воплощающийся колоссальный проект создания горнолыжного комплекса, подобного которому, по словам одного из высокопоставленных организаторов спорта, «в мире сегодня нет». Один этот комплекс может позволить найти применение 2,5 тысячам жителей Трехгорного.

Очень престижно участие в программе «Русский трамвай». Программа, в которой очень заинтересовано правительство Москвы, предусматривает реконструкцию старых чешских трамваев. Новый

трамвай стоит около 240 тысяч долларов, реконструированный — в два раза дешевле. К реализации программы подключены около 40 российских предприятий, в том числе и Приборостроительный завод.

Обувь, трамваи, ванны, спортивные сооружения. Однажды — «на заре перестройки» — оборонщики уже пытались перековать мечи на орала. Увы, безуспешно. Не повторяют ли в Трехгорном прошлых ошибок?

«Нет, не повторяют, — считает Н. А. Лубенец. — Пятнадцать лет назад нас заставляли «сверху», а сейчас инициатива идет «снизу». Это разные вещи».

До сих пор создание новых рабочих мест шло, главным образом, за счет собственных средств предприятия и городского бюджета. Они вложили в вышеупомянутые проекты около 55 млн. рублей. Утвержденная в 1999 году программа по сохранению и созданию рабочих мест потребует новых вложений. Для осуществления ее первоочередных мероприятий, по мнению директора Приборостроительного завода А. В. Долинина, в самое ближайшее время нужно около 70 млн. рублей.

ГАЗЕТА «АТОМПРЕСС», АПРЕЛЬ, 1999 г.

ГОРОД СРЕДИ ГОР

Не на трех горах расположен город Трехгорный, а среди трех гор: Завьялиха, Шуйда и Бархотина. Ближе всех Завьялиха, она на виду, ее и знают. Разве, что река Юрюзань связывает три горы, подступаясь к их подножиям.

Не на плоскости и сам город. Его улицы то падают к реке, то взбираются на холмы, как, например, улица Кирова, которую венчает поставленный на верхотуре дом-башня.

Среди гор расположен Трехгорный и среди лесов. Кажется, едва ли не любую улицу запирает бронзовая стена соснового леса.

У нас много городов-сирот. Так они, по крайней мере, выглядят: будто ничьи и никому не нужны. Трехгорный — не сирота. Сразу видно, что о нем кто-то заботится. Он ухожен. Он опрятен. Он как-то приукрашен, прибран и, кажется, приласкан.

Особенно красив он весной, когда распускаются березы улицы

Кирова, когда зацветают сирени улицы Советской, когда от яблонь румянится улица Мира.

Трехгорный дышит чистейшим сосновым воздухом с горных вершин и пьет чистейшую воду из подземелья.

Ничто не нарушает покой Трехгорного по ночам, здесь даже днем звуки приглушены и ленивы.

Если чем-то Трехгорный обижен, то солнцем. Здесь говорят, что место под город в свое время выбрали в расчете на облачный покров, под которым сподручно спрятать атомные секреты от небесного дальнозора. Еще одно неудобство — перепады атмосферного давления, которые тут будто бы круче, чем на спокойных равнинах.

В Трехгорном больше заботы. Больше, чем обычно. Выше нормы. Заботы всякой. Во всех проявлениях.

Меня умиляет это: тут и там я замечал пап и мам, бабушек и дедушек, терпеливо скучающих на скамейках, в вестибюлях и коридорах. Держа на коленях детскую одежонку и сумки, они ждут, пока дети отпрыгаются, оттанцуются или отмузицируются, чтобы увести мальцов домой.

Я неделю ходил из школы в школу, впечатления, лица, речи малость перепутались, но кое-что застряло в памяти.

Например, дорожка. В одном из залов детской спортивной школы № 1. Это дорожка для акробатических прыжков. Американская. Подарок городской администрации. Таких дорожек в России три — в Краснодаре, Ставрополе и здесь.

В этой школе я познакомился с тренером по акробатике Петром Федоровичем Сулеевым и его женой Аллой Юрьевной. Алла Юрьевна не только тренер, но и судья, причем международной категории, одна из пяти в России. В качестве судьи ездила в Сидней, на первенство мира. Туда же возила своего воспитанника Антона Чернышова, парня четырнадцати лет. Антон занял третье место и вошел в сборную страны.

Что еще? Еще дорожка, беговая, в соседнем зале. Сто метров по кругу. Покрытие — резина "арман". По этому арману дети бегут к своему здоровью, а иные из них, например Алексей Крысин, выбегают в большой спорт.

При школе — стадион под открытым небом, а рядом, в сетчатой ограде, футбольная площадка, на которой дети во все времена года гоняют кожаный мяч.

Замечу и то, что к стадиону и площадке подступает сосновый

лес, овевающий юных спортсменов терпким смолистым воздухом. Их примерно 800.

Следующая школа, тоже детская, тоже спортивная — № 2. Здесь — бассейн, один из первых в области. К плаванию приобщаются детишки со второго класса. Волейбольные и баскетбольные площадки. Лыжи. В соревнованиях на Кубок России Настя Барышникова бежала на одной лыжне с участниками Олимпийских игр и была не последней, как и Кирилл Мамаев. Школу посещают примерно 1100 человек.

Идем дальше. Спортивная школа по дзюдо. Светлый зал, высокие своды. На полу германские татами. Рядом тренажерный зал с набором "кеттлеров". После тренировки, пожалуйста, — сауна с бассейном, самовар. В коридоре — бильярдные и теннисные столы.

Двумя турнирами известна школа — памяти Виктора Прохача и Андрея Мисягина. Турниры собирают дзюдоистов со всей России и из-за ее пределов. Юные спортсмены и ветераны дзюдо здесь — одна семья. Их более трехсот.

А еще тир: дистанция 50 метров, 10 бойниц, 70 винтовок, 12 пистолетов — все, чтобы научить меткости руку и глаз.

А еще зал для боксеров, ринг, комната с тренажерами, сауна. Больше ста мальчишек переступают канаты ринга. Один из них, Алексей Астраханцев, стал мастером спорта международного класса, членом сборной страны.

А еще — горные лыжи, сноуборд...

Это — спортивные школы. Теперь зайдем в детскую школу искусств. Инструменты: баян, аккордеон, домра, балалайка, гитара, фортепьяно, скрипка, виолончель. Целый оркестр. Ну и лучший из инструментов — голос, пение. Второй год школа принимает любителей рисования. На очереди — хореография. Здесь 740 учащихся, 55 преподавателей.

Это не все. Нельзя не зайти в фотостудию "Трехгорье". Искусству света и тени здесь обучают Мыльниковы — Людмила Владимировна и Анатолий Владимирович. У "Трехгорья" два дела сразу — учиться и создавать фотолетопись города.

Студия имеет все: аппараты, увеличители, химикаты. Но ее гордость — осветительная аппаратура фирмы "Хенцель". Подарок городской администрации.

Что интересного в детской библиотеке? Однажды был «суд» над библиотекой. В городском Дворце культуры. Библиотека судилась

со Скукой. Судьей был зрительный зал. И судья оправдал библиотеку по всем статьям.

В библиотеке не скучно, потому что ее книги всегда в игре. Есть даже театр "Открытая книга".

То ли еще будет, когда библиотека получит свое здание — оно на реконструкции. Читателей у библиотеки пять тысяч.

Что в итоге? Спортом занимаются две тысячи детей. Искусством увлекается тысяча детей. Библиотеку посещают пять тысяч детей. А всего-то школьников в городе шесть тысяч. Значит, многие из них ходят в две-три школы сразу.

В Трехгорном не все от города. Кое-что — от села. Здесь нет разобщенности, обычной для большого города. Здесь не бывает "одиночества в толпе". Потому что здесь много знакомых друг другу людей. Знакомых и связанных замкнутой общностью. Нечто вроде города-семьи.

Нам показали видеофильм — запись одного из концертов во Дворце культуры "Икар". Концерт прекрасный: и хор, и оркестр, и солисты... Свой цирк. Свой КВН. А костюмы, а декорации... Что твой театр. Все, "как в городе". Но не все. Одно явственно: между сценой и зрительным залом — никакого барьера. Сцена и зал — в диалоге, общаются. Из зала выходят на сцену. Зал сам подхватывает песню. Тут все артисты и все зрители.

Дворец культуры "Икар" в свое время поражал роскошью. Стекло, мрамор, гранит. Изысканные интерьеры. Эти панно... Эти колонны, обсыпанные пестрыми камнями... Эта грациозная линия перил на винтовой лестнице — черный, блестящий от рояльного лака виражный виток... Эти залы — малый, большой и танцевальный... Поистине народный дворец.

Но более всего в тот вечер я был потрясен мужским ансамблем "Россияне". Четырнадцать мужчин сидели в комнате полукругом. Кто в свитере, кто в спортивном костюме, кто в клетчатой ковбойке. Обычная репетиция.

— Что споем?

Когда Вениамин Иванов, широко расставив ноги в джинсах и будто опершись взглядом в пол, запел, когда голос его задрожал и метнулся по комнате, когда вступили другие басы и, слившись, набрали наивысшую силу — тогда будто раздвинулись стены комнаты и песня вырвалась наружу... какое наслаждение услышать истинно мужские голоса после надоевших дискантов и сиплых те-

норов... Потом были другие песни, запевали другие солисты — Игорь Паула, Евгений Гагарин, Иван Панюков — но все также мужественно, душевно и достойно. А руководителю ансамбля Михаилу Петровичу Заецу достаточно было ладошкой где-то придержать, где-то приподнять.

После работы они приходят на репетиции, чтобы петь для своего удовольствия, для своей души. Такое-то пение, оказывается, и есть самое проникновенное. Жаль, "Россиян" мало знают у нас в области, и не только у нас.

Еще одна встреча оставила во мне след — в городской библиотеке. Про все не расскажешь — про компьютеры и ксероксы среди книжных полок, про клуб "Садовод", про отдел искусств с его нотами, дисками, пластинками, кассетами и слайд-альбомами, а про малый зал нельзя не сказать. Это не читальный зал. Это большая квадратная комната, в которой собираются для умных разговоров, если хотите, для изысканного салона. Представьте: мягкие уголки по углам, вдоль стен диваны, кресла, телевизор, пианино, посредине — ковер. Здесь читают свои стихи местные поэты из объединения "Исток". Здесь состоялся вечер "Мой Пушкин". И еще что-то в этом амплуа. Обстановка располагает.

Людмила Николаевна Дигилева, заведующая отделом культуры, добивается того, чтобы открыть в городе музейно-выставочный центр "Вернисаж". Для него закуплено десять картин местных художников. К открытию музея будет закуплено еще десятка два полотен.

Однажды, уже более двадцати лет назад, тогдашний директор Приборостроительного завода А. Г. Потапов загорелся идеей повторить каслинское литье. Теперь в заводском музее собрано более 400 работ.

В Трехгорном жизнь получше, чем "вообще". Правда, им пережито пятилетие абсурда, когда закрытые города буквально закрыли будто бы в эксперименте на выживание.

Возможно, у закрытого города избыток льгот? Возможно. Нельзя забывать, что Трехгорный — особый город. Кто еще, исключая другие закрытые города, держит на себе такую тяжесть ответственности? К сожалению, мы о той тяжести не знаем почти ничего.

Как ни прятали Трехгорный, а знают о нем далеко, аж за океанами. Незряшная та известность.

М. ФОНОТОВ

ХОТИМ ВИДЕТЬ РОССИЮ ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ — "ЗОЛОТОЙ"

"Конверсия-II" была организована в 1992 году на волне создания в рамках Приборостроительного завода дочерних конверсионных предприятий: пекарня, производство мебели из массивной древесины и другие. Военное производство сокращалось, и участок покрытия остался без работы. Встал вопрос о его закрытии. Нужно было найти применение методу покрытия, кстати, самой прогрессивной технологии для гражданской продукции. Я, как специалист в этой области (был начальником лаборатории покрытий в службе главного технолога), предложил создать хозрасчетный участок. Разработанный бизнес-план предусматривал покрытие пластмасс, корпусов часов, ложек и церковных куполов.

Последнее было особенно непривычно, но очень своевременно. Повсеместно началось возрождение храмов. Изучив рынок, увидели спрос на золочение. Раньше купола покрывались или просто медью, или медью с золотом. Мы обладали современной технологией — "ионоплазменное покрытие нитридом титана в вакуумных установках" практически любых материалов, в том числе нержавеющей стали.

Удалось быстро довести наше предложение до потребителей. Мы предлагали несколько вариантов золочения храмовых строений. Просто нитридом титана — это долговечнее. Золотом — насыщеннее по цвету, в темноте светится ярче. И комбинацией золота с нитридом титана. Мы гарантировали относительную дешевизну и большую долговечность — от 50 до 100 лет по сравнению со старыми методами покрытия. Можно на полстолетия забыть о кровле, лишь изредка смывая пыль и грязь.

Хозрасчетная деятельность в рамках завода оказалась неэффективной, начались простои из-за неритмичности снабжения. Уже в 1992 году было создано малое предприятие "Конверсия-II" с арендой участка и оборудования. В дальнейшем была произведена модернизация производства, приобретено собственное оборудование, установлена своя подстанция и счетчики учета энергоносителей. Организация совместной работы с заводом ведется на правовой основе.

Экологически чистый метод ионоплазменного покрытия нашел развитие в современном градостроительстве для архитектурного оформления зданий различными металлоконструкциями. На востребован-

17 Заказ 2236

ности металлоконструкций с облицовкой кровельными материалами различных модификаций (под золото, металлочерепица) возникло наше строительное предприятие "Конверсия-С", которое имеет лицензию не только на строительство, но и на проектирование. Совместно с заводом в 1996—1997 годах мы участвовали в строительстве Храма Христа Спасителя в Москве, что явилось для нас и экзаменом на зрелость, и подтверждением надежности нашей работы.

В 1995 году мы выиграли тендер по государственному заказу среди 12 специализированных фирм, в том числе и иностранных. К этому времени мы имели уже достаточный опыт — участвовали в строительстве более 50 храмов. Этот объемный заказ, включающий исполнение 12 позиций, был выполнен за три месяца. Работали по 20 часов. Не было чертежей, привозилась гипсовая лепнина из Москвы с объемных художественных элементов. По слепкам разрабатывалась техническая документация. Не обошлось без столь привычного в советское время аврала в честь победного рапорта о готовности Храма к Пасхе (новое время — новые песни!). Последний золоченый купол устанавливали в ночь на Пасху.

Купола Храма покрыты по особой технологии, такого нет нигде в мире: первый слой — нитрид титана, второй — тонкая пленка золота. Немало проблем пришлось решать с крышей Храма. Главный куратор стройки — мэр Москвы Лужков — настаивал на золотой. Архитекторы убедили его оформить кровлю под старую медь. Нами было разработано до семи видов специальных покрытий, так как долго не могли подобрать цвет. Остановились на коричневом цвете под старую медь. Мы спроектировали также и изготовили водостойкие лотки с электроподогревом.

В состав нашего объединения "Конверсия" входят четыре предприятия, которые работают по следующим направлениям: покрытие различных материалов, строительные металлоконструкции, нестандартное оборудование для нефтяников и газовиков, стройкомплектация. В действительности же наша деятельность намного шире, беремся за выполнение практически любых заказов. Изготавливали гербы и эмблемы городов, ограждение и ворота для культовых и гражданских зданий, каркасы шатров, кресты для церквей, звонарские лестницы, электронные часы. Кстати, нашу водосвятную чашу Союз художников оценил как произведение искусства. Ежегодно номенклатура заказов насчитывает 500 и более видов работ.

За сравнительно недолгую "биографию" объединения численность

работающих возросла с 14 до 360 человек. Есть перспектива создания новых рабочих мест. По "Стройкомплектации", к примеру, на 80 человек. Для этого, наращивая производство, делаем пристрой к основному зданию.

Гарантией успеха любого дела является хороший бизнес-план. В сегодняшних условиях необходимо отдавать предпочтение тем проектам, которые быстро реализуются и эффективны. Необходимо просчитать рынок сбыта и найти команду единомышленников, умеющих делать то, что нужно. Предварительно по "Стройкомплектации" было рассмотрено 10 вариантов. Остановились для начала на выпуске акриловых ванн с гидромассажем, душевых кабинах, туристических лодках и запорной арматуре для систем водоснабжения. Сейчас совместно с Пермским университетом готова принципиально новая разработка — задвижки с керамическими запорными элементами для химически активных сред. У них масса преимуществ по сравнению с клиновидными задвижками старого образца — не ржавеют и почти не изнашиваются. Опытные образцы изготовлены, рынок изучен, очередь за производством.

Помогает город. Собственных средств на расширение и обновление производства не хватает. Городская администрация выделила нам возвратные кредиты. Пока правительство только декларирует, что надо вкладывать деньги в реальный сектор экономики, в городе это уже делается. Городу, как воздух, необходимы социально значимые проекты, которые смогли бы приносить ощутимые средства в местный бюджет, и городские власти это хорошо понимают. У нашей команды есть пять великолепных проектов для предложения администрации города и завода. Идет совместная доработка и согласование их претворения в жизнь. Есть и новые идеи. В условиях рынка необходимо искать "экологическую нишу", чтобы выжить, и всегда иметь задел на будущее. Только так можно сохранить устойчивое положение. Надо предвидеть и быть немного впереди, чтобы дело не оказалось однодневкой.

Помогает общение с промышленниками. Это братство, общность единомышленников. Российские производители новой формации выживают благодаря взаимоподдержке, партнерству. По тем же ваннам с гидромассажем работаем с партнерами из Коврова — у них аналогичное производство. В процессе общения с промышленниками и предпринимателями постоянно возникают совместные идеи и проекты.

"Конверсия-С" уже построила ряд объектов в городе. Совместно с

фирмой из Челябинска реконструировали здание под "Скорую помощь", заменили семь кровель по финской технологии. Реконструировали бывшую столовую "Юбилейная" под музей, сдали "Пассаж". В рамках благотворительности изготовили иконостас и купол для нашей церкви. Текущие заботы — реконструкция старого Дома быта под библиотеку, парикмахерской "Локон", станции технического обслуживания; строительство автовокзала; изготовление мансарды над жилым домом, которая украсит его и увеличит жилплощадь.

"Домик на Поповке", который обустраиваст наша фирма,— это целый комплекс, сервис-центр летнего отдыха с прокатом лодок, водных мотоциклов, с организацией детского и взрослого кафе, ведь в "домике" два этажа. Проложена дорога, перенесена высоковольтная линия. Должен действовать пляж, спортивные площадки.

В кабинетах руководителя непременно должен быть символ, который выражает суть предприятия. Прежде это были портреты вождей. У нас на видном месте известная копия скульптуры Н. Лаверецкого "Россия" — бронзовое литье, покрытое золотом. Она сияет, приковывает взгляд. В таком исполнении кажется немного аляповатой, но суть в другом. Мы хотим видеть Россию процветающей — "золотой" и делаем все, чтобы участвовать в этом благодатном деле.

С. ИПАТОВ,
генеральный директор производственного объединения "Конверсия"

ГОРНОЛЫЖНЫЙ ЦЕНТР "ЗАВЬЯЛИХА"

Что угодно, только не это можно было бы допустить еще лет десять назад. Впрочем, и сегодня этот проект — чуть ли не вызов "нормальной" логике: атомщики решили заняться горными лыжами. Туризмом. Сервисом. Досугом.

От атомной индустрии — к индустрии отдыха? Круто. Не сразу принимаешь. Слишком велик перепад. Будто вместо свинцового диска на чашу весов бросили клок пуха.

Некогда начиналось с того, что специалисты высоких атомных технологий в конверсии должны искать себе новые занятия в смежных секторах. Логика в том есть, но есть и шоры. А если смотреть шире? Кто и что ограничивает?

В Трехгорном посмотрели выше и увидели гору Завьялиху.

Наверное, и авторам проекта надо было внутри себя сорвать немало пут, чтобы утвердиться в своей правоте и громогласно заявить: гора Завьялиха — это серьезная, почтенная и прибыльная работа.

Мы давно толкуем: мол, все во имя человека, при этом подразумевая, что да, во имя, но не сегодня, а завтра. Рассуждали про группу А, про группу Б, про группу В в экономике, так и не сойдя с первой группы алфавита...

Может быть, пора? Парадокс в том, что в Трехгорном взялись за досуг развлечений в лихую годину. Неизбежен вопрос: до горных лыж ли теперь, когда выжить бы?

Парадокс есть. На него и надежда. Когда совсем трудно, может быть, нет ничего более спасительного, чем парадоксальное решение.

Гора Завьялиха выставила Трехгорному свой юго-восточный бок. Самая смотрибельная из гор вокруг города. Приезжал канадец Пол Метюз.

— Условия у вас, — сказал он, — как у нас в штате Ванкувер. Один к одному. И гора такая же.

Пол Метюз знает толк в горных лыжах. Как и австриец Артур Допельмайер. Старику под восемьдесят, а он полез на Завьялиху. Спустился восторженный: природа, говорит, для вас все приготовила.

Короче, решено гору Завьялиху взять в кавычки. То есть создать горнолыжный центр туризма и отдыха "Завьялиха". Пол Метюз и Артур Допельмайер в тандеме, в связке: один, как мировой авторитет, разрабатывает проект, второй, как мировой авторитет, поставляет подъемники. Часть работ оставлена южноуральцам.

Будет так: на обращенной к городу стороне Завьялихи завьются пять горнолыжных трасс длиной более двух километров каждая, разных по сложности, а также по цвету. У подножия горы появятся гостиничная деревня и всякие досуговые объекты: спортзалы, корты, сауны, возможно, бассейн. Рестораны и кафе расположатся не только внизу, не только на вершине горы, но и на ее склонах. Откроются, разумеется, пункты проката лыж.

Основной подъемник, который установит на Завьялихе господин Допельмайер, способен поднять на гору три тысячи туристов в час. Значит, за день Завьялиха должна обслужить 20—30 тысяч человек.

Самый главный вопрос: кто эти люди? Я задаю его исполнительному директору проекта В. А. Зинченко.

— Мы ориентируемся на своих, на уральцев, на россиян. На людей

среднего достатка. И на тех тоже, кто пока ездит на горнолыжные курорты за границу. Примем, конечно, и зарубежных гостей.

Центр "Завьялиха" расположится у самой автомагистрали Челябинск—Москва, в 20 км от железнодорожной станции Вязовая. В Трехгорном не отказываются от мысли об аэропорте у села Тюбеляс, который в будущем примет ЯК-42 из Москвы.

Проект готов. Уже поступают лыжи, ботинки, доски сноуборда, а также станки по уходу за этим инвентарем.

Лыжный сезон продлится семь месяцев. Предусмотрена система оснежения, которая позволяет держать календарь сезона. Что касается лета, то возможно, центр освоит туристические маршруты — пешие, конные, водные.

Деньги? Предложения есть. Их немало. Знающие люди уже уловили, что вкладывать средства в "Завьялиху" дальновидно.

Конечно, проект недешев. Но много он обещает и вернуть. Прежде всего он даст работу двум тысячам трехгорненцев, которых не может занять завод. Уйдя на "Завьялиху", они "прокормят" себя, окупят затраты и начнут "кормить" свой город, свой завод.

"Завьялиха" уже началась. Ее первая очередь — Поповый дол, что в черте города. Это горнолыжная трасса на 300 метров и рядом трасса сноуборда. Здесь выстроен административный дом, установлен подъемник. Поповый дол принял первые соревнования. Он предназначен прежде всего детям.

На детей же, но постарше, рассчитан второй этап "Завьялихи". Это бывший пионерлагерь "Каменный цветок", расположенный за городом. Здесь почти все уже есть. Остается проложить "спокойную" горнолыжную трассу на 700 метров. Так, от этапа к этапу, Трехгорный поднимется на Завьялиху.

Проект рассчитан на пять лет, но уже в самом начале второго тысячелетия первые горнолыжники положат начало новому зимнему курорту.

Проект "Завьялиха" имеет много аспектов — социальный, культурный, военный, политический и какой угодно еще, но, как настаивает глава города Н. А. Лубенец, первый из них — экономический. А престижный аспект в том, чтобы создать у Трехгорного горнолыжный центр не иначе, как на уровне мировых образцов.

М. ФОПОТОВ

КАСЛИНСКОЕ ЛИТЬЕ С ТРЕХГОРНЕНСКОЙ ПРОПИСКОЙ

Каслинское художественное литье было освоено на Урале (в Каслях, Кусе, Невьянске, Тагиле) в XVIII веке. Мастеровое искусство формовщиков, литейщиков, чеканщиков особо прославило на весь мир чугунное художественное литье в Каслях. Так стали его называть каслинским.

Внутренним чутьем определил директор завода А. Г. Потапов, что нам под силу будет освоить художественное литье, умножить славные традиции каслинцев. В 1978 году это было, вызывает он меня для совета.

Проработав более двадцати лет инженером по литью, определилась в первейших задачах. Дано отделу кадров задание: завезти мастеров из Каслей.

Первым приехал Саша Раков. Осмотрелись мы с ним, с чего начинать. Начали делать оснастку. Первой ласточкой была пресс-форма для литья по выплавляемым моделям — "Девушка с кувшином" (Энгр, XVIII век, Франция). Из формовочных работ первой была "Медной горы хозяйка" каслинского скульптора А. Чиркина. Вроде получается. Первый блин не комом.

Следующая задача — где брать модели? Начались мои бесконечные командировки в Касли, Челябинск, Свердловск. С огромным трудом были налажены контакты с директорами музеев. Но и здесь новые трудности, нам давали только ломаные скульптуры. Значит, надо научиться реставрировать.

Добыты старинные каталоги — Кусы, Каслей... Привожу груду поломанных обломков, по фотографиям их собираем. И чаще всего чего-то не хватает. Например, у "Рабыни" не было блюда и одной ноги. А. Раков начинает реставрацию, долепливает. Сверяем с образцами, утверждаем на художественном совете в Челябинске и лишь затем переводим в металл. За пять лет было выполнено более 80 реставрационных работ, в том числе сложный "Франко-русский Союз" работы Р. Баха. Эту работу мне предложил директор Свердловской картинной галереи после продолжительной совместной работы, которую здесь оценили очень высоко. "Франко-русский Союз" был восстановлен за полтора года так, что его немедленно показали по Свердловскому телевидению. Наша работа заняла почетное место в Свердловской галерее.

Вернемся к мастерам. Через год после приезда формовщика А. Бушихина, приехал чеканщик Николай Рашевский. Еще работая в Каслях, они все трое участвовали в выставках, организованных ВДНХ, получали памятные медали. И вот теперь нас четверо — "полный цикл". Началась самая интенсивная работа. За первые два совместных года было отлито более 70 экспонатов, сложнейших, с самым высоким качеством и окраски матового тона.

В 1981 году открыли свой музей "каслинского литья". Это был наш самый большой праздник. Было много гостей. Мне пришлось освоить еще одну профессию — экскурсовода-искусствоведа. Опять большая учеба, сотни перечитанных страниц, бессонные ночи, раздумья, как лучше преподнести людям об этих сокровищах в чугуне.

А наши мастера набирали опыт. А. П. Ракову присвоена III категория реставратора СССР. А. Бушихин так формовал, так отливал, что на отливках отпечатывался даже тончайший рисунок. Я до сих пор удивляюсь его мастерству. Золотые руки! Даже в безысходном вроде положении, когда почти пропадала готовая форма, он находил решение.

Особенно памятна "Россия". Снимали копию с экспоната Челябинского музея. Возили туда и обратно под усиленной охраной. Отливали по частям, чеканили — ночи напролет — Саша и Николай по очереди.

Срок перед пуском музея был очень жесткий — три месяца на 20 крупных работ. Справились мастера и с большой честью. А работы прибывали. Уже негде размещать многие экспонаты. Тогда А. Г. Потапов решает — расширить в два раза помещение музея. За три месяца все работы были выполнены.

А. Г. Потапов — наш главный вдохновитель. Он очень тонко разбирался в искусстве, в том числе скульптуре. Все привезенные работы сначала показывались ему, он сам очень быстро оценял, стоящая ли это вещь. Всегда так занятый огромной своей работой, он находил достаточно времени и для нас, всегда был в курсе наших забот, помогал во всем. По праву он увековечен в нашем музее. После его смерти мы долго уже не могли держать тот темп работы, который он нам обеспечивал.

Сейчас в нашем музее более 400 экспонатов.

Л. МИРОШНИК

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

ХРОНИКА

1952 год

7 мая — директор строящегося завода п/я 17 К. А. Володин издал приказ № 1: "С сего числа приступил к исполнению своих обязанностей на месте".

12 мая — прием К. А. Володина и его заместителя по кадрам В. И. Никитина первым секретарем Челябинского обкома партии. Достигнута договоренность о помощи обкома в комплектовании квалифицированными кадрами.

Конец года — в коллективе п/я всего 31 человек.

1954 год

27 апреля — создание первого механического цеха 101 под руководством В. Т. Малыхина.

18 августа — назначение А. Г. Потапова главным инженером завода.

Сентябрь — выдача первого тепла цехом 401 под руководством А. Г. Когана. — Создание цеха 512 (железнодорожного), под руководством В. И. Борисовой.

1955 год

1 января — численность сотрудников завода — 1137 человек.

7 января — создание службы КИПиА под руководством К. С. Морозова.

1 марта — создание цеха 514 (ремонтно-строительного) под руководством Г. И. Дорогова.

26 апреля — регистрация первого рационализаторского предложения А. Г. Третьякова, цех 415.

29 апреля — решение завкома профсоюза № 71 о награждении заводской шахматной команды (В. П. Чернов, А. В. Тарасов, А. В. Токарев, Н. Д. Полтавский, Н. С. Кутузов), занявшей первое место в городском турнире.

1 августа — официальный пуск Приборостроительного завода, получившего первый государственный план выпуска спецпродукции (атомной бомбы «Татьяна»).

17 ноября — создание парторганизации завода.

1956 год

1 января — численность сотрудников завода — 2234 человека.

11 сентября — подписание Указа Президиума Верховного Совета СССР о первом награждении 22 работников завода орденами и медалями (3 — орденом Трудового Красного Знамени, 5 — орденом "Знак Почета", 5 — медалью "За трудовую доблесть", 9 — медалью "За трудовое отличие").

1957 год

1 января — создание заводской Книги почета и внесение в нее первой записи: "Коллектив 401 цеха — победитель в социалистическом соревновании вспомогательных цехов, завоевавший и сохранивший в 1956 году первое место шесть месяцев подряд".

1959 год

23 ноября — начало работы учебно-консультационного пункта ЧПИ.

31 декабря — издание приказа начальника Главного управления Минсредмаша о создании на заводе серийно-конструкторского бюро и назначении П. Н. Меснянкина начальником СКБ.

В течение года — подано 1087 рационализаторских предложений, получена экономия 467 000 рублей.

1960 год

17 марта — решение заводского комитета профсоюза о присвоении звания "Бригада коммунистического труда" бригаде 15 цеха Ф. С. Алексейкова.

29 апреля — решение заводского комитета профсоюза о присвоении звания "Коллектив коммунистического труда" цеху 21.

29 июля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награж-

дении работников завода орденами и медалями (1 — орден Трудового Красного Знамени, 2 — орден "Знак Почета).

1962 год

7 марта — Указ Президиума Верховного Совета о награждении орденом Ленина В. Н. Бисярина, К. А. Володина, Н. П. Вяткина, К. Е. Игнатьева, И .В. Макшанцева, П. Н. Меснянкина, В. С. Смаева, В. С. Сугак, П. И. Сурина, Г. И. Тихонова.

В течение года — подано 2081 рацпредложение, получена экономия 643 000 рублей.

1963 год

11 января — уход на пенсию директора К.А. Володина, назначение директором завода Л. А. Петухова.

15 мая — решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Ленинской премии главному инженеру завода А. Г. Потапову.

1964 год

30 апреля — перевод директора завода Петухова Л. А. начальником Шестого Главного управления Минсредмаша СССР. Назначение директором завода А. Г. Потапова.

3 мая — назначение главным инженером завода Б. В. Горобца.

В течение года — по данным городского отдела загс: родилось 410 человек, зарегистрировано браков — 178.

1965 год

4 ноября — открытие на заводской площади памятника В. И. Ленину.

1966 год

29 июля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда фрезеровщику цеха 11 И. А. Пушкареву.

1967 год

1 февраля — переход коллектива завода на пятидневную рабочую неделю.

Вручение первого авторского свидетельства на заводе главному энергетику, изобретателю Г. Созинову.

В течение года подано 1720 рацпредложений, получена экономия 426 000 рублей.

1968 год

Январь — строительство заводских баз отдыха на реке Юрюзани и озере Увильды.

1 августа — вступление в строй новой местной авиалинии «Тюбеляс — Челябинск».

12 августа — в Подольске Московской области умер Володин Константин Арсеньевич.

1969 год

Защита первой на заводе кандидатской диссертации Н. И. Зиновьевым.

1970 год

30 марта — окончание строительства Дворца культуры «Икар».

21 декабря — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Приборостроительного завода орденом Ленина.

1971 год

26 апреля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда слесарю-лекальщику 15 цеха А. Д. Сотникову и награждении орденом Ленина А. М. Баландина, Н П. Добрынина, Ф. И. Доброскок, Ю. И. Митрошина, А. А.Репина, А. Е. Рыбникова, В. Е. Ярославцева.

29 апреля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда директору завода А. Г. Потапову.

30 ноября — присуждение коллективу Приборостроительного завода звания «Предприятие коммунистического труда».

1973 год

28 марта — защита кандидатской диссертации Б. В. Горобцом.

1974 год

Февраль — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина Г. П. Волкоморова, орденом Октябрьской Революции Е. Ф. Ферафонтова.

1975 год

22 апреля — утверждение Положения о лауреатах премии Приборостроительного завода.

1976 год

29 марта — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина В. П. Дулесова, орденом Октябрьской Революции В. В. Емельянова.

23 апреля — постановление Президиума ВЦСПС о присуждении заводу второй премии и диплома ВЦСПС за достижение высоких результатов в области научной организации труда.

1977 год

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина А. Н. Зинченко, орденом Октябрьской Революции В. Г. Коротких, В. И. Тарасова.

2 декабря — проведение первого слета изобретателей и рационализаторов.

6 декабря — присвоение заводу звания «Предприятие высокой культуры».

1980 год

25 июля — за период с 1958 по 1980 годы на заводе получили высшее образование 895 человек, среднее специальное — 1441 человек.

1981 год

30 октября — присуждение начальнику отдела 32 С. Н. Мединy звания лауреата Государственной премии.

7 ноября — присуждение токарю-расточнику В. Г. Ярославцеву звания лауреата Государственной премии.

1987 год

9 февраля — умер Потапов Александр Георгиевич, директор Приборостроительного завода.

30 июля — подписание последнего Указа о награждении орденами и медалями работников завода.

За период с 1956 по 1987 годы подписано 40 Указов Президи-

ума Верховного Совета СССР о награждении работников завода орденами и медалями. Всего награждено: 3 человека — Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, 22 человека — орденом Ленина, 21 — орденом Октябрьской Революции, 87 — орденом Трудового Красного Знамени, в том числе — К. А. Володин, Б. В. Горобец, В. Н. Силаев — дважды, А. Г. Потапов — трижды, 7 — орденом Дружбы народов, 143 — орденом "Знак Почета", 11 — орденом Трудовой Славы II степени, 73 — орденом Трудовой Славы III степени, 133 — медалью "За трудовую доблесть", 170 — медалью "За трудовое отличие", 1071 — юбилейной медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", 316 — медалью "За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", 3546 — медалью "Ветеран труда".

1990 год

17 июля — подписание последнего приказа директора о присвоении звания "Лауреат премии Приборостроительного завода".

Всего за период с 1975 по 1990 год звание "Лауреат премии Приборостроительного завода" получили 310 человек.

1993 год

1 октября — открытие городского историко-краеведческого музея (после реконструкции).

29 октября — подписание главой администрации города Н. А. Лубенцом постановления о переименовании города Златоуст-36 в город Трехгорный.

1994 год

25 июня — постановление о присвоении звания "Почетный гражданин города" работникам завода В. Т. Малыхину, В. Г. Коротких.

1995 год

9 мая — постановление о присвоении звания "Почетный гражданин города" работникам завода: Г. И. Климко, Н. П. Миронову, В. И. Барабошину, А. Д.Сотникову.

14 июля — вручение медали ордена "За заслуги перед Отечеством" II степени: Г. И. Климко, Г. Н. Попову, В. И. Барабошину, В. Н. Колганову, Н. П. Миронову.

1996 год

10 февраля — Указ Президента РФ о награждении 69 работников завода медалью "300 лет Российскому флоту".

1998 год

Начало работ по созданию горнолыжной базы и лыжного трамплина "Завьялиха".

7 декабря — приказ министра атомной энергии о награждении 310 работников завода нагрудным знаком "Ветеран атомной энергетики и промышленности".

1999 год

16 февраля — постановление городского Совета депутатов — датой основания города считать 9 апреля 1952 года (прибытие первых строителей).

ПРИБОРОСТРОИТЕЛИ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АНДРИЯШИН Е. К. (1930—1989). Образование высшее. На заводе с августа 1953 г.: техник 103 цеха, заместитель начальника 103 цеха, руководитель группы, заместитель и главный технолог завода. С октября 1978 года — главный инженер завода. Лауреат Государственной премии. Награды: орден Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Умер скоропостижно на профсоюзном собрании 27 января 1989 года.

АНТОНЕНКО И. Н. (1939). На заводе с 19 июля 1956 г. начальник термического участка инструментального цеха, первый мастер спорта в городе по лыжам.

АСТАПЕНКОВ В. Ф. (1937). Образование высшее. На заводе с 1960 г. С 1962 г. в отделе КИПиА техник-поверитель, начальник.

БАРАБОШИН В. И. (1919). Участник Великой Отечественной

войны. Участник строительства города и завода. На заводе с 1955 г.: инженер отдела 7, старший инженер. Награды: медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" II степени. Почетный гражданин города.

БЕЛЯЕВ Ю. Н. (1931—1996). Родился в г. Нязепетровске. Образование высшее. На заводе с 1954 г.: ЦИЛ, цех 105, 14, отдел 72, 6. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию в 1993 г.

БИРЮЛИН Д. Г. (1929). Образование 5 классов. На заводе с 1954 г.: тракторист, шофер, дорожный рабочий, слесарь-ремонтник. С весны 1952 г. в "Хозяйстве Володина". Личный шофер директора в 1954—1963 гг., водитель автобуса. Награды: медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», "За доблестный труд", "Ветеран труда". Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 10 февраля 1997 г.

БИСЯРИН В. Н. (1926—1965). Родился в г. Катав-Ивановске Челябинской области. На заводе с 1955 г.: токарь цеха 14. Награды: орден Ленина.

БЛИНОВ В. А. (1928). Образование высшее. На заводе с сентября 1953 г. — инженер-экономист цеха 101, с 25 октября 1989 г. — инженер бриза завода.

БУЛЫГИН А. Ф. (1917). Образование 7 классов. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 20 декабря 1952 г. шофер легковой автомашины. Награды: орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», благодарности. Уволен с завода 25 июля 1973 года.

БУРЛОВ В. А. (1926—1980). На заводе с 1954 г.: главный бухгалтер ЖКО, начальник машиносчетной станции бухгалтерии, заместитель главного бухгалтера, главный бухгалтер. Награды: медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», "За трудовое отличие".

БЫЧКОВ Б. А. (1928). Образование неполное среднее. На заводе с 1955 г.: слесарь цеха 106, 12, 26. Награды: орден "Знак Поче-

та", медали: "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», "Ветеран труда", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг." и другие. Почетный гражданин города.

ВАННИКОВ Б. Л. (1897—1962). Участник гражданской войны. Образование высшее. Директор машиностроительных и оружейных заводов: Люберецкого, Тульского, Пермского. Нарком оборонной промышленности, вооружения; нарком боеприпасов. Один из руководителей атомного штаба, возглавлял ПГУ, Научно-технический совет. Первый заместитель министра среднего машиностроения. Генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы. Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Сталинских премий.

ВАСИЛЬЕВ Д. Е. Участник строительства Омского танкового завода, один из руководителей на Уралмаше и Свердловске-45. Организатор и первый директор НИИ—1011.

ВИЛКОВ П. М. (1929). На заводе с 1955 г.: слесарь-сборщик специзделий, специалист высокого класса. Награды: орден "Знак Почета", медали "Ветеран труда", "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны", "50 лет Победы в Великой Отечественной войне". Уволен в связи с уходом на пенсию.

ВОЛКОВ В. Я. (1922). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1 сентября 1952 г.: заместитель начальника котельного цеха, начальник котельного цеха, главный инженер ОКСа. Награды: орден Красной Звезды, медали "За боевые заслуги", "За взятие Кенигсберга", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1954 гг.", "За трудовую доблесть". Уволен с завода 6 августа 1959 г.

ВОЛОДИН К. А. (1901—1968). Образование высшее. На заводе с 7 мая 1952 г. Директор. Награды: 2 ордена Ленина, ордена Красной Звезды и Красного Знамени (2), Трудового Красного Знамени (3), медали "За оборону Москвы", "За победу над Германией", "30 лет Советской Армии", "800 лет Москвы". Уволен в связи с уходом на пенсию 1 февраля 1963 г. Умер 12 августа 1968 г. в г. Подольске Московской области.

ВОЛОДИН В.К. (1938). Образование высшее. На заводе с сентября 1961 г.: мастер цеха 14, 12, начальник участка цеха 26, первый секретарь горкома ВЛКСМ, заместитель начальника цеха 12, первый секретарь горкома партии, заместитель начальника отдела 32,7. лауреат Государственной премии. Награды: орден "Знак Почета", медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина". Уволен с завода 19 декабря 1997 г.

ВЯТКИН Н. П. (1925). На заводе с 1954 г.: кочегар, старший кочегар, начальник смены в котельном цехе. Награда — орден Ленина. Уволен в связи с уходом на пенсию.

ВОРОЖЕЙКИН А. П. (1933). Образование высшее. На заводе со 2 сентября 1953 г.: мастер цеха 109, руководитель группы ОГТ, инженер отдела 42.

ГЛАДКОВ Б. Д. (1923). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1955 г.: заместитель начальника цеха, заместитель главного конструктора, начальник информационно-вычислительного центра, кандидат технических наук.

ГЛАДЫШЕВ М. В. (1914). Образование высшее. Инженер-технолог, участник Великой Отечественной войны. Кандидат технических наук. 45 лет в радиохимии. Директор радиохимического—плутониевого завода 235 (дублера Б) комбината «Маяк». Лауреат Ленинской премии, премии Совмина СССР, кавалер пяти орденов и десяти медалей. Автор воспоминаний «Плутоний для атомной бомбы».

ГЛУХМАН М. И. (1930). На заводе с 1957 г.: слесарь, бригадир комплексной бригады. Награды: ордена "Знак Почета", Октябрьской Революции, медали "Ветеран труда", "Юбилейная медаль". Депутат Челябинского областного Совета (четырех созывов).

ГОРБАЧЕВА П. Ф. (1903—1991). Образование среднее. На заводе с 18 июля 1953 г.: старший бухгалтер базы, руководитель группы, заместитель главного бухгалтера завода. Уволилась в связи с уходом на пенсию 24 июля 1961 г.

ГОРОБЕЦ Б. В. (1928). Образование высшее. На заводе с 21 ноября 1954 г.: начальник сборочного цеха 104, начальник производственно-диспетчерского отдела, главный инженер. Участник выпуска первой продукции. Награды: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени (2), Октябрьской Революции, "Знак Почета". Лауреат Государственной премии, кандидат технических наук.

ГРАЧЕВ В. И. (1933). Образование высшее. На заводе с 25 августа 1953 г.: техник по автогаражу, главный инженер гаража, начальник автохозяйства. Награды: медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда" и другие. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 31 декабря 1997 г. Почетный гражданин города.

ГРИГОРЬЕВ В. И. (1935). Образование среднетехническое. На заводе с 1958 г.: слесарь цеха 103, контрольный мастер цеха 106, старший контрольный мастер по обслуживанию цехов, заместитель начальника цеха 29, начальник цеха 29.

ГУСТОМЯСОВ А. М. (1933—1982). Образование среднетехническое. На заводе с 1954 г.: мастер цеха, начальник участка 101, старший мастер БТК, заместитель начальника, начальник цеха 11, начальник лаборатории НОТ и УП. Награды: бронзовая медаль главного комитета ВДНХ, знак "Победитель социалистического соревнования", медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина".

ДЕРЮШЕВ А. К. (1929). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: инженер отдела главного технолога, старший инженер ОГТ, руководитель группы по проектированию оснастки, начальник конструкторского бюро ОГТ, инженер-конструктор ОГТ. Награды: медали: "Ветеран труда", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", знак "Победитель социалистического соревнования". Уволен в связи с уходом на пенсию 1 ноября 1991 г.

ДОБРОСКОК Ф. И. (1926) Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1956 г.: контролер цеха 103, контрольный мастер, старший контрольный мастер БТК, стар-

ший инженер, диспетчер, начальник БТК, начальник производственного участка, зам. начальника цеха, начальник цеха 13. Лауреат Государственной премии. Награды: орден Ленина, медаль "За трудовое отличие", военные награды. Уволен с завода в 1990 г. в связи с уходом на пенсию.

ДОБРЫНИН Н. П. (1927). Образование высшее. На заводе с 1953 г.: заместитель начальника цеха, начальник цеха 105, первый секретарь ГК КПСС, заместитель директора завода по быту и социальным вопросам. Награды: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медали «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда».

ДОЛИНИН А. В. (1938). Родился в г. Бакале Челябинской области. Образование высшее. На заводе с 1 августа 1961 г.: мастер цеха 25, старший мастер, начальник ПДБ, зам. начальника цеха 25, начальник цеха 11, заместитель директора по общим вопросам, заместитель главного инженера по подготовке производства. С февраля 1987 г.— директор Приборостроительного завода, с мая 1992 г. — генеральный директор завода, лауреат Государственной премии.

ДОРОГОВ Г. И. (1927). На заводе с 1955 г.: руководитель группы ОКСа, начальник ремонтно-строительного цеха, начальник ОКСа.

ДРОЗДОВ Е. М. (1927). Образование высшее. На заводе с 4 августа 1953 г.: технолог цеха 11, старший инженер-технолог, заместитель главного технолога завода. Уволился с завода 13 августа 1969 г.

ДУДОЧКИН Е. К. (1940). Образование высшее. На заводе с 1960 г.: техник-конструктор отдела 72, мастер, старший контрольный мастер, заместитель начальника цеха 25, заместитель главного инженера завода по подготовке производства, главный инженер, начальник Шестого Главного управления Министерства атомной энергии РФ. Награды: орден «Знак Почета».

ДУЛЕСОВ В. П. (1937). Образование среднее. На заводе с 1954 г.:

слесарь-сборщик цеха 101,14. Лауреат Государственной премии. Награды: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени. Делегат XXVII съезда КПСС. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 2 января 1989 г.

ДУХОВ Н. Л. (1904—1964). Доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук СССР. Главный конструктор тяжелых танков ЧТЗ, главный инженер ЧТЗ, руководитель КБ оборонной промышленности. Один из создателей атомной и водородной бомб. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат пяти Государственных и Ленинских премий.

ДЬЯЧЕНКО В. М. (1936—1997). Образование высшее. На заводе с 1959 г.: инженер-технолог, начальник бюро службы главного технолога.

ЕГОРОВ А. В. (1926). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1962 г. Награды: ордена "Дружбы народов", "Отечественной войны", медали "За боевые заслуги", "За оборону Советского Заполярья", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг." и другие. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 31 декабря 1995 г. Почетный гражданин города.

ЕМЕЛЬЯНОВ В. С. (1901—1988). Образование высшее. Технический директор Челябинского ферросплавного завода. Председатель Всесоюзного Комитета стандартов. Один из руководителей Урановой проблемы, заместитель начальника Первого Главного управления. Член-корреспондент Академии наук СССР. Имеет научные труды по электрометаллургии, ферросплавам, атомной энергии. Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии.

ЖДАНОВ Е. В. (1938) Образование высшее. На заводе с 1961 г.: инженер-конструктор, начальник отдела СКБ.

ЖИХАРСКИЙ Н. Т. (1928—1999). Образование высшее. На заводе с 60-х годов: старший инженер-экономист цеха 14, заместитель председателя ОЗК профсоюза. Награды: 5 медалей. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию в январе 1988 г.

ЗАВЕНЯГИН А. П. (1901—1956). Образование высшее. Директор Днепродзержинского металлургического завода, Гипромеза в Ленинграде, заместитель начальника Главка металлургии в наркомтяжмаше, директор Магнитогорского металлургического комбината и его строительства, заместитель наркомтяжпрома, начальник строительства и директор Норильского горно-металлургического комбината, заместитель наркома и министра внутренних дел, ответственный за строительство оборонных объектов, заместитель и министр среднего машиностроения. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии.

ЗАБАБАХИН Е. И. (1917—1984). Образование высшее. Специалист по газодинамике, взрывам и ударным волнам. Испытатель ядерного оружия. Основатель снежинской школы экспериментирования по разработке ядерного оружия. Академик Академии наук СССР. Герой Социалистического Труда.

ЗЕРНОВ П. М. (1905—1964). Академик Академии наук СССР. Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат трех Государственных и Ленинской премий.

ЗИНОВЬЕВ Н. И. (1930). На заводе с 1956 г.: механик в механическом цехе, рационализатор, изобретатель, первый механик цеха 20. Доктор технических наук, автор 120 научных работ, монографий. Награды: 6 авторских свидетельств на изобретения, медали.

ЗИНЧЕНКО (БАБИЧ В. Г.) (1931). Образование среднетехническое. На заводе с 7 сентября 1953 г.: техник цеха 401, старший инженер ОГЭ. Уволена с завода в связи с уходом на пенсию 2 февраля 1987 г.

ЗИНЧЕНКО Ф. К. (1932). На заводе с 17 августа 1953 г., электромонтер цеха 415. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 22 сентября 1994 г.

ЗИНЧЕНКО А. Н. (1939). На заводе с 1961 г., слесарь-сборщик спецаппаратуры. Награды: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени.

ЗОРИН Л. А. (1937). На заводе с 1954 г.: слесарь-сборщик, инженер-технолог службы главного технолога. Участник выпуска первой продукции завода.

ЗУБЕНКО А. И. (1934). На заводе с 17 августа 1953 г.: электромонтер цеха 415, энергетик цеха 25. Уволился с завода в связи с уходом на пенсию 30 декабря 1994 г.

ЗЯБЛОВ Н. Т. (1935). Образование 7 классов, РУ. На заводе с 17 августа 1953 г., газосварщик цеха 106. Уволился с завода 24 декабря 1990 года.

ИПАТОВ С. А. (1957). Образование высшее. На заводе с 1979 г.: инженер-технолог службы главного технолога, начальник лаборатории, генеральный директор производственного объединения "Конверсия-П".

ИГНАТЬЕВ К. Е. (1909). На заводе с 1955 г.: заместитель начальника механического цеха, заместитель главного технолога, главный технолог, начальник лаборатории НОТ. Награда — орден Ленина. Уволен в связи с уходом на пенсию 1 июня 1969 г.

КАЗАНЦЕВ П. И. (1924—1991). Образование 7 классов. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с июня 1952 г.: агент-экспедитор, заведующий хозяйством, комендант управления, помощник начальника цеха 55 по хозяйственной части, завхоз цеха 14, оцинковщик-хромировщик цеха 14. Награды: орден Отечественной войны 1 степени, медали: "За отвагу" (3), "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За победу над Германией", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда", благодарности и почетные грамоты. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 12 мая 1985 г.

КАЛАШНИКОВА Т. Ф. (1923). Образование высшее. На заводе с 10 декабря 1953 г.: инженер-геодезист УКСа, начальник дорожного участка цеха 62. Уволена с завода в связи с уходом на пенсию 25 октября 1983 г.

КАЛЯБИН Д. Д. (1933). Образование высшее. На заводе с 1

сентября 1953 г.: техник УКСа, руководитель группы УКСа, заместитель председателя горисполкома города, заместитель начальника ОКСа, начальник отдела 93. Уволен с завода 16 мая 1988 г.

КАСЬЯН Б. Ф. (1934). Образование высшее. На заводе с 25 августа 1953 г.: мастер цеха 103, начальник лаборатории, заместитель начальника отдела, начальник участка отдела новой техники 78. Уволен с завода 12 марта 1974 г.

КЛИМКО Г. И. (1919—1998). Родился в с. Красноярска Челябинской области. Образование среднетехническое. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1953 г.: заместитель начальника отдела кадров. Награды: орден Отечественной войны II степени, медали "За взятие Кенигсберга", "За победу над Германией", "За трудовое отличие", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина", медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" и другие. Почетный гражданин города. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 4 апреля 1989 г.

КЛЮШИНА (ЧИКУНОВА) Т. В. (1930). Образование высшее. На заводе с 3 сентября 1953 г.: старший мастер цеха 415, начальник участка цеха 15, начальник лаборатории цеха 45, старший инженер, руководитель группы, ведущий специалист отдела главного энергетика завода. Уволена с завода в связи с уходом на пенсию 31 октября 1990 г.

КОГАН А. Г. (1926). Образование высшее. На заводе с 11 августа 1952 г.: инженер УКСа, старший инженер отдела, заместитель главного инженера управления строительства, начальник отдела, главный инженер управления строительства. Награды: медали "За трудовую доблесть", "За трудовое отличие", благодарности. Уволен 15 октября 1962 г. в связи с переездом в г. Пенза-19.

КОЗОЛУПЕНКО П. Н. (1934). Образование высшее. На заводе с 1960 г.: старший инженер-конструктор, начальник цеха 19, главный механик. Ударник 9-й и 11-й пятилеток. Награды: медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И.Ленина", "За трудовую доблесть".

КОМАРОВ В. С. (1927). Образование высшее. На заводе с 22 августа 1953 г.: начальник мастерской цеха 106, начальник цеха 109, заместитель начальника цеха 102, начальник цеха 26, начальник ОТК завода. Награды: орден "Знак Почета", медали "Ветеран труда,, "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина". Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 20 февраля 1989 г.

КОМАРОВСКИЙ А. Н. (1906—1973). Образование высшее. Нарком водного транспорта, заместитель наркома морского флота по строительству. Участник Великой Отечественной войны. Руководитель строительства Челябинского металлургического завода. Заместитель начальника Главпромстроя, министров внутренних дел и обороны по строительству. Под его руководством строились Арзамас-16, Челябинск-40, Шевченко, Обнинск, Дубна. Автор многих научных трудов по строительству, ядерным объектам, радиационной защите. Кавалер семи орденов Ленина, лауреат Государственной и Ленинской премий.

КОНДАКОВ И. С. (1918). Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1954 г.: старший мастер, старший инженер, нормировщик.

КОНОНОВ Е .В. (1931) Образование высшее. На заводе с 1955 г.: инженер-конструктор отдела главного технолога, старший инженер-конструктор, секретарь парткома, начальник 3 отдела СКБ, начальник отдела технического контроля, главный конструктор — начальник СКБ, заместитель генерального директора по качеству — начальник ОТК. Лауреат Государственной премии. Награды: орден Трудового Красного Знамени, медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "За трудовую доблесть", знак "Ударник 9-й пятилетки".

КОРНЕЧИХИН В. И. (1932) На заводе с 1963 г.: столяр ремонтно-строительного цеха. Награда — орден Мужества (1999 г.).

КОРПАЧЕВ А. Г. (1939). На заводе с 1957 г.: контролер, инженер военного представительства, руководитель авиамодельного кружка.

КОСТРИКОВ Ю. К. (1932). На заводе с 1954 г. — мастер в сборочном цехе. Участник выпуска первой продукции завода. Награды: знак "Ветеран атомной энергетики и промышленности".

КОПЫЛОВ В. М. (1926—1956). Образование высшее. На заводе с 28 октября 1952 г.: старший мастер литейного цеха, начальник цеха 102. Участник выпуска первой военной продукции. Награды: медаль «За трудовую доблесть», благодарности и премии.

КОРОТКИХ В. Г. (1937). Образование среднетехническое. На заводе с 1954 г.: токарь. Награды: ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда" и другие. Почетный гражданин города, делегат XXVI съезда КПСС.

КОЧЕТКОВ Е. В. (1937). На заводе с 1961 г.: инженер-технолог, руководитель научно-исследовательской лаборатории оптимальной технологии. Награды: орден "Знак Почета".

КРЕМЛЕВ А. Е. (1930). Образование высшее. На заводе с 1 августа 1953 г.: технолог цеха 101, ведущий инженер-конструктор СКБ. Кандидат технических наук.

КРИВОШЕЕВ И. А. (1940). Образование высшее. На заводе с 1963 г.: слесарь КИПиА, заместитель председателя ОЗК-71. Награды: ударник двух пятилеток, знак за активную работу в профсоюзе.

КУЗНЕЦОВА (ЗИМИНА) В. В. (1918). На заводе с 10 июня 1952 г. секретарь-машинистка. Награды: медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "30 лет Победы", "40 лет Победы", "Ветеран труда", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "50 лет Победы", благодарности. Уволена в связи с уходом на пенсию 10 июня 1973 г.

КУЗЬМИН И. С. (1931). Образование высшее. На заводе с 1955 г.: инженер КИПиА, инженер-технолог, начальник участка, начальник сборочной бригады, начальник отдела СКБ, начальник цеха 12, заместитель главного технолога завода. Награды: 3 медали,

нагрудные знаки, почетные грамоты. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию в 1994 г.

КУЗНЕЦОВ П. А. (1925—1987). Родом из г. Юрюзань Челябинской области. Образование высшее. На заводе с 1955 г.: инженер цеха 14, начальник цеха 109, заместитель начальника 104 цеха, заместитель главного технолога завода, заместитель главного инженера завода — главный технолог завода. Награды: ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медали: "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина", "Ветеран труда", Золотая медаль ВДНХ, знаки: ударника 10-й и 11-й пятилеток, "Победитель социалистического соревнования". Уволен в связи с уходом на пенсию по болезни 4 января 1987 г.

КУЗНЕЦОВ В.В. (1930). Родом из г. Юрюзань Челябинской области. Образование высшее. На заводе с 1953 г.: старший мастер цеха 102, старший технолог ОГТ, начальник бюро инструментального хозяйства, начальник технологического бюро цеха 11, руководитель группы ОГТ, заместитель начальника цеха 20, секретарь парткома завода, заместитель директора по кадрам, начальник бюро 46 по социальным вопросам. Награды: орден Октябрьской Революции, "Знак Почета", медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда". Уволен с завода в связи с выходом на пенсию 30 апреля 1994 г.

КУКОЛЕВА Т. А. (1932). Родилась в с. Елейнинск Челябинской области. Образование высшее. На заводе с 1954 г.: мастер цеха 115, инженер-технолог, начальник технического бюро цеха 11. Председатель цехкома, секретарь комсомольской организации.

КУРЧАТОВ И. В. (1903—1960). Родился в г. Симе Челябинской области. Образование высшее. Ученый-исследователь, специалист в изучении атома. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат четырех Сталинских премий, лауреат первой в стране Ленинской премии. Умер 7 февраля 1960 г. в Подмосковье. Похоронен у Кремлевской стены. Его именем назван полигон г. Семипалатинска, пос. Курской АЭС, химический элемент, район г. Челябинска, улицы городов. Памятники поставлены в Челябинске, Курчатове, Озерске, Симе, институте его имени в Москве.

КУРЧАТОВ Б. В. (1905—1972). Родился в г. Симе Челябинской области. Один из основателей отечественной радиохимии. Соавтор Курчатова И. В. (брата) по открытию сегнетоэлектричества, ядерной изометрии брома. Основные научные труды по атомной энергетике, химии искусственно-радиоактивных элементов, химии продуктов деления. Доктор химических наук, профессор, лауреат трех Государственных премий.

КУТУЗОВ Н. С. (1931—1980). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: мастер цеха 105, старший мастер ВП цеха 102, инженер-технолог цеха 201, начальник БТК цеха 21, 26. Награды: медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Знаки "Победитель социалистического соревнования". Уволен в 1979 г. в связи с инвалидностью.

ЛЕБЕДЕВ А. Д. (1930—1975). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: мастер цеха 201, начальник мастерской цеха 201, начальник БТК цеха 201, заместитель начальника цеха, начальник 21 цеха, заместитель главного инженера по 2-му производству. Награды: ордена "Знак Почета", Трудового Красного Знамени, медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда».

ЛОПАТКИНА Л. Ф. (1937). Образование среднеспециальное. На заводе с 1954 г. — токарь. Награды: юбилейная медаль, "Победитель социалистического соревнования" — 1973, 1974, 1976 гг.

ЛЯС В. Н. (1926). Образование высшее. На заводе с 13 октября 1952 г.: начальник электроцеха, заместитель начальника цеха 103, начальник цеха 54, инженер лаборатории ОГЭ, инженер-конструктор отдела 78. Уволен с завода в связи с выходом на пенсию 27 марта 1990 г.

МАЛАХОВ М. А. (1918). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. В Златоусте-36 с 1955 г. Награды: орден Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, медали "За боевые заслуги", "За оборону Севастополя", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг." и другие, 52 приказа с благодарностями.

МАЛЫХИН В. Т. (1928). Образование высшее. На заводе с 1953 г.: заместитель начальника цеха 106, начальник цеха 101, начальник производственно-диспетчерского отдела, заместитель директора по общим вопросам, заместитель директора по производству, директор завода по производству. Награды: 3 ордена Трудового Красного Знамени, 3 медали. Почетный гражданин г. Трехгорного.

МАЛЫШЕВ В. А. (1902—1957). Образование высшее. Конструктор, главный инженер, директор Коломенского локомотивного завода. Народный комиссар тяжелого машиностроения, танковой промышленности, заместитель председателя Совнаркома, нарком тяжелого машиностроения, судотранспортного, среднего машиностроения, заместитель председателя Совнаркома и Совета Министров СССР, заместитель председателя Госэкономкомиссии. Генерал-полковник инженерно-технической службы. Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии.

МЕДИН С. Н. (1937). Образование высшее. На заводе с 1960 г.: контрольный мастер цеха 21, начальник участка 18, заместитель начальника отдела 32, заместитель начальника ОТК, заместитель главного инженера по 2-му производству, начальник отдела 32. Лауреат Государственной премии. Награды: медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина", знак "Победитель социалистического соревнования", "Ударник 9-й пятилетки".

МЕЛЬНИКОВ А. М. (1934). Образование высшее. На заводе с 5 сентября 1953 г.: мастер цеха 106, технолог, начальник участка цеха 105, заместитель, начальник цеха 14. Награды: орден Трудового Красного Знамени, медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда".

МЕРКИН В. И. (1914). Главный технолог проекта объекта А — атомного реактора и получения плутония. Ведущий специалист по промышленным, энергетическим и транспортным реакторам. Доктор технических наук. Четырежды лауреат Государственной премии.

МЕСНЯНКИН П. Н. (1928). Образование высшее. Руководитель конструкторской группы в Арзамасе-16. На заводе с 1960 г. Главный конструктор специального конструкторского бюро.

МИРОШНИК Л. Т. (1935). Образование высшее. На заводе с 1965 г.: инженер-технолог по литью службы главного технолога. Организатор музея художественного литья. Уволена в связи с уходом на пенсию в 1995 г.

МОТОРНЫЙ И. Я. (1939).Образование высшее. На заводе с 1962 г.: инженер-технолог, секретарь горкома ВЛКСМ, заместитель начальника цеха, заместитель, главный технолог — заместитель главного инженера. Награды: орден "Знак Почета", медали.

МУЗРУКОВ Б. Г. (1904—1979). С 1947 г. в атомной промышленности. Директор комбината "Маяк", директор НИИ, генерал-майор инженерно-технической службы. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной и Ленинской премий.

МУРДАСОВ Г. В. (1928).Образование высшее. На заводе с 3 сентября 1953 г.: старший мастер цеха 516, заместитель главного энергетика, председатель ОЗК профсоюза, главный энергетик завода. Награды: орден "Знак Почета", медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда".

МУЖЖУХИН А. И. (1924—1986). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны, прокурор города, председатель горсовета, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии. На заводе с 1966 г.: старший инженер отдела кадров, руководитель группы. Награды: орден Отечественной войны II степени, медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», "Ветеран труда".

МЯКОТИН И. Г. (1924). Образование высшее. На заводе с 3 августа 1953 г.: механик автогаража, начальник автогаража. Уволен с завода 13 августа 1962 г.

НАГОВИЦИН А. Л. (1938). На заводе с 1954 г.: электромон-

тажник спецаппаратуры. Участник выпуска первой продукции 1955 г. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию.

НИКИТИН В. И. (1916). Образование высшее. На заводе с 9 мая 1952 г.: помощник директора завода по кадрам. Награды: орден "Знак Почета", медали: "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.". Уволен с завода 15 апреля 1960 г.

НИКОЛЯЙ Л. Г. (1931). Образование высшее. На заводе, в военном представительстве, с 1955 г. Служба в в/ч, районный инженер военного представительства. Уволен в запас в 1986 г. Награды — 2 ордена, 11 медалей.

НОСОВ А. М. (1924) Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1961 г.: ученик шлифовальщика, слесарь. Награды: ордена Отечественной войны I и II степени, медали. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 18 февраля 1993 г.

НОСКОВ Ю. А. (1941). На заводе с 1963 г.: инженер-технолог, начальник технического бюро механического цеха, заместитель главного технолога завода. Награды: медаль "За трудовое отличие", звание "Заслуженный технолог Российской Федерации".

ОНУЧИН В. П. (1939). На заводе с 1958 г. — слесарь-инструментальщик. Награды: орден Октябрьской Революции, знак "Ветеран атомной энергетики и промышленности".

ОСИПОВ В. П. (1928). Образование высшее. На заводе с 1958 г.: начальник отдела, заместитель главного конструктора. Награды: орден "Знак Почета", две медали.

ОШКУКОВ Г. Г. (1932). Образование высшее. На заводе с 1956 г.: электромонтажник, начальник участка, начальник цеха. Уволен в связи с уходом на пенсию 5 апреля 1988 г.

ПЕРВУХИН М. Г. (1904—1978).Образование высшее. Нарком электростанций и электропромышленности, заместитель председате-

ля Совнаркома СССР, нарком—министр химической промышленности, заместитель председателя Совмина СССР.

ПЕТУХОВ Л. А. (1920). Образование высшее. Директор завода, начальник Шестого Главного управления министерства, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии.

ПОЛТАВСКИЙ Н. Д. (1913—1985). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1953 г.: инженер отдела главного технолога, старший инженер ОГТ, инженер СКБ. Уволился с завода 7 января 1977 г. Награды за боевые заслуги.

ПОНОМАРЕВ В. Д. (1927). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: инженер-технолог, начальник прессового участка, заместитель начальника цеха, заместитель технического директора завода по технике безопасности, начальник отдела техники безопасности. Уволен в связи с уходом на пенсию 1 июня 1999 г.

ПОПОВ А. Д. (1945). Образование высшее. На заводе с 1968 г.: помощник мастера, мастер, старший мастер, начальник участка, заместитель начальника цеха, начальник цеха 25, начальник производственно-диспетчерского отдела, главный инженер завода, технический директор завода. Награды: орден "Знак Почета", премия Правительства РФ.

ПОПОВ Г. Н. (1919—1998). Образование среднетехническое. Инструктор ГК КПСС, инспектор отдела кадров завода. Участник Великой Отечественной войны. Награды: орден Красной Звезды, медали.

ПОРОХНЕНКО В. К. (1935). Образование среднетехническое. На заводе с 1955 г: техник отдела 6, мастер цеха 101, начальник производственно-диспетчерского бюро цеха 11, старший мастер цеха 12. Награды: медаль "Ветеран труда", знак "Ветеран атомной энергетики и промышленности". Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 31 декабря 1998 г.

ПОТАПОВ А. Г. (1915—1987). Образование высшее. С 1954 г. главный инженер Приборостроительного завода, с 1964 г. — ди-

ректор завода. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

ПРАХОВ А. Г. (1928—1988). Образование высшее. На заводе с 1958 г.: старший контрольный мастер, начальник БТК, начальник цеха 11, главный диспетчер отдела 6, секретарь парторганизации, депутат горсовета. Награды: медали "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина", "Ветеран труда" и другие.

ПРОСКУРИН В. Н. (1930—1988). Образование высшее. Родом из с. Полтавка Челябинской области. На заводе с 1953 г.: технолог, заместитель начальника цеха 105, начальник цеха 15, заместитель главного технолога, начальник бюро технической информации отдела 78. Награды: орден "Знак Почета", медали: "За трудовое отличие", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина".

ПУШКАРЕВ И. А. (1923). Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1957 г.: фрезеровщик цеха 101, Герой Социалистического труда. Награды: орден Красной Звезды, Отечественной войны, Славы III степени, 17 медалей. Почетный гражданин города. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 30 апреля 1991 г.

ПЯТИБРАТОВ А. Д. (1906—1983). На заводе с 1954 г.: начальник цеха 101, возглавлял объединенные цеха 103 и 125, 15, 25. Участник выпуска первой продукции. Награды: орден "Знак Почета". Уволен с завода в 1961 г.

РАЗИН И. С. (1915—1969). Образование высшее. На заводе с 11 августа 1952 г.: начальник отдела оборудования, начальник цеха 125. Награды: орден "Знак Почета", медаль "За трудовую доблесть". Уволен в связи с уходом на пенсию.

РОГОЖНИКОВ В. Г. (1932—1988). Образование среднетехническое. На заводе с 1 июня 1953 г. исполнял обязанности начальника базы, отдел снабжения завода. Награды: за боевые заслуги, орден Александра Невского. Уволен с завода 11 ноября 1983 г.

РУБЦОВ Ф. И. (1908—1984). Образование среднее. На заводе с 9 мая 1952 г. — главный бухгалтер. Уволен в связи с переездом 12 июля 1963 г.

РУБЦОВА Л. С. (1951). Родом из г. Златоуста Челябинской области. Журналист, главный редактор газеты "Спектр", ответственный редактор газеты "Телепорт".

РЫБНИКОВ А. Е. (1921—1997). На заводе с 1957 г.: слесарь механосборочных работ, бригадир слесарей. Награды: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, медаль "Ветеран труда" и другие.

РЯЗАНЦЕВ А. Д. (1906). Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 16 октября 1953 г.^ заместитель директора по режиму, начальник режимного отдела. Уволен с завода 7 июня 1960 г.

САННИКОВ И. К. (1933—1997). Образование среднетехническое. На заводе с 1 августа 1953 г.: мастер цеха 106, заместитель начальника цеха 408, начальник цеха 55, помощник начальника цеха 14. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 1 сентября 1993 г.

САХАРОВ В. К. (1932). Образование высшее. На заводе с 5 сентября 1953 г.: мастер цеха 104, инженер-технолог цеха 20. Уволился с завода в связи с уходом на пенсию 10 февраля 1994 г.

СЕРЕГИН С. П. (1921). Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1953 г.: слесарь центральной мастерской, слесарь-ремонтник котельного цеха. Награды: ордена и медали.

СЕРЕНКО П. М. (1939). На заводе с 1961 г.: электромонтер, инженер, ведущий инженер отдела охраны труда и техники безопасности. Награды: медали "Ветеран труда", "Ударник 11-й пятилетки", знак "Ветеран атомной энергетики и промышленности".

СИЛАЕВ В. Н. (1931). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: техник, контрольный мастер, начальник БТК, заместитель начальника цеха 103, начальник цехов 12, 26, 13, заместитель директора по общим вопросам. Награды: два ордена Трудового Красного Зна-

мени, медаль "За трудовое отличие", "За трудовую доблесть", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина". Уволен с завода в 1974 г. в связи с переводом на работу в г. Обнинск.

СЛЮСАРЕВ Н. И. (1913). Образование высшее. На заводе с 1956 г.: секретарь парткома завода, заместитель председателя горисполкома, начальник электроцеха. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию в 1973 г.

СОБОЛЕВ В. Ф. (1927). Образование высшее. На заводе с 1954 г. Участник выпуска первой продукции. Награды: медаль "За трудовую доблесть", "Ветеран труда" и другие.

СОТНИКОВ А. Д. (1929). На заводе с 1955 г.: слесарь-лекальщик. Герой Социалистического труда. Почетный гражданин города.

СТАРОСТИН Е. В. (1933). Образование высшее. На заводе с 22 августа 1953 г.: мастер цеха 105, инженер-диспетчер производственного отдела. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию 27 сентября 1994 г.

СУЛИМКО И. П. (1933—1993). Образование 8 классов, РУ. На заводе с 17 августа 1953 г.: слесарь цеха 41, 14. Уволен с завода 6 апреля 1987 г.

СУРВИЛЛО В. И. (1929). Образование высшее. Отдел главного энергетика, начальник лаборатории по внедрению прогрессивных методов работы, начальник цеха связи. Награды: медали, почетные грамоты.

СУХНЕВ Г. П. (1938). Образование высшее. На заводе с 1956 г.: мастер цеха 105, СГТ-72: техник-конструктор, старший техник-конструктор, инженер-конструктор, старший инженер-конструктор, руководитель группы, заместитель главного технолога по инструментальной подготовке. Награды: медали "За доблестный труд", "Ветеран труда".

ТАРАСОВ А. В. (1911). Образование высшее. На заводе с 28

октября 1952 г.: главный технолог. Участник подготовки пуска завода, выпуска первой военной продукции. Уволился с завода 27 февраля 1957 г.

ТАРАСОВ А. И. (1910—1974). Образование высшее. На заводе с 1955 г.: начальник цеха 504, секретарь парторганизации, начальник цеха 415, председатель завкома профсоюза, помощник директора завода по кадрам. Награды: орден "Знак Почета", медаль "За трудовое отличие".,За трудовую доблесть", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина". Уволен в связи с уходом на пенсию 20 декабря 1973 г.

ТАРАСОВ В. И. (1933). На заводе с 1957 г.: токарь механического цеха. Награды: орден Октябрьской Революции, "Знак Почета", медаль "За трудовое отличие" и другие.

ТЕЛЕГИНА Д. Г. (1934). На заводе с 1954 г.: мастер цеха 101, инженер электрохимической лаборатории отдела 58.

ТИХОМИРОВ А. М. (1930). Образование высшее, на заводе с 1960 г., начальник отдела СКБ.

ТОЛСТОВ С. Г. (1921—1982). Образование среднее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 30 июня 1952 г.: инспектор отдела 1, мастер котельного цеха, начальник базы, старший инженер группы отдела 86. Награды: за боевые заслуги, благодарности. Уволен с завода 1 августа 1979 г.

ТУТУШКИН А. Н. (1921—2000). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1958 г.: руководитель военно-сборочной бригады. Награды: орден Красной Звезды, медали "За боевые заслуги", "За воинскую доблесть", "За трудовую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина".

УМАНЕЦ Е. П. (1933). На заводе с 17 августа 1953 г.: слесарь цеха 516, механик мастерской СКБ. Уволен с завода в связи с уходом на пенсию в 1995 г.

УСОВ В. С. (1930). Образование высшее. На заводе с 14 августа

1953 г.: технолог цеха 101, заместитель начальника отдела по планированию. Уволен с завода 12 августа 1970 г. в связи с переводом в Москву.

УХАРЦЕВ В. И. (1938). Токарь механического цеха. Награды: ордена: "Знак Почета", Трудовой Славы П и Ш степени, Трудового Красного Знамени, медаль "Ветеран труда" и другие.

УХАРЦЕВА Е. Е. (1937). Образование среднее. Токарь цеха 11, заведующая сектором учета горкома комсомола, КИП, пирометрист цеха 15, старший техник-технолог ОГТ. Председатель объединенного совета ВОИР города. Награды: медаль "Ветеран труда" и по линии ВОИР.

ФОМИН В. Г. (1921—1997). Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1 сентября 1952 г.: инспектор отдела 1, 7, 74. Награды: ордена Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды, медали "За отвагу", "За оборону Сталинграда", "За победу в Великой Отечественной войне", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", 2 благодарности Главнокомандующего за успехи в боевых операциях на фронте. Почетный гражданин города.

ХАРИТОН Ю. Б. (1904). Академик Академии наук СССР. Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат трех Государственных и Ленинской премий.

ХЛОПИН В. Г. (1890—1950). Основатель научной отечественной радиохимии. Руководитель первого российского радиевого завода. Основные научные труды по химии и геохимии радиоактивных элементов. Академик. Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии.

ЦАРЕВСКИЙ М. М. (1898—1969). Руководитель строительств: Балахнинской бумажной фабрики, Нижегородского автозавода, Мончегорского медно-никелевого комбината. С 1947 г. — руководитель строительства комбината "Маяк". Герой Социалистического Труда.

ЧАЩИХИН Г. Ф. (1925—1986). Родом из Златоуста Челябин-

ской области. Образование среднетехническое. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 1957 г. — начальник гальваники цеха 101. Награды: орден Отечественной войны II степени, медали "За боевые заслуги", "За победу над Германией", "30 лет Советской Армии и флоту", "20 лет Победы".

ЧЕРНОВ В. П. (1910—1978). Образование высшее. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 7 июля 1953 г.: начальник ЖКО, начальник бриза. Награды: медали "За победу над Германией", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда". Уволен с завода 27 апреля 1976 г.

ШАМШУРИН В. А. (1938—1985). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: токарь механического цеха, заместитель главного технолога. Награды: орден Трудового Красного Знамени, знак "Ударник коммунистического труда".

ШАРНИНА И. Н. (1934). На заводе с 1954 г.: лаборант котельного цеха. Награды — медаль "За трудовое отличие".

ШАШКОВ А. М. (1935). Образование среднетехническое. Старший техник-технолог отдела главного технолога, начальник инструментального участка цеха 25.

ШИЛОВ А. В. (1926). Образование высшее. На заводе с 1957 г.: инженер-конструктор службы главного технолога, старший инженер-конструктор.

ШЛЫКОВ А. П. (1933). На заводе с 1954 г.: мастер, начальник планово-диспетчерского бюро, заместитель начальника цеха, начальник инструментального цеха. Награды: орден Трудового Красного Знамени, медаль "Ветеран труда", звание "Заслуженный машиностроитель Российской Федерации".

ШЛЫКОВ И. Ф. (1938). Родом из п. Василовка Челябинской области. Образование высшее. На заводе с 1955 г . Активный рационализатор. Инженер-технолог цеха 20.

ШМЕЛЕВ И. П. (1926—1989). Образование 7 классов. Участник Великой Отечественной войны. На заводе с 3 октября 1952 г.: экспедитор склада, кладовщик склада, инженер группы оборудования отдела снабжения. Награды: орден Красной Звезды, медали "За отвагу", "За победу над Германией", "За взятие Варшавы", "За взятие Берлина", "30 лет Советской Армии", "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина". Уволен с завода 16 декабря 1988 г.

ЩЕДРИН Л. П. (1936). Образование среднетехническое. На заводе с 1955 г.: мастер цеха 401, секретарь заводского комитета, ГК ВЛКСМ, механик цеха 41, заместитель секретаря парткома завода, начальник бриза.

ЩЕЛКИН К. И. (1911—1968). Участник Великой Отечественной войны. Руководитель испытаний первой атомной бомбы, научный руководитель НИИ. Член-корреспондент Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат четырех Государственных и Ленинских премий.

ЩУКИНА Т. А. (1937). Образование высшее. На заводе: цех 47, отдел 72, 78, бриз, инженер-экономист, ведущий экономист по планированию. Награды: медаль "Ветеран труда", знак "Ударник коммунистического труда", благодарности.

ЯКИМОВ А. Е. (1937). Образование высшее. На заводе с 1954 г.: слесарь-сборщик, бригадир, мастер цеха 21, старший мастер (начальник) сборочного участка, заместитель начальника отдела 7 по режиму, инженер контрольно-методической группы. Участник сборки первой ядерной бомбы "Татьяна". Награды: орден Трудового Красного Знамени, знак "Ветеран атомной энергетики и промышленности", несколько почетных знаков "Победитель социалистического соревнования".

ЯРОВЕНКО С. Ф. (1929). Образование высшее. На заводе с 16 августа 1952 г.: инженер отдела оборудования, механик котельного цеха, руководитель группы в СКБ. Первый секретарь комсомольской группы завода. Награды: медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", знаки "Побе-

дитель соревнования", благодарности, почетные грамоты. Уволен с завода 15 апреля 1986 г.

ЯРОВЕНКО А. Н. (1926—1996). Образование высшее. На заводе с 16 августа 1952 г.: инженер отдела оборудования, руководитель группы оборудования ОКСа завода. Награды: медаль "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина", "Ветеран труда", знаки "Победитель соревнования", благодарности и почетные грамоты. Уволена с завода 25 февраля 1984 г. Почетный гражданин города.

ЯРОСЛАВЦЕВ В. Е. (1933). На заводе с 1955 г.: контролер, расточник цеха 101. Лауреат Государственной премии. Награды: орден Ленина, медали, знаки. Почетный гражданин города, делегат XXIV съезда КПСС (1971 г.)

МИРНАЯ ПРОДУКЦИЯ ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА

Уменьшение оборонных заказов, освобождение производственных мощностей и работников завода позволяют с каждым годом наращивать выпуск мирной продукции. Современное оборудование, высокая технологическая дисциплина помогают выпускать изделия мирового класса, среди которых немало под знаком "ноу-хау", в своем роде уникальных. Продукция с маркой Приборостроительного пользуется спросом на рынке. Поступают заявки на совместные проекты, в том числе из-за рубежа.

Приборостроительный завод выпускает:

оборудование для предприятий атомной энергетики и индустрии;

оборудование для электростанций;

автомобильное оборудование, автоприцепы, запчасти;

медицинская техника;

оборудование для пищевой промышленности;

деревообрабатывающие станки;

товары народного потребления — обувь, столовые приборы, ванны и т. д.;

художественное литье;

храмовое убранство.

АППАРАТУРА КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АТОМНЫХ СТАНЦИЙ

Аппаратура контроля радиационной безопасности АКРБ-08 предназначена для использования на АЭС и других радиационно опасных объектах. В комплект аппаратуры входят измерительные каналы на базе устройств детектирования УДГБ-02Р, УДГБ-02Р1, информации УНО-17Р, УНО-17Р1, устройств сигнализации УСР, устройства управления УУМ-30Е, пульта резервного УХ-13Р. Комплекс аппаратуры контроля нейтронного потока АКНП-7. Аппаратуры защиты и управления реакторными установками.

ЭЛЕГАЗОВЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ ВГП 10-40/3200 УХЛ3

Назначение: элегазовый выключатель ВПГ 10-40/3200 УХЛ3 с электромеханическим (пружинным) приводом на напряжение 6 (10)

кВ, номинальный ток отключения 40 (31,5) кА, номинальный ток 3200 А (далее по тексту — выключатель) является выкатным элементом вводной или секционной ячейки комплектных распределительных устройств (КРУ) типа К-105, использующейся для приема и распределения электрической энергии трехфазного переменного тока частотой 50 и 60 Гц, напряжением 6 (10) к В для систем с изолированной нейтралью, состоящих из шкафов К-104М на электрических станциях, подстанциях и в электроустановках промышленных предприятий.

Одним из быстроразвивающихся направлений создания новых выключателей переменного тока высокого напряжения, отличающихся меньшими габаритами и отвечающих требованиям современной энергетики по коммутационной способности и надежности, являются выключатели с дугогасящей средой, более эффективной по сравнению со сжатым воздухом и маслом. Использование элегаза (8Р6 ТУ 6-02-1249-83) для этих целей обусловлено его высокими изоляционными и дугогасящими свойствами, а также его пожаробезопасностью. В частности, требованиями МАГАТЭ запрещено применение маломасленных выключателей на АЭС, а "Программой технического перевооружения и модернизации электротехнического оборудования АЭС" предусмотрено применение для собственных нужд АЭС только элегазовых выключателей с пружинным приводом.

СТАЦИОНАРНЫЕ ЗАКРЫТЫЕ СВИНЦОВО-КИСЛОТНЫЕ АККУМУЛЯТОРЫ

OPzS используются в системах телекоммуникаций, в сигнальных и контрольных системах, в устройствах бесперебойного питания с длительными периодами разряда. GroE используются на электростанциях, электрических подстанциях, на сигнальных и контрольных системах, на стартерных батареях для запуска дизель-генераторов. OGI/OGI bloc испльзуются в системах бесперебойного электроснабжения, энергообеспечения переключателей и запуска дизель-генераторов.

ПРИЦЕП АВТОМОБИЛЬНЫЙ И АВТОМОБИЛЬНЫЙ БАГАЖНИК

Прицеп предназначен для эксплуатации с легковыми автомобилями при перевозке различных грузов и для автотуризма.

Прицеп одноосный, со складным дышлом и съемным тентом.

Подвеска зависимая, пружинная с гидравлическими амортизаторами. Кузов со съемными передним и задним бортами. Возможна перевозка длинномерных грузов при снятых бортах и установленном удлинителе дышла. Прицеп можно хранить со сложенным дышлом в вертикальном положении, установленным на задний или боковой борт. Прицеп полностью соответствует международным требованиям к автомобильным прицепам.

НАСОС "ЭФФЕКТ-0,4"

Ножной насос с ресивером и монометром (ТУ 4591-023-01624755-99) используется для накачивания шин транспортных средств (в основном малотоннажных и легковых автомобилей, мотоциклов, мопедов), при этом обладает рядом преимуществ перед другими насосами с мускульным приводом. Применение встроенного цилиндра-ресивера в конструкции насоса не приводит к увеличению его габаритных размеров и веса при неизменной производительности. Значительное уменьшение максимального давления на выходе из насоса позволяет увеличить срок службы насоса, уменьшить величину прилагаемого мускульного усилия.

СТЕРИЛИЗАТОРЫ ГП-160, ГП-80

Стерилизатор суховоздушный предназначен для стерилизации хирургического, другого инструмента, термостойких шприцев и игл, различной медицинской посуды и объектов, теплостойких порошков, а также может быть использован для дезинфекции и сушки стеклянных, металлических изделий. Стерилизатор обеспечивает в автоматическом режиме поддержание требуемой температуры и времени, отключение от сети питания при перегреве и несоответствии параметров стерилизации.

Предусматривает световую и звуковую индикацию цикла работы. Позволяет визуально контролировать температуру и текущее время стерилизации на электронном табло.

НАСОСЫ ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ

Насосы предназначены для использования в различных отраслях пищевой промышленности для перекачивания молока, сыворотки, моющих растворов, соков, питьевой воды и других питьевых жидкостей, не содержащих абразивных частиц. Насосы типа ОНЦ-3 предназначены для работы в вакуум-выпарных установках.

СТАНОК ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЙ

Предназначен для обработки пиломатериалов в быту в условиях умеренного и холодного климата в закрытом помещении и на открытом воздухе. Продольная, поперечная и под углом распиловка древесины, изготовление при использовании соответствующего инструмента пазов, шпунта, выборка четверти, фрезерование, сверление, полирование — таковы возможности универсального бытового деревообрабатывающего станка.

Станок легко и быстро перестраивается с одного вида работы на другой. При этом прост, требует минимального обслуживания, безопасен в эксплуатации, соответствует требованиям ГОСТа по уровню шума и электробезопасности.

ХРАМОВОЕ УБРАНСТВО

Приборостроительный завод участвовал во Всероссийском конкурсе на выполнение работ по внутреннему убранству Храма Христа Спасителя и выиграл тендер. В настоящее время комплект ограждений балкона, придельных и малых хоров, состоящих из фигурных столбов, узорчатых решеток, канделябров-светильников, элементов оформления лестничных пролетов и площадок установлен в Храме Христа Спасителя.

Все фрагменты изготовлены из цветных металлов методом художественного литья и механической обработки с качеством, обеспечивающим нанесение покрытия золотом. Универсальность и уникальность данной конструкции позволяют производить оформление разнообразных внутренних интерьеров различных зданий, культовых сооружений, помещений представительского назначения, банков и офисов.

ЧТО ЧИТАТЬ О ТРЕХГОРНОМ. БИБЛИОГРАФИЯ

Ананьев М. А. Записки деда, 1993, 1996.

Город Трехгорный. Фотоальбом. Фото *А. Утробина, А. Мыльникова,* 1999.

Ветераны о войне и о себе. Составитель *Зудова В. Ф.*, 1997.

Родное Трехгорье. Составитель *Л. Г. Николяй*, 1996.

Исток. Литературный альманах. Составители *Ю. Н. Жилин, Л. Г. Николяй*, 1998.

Потапова Т. П. Предвестие. Стихи.

Тутушкин А. Н. Встреча с дьяволом цивилизации, 1993.

Щедрин Л. П. Слово о Приборостроительном. Книга 1, 2. — Трехгорный, 1995, 1998.

Щедрин Л. П. Вспомним те годы, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Моиссев. Атомная эра. Челябинский исток. Предисловие . . 3

Кузница ядерных боеприпасов. История завода 17
А. Долинин. Орденоносное предприятие 17
С. Яровенко. «С чего есть и пошел» завод 28
А. Коган. В буднях великих строек 32
В. Малыхин. Сорок трудных и радостных лет 53
Г. Климко. Кадры решают все 65
И. Шлыков. На голом месте 67
В. Фомин. Мы жили мечтой 69
Т. Куколева. Какое интересное было время! 71
Д. Телегина. Главное — завод 72
А. Дерюшев. Конструкторы от технологии 73
В. Комаров. От ядерной бомбы до боеголовок межконтинентальных ракет 82
В. Кузнецов. Государственные задания 91
А. Якимов. На сборке специзделий 95
В. Осипов. Рождение специального конструкторского бюро 101
Е. Жданов. Частица истории завода 105
А. Николяй. "Боевое крещение" военной приемки 107
А. Тутушкин. Полигоны 118
М. Малахов. Точная служба 128
И. Кузьмин. Испытание специзделий 131
В. Астапенков. Отдел измерений 139
А. Шилов. Инструментальщики 141
Н. Добрынин. Готовность "к утру" 143
В. Пономарев. Прессовщики 145
И. Кондаков. "Были люди в наше время..." 149
Л. Мирошник. Литейщики 152
В. Григорьев. "Гальваника на заводе одна..." 153
П. Козолупенко. "Врачи" заводской техники 160
Г. Дорогов. Ремонтники-строители 163
И. Кривошеев. В завкоме 163

"Обо мне скажут люди..." К. А. Володин 168
Л. Щедрин. Директор с большой буквы 168

Ю. Беляев. Герой труда 186
А. Коган. Володинское воспитание 193
А. Тутушкин. На испытаниях 199
Д. Бирюлин. Личный шофер директора 203
Слово о первом директоре 207

Славные имена
Ю. Беляев. Заметный след. Л. А. Петухов 217
В. Комаров. Доступный человек 219
Ю. Беляев. Директор-"долгожитель". А. Г. Потапов 220
А. Тихомиров. Добрая память 224
А. Тутушкин. На полигоне Капустин Яр 230
Ю. Беляев. Первый кавалер высшей награды. Б. В. Горобец 231
Ю. Беляев. Почетный гражданин города. В. Т. Малыхин 234
Ю. Беляев. Всегда в делах и заботах. С. В. Альбуков 237
Г. Таймасов. Начальник «Двадцатого». А. М. Гончаров 240
Ю. Беляев, Л. Щедрин. Общественник. Н. И. Слюсарев 241
Г. Таймасов. Талисман. М. И. Глухман 243
Г. Таймасов. Замкнутый треугольник. С. Башаров 246
Л. Рубцова. Свадьба в День Победы. С. П. Серегин 249

На рубеже веков и тысячелетий. Сегодняшний день, перспективы завода 250
Конверсия продолжается 251
М. Фонотов. Город среди гор 252
С. Ипатов. Хотим видеть Россию процветающей — "золотой" 257
М. Фонотов. Горнолыжный центр «Завьялиха» 260
Л. Мирошник. Каслинское литье с трехгорненской пропиской 263

Справочный отдел 265
Заводская летопись. Хроника 265
Приборостроители. Биографический словарь 271
Мирная продукция Приборостроительного завода 297
Что читать о Трехгорном. Библиография 301

Составитель Л. П. Щедрин

ЯДЕРНЫЙ ЩИТ РОДИНЫ. ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД, г. ТРЕХГОРНЫЙ

Редактор *А. П. Моисеев*
Художник *В. Г. Витлиф*
Корректор *В. И. Мельник*
Компьютерный набор и верстка *Т. В. Черепкова*

Лицензия ЛР № 010024 от 17.09.1996 г.
Лицензия ЛР № 040861 от 15.12.1997 г.

Подписано в печать 25.04.2000 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Ольга. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 20,68.
Усл.-печ. л. 17,67 + 1,86 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № 2236.

Южно-Уральское книжное издательство.
Южно-Уральский издательско-торговый дом.
454092, г. Челябинск, ул. Воровского, 36.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. Карла Маркса, 106.

УРАЛЬСКИЙ

СЕРИЯ

ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД ТРЕХГОРНЫЙ

Южно-Уральское книжное издательство

АРСЕНАЛ